

СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

<http://crimescience.ru>

2014. №1

ТЕМА НОМЕРА:
Трибуна юридического факультета
Казанского (Приволжского)
Федерального университета

- Библиотека
- Общая информация
- Монографии
- Курсы
- Учебники
- Комментарии
- Пособия
- Лекции
- Журналы
- Сборники статей
- Авторефераты
- Диссертации
- Буклеты
- Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»
- Библиотека кафедры криминологии и уголовного исполнительного права МГОУ имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
- Библиотека Союза Криминалистов и Криминологов

Монографии

Все категории

Все А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Щ Э Ю Я

А В С D E E G H I J K L M N O P Q R S T U V W X Y Z

По десятилетиям

См. Все

Концептуальные основы исполнения и ...

Психология ошибочных действий в ...

Использование экономико-правовых и ...

Использование дедуктивного метода ...

СКК рекомендует

См. Все

- Библиотека
- Общая информация
- Монографии
- Курсы
- Учебники
- Комментарии
- Пособия
- Лекции
- Журналы
- Сборники статей
- Авторефераты
- Диссертации
- Буклеты
- Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»

Буклеты

Все категории

Все А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Щ Э Ю Я

А В С D E E G H I J K L M N O P Q R S T U V W X Y Z

По десятилетиям

См. Все

Положение о научно-практических секциях ...

Положение о научно-практических секциях ...

О криминологии криминолога профессора В. Е. Зинькова

Положение о научно-практических ...

Библиотека Союза Криминалистов и Криминологов

Все категории

Все А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Щ Э Ю Я

А В С D E E G H I J K L M N O P Q R S T U V W X Y Z

По десятилетиям

См. Все

© Орлов В.Н.
© ООО «Российский криминологический взгляд»
© ООО «Криминологическая библиотека»

СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

2014. № 1 (3)

Издается с 2013 г.

Учредители:

Мацкевич И. М., Орлов В. Н.

Издатели:

Мацкевич И. М., Орлов В. Н.

Информация о журнале:

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

(Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-53307 от 29 марта 2013 г.

Редакция:

Главный редактор

Игорь Михайлович Мацкевич, президент Союза криминалистов и криминологов, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский

государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Заместители главного редактора:

Владимир Семенович Овчинский, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, советник министра МВД РФ, д.ю.н. (Россия, г. Москва)

Владимир Евгеньевич Эминов, вице-президент Союза криминалистов

и криминологов, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н., профессор, заслуженный юрист России, (Россия, г. Москва)

Редакционная коллегия:

Елена Александровна Антонян, помощник Президента Союза криминалистов и криминологов, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», к.ю.н., доцент (Россия, г. Москва)

Исахан Вейсал оглы Велиев, заведующий отделом уголовного права и уголовного процесса Института философии, социологии и права Национальной Академии наук Азербайджана, д.ю.н., профессор (Азербайджанская Республика, г. Баку)

Лидия Алексеевна Воскобитова, член Президиума Союза криминалистов и криминологов, заведующая кафедрой уголовно-процессуального права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н., профессор (Россия, г. Москва)

Олег Александрович Зайцев, проректор по научной работе НОУ ВПО «Московская академия экономики и права», заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ (Россия, г. Москва)

Евгений Петрович Ищенко, член Президиума Союза криминалистов и криминологов, заведующий кафедрой криминологии ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н., профессор (Россия, г. Москва)

Виктор Васильевич Лунеев, член Президиума Союза криминалистов и криминологов, главный научный сотрудник сектора уголовного права и криминологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки (ФГБУН) «Институт государства и права Российской академии наук», д.ю.н., профессор, лауреат Государственной премии России, член Экспертного совета Комитета по безопасности и Комиссии по борьбе с коррупцией Государственной Думы РФ (Россия, г. Москва)

Виталий Анатольевич Номоконов, член Президиума Союза криминалистов и криминологов, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГАОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет», директор Владивостокского Центра по изучению организованной преступности, д.ю.н., профессор (Россия, г. Владивосток)

Владислав Николаевич Орлов, ответственный секретарь Союза криминалистов и криминологов, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», к.ю.н., доцент (Россия, г. Москва)

Алексей Иванович Рарог, член Президиума Союза криминалистов и криминологов, заведующий кафедрой уголовного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н., профессор, заслуженный деятель

науки Российской Федерации
(Россия, г. Москва)
Елена Рафаиловна Россинская,
член Президиума Союза криминалистов
и криминологов, заведующая кафедрой
судебных экспертиз ФГБОУ ВПО «Московский
государственный юридический университет

Представители:

в Южном федеральном округе России:
Алексей Николаевич Ильиашенко,
член Президиума Союза криминалистов
и криминологов, заместитель начальника по

Ассистент журнала:

Николай Филиппович Бодров,
член Союза криминалистов и криминологов,

Переводчики:

на английский язык:
Елена Владимировна Гридякина,
директор Негосударственного образовательного
учреждения образовательного центра «Лингво
Профешнл» (Lingvo Professional), кандидат
педагогических наук (Россия, г. Ставрополь)

Художественное оформление:

Владимир Игоревич Романов (Россия, г. Москва)

Корректор:

Татьяна Алексеевна Перевозчикова
(Россия, г. Ставрополь)

Адрес:

121357, Россия, г. Москва, Кутузовский проспект, дом 65, кв. 9

Телефон:

8 (499) 244-85-62; 8-915-051-16-15

E-mail:

skk_vkk@mail.ru

Сайт:

<http://crimescience.ru>; <http://criminology.ru>

Союз криминалистов и криминологов: периодическое печатное издание, журнал. — 2014. — № 1.
М.: МГЮУ им. О.Е. Кутафина, 2014. — 200 с.

Публикуются работы в сфере наук криминального цикла и уголовной политики.

Подписано в печать 31.03.2014 г. Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная. 25,0 п. л. Тираж 1050.
Цена свободная.

© Мацкевич И. М.

© Орлов В. Н.

В оформлении обложки использована фотография Казанского (Приволжского) федерального университета

имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н., профессор
(Россия, г. Москва)
Уве Хелльманн,
заведующий кафедрой уголовного и экономического
уголовного права юридического факультета
Потсдамского университета, dr. iur. habil., профессор
(Германия, г. Потсдам)

научной работе ФГКОУ ВПО «Краснодарский
университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации», д.ю.н., профессор
(Россия, г. Краснодар)

эксперт АНО «СОДЭКС МГЮУ
имени О. Е. Кутафина» (Россия, г. Москва)

на немецкий язык:
Екатерина Сергеевна Серебрякова–Шибельбейн,
переводчик НОУ ОЦ «Лингво Профешнл»
(Lingvo Professional),
кандидат педагогических наук
(Россия, г. Ставрополь)

Компьютерная верстка:

Александр Николаевич Панов
(Россия, г. Москва)

Periodische Druckausgabe, Zeitschrift

KRIMINALISTEN- UND KRIMINOLOGENVERBAND

2014. Nr. 1 (3)
wird seit 2013 veröffentlicht

Gründer:

Mazkevitsch I.M., Orlov V.N.

Verleger:

Mazkevitsch I.M., Orlov V.N.

Zeitschriftinformationen:

die Zeitschrift ist im Föderalen Dienst für Aufsicht im Bereich der Kommunikation, Informationstechnologie und Massenkommunikation (Roskomnadsor) registriert.

Eintragungsbescheinigung der Massenmedien PI Nr. FS77-53307 vom 29. März 2013.

Redaktion:

Chefredakteur:

Igor Michailovitsch Mazkevitsch,
Präsident des Kriminalisten- und Kriminologenverbandes, Professor am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche

juristische O.E.Kutafin-Universität» (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation
(Russland, Moskau)

Stellvertreter des Chefredakteurs:

Wladimir Semenowitsch Owtshinskij,
stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologenverbandes, Ministerberater des Innenministeriums der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften (Russland, Moskau)
Wladimir Jevgenjewitsch Eminov,
stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologenverbandes, Leiter des Lehrstuhls für

Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E.Kutafin-Universität» (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Jurist der Russischen Föderation
(Russland, Moskau)

Redaktionskollegium:

Elena Aleksandrovna Antonjan,
Assistentin des Präsidenten des Kriminalisten- und Kriminologenverbandes, Dozentin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E.Kutafin-Universität» (Moskauer staatliche juristische Akademie), Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin (Russland, Moskau)
Isahan Veysal ogly Veliev,
Leiter der Abteilung für Strafrecht und Strafprozess des Instituts für Philosophie, Soziologie und Recht der Nationalen Akademie der Wissenschaften von Aserbaidschan, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Republik Aserbaidschan, Baku)
Lidija Alekssewna Voskobitova,
Vorstandsmitglied des Kriminalisten- und Kriminologenverbandes, Leiterin des Lehrstuhls für Strafprozeßrecht an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin-Universität» (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin (Russland, Moskau)
Saitsev Oleg Aleksandrovich,
Prorektor für Wissenschaft der nichtstaatlichen Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer Akademie für Wirtschaft und Recht», Verdienter Wirtschaftsarbeiter der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Arbeiter der Hochschulbildung der Russischen Föderation (Russland, Moskau)

Evgenij Petrovitsch Ischtschenko,
Vorstandsmitglied des Kriminalisten- und Kriminologenverbandes, Leiter des Lehrstuhls für Kriminalistik an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E.Kutafin-Universität» (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Russland, Moskau)
Viktor Vasiljewitsch Luneev,
Vorstandsmitglied des Kriminalisten- und Kriminologenverbandes, führender wissenschaftlicher Mitarbeiter des Sektors für Strafrecht und Kriminalistik an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für Wissenschaft «Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften», Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Preisträger des Staatspreises der Russischen Föderation, Mitglied des Experten Sachverständigenrates des Komitees für Sicherheit und der Kommission für Korruptionsbekämpfung der Staatsduma der Russischen Föderation (Russland, Moskau)
Vitalij Anatoljewitsch Nomokonov,
Vorstandsmitglied des Kriminalisten- und Kriminologenverbandes, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminalistik an der föderalen autonomen Staatsbildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Fernöstliche Föderale Universität», Direktor des Zentrums für Erforschung des organisierten Verbrechen, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Russland, Wladiwostok)

Vladislav Nikolaevitsch Orlov,
verantwortlicher Sekretär des Kriminalisten- und
Kriminologenverbandes, Dozent am Lehrstuhl für
Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der föderalen
staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung
für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche
juristische O.E.Kutafin-Universität» (Moskauer
staatliche juristische Akademie), Kandidat der
Rechtswissenschaften, Dozent
(Russland, Moskau)
Aleksej Ivanovitsch Rarog,
Vorstandsmitglied des Kriminalisten- und
Kriminologenverbandes, Leiter des Lehrstuhls
für Strafrecht an der föderalen staatlichen
haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche
Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische
O.E. Kutafin-Universität» (Moskauer staatliche juristische

Akademie), Doktor der Rechtswissenschaften, Professor,
Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation
(Russland, Moskau)
Elena Rafailovna Rossinskaja,
Vorstandsmitglied des Kriminalisten- und
Kriminologenverbandes, Leiterin des Lehrstuhls
für Gerichtsgutachten an der föderalen staatlichen
haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche
Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische
O.E.Kutafin-Universität» (Moskauer staatliche juristische
Akademie), Doktorin der Rechtswissenschaften,
Professorin (Russland, Moskau)
Uwe Hellmann,
Leiter des Lehrstuhls für Straf- und Wirtschaftsstrafrecht
an der Fakultät für Jura der Universität Potsdam,
Dr. iur. habil., Professor
(Deutschland, Potsdam)

Vertreter:

im Südlichen Föderationskreis Russlands:
Aleksej Nikolaevitsch Iljaschenko,
Vorstandsmitglied des Kriminalisten- und
Kriminologenverbandes, stellvertretender Leiter für
wissenschaftliche Arbeit an der föderalen staatlichen

fiskalischen Bildungseinrichtung für berufliche
Hochschulbildung «Krasnodar Universität des
Innenministeriums der Russischen Föderation», Doktor
der Rechtswissenschaften, Professor
(Russland, Krasnodar)

Assistenten der Zeitschrift:

Nikolaj Filipovitsch Bodrov,
Mitglied des Kriminalisten- und Kriminologenverbandes,
Experte der autonomen nicht gewinnorientierten

Organisation der Expertengemeinschaft der Moskauer
staatlichen juristischen O.E.Kutafin-Akademie»
(Russland, Moskau)

Übersetzer:

ins Englische:
Elena Wladimirowna Gridjakina,
Direktorin der nichtstaatlichen Bildungseinrichtung des
Bildungszentrums «Lingvo Professional», Kandidatin der
pädagogischen Wissenschaften (Russland, Stavropol)

ins Deutsche:
Ekaterina Michailowna Serebrjakova-Schiebelbein,
Übersetzerin der nichtstaatlichen Bildungseinrichtung des
Bildungszentrums «Lingvo Professional», Kandidatin der
pädagogischen Wissenschaften (Russland, Stavropol)

Künstlerische Gestaltung:

Wladimir Igorewitsch Romanov (Russland, Moskau)

Korrektorin:

Tatjana Alekseevna Perevostschikova
(Russland, Stavropol)

Computerkorrektur:

Aleksandr Nikolaevitsch Panov
(Russland, Moskau)

Adresse:

121357, Russland, Moskau, Kutusowskij Prospekt, Hausnummer 65, Wohnungsnummer 9

Telefon:

8(499)-244-85-62; 8-915-051-16-15

E-mail:

skk_vkk@mail.ru

Internetseite:

<http://crimescience.ru>; <http://criminology.ru>

Kriminalisten- und Kriminologenverband: periodische Druckausgabe, Zeitschrift. — 2014. — Nr. 1. — Moskau:
Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin-Akademie, 2014. — 200 Seiten.

Es werden Arbeiten auf dem Gebiet der kriminellen Funktion sowie Kriminalpolitik veröffentlicht.

Am 30.03.2014 in Druck gegeben, Format 60×90 1/8. Offsetdruckpapier. Druckliste 25,0. Auflage 1050 Exemplare.
Der Preis ist frei.

© Mazkevitsch I.M., Orlov V.N.

In der Gestaltung des Umschlages wurde das Foto der Kasaner föderalen universität

Periodical printed edition, bulletin

THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS

2014. № 1 (3).

Published since 2013.

Founders:

Matskevich I.M., Orlov V.N.

Publishers:

Matskevich I.M., Orlov V.N.

Information about the bulletin:

The bulletin is registered at the Federal Service on Communication, Informational Technologies and Mass

Media (Roscomnadzor). Registration Certificate of Mass Media PE No. FC77-53307 on March 29, 2013.

The Editorial Board of the Bulletin:

The editor-in-Chief

Igor Mikhailovich Matskevich,
President of the Union of Criminalists and
Criminologists, Professor of Criminology and Criminal
Executive Law Chair at FSBEI HPE "Moscow State

Juridical Institute by O.E. Kutafin (MSJA)", Doctor of
Law, Professor, Honored scientific worker of the Russian
Federation
(Moscow, Russia)

Executive Editor-in-Chief:

Vladimir Semenovich Ovchinsky,
Vice-President of the Union of Criminalists
and Criminologists, Council to the Minister of MIA RF,
Doctor of Law
(Moscow, Russia)

Vladimir Evgenievich Eminov,
Vice-President of the Union of Criminalists and
Criminologists, Head of the Chair of Criminology and
Criminal Executive Law of FSBEI HPE "Moscow State
Juridical Institute by O.E. Kutafin (MSJA)", Doctor of
Law, Professor, Honored jurist of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

The Editorial Board of the Bulletin:

Elena Aleksandrovna Antonyan,
Deputy to the President of the Union of Criminalists
and Criminologists, Associate Professor at the Chair
of Criminology and Criminal Executive Law of FSBEI
HPE "Moscow State Juridical Institute by O.E. Kutafin
(MSJA)", Candidate of Law, Associate Professor
(Moscow, Russia)
Isakhan Veysal ogly Veliev,
Head of Criminal Law and Criminal Procedure
Department of Institute of Philosophy, Sociology and
Law of the National Academy of Science of Azerbaijan,
Doctor of Law, Professor (Baku, Republic of Azerbaijan)
Lidia Alekseevna Voskobitova,
Member of the Presidium of the Union of Criminalists
and Criminologists, Head of Criminal Procedural Law
Chair of FSBEI HPE "Moscow State Juridical Institute
by O.E. Kutafin (MSJA)", Doctor of Law, Professor
(Moscow, Russia)
Zaytsev Oleg Aleksandrovich,
Pro-rector on Scientific Work at NSEI HPE "Moscow
Academy of Economics and Law", Honored scientific
worker of RF, Doctor of Law, Professor, Honored worker
of Professional Education of RF
(Moscow, Russia)
Evgeny Petrovich Ischenko,
Member of the Presidium of the Union of Criminalists
and Criminologists, Head of Criminal Investigation
Chair of FSBEI HPE "Moscow State Juridical Institute
by O.E. Kutafin (MSJA)", Doctor of Law, Professor
(Moscow, Russia)
Victor Vasilievich Luneev,
Member of the Presidium of the Union of Criminalists
and Criminologists, Senior scientific worker of Criminal

Law and Criminology Department of the Federal State
Budget Institution of Science (FSBIS) "Institute of
State and Law of Russian Academy of Science", Doctor
of Law, Professor, laureate of State award of Russia,
Member of the Expert Council of the Safety Committee
and Corruption Counteraction Committee of the State
Duma of RF
(Moscow, Russia)

Vitaly Anatolievich Nomokonov,
Member of the Presidium of the Union of Criminalists
and Criminologists, Professor at Criminal Law and
Criminology Chair of FSAEI HPE "Far-Eastern
Federal University", Director of Vladivostok Center
on Organized Criminality Studying, Doctor of Law,
Professor (Vladivostok, Russia)

Vladislav Nikolaevich Orlov,
Responsible secretary of the Union of Criminologists
and Criminalists, Associate Professor at the Chair of
Criminology and Criminal Executive Law of FSBEI
HPE "Moscow State Juridical Institute by O.E. Kutafin
(MSJA)", Candidate of Law, Associate Professor
(Moscow, Russia)

Aleksey Ivanovich Rarog,
Member of the Presidium of the Union of Criminalists
and Criminologists, Head of Criminal Law Chair
of FSBEI HPE "Moscow State Juridical Institute by
O.E. Kutafin (MSJA)", Doctor of Law, Professor
(Moscow, Russia)

Elena Rafailovna Rossinskaya,
Member of the Presidium of the Union
of Criminalists and Criminologists, Head of Judicial
Examination Chair of FSBEI HPE "Moscow State
Juridical Institute by O.E. Kutafin (MSJA)",

Doctor of Law, Professor
(Moscow, Russia)

Uwe Hellmann,
Head of Criminal and Economical
Criminal Law Chair of Law Department
of Potsdam University, PhD,
Professor (Potsdam, Germany)

Representatives:

In the Southern Federal Region of Russia:
Aleksey Nikolaevich Ilyashenko,
Member of the Presidium of the Union of Criminalists
and Criminologists, Deputy Chief on the Scientific Work

of FSBEI HPE “Krasnodar University of the Ministry of
Inner Affairs of the Russian Federation”, Doctor of Law,
Professor
(Krasnodar, Russia)

Assistants to the Bulletin:

Nikolay Filippovich Bobrov,
Member of the Presidium of the Union of Criminalists

and Criminologists, expert of ESD “SODEKS MSJU by
O.E.Kutafin” (Moscow, Russia)

Translators:

In English:
Elena Vladimirovna Gridyakina,
Director of the Non-State Educational Institution
Educational Centre “Lingvo Professional”, Candidate of
Pedagogies (Russia, Stavropol)

In German:
Ekaterina Sergeevna Serebryakova-Schibelbein,
translator at NSEI EC “Lingvo Professional”,
Candidate of Pedagogies
(Russia, Stavropol)

Decoration:

Vladimir Igorevich Romanov (Moscow, Russia)

Proof-Reader:

Tatyana Alekseevna Perevozchikova (Stavropol, Russia)

Desktop publishing:

Aleksandr Nikolaevich Panov,
(Moscow, Russia)

Address:

Appart. 9, Building 65, Kutuzov Avenue, Moscow, 121357, Russia

Telephone:

8(499)-244-85-62; 8-915-051-16-15

E-mail:

skk_vkk@mail.ru

Web-site: <http://crimescience.ru>; <http://criminology.ru>

The Union of Criminalists and Criminologists: periodical printed edition, bulletin. — 2014. — № 1. —
Moscow: MSJU by O.E. Kutafin, 2014. — 200 p.

Works in the sphere of criminal sciences and criminal politics are published.

Signed for press on 30.03.2014 г. Format 60×90 1/8. Offset paper. Бумага офсетная. Pr. Sheets 25,0.
Circulation 1050. Open price.

© Matskevich I.M.

© Orlov V.N.

In the cover design, a photo of the Kazan (Privolzhski) federal university is used

СОДЕРЖАНИЕ

ЮБИЛЕИ

Профессору, криминалисту-криминологу Владимиру Евгеньевичу Эминову — 80 лет! 13

Трибуна юридического факультета Казанского (Приволжского) Федерального университета

<i>И. А. Тарханов</i> Приветствие	17
<i>Н. И. Газетдинов</i> Кафедра уголовного процесса и криминалистики: история и современность	18
<i>Н. И. Газетдинов</i> Понятие и виды правоохранительной деятельности	24
<i>М. Е. Клюкова</i> Модели международных процедур экстрадиции при осуществлении уголовного преследования	29
<i>К. Д. Муратов</i> Особенности правового регулирования ВЫЕМКИ И формирования вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве (сравнительно-правовой аспект)	35
<i>Н. Г. Муратова</i> Исторические и современные традиции института реабилитации в уголовном судопроизводстве	40
<i>Р. Р. Рахматуллин</i> Реализация концепции ситуационного подхода в практике правоохранительных органов	45
<i>В. И. Романов</i> К вопросу о применении научно-технических средств в ходе освидетельствования	50
<i>Б. В. Сидоров, А. Г. Бабичев</i> Хулиганский мотив в составе квалифицированного убийства	53
<i>С. Ю. Якушин</i> Криминалистическая тактика: современные тенденции развития	61

Германское представительство СКК

<i>Мацкевич И. М., Орлов В. Н.</i> Зарубежное представительство «Союза криминалистов и криминологов» в Федеративной Республике Германия*	64
<i>Бирке Райнер</i> Уголовная ответственность предприятий и объединений: новый международный стандарт?*	70
<i>Рене Бёрнер</i> Подход к эффективности уголовного судопроизводства*	84
<i>Георг Кюнпер</i> Организованная преступность в основном и дополнительном уголовном праве*	88
<i>Вольфганг Митч, Аликс Жиро</i> Преступления против жизни в немецком, российском и французском уголовном праве*	93

СТЕНОГРАММА

<i>Мацкевич И. М.</i> Стенограмма IX заседания «Союза криминалистов и криминологов» по теме: «Качество уголовно-исполнительного закона» (24 января 2013 г., НОУ ВПО «Московская академия экономики и права» (г. Москва))	105
---	-----

Материал, не отмеченный в содержании, публикуется на русском языке; материал, отмеченный одной звездочкой, публикуется на двух языках: русском и немецком; материал, отмеченный двумя звездочками, публикуется на трех языках: русском, немецком и английском.

АВТОРЕФЕРАТЫ

В. С. Комиссаров

Уголовная ответственность за бандитизм: автореферат диссертации на соискание
ученой степени кандидата юридических наук / Комиссаров Владимир Сергеевич. — М., 1983**. 116

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

А. В. Михеев

Особенности досудебной подготовки материалов уголовного дела к судебному доказыванию 148

МОСКОВСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

В. А. Герасимова

Личность преступника за налоговые преступления 151

ПИСАТЕЛЬ–КРИМИНАЛИСТ–КРИМИНОЛОГ

С. А. Данилюк

Медведик (из теткиных баек) 154

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ** 164

**АННОТАЦИИ, КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА, ТИПЫ ПУБЛИКАЦИЙ И ПРИСТАТЕЙНЫЕ
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ**** 172

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редколлегия журнала, Н. Ф. Бодров

Порядок рецензирования статей и материалов в журнале** 195

Редколлегия журнала

Условия и требования к опубликованию в журнале** 198

INHALT

JUBILÄEN

Matskevich I.M., Orlov V.N.

Professor, Kriminalist-Kriminologe Vladimir Evgenievich Eminov ist 80 geworden! 13

TRIBÜNE DER FAKULTÄT FÜR JURA DER KASANER FÖDERALEN UNIVERSITÄT

Tarkhanov I.A.

Begrüßung 17

Gazetdinov N.I.

Lehrstuhl für Strafprozess und Kriminalistik: Geschichte und Gegenwart 18

Gazetdinov N.I.

Konzept und Arten von Strafverfolgung 24

Klyukova M. E.

Modelle der internationaler Auslieferungsverfahren bei der Umsetzung der Strafverfolgung 29

Muratov K. D.

Merkmale der rechtlichen Regulierung der Beschlagnahme und Bildung von Beweisgegenständen im Strafverfahren (rechtsvergleichende Aspekte). 35

Muratova N. G.

Historische und zeitgenössische Traditionen des Rehabilitationsinstituts im Strafverfahren 40

Rakhmatullin R. R.

Realisierung des Konzepts des Situationsansatzes in der Praxis der Strafverfolgungsbehörden 45

Romanov V. I.

Zur Frage der Anwendung von wissenschaftlichen und technischen Mitteln während der Begutachtung 50

Sidorov B. V., Babichev A. G.

Rawdyhaftes Motiv im Rahmen eines qualifizierten Mordes 53

Jakushin S. Yu.

Kriminalistische Taktik: moderne Tendenzen der Entwicklung 61

DEUTSCHE VERTRETUNG DES KRIMINALISTEN- UND KRIMINOLOGENVERBANDES

Matskevich I. M., Orlov V. N.

Ausländische Vertretung des „Kriminalisten- und Kriminologenverbandes“ in der Bundesrepublik Deutschland* 64

Birke Reiner.

Strafrechtliche Verantwortlichkeit der Unternehmen und Verbände: der neue internationale Standard?* 70

Börner Rene.

Verfahrensweise der Wirksamkeit der Strafjustiz* 84

Küpper Georg.

Organisiertes Verbrechen im primären und sekundären Strafrecht* 88

Mitsch Wolfgang.

Zhiro Alix. Verbrechen gegen das Leben im deutschen, französischen und russischen Strafrecht* 93

STENOGRAMM

Matskevich I. M.

Stenogramm der IX. Sitzung des „Kriminalisten- und Kriminologenverbandes“ zum Thema: „Qualität des Strafvollzugsrechts“ (24. Januar 2013, nichtstaatliche Bildungseinrichtung der beruflichen Hochschulbildung „Moskauer Akademie für Wirtschaft und Recht“ (Moskau)).. . . . 105

Die Materialien, die nicht im Inhalt stehen, sind in russischer Sprache veröffentlicht; die Materialien, die mit einer Fußnote gekennzeichnet sind, sind in zwei Sprachen Russisch und Deutsch veröffentlicht; die Materialien, die mit zwei Fußnoten gekennzeichnet sind, sind in drei Sprachen Russisch, Deutsch und Englisch veröffentlicht.

AUTORREFERATE

Komissarov V. S.

Strafrechtliche Verantwortlichkeit gegen Banditismus: Autorreferat einer Dissertation zur Erlangung eines akademischen Grades des Kandidaten der Rechtswissenschaften: 12.00.08 — Strafrecht und Kriminologie; Zwangsarbeitsrecht. – Moskau, 1983** 116

STRAFPROZESS

Mikheev A. V.

Merkmale der vorgerichtlichen Vorbereitung der Materialien des Straffalls zur gerichtlichen Beweisführung 148

MOSKAUER KRIMINOLOGISCHES KABINETT

Gerasimova V. A.

Persönlichkeit des Täters wegen Steuerstraftaten 151

SCHRIFTSTELLER-KRIMINALIST-KRIMINOLOGE

Danyluk S. A.

Medvedik (Fabel der Tante) 154

AN DIE AUTOREN** 164

ANNOTATION, SCHLÜSSELWÖRTER, PUBLIKATIONSTYPEN UND VERSTECKTE BIBLIOGRAPHIEN** 172

Die Zeitschriftredaktion, N.F. Bodrov

Die Vorgehensweise der Materialienrezension in der Zeitschrift «Kriminalisten- und Kriminologenverband»** 195

Die Zeitschriftredaktion

Bedingungen und Anforderungen zur Publikation der Materialien in der Zeitschrift «Kriminalisten- und Kriminologenverband»** 198

CONTENTS

JUBILEES

Matskevich I.M., Orlov V.N.

On the 80th Anniversary of Vladimir Evgenievich Eminov, Professor, Criminalist and Criminologist 13

TRIBUNE OF THE LAW DEPARTMENT OF KAZAN (PRIVOLZHSKI) FEDERAL UNIVERSITY

Tarkhanov I.A.

Greeting 17

Gazetdinov N.I.

The Criminal Legal Procedure and Criminal Science Chair: the History and Modern State 18

Gazetdinov N.I.

Notion and Types of Law Enforcement Activity 24

Klyukova M.E.

Models of International Procedures of Extradition within Criminal Prosecution 29

Muratov K.D.

Specific Features of Legal Regulations of Seizure and Gathering of Evidence
within the Criminal Legal Proceedings (Comparative Legal Aspect) 35

Muratova N.G.

Historical and Modern Traditions of the Concept of Rehabilitation
within the Criminal Legal Proceedings 40

Rakhmatulin R.R.

Realization of the Concept of the Situational Approach within the Practice of Law Enforcement Bodies 45

Romanov V.I.

On the Question on Application of Scientific Technical Means in Certification 50

Sodorov B.V., Babichev A.G.

Hooligan Motive within Classified Homicide 53

Yakushin S.Y.

Criminalistical Tactics: Modern Tendencies of Development 61

GERMAN REPRESENTATIVE MISSION IN THE STAVROPOL TERRITORY

Matskevich I.M., Orlov V.N.

Representative Office of “the Union of Criminalists and Criminologists”
Abroad in the Federative Republic of Germany* 64

Birke Rainer.

Criminal Responsibility of Enterprises and Legal Entities according to a New International Standard?* 70

Berner Rene.

Approach to the Effectiveness of the Criminal Legal Proceedings* 84

Cupper Georg.

Organized Criminality in Main and Additional Criminal Law* 88

Mitch Wolfgang, Jiro Alex.

Crimes against Life according to German, Russian and French Criminal Law*. 93

VERBATIM TRANSCRIPT

Matskevich I.M.

Verbatim Transcript of the 9th Meeting of “the Union of Criminalists and Criminologists”
on the topic, “Quality of the Criminal Executive Legislation” (January 24, 2013, HSEI HPE
“Moscow Academy of Economics and Law”, Moscow 105

The material, not marked in the Contents, is published in Russian; the material, marked by one asterisk, is published in two languages: Russian and German; the material, marked by two asterisk, is published in three languages: Russian, German and English.

ABSTRACTS

Komissarov V.S.

Criminal Responsibility for Banditry: Abstract to the Candidate of Law Thesis:
12.00.08 – the Criminal Law and Criminology; Correctional Working Law. – Moscow, 1983. 116

THE CRIMINAL LEGAL PROCEDURE

Mikheev A.V.

Specific Features of Pre-Judicial Preparation of Materials of the Criminal Case
for Establishment in the Court 148

MOSCOW CRIMINOLOGICAL STUDY

Gerasimova V.A.

Personality of a Tax Criminal 151

WRITER – CRIMINALIST – CRIMINOLOGIST

Danilyuk S.A.

Little Bear (Auntie’s Stories) 154

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 164**

**ANNOTATIONS, KEY WORDS, TYPES OF PUBLICATIONS
AND CLAUSE-BY-CLAUSE BIBLIOGRAPHY** 172**

AD NOTAM TO THE AUTHORS

The Editorial Board of the Bulletin, N.F. Bodrov

The Order of Reviewing the Materials in the Bulletin “The Union of Criminalists and Criminologists”*** . 195

The Editorial Board of the Bulletin

Conditions and Requirements for Publication of the Materials in the Bulletin
“The Union of Criminalists and Criminologists”*** 198

ЮБИЛЕИ

ПРОФЕССОРУ, КРИМИНАЛИСТУ–КРИМИНОЛОГУ ВЛАДИМИРУ ЕВГЕНЬЕВИЧУ ЭМИНОВУ — 80 ЛЕТ!

Владимир Евгеньевич Эминов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России, почетный работник высшего профессионального образования, почетный работник Прокуратуры Российской Федерации, государственный советник юстиции 3 класса, родился 22 февраля 1934 г. в г. Баку.

В 1950 г. переехал на постоянное место жительства в г. Москву, где в 1952 г. окончил среднюю школу (это был последний год раздельного обучения в СССР) и поступил в Московский химико-технологический институт (МХТИ) им. Менделеева.

Последняя вспышка культа личности не обошла семью стороной. Отец, Эминов Евгений Александрович, участник, инвалид Великой отечественной войны, узник фашистских концлагерей Освенцима, Доры, Бухенвальда; в 1952 г. был репрессирован, приговорен к высшей мере наказания, с заменой на 25 лет лишения свободы, срок отбывал в Воркуталаге. В 1956 г. был освобожден и полностью реабилитирован. В. Е. Эминов в память об отце издал его воспоминания (Эминов Е. А. «Смерть — не самое страшное». — М.: Пенаты, 2009). Учебу в институте пришлось оставить.

С 1955 по 1958 гг. служба в Советской армии. Сержант В. Е. Эминов проходил срочную службу в г. Спасске-Дальнем Приморского края, был избран освобожденным секретарем комитета комсомола воинской части. Как он вспоминает, за все три года службы печальных фактов «дедовщины» не наблюдалось.

С 1958–1963 — учеба во Всесоюзном юридическом заочном институте (ВЮЗИ), работа на закрытом (секретном) предприятии.

В июле 1963 г. произошло знаковое событие — приказом директора Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения

преступности профессора И. И. Карпеца, В. Е. Эминов был назначен научным сотрудником сектора криминалистической техники (заведующий сектором — профессор Н. А. Селиванов).

С этого момента началось отчисление незабываемого и счастливого периода научной и практической юридической деятельности в уникальных условиях, непосредственных контактов с выдающимися корифеями отечественной криминалистики: Г. И. Кочаров, И. А. Селиванов, А. А. Эйсман, А. И. Винберг, Р. С. Белкин; криминологии и уголовного права: И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцев, А. А. Герцензон, А. С. Шляпочников,

А. М. Яковлев, Б. С. Никифоров, Г. М. Миньковский, В. К. Звирбуль, А. Р. Ратинов, Н. Ф. Кузнецова, А. Б. Сахаров и др.

В 1965–1966 гг. работал в Прокуратуре г. Москвы в должности старшего следователя.

В 1968 г. в диссертационном совете ВНИИ Прокуратуры СССР защитил кандидатскую по теме: «Технические средства предупреждения хищений социалистического имущества» (научный руководитель — д. ю. н., профессор Н. А. Селиванов).

Наиболее памятным является также период с 1973 по 1978 гг., когда В. Е. Эминов, решением руководства Прокуратуры СССР и ВНИИ, был назначен руководителем проблемно-исследовательской группы по разработке первой отечественной методики расследования и предупреждения катастроф и аварий с самолетами большой пассажироместимости в гражданской авиации СССР. Результатом этой работы были учебные пособия, профилактические рекомендации и предложения, а также представление Генерального Прокурора СССР Р. А. Руденко в адрес могучего Министра гражданской авиации СССР Б. П. Бугаева «О грубейших нарушениях правил безопасности полетов и эксплуатации авиационной техники в гражданской авиации СССР». К сожалению, многие недостатки и просчеты, свойственные тому далекому прошлому, не только сохранились, но и существенно умножились в современной перестроечной России.

В 1980–1981 гг. — ведущий исследователь ВНИИ МВД СССР.

С 1981 г. В. Е. Эминов — доцент кафедры криминалистики Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ).

С 1982 по 1990 гг. — заместитель секретаря партийного бюро, председатель группы народного контроля ВЮЗИ. В 1987 г. в составе специальной комиссии участвовал в организации и проведении первых в системе Московских вузов выборов ректора,

где единогласно ректором ВЮЗИ был избран незабвенный Олег Емельянович Кутафин.

В 1988 г. по инициативе и поручению О. Е. Кутафина организовал и возглавил первую в то время самостоятельную кафедру криминологии и уголовно-исполнительного права.

В 1990 г. в диссертационном совете ВЮЗИ защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по теме: «Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с авиационными происшествиями».

В 1992 году В. Е. Эминову присвоено ученое звание «профессор по кафедре криминологии, психологии и исправительно-трудового права».

В 1996 г. по инициативе ректора О. Е. Кутафина и Генерального прокурора РФ Ю. И. Скуратова в МГЮА был создан Институт Прокуратуры, возглавить который было доверено профессору В. Е. Эминову (1996–2000 гг.). С этого момента директор Института и по положению старший помощник Генерального Прокурора РФ В. Е. Эминов был обязан оперативно предпринять все необходимые меры для организации и обеспечения надлежащей работы нового, нестандартного учебного подразделения Академии (подбор достойного помещения, учебные программы, особый порядок набора студентов и т. д.).

Институт Прокуратуры благополучно состоялся и продолжает свою деятельность, успешно пополняя кадры Генеральной Прокуратуры РФ.

В феврале 2013 г. кафедре криминологии и уголовно-исполнительного права исполнилось 25 лет, что было торжественно отмечено в Университете

им. О. Е. Кутафина (МГЮА). Навсегда осталось в памяти то время, когда на кафедре с 2001 по 2007 гг. трудился выдающийся корифей отечественной науки, вице-президент РАН, академик Владимир Николаевич Кудрявцев, что позволило преподавателям и студентам самым благоприятным образом ощутить и активно воспринимать все богатство лучших традиций научного и преподавательского потенциала.

Помимо преподавания профессор В. Е. Эминов с 1990 г. по настоящее время активно участвует в работе диссертационного совета Университета по специальности Д 212.12.301 (12.00.08 — Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право; 12.00.09 — Уголовный процесс; 12.00.12 — Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность).

1990–1997 гг. — ученый секретарь, с 1997 по 2000 гг. — председатель, с 2000 по 2003 гг. — заместитель председателя, с 2003 по настоящее время — председатель совета.

В рамках полезной общественно-правовой деятельности В. Е. Эминов с 1996 по 2002 гг. возглавлял Союз криминалистов и криминологов, который в 2010 г. был возрожден и возобновил свою деятельность. Президентом был избран профессор И. М. Мацкевич, а В. Е. Эминов — избран Вице-президентом СКК.

Многие годы В. Е. Эминов является членом Научно-консультационного совета Верховного Суда РФ и членом экспертного совета МВД РФ. Долгие годы был членом Научно-консультативного совета Генеральной Прокуратуры РФ.

В декабре 2013 г. имело место важнейшее событие в жизни В. Е. Эминова — исполнилось 45 лет счастливой супружеской жизни с обаятельной рижанкой Ренатой.

В семье В. Е. Эминова сестра Сабина, дочь Ольга, сын Евгений и четыре внуки — Александра, Светлана, Анна и Елизавета.

Владимир Евгеньевич глубоко и твердо убежден в том, что любимый ВЮЗИ, МГЮА, Университет имени дорогого и незабвенного Олега Емельяновича Кутафина есть и всегда будет незыблемым образцом российского юридического образования, а его коллектив навсегда сохранит и умножит самые лучшие традиции высокого профессионализма,

искреннего, доброго и плодотворного сотрудничества и самых благородных устремлений к благополучию и совершенствованию!

Научное наследие В. Е. Эминова весьма обширно. Он — автор и соавтор более 300 научных трудов по проблемам криминалистики, криминологии, уголовного права, уголовно-исполнительного права, юридической психологии.

Основные труды, подготовленные В. Е. Эминовым единолично и в соавторстве:

1. Технические средства предупреждения хищений социалистического имущества: монография. М., 1969.

2. Опознание по фотоснимкам, кинофильмам и рисункам на предварительном следствии: монография. М., 1973.

3. Использование при расследовании составных и рисованных портретов. М., 1974.

4. Технические средства предупреждения хищений в торговле: монография. М., 1974.

5. Расследование и предупреждение убийств, совершаемых с применением взрывчатых веществ. М., 1975.

6. Методические рекомендации по расследованию авиационных происшествий. М., 1977.

7. Расследование и предупреждение авиационных происшествий. М., 1977.

8. Учебно-следственное дело об авиационном происшествии. М., 1978.

9. Комплексное планирование профилактики правонарушений. М., 1979.

10. Общие вопросы борьбы с преступлениями, совершаемыми по неосторожности. М., 1979.

11. Криминалистика: учебник. М., 1984.
12. Прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании авиационных происшествий. М., 1985.
13. Криминалистика: учебник. М., 1988.
14. Криминалистика: учебник (на английском языке). М., 1989.
15. Предупреждение авиационных происшествий: монография. М., 1990.
16. Криминология: учебник / под ред. И. И. Карпеца и В. Е. Эминова. М., 1992.
17. Организованная преступность. Круглый стол. М., 1993.
18. Преступное насилие в армии: монография. М., 1994.
19. Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. М., 1995, 2000, 2004, 2006, 2010, 2012.
20. Психология преступника и расследование преступлений: монография. М., 1996.
21. Криминология. Основные понятия в схемах. М., 1997.
22. Преступность военнослужащих. Исторический, криминологический, социально-правовой анализ: монография. М., 1999.
23. Неосторожная преступность военнослужащих: монография. М., 2000.
24. Психология преступления и наказания: монография. М., 2000.
25. Коррупционная преступность и борьба с ней: монография. М., 2000.
26. Личность преступника: монография. СПб., 2004.
27. Борьба с коррупционной преступностью: монография. М., 2005.
28. Следственные действия: психология, тактика, технология: монография. М., 2006.
29. Причины преступности в России. Криминологический анализ: монография. М., 2006.
30. Концепция борьбы с организованной преступностью в России. М., 2007.
31. Постатейный учебный комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации: учебное пособие / под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. М., 2008; 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.
32. Личность преступника. Криминологическое исследование: монография. М., 2010, 2013.
33. Российское уголовно-исполнительное право: в 2-х т. Т. 1. Общая часть: учебник / под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. М., 2010.
34. Причины преступности в России. Криминологический и социально-психологический анализ: монография. М., 2011.
35. Российское уголовно-исполнительное право: в 2-х т. Т. 2. Особенная часть: учебник / под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. М., 2011.
36. Российский курс уголовно-исполнительного права: в 2-х т. Т. 1. Общая часть: учебник / под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. М., 2012.
37. Уголовно-исполнительное право России. Общая и Особенная части: учебник для бакалавров / под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. М., 2012; 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014.
38. Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2013.
39. Портреты преступников. Криминологический психологический анализ: монография. М., 2014.
40. Преступление и наказание. Криминологический психологический анализ: монография. М., 2014. (в печати).

Коллеги и ученики поздравляют Владимира Евгеньевича с 80-летием! Желаем ему крепкого здоровья, оставаться таким же энергичным, жизнерадостным, сохранять управленческие свойства, высокий профессионализм, преданность криминологии и криминалистике, радовать своим общением близких и коллег!

Коллектив кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
МГЮУ имени О. Е. Кутафина (МГЮА),

от имени Союза криминалистов и криминологов
И. М. Мацкевич,

от имени редакции журнала «Российский криминологический взгляд»
В. Н. Орлов

Трибуна юридического факультета Казанского (Приволжского) Федерального университета

Приветствие

Уважаемые коллеги!

От коллектива юридического факультета Казанского университета я рад приветствовать руководство региональной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов», ее членов — выдающихся российских ученых!

Возрождение нашего Союза в 2010 году является не только замечательным историческим событием, но и представляет собой пример доброй воли единомышленников, сочетание ученых и практиков, объединившихся на почве общности профессиональных интересов. Это придает нам дополнительную энергию при разработке основных начал социально-правовой политики, исследовании методологических, правовых, организационных, методических проблем противодействия преступности и иным правонарушениям на национальном и международном уровнях.

Казанская школа криминалистов и криминологов имеет славные научные традиции. Можно с уверенностью заявить, что действующие казанские криминалисты поддержат инициативы вновь созданного Союза и с энтузиазмом примут сильное участие в его деятельности.

Начальной точкой отсчета можно считать тесное сотрудничество с учрежденным в 2013 г. научно-практическим журналом «Союз криминалистов и криминологов», рассчитывая, что он станет информационным «рупором» Союза. В этом есть твердая уверенность, поскольку одним из соучредителей журнала является выдающийся ученый-криминолог и организатор юридического образования, имя которого известно далеко за пределами России, наш друг, профессор Игорь Михайлович Мацкевич.

Мы рассчитываем и будем весьма признательны редакции журнала, если в одном из его номеров будет, предположим, рубрика: «Трибуна юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета».

В качестве некоторого имущественного вклада в развитие журнала мы готовы оказать финансовую поддержку.

Творческих Вам успехов, самой квалифицированной научной аудитории и высокой цитируемости.

И. А. Тарханов,
декан юридического факультета КФУ,
заслуженный юрист Республики Татарстан, заслуженный юрист РФ,
член Высшей квалификационной коллегии судей Республики Татарстан,
«Юрист года» 2013 в номинации «Правовое просвещение»,
доктор юридических наук, профессор

КАФЕДРА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Н. И. Газетдинов,

кандидат юридических наук, доцент,

заслуженный юрист Республики Татарстан

(ФГАУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,

кафедра уголовного процесса и криминалистики, заведующий)

Кафедра уголовного процесса и криминалистики была создана в 1967 г. и первым ее заведующим стал доктор юридических наук, профессор Фидая Нургалеевич Фаткуллин. Он отличался склонностью к разносторонним исследованиям и большими организаторскими способностями. Юридической общественности России и стран

ближнего зарубежья широко известны такие его монографии, как «Возбуждение уголовного дела» (1961 г., в соавторстве), «Обвинение и изменение его в суде» (1963 г.), «Предварительное следствие» (1965 г., в соавторстве), «Изменение обвинения в советском уголовном процессе» (1971 г.), «Общие проблемы процессуального доказывания» (1976 г.).

В 1966 году его монография «Обвинение и судебный приговор» была удостоена первой премии на конкурсе научных работ преподавателей Казанского университета. Сформулированные в научных трудах Ф. Н. Фаткуллина понятия, выводы, рекомендации не потеряли своей актуальности и в наши дни.

За время руководства кафедрой им было подготовлено 12 кандидатов юридических наук, четверо из которых в дальнейшем защитили докторские диссертации (З. З. Зинатуллин, З. Д. Еникеев, М. Ф. Маликов, В. И. Куклин).

Ученики профессора Ф. Н. Фаткуллина трудятся ныне во многих высших юридических учебных заведениях и правоохранительных органах Татарстана и России. За заслуги в научной деятельности и подготовке юристов высшей квалификации Ф. Н. Фаткуллину было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Татарской АССР».

На кафедре уголовного процесса и криминалистики трудился один из основателей современной научной школы казанских юристов доктор юридических наук, профессор Александр Тихонович Бажанов. Он является автором и соавтором ряда крупных монографических работ: «Факультет, на котором учился Ленин (1970), «Государство и право Парижской Коммуны» (1971 г.), а также учебника для юридических вузов «Суд и правосудие в СССР» (1980 г.). Под научным руководством А. Т. Бажанова трое аспирантов защитили кандидатские диссертации. За заслуги в подготовке юристов высшей квалификации и в области укрепления законности А. Т. Бажанову в 1969 году было присвоено почетное звание «Заслуженный юрист РСФСР». Он награжден правительственными наградами — орденом «Трудового Красного Знамени» и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Костяк кафедры уголовного процесса и криминалистики в свое время составляли доценты А. Д. Семеньков, Я. С. Аврах, А. Н. Эртевциан, З. З. Зинатуллин, В. И. Куклин, К. К. Фахрутдинов и старший преподаватель Н. И. Панов.

Я. С. Аврах вел занятия со студентами не только по уголовному процессу, но и по судебной психологии. Среди его научных трудов наиболее значимыми следует считать следующие работы: монографию «Психологические проблемы защиты по уголовным делам» (1972 г.), «О некоторых вопросах участия общественности в уголовном

судопроизводстве» (1964 г.), «Обвинение и защита по уголовным делам» (в соавторстве с Ф. Н. Фаткуллиным и З. З. Зинатуллиным, 1976 г.). В монографии «Психологические проблемы защиты по уголовным делам» Я. С. Аврах раскрыл психологическое содержание деятельности защитника в уголовном процессе, дал её психологическую характеристику, а также проанализировал нравственные требования, предъявляемые к отдельным субъектам уголовного процесса, обстоятельно рассмотрел вопросы психологии взаимоотношений защитника с другими субъектами уголовно-процессуальной деятельности.

Известным ученым-процессуалистом на кафедре становится Зинур Зинатуллоевич Зинатуллин, создавший в Казани и других городах ряд интересных трудов по актуальным проблемам уголовного судопроизводства: «Возмещение материального ущерба в уголовном процессе» (1974 г.), «Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность» (1981 г.), «Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам» (1989 г.), «Уголовно-процессуальные функции» (1994 г.), «Уголовно-процессуальное доказывание. Концептуальные основы» (2002 г., в соавторстве) и другие.

Доцент Ашот Нерсесович Эртевциан преподавал криминалистику. За высокий профессионализм и человечность был уважаем и любим своими учениками. Им была опубликована монография «Первоначальные следственные действия по делам о приписках» (1966 г.). Учебное пособие «Упражнения по криминалистической технике» (1961 г.) переиздавалось в 1970 и 1974 гг. и вышло из печати общим тиражом 24 250 экземпляров. Оно не перестало быть актуальным и использовалось преподавателями-криминалистами кафедры на занятиях со студентами на протяжении более 30 лет. А. Н. Эртевциану был присущ дух поиска новых форм обучения, активизации самостоятельной работы студентов. По его инициативе ежегодно в студенческом общежитии КГУ проводилась викторина «Знаете ли вы криминалистику?». Это мероприятие вызывало у студентов огромный интерес.

Преподавал криминалистику и доцент Валентин Иванович Куклин. Им была опубликована работа «Неотложные следственные действия» (1967 г.). Специалистам хорошо известна монография еще одного криминалиста кафедры — доцента Кирама Киямовича Фахрутдинова «Расследование отдельных видов преступлений» (1974 г.),

в которой сформулированы методические рекомендации по наиболее эффективному раскрытию, расследованию и предупреждению хищений в системе общественного питания.

В течение 7-и лет (с 1975 по 1982 год) кафедру уголовного процесса и криминалистики возглавлял доктор юридических наук, профессор Виктор Павлович Малков. Большое внимание он уделял повышению научной квалификации молодых преподавателей, проведению ими занятий на высоком методическом уровне, оснащению кафедры научно-техническими средствами обучения. Обладая завидной работоспособностью и широким научным кругозором, В. П. Малков осуществлял руководство аспирантами и соискателями кафедры, выполнял большой объем работы по оппонированию, рецензированию диссертаций, учебных пособий и монографий. Из числа преподавателей кафедры он подготовил 7 кандидатов юридических наук. Многие его ученики — кандидаты юридических наук — работают преподавателями на кафедре уголовного процесса и криминалистики Казанского университета и в других юридических вузах России, странах ближнего и дальнего зарубежья. Под редакцией В. П. Малкова коллективом преподавателей кафедры уголовного процесса и криминалистики подготовлен и опубликован «Сборник образцов уголовно-процессуальных документов» (1980 г.). В. П. Малков являлся председателем специализированного совета по присуждению ученой степени кандидата юридических наук в Казанском университете.

В 1982 году заведующим кафедрой уголовного процесса и криминалистики становится кандидат юридических наук Идиат Халилович Хамидуллин, который до этого занимал должность Прокурора ТАССР. Научно-педагогическая деятельность И. Х. Хамидуллина складывалась успешно. Являясь известным общественным и государственным деятелем, участником Великой Отечественной войны, высококвалифицированным специалистом, обладающим большим жизненным опытом, незаурядными организаторскими способностями И. Х. Хамидуллин пользовался большой любовью, заслуженным уважением и авторитетом среди преподавателей и студентов юридического факультета. На высоком научно-методическом уровне он читал студентам лекции по прокурорскому надзору и спецкурсу «Общий надзор прокуратуры», руководил научной работой студентов,

возглавлял работу прокурорско-следственной лаборатории при прокуратуре Республики Татарстан и кафедре уголовного процесса и криминалистики. Он активно занимался воспитательной работой среди студентов, щедро делился своими знаниями с молодыми преподавателями, проводил занятия на курсах повышения квалификации прокуроров Республики Татарстан. И. Х. Хамидуллин являлся членом специализированного совета по присуждению ученой степени кандидата юридических наук в Казанском университете.

Научно-исследовательской работой И. Х. Хамидуллин начал заниматься практически одновременно с осуществлением должностных полномочий прокурора Республики Татарстан. После защиты кандидатской диссертации он издал монографию «Надзор прокурора за законностью при исполнении судебных приговоров» (1971 г.). Содержащиеся в ней научные положения и выводы представляют большой практический и теоретический интерес и в современных условиях. Его публикации (более 40) в центральных юридических журналах, региональных и местных сборниках были проникнуты идеями улучшения организации деятельности органов прокуратуры, повышения роли и эффективности прокурорского надзора за исполнением должностными лицами законов, усиления охраны прав и интересов граждан. И. Х. Хамидуллин соавтор 2 монографий, 4 учебных пособий и 6 учебно-методических разработок.

Около двадцати лет (с 1988 по 2007 год) кафедре уголовного процесса и криминалистики возглавлял кандидат юридических наук доцент Николай Васильевич Бахарев. Он обладал высоким профессионализмом ученого и педагога, был выдающимся спортсменом. Его отличали такие личные качества, как компетентность, эрудиция, соединенные с интеллигентностью, тактичностью, выдержкой и личной скромностью. Он считал себя учеником А. Н. Эртевциана в области криминалистики и воспринял от него многие инновационные методы и приемы преподавания криминалистики. Доцент Н. В. Бахарев автор и соавтор 4 монографий, среди которых выделяется его работа «Очная ставка» (1982 г.); им в соавторстве с преподавателями кафедры подготовлено 7 учебных пособий («Упражнения по криминалистической технике», «Тактика производства следственных действий» и др.), автор более 90 научных статей, рецензий и методических

пособий. Н. В. Бахарев был научным редактором ряда монографий, учебных пособий, сборников научных статей. Под его руководством защищены три кандидатские диссертации.

С 2007 года по 2013 год заведующим кафедрой являлась доктор юридических наук, профессор Надежда Георгиевна Муратова. Работает на кафедре с 1979 г. после работы в органах прокуратуры РТ в качестве следователя. Заслуженный юрист Республики Татарстан, доктор юридических наук, профессор Н. Г. Муратова преподает один из основных курсов кафедры — «Уголовно-процессуальное право», а так же многие спецкурсы, разработанные под ее руководством: «Обвинение и защита», «Процессуальные акты по уголовным делам» и др. За 10 лет после защиты докторской диссертации (2004 г.) ею были разработаны и сформулированы предложения по совершенствованию системы судебного контроля по уголовным делам, системы защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц, системы восстановления законных прав и интересов и возмещения вреда, причиненного преступлением; предложены модели взаимосвязи судебных процедур при международном сотрудничестве в сфере уголовного судопроизводства, предложен комплексный анализ решений Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда РФ в сфере уголовного судопроизводства; сформулированы предложения по совершенствованию межотраслевых связей уголовного процесса и гражданского права (совместно с проф. М. Ю. Чельшевым). Сформулирована и публично представлена (г. Москва, 2011 г.) Концепция уголовно-процессуального договора как одного из процессуальных механизмов защиты прав личности в уголовном судопроизводстве с момента начала уголовного преследования. Разработана научная позиция об эффективности следственных действий как необходимого условия применения европейского стандарта правосудия по уголовным делам на основе анализа решений ЕСПЧ (2014 г.). Разработана и научно обоснована процессуальная модель статуса юридического лица как «уголовно-наказуемого» в уголовном судопроизводстве: сравнительная модель (2014 г.)

Около тридцати лет на кафедре трудится доцент, Заслуженный юрист Республики Татарстан Наиль Исламович Газетдинов, с ноября 2013 г. он является заведующим кафедрой уголовного процесса и криминалистики.

Сфера его научных интересов: реализация принципов уголовного судопроизводства и совершенствование механизма защиты прав личности в уголовном судопроизводстве. Н. И. Газетдиновым опубликованы учебник «Правоохранительные органы» (2012 г.), пять монографий: «Деятельность следователя по возмещению материального ущерба», «Адвокатура и адвокатская деятельность в России: история и современность» (работа получила вторую премию на конкурсе научных работ преподавателей Казанского университета), «Реализация принципов уголовного судопроизводства» (2007 г.) и др. Н. И. Газетдинов опубликовал более 100 научных статей; под его руководством защищены 3 кандидатские диссертации.

В 2013 году силами преподавателей кафедры подготовлена и введена в действие магистерская программа «Современная криминалистическая и экспертная деятельность»; готовятся методические материалы для открытия программы подготовки магистров «Уголовное судопроизводство в России и за рубежом».

В состав кафедры с 1996 г. входит учебная криминалистическая лаборатория, которую возглавляет Ильдус Файзрахманович Сафин.

Учебная криминалистическая лаборатория при кафедре уголовного процесса и криминалистики создана в 1996 году и осуществляет свою деятельность, руководствуясь положением, утвержденным Ученым советом факультета. Деятельность лаборатории связана с обеспечением всех видов занятий по криминалистике и спецкурсам при помощи современных научно-технических средств, методических пособий и разработок.

Учебная криминалистическая лаборатория оснащена всеми необходимыми современными научно-техническими средствами криминалистики. Имеются кабинеты криминалистической техники, тактики и методики; три комнаты с соответствующей обстановкой по криминалистической тактике и методике, полигон по трасологии, фотолаборатория, учебный зал судебных заседаний, мастерская. В учебных кабинетах установлены 35 ПК. В учебном процессе применяются компьютерные обучающие программы: «Фоторобот», «Следователь», «Убийство», «Рэкет», «Расследование изнасилований», «Маньяк», «Криминалистика», «Основы судебной фотографии, видео и звукозаписи», «Виртуальный осмотр места

происшествия», компьютерные тесты, учебные видеофильмы и др.

Кроме того, в лаборатории имеются следующие современные научно-технические средства: 1) тридцать следственных чемоданов; 2) десять микроскопов МБС-10, МБС-1 и видеокомплекс к ним; 3) микроскоп МСК-1; 4) четыре видеокамеры для микроскопов МБС-10, МБС-1, МСК-1; 5) экспертные приборы «Регула», DORS 1300, DO Cash Big — всего 11 штук; 6) четыре инфракрасных визуализатора и двадцать УФ-детекторов; 7) два дактилоскопических сканера «Папилон ДС-40» с программным обеспечением; 8) пятнадцать цифровых фото- и видеокамер; 9) пятнадцать диктофонов; 10) семь металлоискателей; 11) лабораторная цианокрилатная камера «ЦК-1»; 12) термощкаф с регулятором температуры для выявления следов и др. — Общая стоимость НТС 7,1 млн руб.

В учебном процессе по дисциплинам кафедры читаются проблемные и диалоговые лекции, широко используются деловые игры, телевидение,

мультимедийные средства, тестирование, макеты, следственные упражнения, архивные уголовные дела, заключения экспертиз и т. п.

Сотрудники учебной криминалистической лаборатории слева направо: лаборант А. Ф. Мухаметзянов, инженер Д. Л. Маликов, инженер 1 категории А. И. Хузиханова, заведующий лабораторией И. Ф. Сафин, лаборанты А. Ф. Мирсаев, Д. В. Кузьмин изучают экспертные приборы «Регула» и видеокомплекс к микроскопам

Кабинет криминалистической техники. В кабинете 11 компьютеров с программным обеспечением, витрины с оружием и приборами, ЖК-телевизор, стенды

Кабинет криминалистической тактики и методики. В кабинете 11 компьютеров, стенды, витрины с наглядными пособиями, ЖК-телевизор

Учебная фотолаборатория — 11 компьютеров, 2 дактилоскопических сканера «Папилон ДС-40», цифровые фото- и видеокамеры, диктофоны, ЖК-телевизор, витрины с фототехникой

Дактилоскопический сканер «Папилон ДС-40»

Комната для спецпрактикума — проходит учебный осмотр места происшествия

Микроскоп сравнения для криминалистических исследований МСК-1 предназначен для наблюдения и фотографирования в отраженном свете двух сравниваемых объектов, которые одновременно или раздельно видны в поле зрения

Сотрудники кафедры работают в общественных организациях, советах, комиссиях юридического факультета и университета, правоохранительных органов, выполняют воспитательную и просветительскую функции, ведут занятия на курсах повышения квалификации следователей, дознавателей, судей, адвокатов, помощников прокуроров Республики Татарстан.

Кафедральная тема НИР — «Процессуальные, криминалистические, прокурорско-надзорные средства обеспечения прав и свобод личности, эффективности уголовного судопроизводства» (№ государственной регистрации 01200404366).

В рамках этого научного направления 7 преподавателей кафедры работают над докторскими диссертациями, аспиранты и соискатели кафедры успешно защищают кандидатские диссертации.

Кафедра активно сотрудничает с юридическими вузами и правоохранительными органами РФ и РТ, регулярно проводит экспертизы и готовит заключения на проекты законов РФ и РТ. По результатам НИР в правоохранительные и законодательные органы преподаватели направляют информационные письма, докладные записки, методические рекомендации. Результаты исследований преподавателей кафедры используются в учебном процессе на юридическом факультете Казанского университета, в других юридических вузах, в правоохранительной деятельности и правотворчестве.

На кафедре функционируют несколько студенческих научных кружков (руководители: профессор Н. Г. Муратова; доценты В. И. Романов, Н. И. Газетдинов, С. Ю. Якушин, И. О. Антонов). Студенты выступают с научными сообщениями и в других юридических вузах РФ. Лучшие научные работы студентов публикуются в сборниках научных статей факультета.

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н. И. Газетдинов,

кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный юрист Республики Татарстан
(ФГАУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
кафедра уголовного процесса и криминалистики, заведующий)

В проекте Концепции правоохранительной политики в Российской Федерации, характеризуя современное состояние правоохранительной системы, авторы в числе недостатков существующей системы также отмечают отсутствие легального определения правоохранительной деятельности и правоохранительного органа, распространение коррупции внутри правоохранительной системы и отсутствие системы мер по борьбе с ней, сосредоточение антикоррупционной деятельности в руках служб собственной безопасности ведомств, которые по сути могут и часто выполняют роль инструмента борьбы с неугодными, незавершенность судебной и правовой реформы, несовершенство законодательной техники и еще ряд серьезных недостатков¹.

Для сущностной характеристики правоохранительной деятельности, безусловно, прежде всего необходимо определиться с понятием «правоохранительные органы» и определить круг органов, образующих правоохранительные органы Российской Федерации, поскольку понятие «правоохранительная деятельность» производно от данного понятия.

Также как и правоохранительная деятельность понятие правоохранительных органов в действующем законодательстве отсутствует², что в ко-

нечном итоге приводит к различным подходам в понимании данного понятия.

Значительно широкий перечень правоохранительных органов содержится в работе В. С. Авдонкина. Помимо таких классических правоохранительных органов как суды, прокуратура, адвокатура, ФСБ, МВД, в эту систему он включает органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность: Совет безопасности РФ, Службу внешней разведки РФ, Федеральную службу охраны РФ, нотариат, третейские суды, Федеральную службу исполнения наказаний, Федеральную службу судебных приставов РФ, Федеральную службу охраны РФ, Федеральную таможенную службу РФ и службу частной детективной и охранной деятельности³.

Относительно небольшой перечень в систему правоохранительных органов включают А. А. Шамардин и А. П. Гуськова, хотя отсутствует определение понятия правоохранительных органов, в работе на данное понятие они раскрывают и выделяют через призму правоохранительной деятельности четыре основных направления этой деятельности: правосудие; прокурорский надзор; предварительное расследование уголовных дел; оперативно-розыскную деятельность.

¹ См.: Концепция правоохранительной политики в Российской Федерации (проект) / под. ред. Малько А. В. Саратов, 2012. С. 6–8.

² Об отсутствии легального определения понятия правоохранительной деятельности и правоохранительного органа отмечают

также авторы проекта Концепции правоохранительной деятельности в РФ. См.: Там же. С. 6

³ См.: Авдонкин В. С. Правоохранительные органы: учебное пособие. М., 2010. — 288 с.

Соответственно в систему правоохранительных органов в работе включены суды, прокуратура, органы предварительного расследования, но все же и адвокатура⁴.

Традиционно, многие авторы в систему правоохранительных органов включают суды, прокуратуру, адвокатуру, органы предварительного расследования, министерство юстиции и нотариат. При этом прокуратура и органы предварительного расследования из данного перечня практически лишь ни у кого не вызывают сомнений относительно их принадлежности к правоохранительным органам.

Отдельные методы, которые адвокатуру не относят к правоохранительным органам мотивируют свои позиции тем, что адвокатура общественная, а не государственная организация, а правоохранительная деятельность — это государственная деятельность и она должна и может быть осуществлена только государственными органами.

Относительно того, что адвокатура как негосударственный орган не может выполнять государственную функцию охраны прав не имеет под собой никакой почвы, т. к. в соответствии с Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и об адвокатуре в РФ» на адвокатуру государством возложена обязанность выполнения правоохранительной функции, функции защиты прав и законных интересов граждан и организаций путем оказания различных видов юридической помощи, т. е. в данном случае государство делегирует адвокатуру свои полномочия.

Основным мотивом возражений относительно того, что суд не является правоохранительным органом авторы объясняют тем, что суд является органом независимой государственной власти.

Да, судебная власть является независимой от других ветвей государственной власти, но данное положение не может служить основанием для отрицания того, что на судебную систему возложено; она выполняет правоохранительную функцию и в этом нет никаких противоречий. Правосудие безусловно является основным направлением правоохранительной деятельности, в этом нет никакого сомнения. Точка зрения, согласно которой суд не является правоохранительным органом вызвано узкой трактовкой правоохранительной

деятельности, как деятельности связанной преимущественно с осуществлением функции уголовного преследования⁵.

Обязанность судов как органов государственной власти осуществлять защиту прав и законных интересов вытекает из Конституции РФ: признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства (ст. 2). В ст. 18 Конституции РФ также закреплено, что права и свободы человека и гражданина обеспечиваются правосудием, т. е. судами.

Многие авторы, совершенно справедливо, правоохранительную деятельность характеризуют как: деятельность, направленную на защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц; деятельность, которая осуществляется органами и должностными лицами на основе законов; деятельность, которая сопряжена с применением властных полномочий к правонарушителям.

С нашей точки зрения помимо вышеназванных направлений правоохранительной деятельности таковыми являются конституционный контроль, и деятельности адвокатуры по оказанию квалифицированной юридической помощи. При этом, мы полагаем, что оперативно-розыскная деятельность не образует самостоятельного направления правоохранительной деятельности, а охватывается предварительным расследованием преступлений⁶.

Необходимо иметь в виду, что деятельность конкретного органа является правоохранительной ни в силу того, что деятельность данного органа обладает вышеназванными признаками правоохранительной деятельности, потому он является правоохранительным органом. Наоборот, указанными признаками конкретный орган наделяется в силу закона, возлагающего на него задачу защиты прав и законных интересов субъектов правоотношений, для этого закон наделяет его определенными полномочиями. Поэтому, критерием определения того или иного органа как правоохранительного, является не его статус как государственного или общественного органа, а возложенная законом на конкретный орган задача охраны порядка и защиты прав и законных интересов граждан и организаций. Основная задача этого органа и вытекающее от-

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Там же. С. 6; См. Газетдинов Н. И. Правоохранительные органы: учебник для юридических высших учебных заведений. Казань: Издательство Казанского университета, 2012. С. 20.

⁴ См.: Шамардин А.А., Гуськова А.П. Правоохранительные органы: учебное пособие, Оренбург 2012. С. 7

сюда основное направление его деятельности по выполнению данной задачи — осуществляемая этим органом соответствующая правоохранительная функция.

Исходя из вышеизложенного можно полагать, что правоохранительными органами являются те органы и организации, для которых в соответствии с законом защита прав и законных интересов является основной, либо одной из основных задач этих органов.

При этом, на какие органы государство возлагает задачу охраны прав и законных интересов можно определить анализируя действующее законодательство. Прежде всего это Конституция Российской Федерации, закон «О прокуратуре РФ», закон «Об адвокатской деятельности и об адвокатуре в РФ», закон «О полиции» и т. д. уголовно-процессуальный, гражданско-процессуальный, арбитражный процессуальный кодексы Российской Федерации. Например, в ст. 6 УПК РФ закреплено: уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

В соответствии с действующим законодательством правоохранительной деятельностью, в широком смысле этого слова в той или иной степени занимаются все органы и организации. Такая задача стоит перед любым органом и организацией хотя бы по отношению к своему работнику в соответствии с трудовым законодательством, законом об образовании и другими законами, регулирующими отношения между администрацией и работником, либо учащимися. Но когда мы говорим о правоохранительных органах и правоохранительной деятельности, в прямом смысле этого слова, то речь идет о такой деятельности, которую данные органы осуществляют на профессиональной основе как основную форму своей деятельности; задача ее осуществления возложена на тот или иной конкретный орган государством в силу прямого предписания закона, и как правило, эти органы специально созданы для осуществления определенной правоохранительной деятельности: суды для защиты прав и законных интересов путем осуществления правосудия; прокуратура путем осуществления надзора за исполнением зако-

нов по основным направлениям прокурорского надзора и т. д. При этом разумеется, тот или иной правоохранительный орган помимо осуществления правоохранительной деятельности может выполнять и другие функции. Но, как справедливо отмечает С. Л. Лонь, чтобы соответствующий орган можно было отнести к числу правоохранительных, необходимо чтобы эта деятельность занимала значительное место в объеме его работы; и эта деятельность у него должна быть основной или иметь специальный закрепленный в законе процессуальный характер⁷. К примеру, для полиции одна из главных задач — это охрана общественного порядка (когда-то МВД называлась МООП), но в силу того, что на органы полиции возложена также задача расследования преступлений и это занимает большой удельный вес в ее деятельности, она безусловно, относится к числу правоохранительных органов. Расследованием преступлений в форме дознания могут заниматься и судебные приставы, но эта деятельность для них не является основной, в объеме работы этой службы она носит эпизодический характер, поэтому судебных приставов отнести к правоохранительным органам было бы неуместно.

Но федеральная служба судебных приставов должна быть отнесена к правоохранительным органам в силу того, что на ФССП помимо основной задачи обеспечения установленного порядка деятельности судов, закон возлагает еще одну основную задачу — исполнение судебных актов и актов других органов, подлежащих исполнению в соответствии с федеральным законом об исполнительном производстве (ст. 1 «О судебных приставах»).

Принятое судом любое решение в соответствии со ст. 6 Закона о судебной системе в РФ подлежит обязательному исполнению органами и должностными лицами органов исполнения судебных решений. В ст. ст. 45–46 Конституции РФ, государство гарантирует защиту прав и свобод человека и гражданина, обеспечивая гарантию судебной защиты, но насколько в реальной действительности исполняются принятые судом решения, судебная власть за этим контролем не осуществляет. В случаях, когда то или иное решение суда, направленное на защиту

⁷ См. Правоохранительные органы: учебник для высших учебных заведений / под. ред. В. П. Божьева. М., Юрайт, 2012. С. 24.

прав конкретного лица не исполняется, разве можно утверждать, что правосудие осуществлено, что функция осуществления судебной власти реализована? Разумеется нет. Пока решение суда реально не исполнено о выполнении возложенной на суды обязанности защиты прав считать выполненной также нельзя⁸.

И. Я. Фойницкий по этому поводу писал: «Суд должен быть силой, а для этого необходимо, чтобы в руках судебной власти сосредотачивались все мероприятия, обеспечивающие возможность судебного разбирательства и действительное осуществление судебных решений»⁹.

Но отождествлять эти два понятия нельзя, т. к. правоохранительную деятельность могут осуществлять не только правоохранительные органы, но и другие органы и организации. В то же время необходимо подчеркнуть, что правоохранительные органы, помимо осуществления правоохранительной функции, могут заниматься осуществлением и других функций, а также один и тот же вид правоохранительной деятельности может осуществляться несколькими правоохранительными органами.

Исходя из вышеизложенного представляется, что систему правоохранительных органов РФ образуют суды входящие в судебную систему РФ, прокуратура, адвокатура, органы предварительного расследования, федеральная служба судебных приставов.

Исходя из этого можно определить основные направления правоохранительной деятельности осуществления судебной власти: прокурорский надзор, предварительное расследование, исполнение судебных решений и актов других органов, оказание квалифицированной юридической помощи. Из перечисленных направлений правоохранительной деятельности дискуссию вызывает вопрос о сущности судебной власти.

По справедливому замечанию Л. А. Воскобитовой, во многих научных исследованиях, посвященных изучению судебной власти к определению понятия судебной власти имеются два подхода: определение её как совокупность судебных органов — судов; как деятельность судов по реализации предоставленных им законом полномо-

8 См. И. Я. Фойницкий. Курс уголовного судопроизводства: учебник. СПб., 1996. С. 189.

9 По результатам деятельности ФССП за 2013 год, исполнение судебных решений находящихся в исполнительном производстве составляет 41,4%.

чий¹⁰. Об этом же пишет Е. В. Бурдина¹¹. Имеется также точка зрения, согласно которой судебная власть — это не суд, не судебная система и даже не деятельность по отправлению правосудия, а принадлежащие судам право и возможность в особой процессуальной форме и особыми методами разрешать возникающие в обществе правовые конфликты¹². Отдельные авторы судебную власть отождествляет с правосудием¹³.

Достаточно обстоятельную характеристику понятию и признакам судебной власти дают А. А. Шамардин и А. П. Гуськова, по мнению которых, это деятельность судов по разрешению правовых конфликтов в обществе с использованием властных полномочий¹⁴.

Нам представляется, что для определения понятия и характеристики сущности судебной власти необходимо определить и анализировать организацию (построение) судебной власти и ее функции.

Мы полагаем, что сущность судебной власти определяется тремя элементами: судебные органы — суд; полномочия, которыми наделяет законодательная власть суды для реализации судебной власти; сама деятельность суда по осуществлению судебной власти, путем реализации своих полномочий в различных формах.

Лишь наличие всех этих трех элементов в содержании судебной власти дает основание утверждать о наличии судебной власти. Если не будет хотя бы одного из вышеназванных структурных элементов судебной власти, это будет означать отсутствие судебной власти в целом. На это указывает также И. Б. Михайловская: «...само по себе наличие судов, а также тех или иных правил разрешения возникающих в обществе конфликтов еще не свидетельствует о наличии феномена судебной власти»¹⁵.

Более того, для полноты и реальности судебной власти, мы полагаем необходимым наличие и четвертого элемента в содержании судебной

10 См.: Воскобитова Л. А. Сущностные характеристики судебной власти. Ставрополь, 2003. С. 67

11 См.: Бурдина Е. В. Судебная власть в Российской Федерации. Саранск, 2006. С. 49

12 См.: Лазарева В. А. Судебная защита в уголовном процессе Российской Федерации : проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 14

13 См.: Авдонкин В. С. Указ. раб. С. 16.

14 См.: Шамардин А. А., Гуськова А. П. Указ. раб. — С. 21–23.

15 См.: Судебная власть / под. ред. И. Л. Петрухина. М., 2003. С. 13.

власти — наличие полномочий судов по контролю за исполнением принятых ими решений.

В юридической литературе предметом дискуссии является также вопрос о формах реализации судебной власти.

Правоохранительная деятельность прокуратуры в соответствии с законом о прокуратуре в РФ осуществляется по основным направлениям прокурорского надзора, а адвокатура, в соответствии с законом об адвокатской деятельности и об адвокатуре в РФ (ст. 2), путем квалифицированной юридической помощи в различных формах.

Более сложным представляется определение такой формы осуществления правоохранительной деятельности как предварительное расследование преступлений.

Несомненно, эта деятельность обладает всеми признаками характерными для правоохранительной деятельности и направлена на защиту и восстановление нарушенных прав граждан и юридических лиц.

Следует заметить, если расследование преступлений в любой форме, любым органом, осуществляющим эту деятельность можно рассматривать как осуществление правоохранительной деятельности, то все органы, осу-

ществляющие эту деятельность, относить к правоохранительным органам будет неуместно, на это ранее нами было уже обращено внимание. Поэтому в перечне органов, которые, по нашему мнению, нужно относить к системе правоохранительных, отсутствует ряд органов, осуществляющих предварительное расследование.

Вместе с тем, Конституционные суды РФ, которые входят в единую судебную систему Российской Федерации и осуществляют судебную власть в форме конституционного контроля, по нашему мнению, правоохранительную деятельность, в нашем понимании, не осуществляют.

Отдельные авторы деятельность конституционных судов рассматривают как деятельность по осуществлению правосудия¹⁶.

Как выше уже было отмечено, правосудие, как основная форма реализации судебной власти и как основное направление правоохранительной деятельности направлено на защиту субъективных прав сторон судопроизводства, а в конституционном судопроизводстве стороны отсутствуют и нет ни гражданского, ни уголовного иска, т. е. отсутствует спор о праве. Поэтому деятельность конституционных (уголовных) судов осуществлением правосудия не является¹⁷.

16 См.: И. Б. Михайловская. Судебная власть в системе разделения властей // Судебная власть / под ред. И. Л. Петрухина. М.: ООО «ТК Велби», 2003. С. 24; А. А. Шамардин, А. П. Гуськова. Указ. соч. С. 7.

17 См.: Воскобитова Л. А. Указ. соч. С. 139.

МОДЕЛИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЦЕДУР ЭКСТРАДИЦИИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

М. Е. Клюкова,
кандидат юридических наук, доцент,
Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (ФГАУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», кафедра уголовного процесса и криминалистики, доцент)

Наступление организованной преступности и ее транснациональный характер определяют необходимость тесного взаимодействия государств по розыску, задержанию и выдаче преступников для уголовного преследования, а также исполнения приговора. Такое взаимодействие осуществляется на основе международных договоров или принципа взаимности. В настоящее время Российская Федерация имеет специальные двусторонние и многосторонние международные договоры, регламентирующие порядок выдачи с более чем 70 государствами. Вопросы, связанные с уголовным преследованием выданного лица, имеют особое значение для практики экстрадиции и связаны непосредственно с объемом уголовной репрессии, применяемой к экстрадированному лицу¹.

Экстрадиция (выдача) — это форма международного сотрудничества государств в борьбе с преступностью, заключающаяся в аресте и передаче одним государством другому (по запросу последнего) лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления (для судебного разбирательства), либо лиц, уже осужденных судебными органами этого другого государства (для

исполнения приговора)². В свете рассматриваемой проблемы особую значимость приобретает определение круга экстрадиционных преступлений. Международная практика выдачи преступников послужила основой для принятия государствами специальных законов о выдаче, которые, в частности, действуют в Бельгии, Финляндии, Франции и ряде других стран и которые обуславливают развитие собственного уголовно-процессуального законодательства с целью учета, закрепления и защиты в нем национальных приоритетов. Одной из новелл ныне действующего УПК РФ явилась глава 54, специально посвященная вопросам правового регулирования выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора. При этом следует иметь в виду, что выдача возможна только в случае совершения преступления, ставшего предметом запроса о выдаче.

В случаях, когда лицо привлекается к ответственности за преступление, которое явилось основанием для его выдачи, каких-либо трудностей не возникает. При этом уголовное преследование осуществляется в тех пределах, которые определены запросом об экстрадиции. Вместе с тем экстрадированным лицом могут быть совершены преступления, о которых не было известно во время его выдачи либо пре-

¹ См. более подробно: Клюкова М. Е. Проблемы процессуального механизма уголовного преследования при экстрадиции // Доклад на Международной научно-практической конференции «Международный правопорядок в современном мире и роль России в его укреплении» посвященной 90-летию со дня рождения и памяти Д. И. Фельдмана (Казань, 11–12 октября 2012 года). М., Статут. 2014.

² Материал из Википедии — свободной энциклопедии. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%EA%F1%F2%F0%E0%E4%E8%F6%E8%FF> (дата обращения: 25.03.2014).

ступление данным лицом было совершено после его выдачи. В связи с этим возникает вопрос о возможности привлечения лица к уголовной ответственности за преступление, которое не являлось основанием для выдачи со стороны запрашиваемого государства.

Одним из основных принципов экстрадиции является так называемое правило конкретности (специализации), выражающееся в том, что не допускается осуществление уголовного преследования за деяние, которое не было предусмотрено в запросе о выдаче. Выход за пределы экстрадиционного запроса возможен лишь при согласии выдавшей преступника Стороны. Не случайно принцип «специализации» получил соответствующее юридическое закрепление в многочисленных международных актах и договорах. Так, согласно ст. 14 Европейской Конвенции об экстрадиции (Страсбург, от 13 декабря 1957 г.), «лицо, которое было выдано, не подвергается уголовному преследованию, не может быть приговоренным или задержанным в целях исполнения приговора или постановления о задержании за любое преступление, совершенное до его передачи, кроме преступления, в связи с которым оно было выдано, и его личная свобода ни по каким иным причинам не ограничивается».

Конвенция о правовой помощи СНГ установила, что без согласия запрашиваемой Договаривающейся Стороны выданное лицо нельзя привлечь к уголовной ответственности за совершенное до его выдачи преступление, за которое оно не было выдано (ст. 80). Аналогичное правило предусмотрено и договором о выдаче между Российской Федерацией и Республикой Индией от 21 декабря 1998 года: «Без согласия запрашиваемой Стороны выданное лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности или подвергнуто наказанию в запрашивающей Стороне за совершение правонарушения иного, чем за которое оно было выдано, а также любого менее значительного правонарушения, раскрытого на основании доказательств, представленных в обоснование его выдачи» (ст. 11). Подобная практика характерна и для других стран.

В УПК РФ данное положение нашло закрепление в ст. 461, в соответствии с которой лицо, выданное иностранным государством, не может быть задержано, привлечено в качестве обвиняемого, осуждено без согласия государст-

ва, его выдавшего, а также передано третьему государству за преступление, не указанное в запросе о выдаче. Иными словами, следственные и судебные органы государства, запросившего выдачу лица, связаны тем объемом обвинения, которое служило основанием для экстрадиции. Поэтому, как представляется, уголовное преследование подлежит прекращению в части составов преступлений, которые были ему вменены после выдачи иностранным государством и при этом не были указаны в запросе, и если не было получено соответствующее согласие от властей государства, его выдавшего. Такой же правовой позиции придерживается и Верховный Суд РФ, который указал, что экстрадированный без согласия выдавшего его государства по общему правилу не может подвергаться уголовному преследованию по обвинению в том, что находится за рамками запроса о выдаче, и не тем государством, которое лицо выдало, а другим³. Иными словами, в сфере этих правоотношений также действует принцип недопустимости поворота к худшему, в силу которого обвинение, содержащееся в запросе, без согласия выдавшего государства не может быть изменено в отягчающую сторону. При необходимости такого изменения должны быть применены процессуальные меры к получению согласия государства, выдавшего обвиняемого (повторный запрос).

Назначение правила специализации заключается в защите выдаваемого лица, ограничении его преследования лишь тем деянием, которое позволило запрашиваемому государству принять положительное решение об экстрадиции. Таким образом, пределы уголовного преследования выданного лица определяются прежде всего лишь теми преступлениями, которые легли в основу экстрадиционного запроса.

Выход за пределы уголовного преследования, обозначенных запросом о выдаче, возможен в следующих случаях:

1) лицо, которое было выдано, может быть задержано, привлечено в качестве обвиняемого, осуждено, а также передано третьему государству за преступление, не указанное в запросе о выдаче, если Сторона, передавшая его, дает на это согласие;

³ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за II квартал 2005 г. Определение № 5-004-182 по делу Чижова // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 12. С. 9.

2) когда данное лицо, имея возможность покинуть территорию Стороны, которой оно было передано, не сделало этого в течение определенного времени после своего окончательного освобождения (согласно Конвенции о правовой помощи СНГ данный срок составляет 45 дней (ст. 80), по УПК РФ — 44 дня (п. 1 ч. 1 ст. 461));

3) если выданное лицо добровольно вернулось на территорию Стороны, которой было передано, после того, как покинуло ее;

4) если преступление совершено указанным лицом после его выдачи.

В соответствии с ч. 1 ст. 460 УПК РФ иностранному государству можно направить запрос о выдаче Российской Федерации лица для уголовного преследования на основании международного договора РФ с этим государством или письменного обязательства Генерального прокурора выдать в будущем на основе принципа взаимности этому государству лиц в соответствии с законодательством. При этом направление запроса о выдаче лица, находящегося на территории иностранного государства, осуществляется при наличии определенных условий.

1. Прежде всего деяние, в связи с которым направлен запрос о выдаче, должно быть уголовно наказуемым. Правонарушения, которые влекут за собой гражданскую или административную ответственность, не могут служить основанием экстрадиционного запроса.

2. Выдача возможна также, если за совершение деяния предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года или более тяжкое наказание.

3. И еще одним из условий направления данного запроса является приложение в виде копии постановления судьи об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу. Все необходимые материалы направляются в Генеральную Прокуратуру для решения вопроса о направлении в соответствующий компетентный орган иностранного государства запроса о выдаче лица, находящегося на территории данного государства.

При решении вопроса о выдаче лица, находящегося на территории РФ, необходимо соблюдать требования ч. 3 ст. 462 УПК РФ (относительно уголовного преследования), а именно:

1. Лица, выдача которых требуется, должны обвиняться в совершении преступления, уголовно наказуемого в соответствии с законодатель-

ством обоих государств. Речь идет об одном из основополагающих принципов экстрадиции — правиле двойной криминальности (ч. 1 ст. 2 Европейской Конвенции о выдаче 1957 г.). Оно соблюдается и в случаях, когда преступление, по поводу которого запрошена выдача, не относится законодательствами обоих государств к аналогичным категориям преступлений или когда оно не обозначается тождественным термином (названия преступлений не совпадают), либо отмечается различие его составных элементов, например, в диспозиции уголовно-правовой нормы указываются различные способы его совершения или иные квалифицирующие признаки (мотив, цель, форма соучастия и т. д.)⁴. Следовательно, при решении вопроса о выдаче требуется принимать во внимание всю совокупность действий или бездействия, приведенных запрашиваемым государством при характеристике преступления, за совершение которых запрошена экстрадиция. При этом экстрадиционное преступление будет отвечать требованию двойной криминальности, когда оно предусмотрено законодательством обоих государств как таковое, т.е. совпадает по смыслу диспозиции основной уголовно-правовой нормы с возможностью вариации отдельных его факультативных элементов. Так, согласно Договору между Российской Федерацией и Республикой Ангола о выдаче от 31 октября 2006 г. «различие в юридической терминологии не препятствует исполнению запроса о выдаче, если деяние, в связи с которым поступил запрос, является уголовным правонарушением по законодательству обеих сторон (ч. 5 ст. 4). В соответствии с Договором между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о выдаче от 26 июня 1995 года «при решении вопроса о выдаче и определении того, является ли какое-либо деяние преступлением по законодательству обеих договаривающихся Сторон, не имеет значения его юридическая квалификация и терминологическое обозначение» (ч. 3 ст. 2).

Пленум Верховного Суда в своем постановлении от 14 июня 2012 года № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей

4 Лукашук И. И., Наумов А. В. Выдача обвиняемых и осужденных в международном уголовном праве: учебно-практическое пособие. М.: Рос. Юрид. изд. дом, 1998. С. 58.

лиц для отбывания наказания» разъяснил, что несовпадение в описании отдельных признаков состава преступления, в совершении которого обвиняется лицо, либо в юридической квалификации деяния не является основанием для отказа в выдаче, поскольку оцениваться должны фактические обстоятельства имевшего место деяния и его наказуемость по законам обоих государств. При этом пояснил, что при определении того, является ли деяние наказуемым по уголовному закону РФ, следует учитывать положения статей 9 и 10 УК РФ.

В случае же, когда другая часть статьи УК РФ (иностранного государства) содержит описание фактически другого преступления, то, несмотря на тождественность статей двух государств, указанное правило соблюдено не будет. Данное мнение разделяется и рядом авторов⁵.

Судебная практика также идет таким путем. В решениях Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ неоднократно подчеркивалось, что статья 462 УПК РФ регламентирует исполнение запроса о выдаче лица, находящегося на территории России, и не содержит формулировку о таком соответствии уголовного закона иностранного государства уголовному закону России, а также требований о необходимости указывать квалифицирующие признаки преступления. Признаки того или иного преступления могут не совпадать. Важно, что конкретное преступление преследуется как в иностранном государстве, так и в России и наказывается лишением свободы на срок не менее одного года⁶.

2. Если уголовный закон предусматривает за совершение этих деяний наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года или более тяжкое наказание. Вместе с тем Стороны могут конкретизировать данное правило. Так, согласно Договору между Российской Федерацией и Республикой Ангола о выдаче от 31 октября 2006 г. «если запрос о выдаче включает несколько деяний, наказуемых в соответствии с законодательством обеих Сторон, но некоторые из них не отвечают условию, указанному в п. 1 настоящей статьи (т. е. предусмотренное за них наказание менее одного года или более мяг-

кое — авт.), запрашиваемая Сторона может по своему усмотрению осуществить выдачу также в связи с этим деянием» (п. 2). Представляется, что данное правило надлежит внести в соответствующую норму УПК РФ.

3. Иностранное государство, направившее запрос может гарантировать, что лицо, в отношении которого направлен запрос о выдаче, будет преследоваться только за преступление, которое указано в запросе, и после окончания судебного разбирательства и отбытия наказания сможет свободно покинуть территорию данного государства, а также не будет выслано, передано либо выдано третьему государству без согласия Российской Федерации.

Процедура выдачи лица для уголовного преследования предполагает решение вопроса о возможности избрания и применения в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу. Механизм избрания и применения меры пресечения зависит от следующих процессуальных ситуаций.

1. В случае, если от иностранного государства получен запрос о выдаче лица и при этом не представлено решение судебного органа об избрании в отношении данного лица меры пресечения в виде заключения под стражу, то в соответствии с ч. 1 ст. 466 УПК РФ прокурор в целях обеспечения возможности выдачи лица решает вопрос о необходимости избрания ему меры пресечения в соответствии с правилами, предусмотренными УПК РФ. По смыслу данной нормы должен применяться порядок избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в соответствии со ст. 108 УПК РФ. Следует отметить, что законодатель в данном случае не конкретизирует меру пресечения, предоставляя право прокурору при получении от иностранного государства запроса о выдаче при отсутствии решения судебного органа об избрании в отношении данного лица меры пресечения в виде заключения под стражу избрать **любую** меру пресечения в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом РФ. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» разъяснил, что при разрешении вопроса об избрании

⁵ Кубов Р. Х. Проблемы экстрадиции в государствах — участниках СНГ // Российский следователь. 2008. № 20. С. 38–39.

⁶ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 1 июля 2009 г. № 77-О09-12 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 1. С. 30.

(продлении) меры пресечения в виде заключения под стражу суду необходимо рассмотреть возможность избрания иной меры пресечения, которая должна быть достаточной для обеспечения возможной выдачи лица (п. 16). При этом он подчеркнул, что невозможность избрания (продления) в отношении лица иной меры пресечения следует обосновать в постановлении об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу либо в постановлении о продлении срока указанной меры пресечения (ч. 1 ст. 108 УПК РФ). При этом не могут служить основанием для избрания или продления в отношении лица меры пресечения в виде заключения под стражу такие, в частности, обстоятельства как: сложность уголовного дела, расследуемого в запрашивающем государстве; отсутствие сведений о наличии трудовой деятельности такого лица; длительная проверка законности и обоснованности выдачи; привлечение лица к административной ответственности; отсутствие оснований для отказа в выдаче; возможное обжалование решения о выдаче; длительное рассмотрение компетентными органами ходатайства о предоставлении лицу статуса беженца, временного или политического убежища; действие сроков давности привлечения к уголовной ответственности или исполнения приговора согласно законодательству РФ. Добровольная явка лица в правоохранительные органы Российской Федерации, наличие у него на иждивении в Российской Федерации семьи, несовершеннолетних детей, места постоянного пребывания в Российской Федерации, тяжелого заболевания могут позволить суду не избирать или не продлевать в отношении данного лица ранее избранную меру пресечения в виде заключения под стражу.

2. Если же к запросу о выдаче лица прилагается решение судебного органа иностранного государства о заключении лица под стражу, то прокурор согласно ч. 2 ст. 466 УПК РФ вправе избрать в отношении этого лица меру пресечения в виде домашнего ареста или заключения под стражу без подтверждения означенного решения судом РФ. Основанием для этого является принятое в установленном порядке компетентными органами зарубежного государства решение о заключении данного лица под стражу.

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, которые он дал в п. 18 По-

становления «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания», до получения запроса о выдаче мера пресечения, в том числе в виде заключения под стражу, может быть избрана судом только в случаях, непосредственно предусмотренных международным договором Российской Федерации. При рассмотрении ходатайства прокурора о заключении лица под стражу до получения запроса о выдаче суд должен убедиться в наличии: просьбы о временном задержании, отвечающей требованиям, которые определены в статье 16 Европейской конвенции о выдаче, если запрашивающее государство является участником указанного международного договора; ходатайства о взятии под стражу, которое содержит информацию, предусмотренную в статье 61 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 года, если запрашивающее государство является участником данного международного договора; поручения об осуществлении розыска, составленного согласно статье 61(1) Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, если запрашивающее государство является участником Протокола от 28 марта 1997 года к этой Конвенции; других документов, необходимых для заключения лица под стражу либо применения к нему иных мер пресечения до получения запроса о выдаче в соответствии с подлежащими применению международными договорами Российской Федерации. Представляется, что данные правила должны быть закреплены в нормах УПК РФ, посвященных экстрадиции.

В связи с вышесказанным статью 97 УПК РФ вполне логично дополнить следующим основанием для избрания меры пресечения: в целях обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица в порядке, предусмотренном ст. 466 УПК РФ (по запросу иностранного государства) (ч. 2). Помимо этого редакция данной нормы требует уточнения в виде указания, что данное право принадлежит именно прокурору, т. к. в ч. 1 ст. 97 УПК РФ среди субъектов, которые уполномочены избрать меру пресечения, он не назван. Данное новое полномочие прокурора также должно найти отражение в ч. 2 ст. 37

УПК РФ, закрепляющей правовой статус прокурора в досудебном производстве.

Статья 108 УПК РФ, в соответствии с которой мера пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого применяется по судебному решению, вынесенному в порядке предусмотренном УПК РФ, необходимо дополнить указанием на то, что лицо, подлежащее выдаче может быть заключено под стражу при наличии запроса о выдаче и решения судебного органа иностранного государства о заключении лица под стражу. Аналогичные изменения должна претерпеть ст. 107 УПК РФ, регламентирующая основания и порядок избрания меры пресечения в виде домашнего ареста.

Следует напомнить, что в соответствии с ч. 1 ст. 108 УПК РФ заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет. Одним же из условий выдачи лица, как рассматривалось выше, является совершение им деяний, за которые уголовный закон предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года или более тяжкое наказание. В связи с этим в ч. 1 ст. 108 УПК РФ представляется возможным среди исключительных ситуаций, позволяющих избрать меру пресечения в виде заключения под стражу при совершении преступления, за которое предусмотрено наказание и до двух лет лишения свободы, назвать случай выдачи лица по запросу иностранного государства.

Соответственно ст. 109 УПК РФ, регламентирующая сроки содержания под стражей, должна учитывать требования ст. 467 УПК РФ и дополнительно оговорить, что лицо, подлежащее выда-

чи в порядке, предусмотренном ст. 466 УПК РФ, в случае, если оно не будет принято иностранным государством, может быть освобождено из-под стражи в течение 15 суток, а по истечении 30 суток подлежит освобождению во всяком случае.

В настоящее время Российская Федерация обладает достаточным опытом по осуществлению выдачи. Так, по данным Генеральной прокуратуры РФ ею были приняты решения о выдаче компетентным органам иностранных государств в 2006 г. в отношении 1064 лиц, в 2007 г. — 1101 лица, а в 2008 г. — 1173 лиц, в 2009 г. — 1390 лиц, в 2010 г. — 1300 лиц, в 2011 г. — 1083 лиц, в 2012 г. — 1124 лиц. В 2006 г. Генпрокуратурой России в компетентные органы иностранных государств было направлено 423 запроса о выдаче лиц, в 2007 г. — 463, в 2008 г. — 517, в 2009 г. — 503, в 2010 г. — 492, в 2011 г. — 412, в 2012 г. — 439. В 2006 г. было удовлетворено 225 российских запросов о выдаче лиц, в 2007 г. — 283, в 2008 г. — 284, в 2009 — 289, в 2010 — 265, в 2011 — 213, в 2012 — 229⁷.

Тем не менее, процедура применения выдачи затруднена несовершенством соответствующего национального законодательства, проблемами реализации международных и национальных норм, которые требуют своего дальнейшего совершенствования. Представляется, что наиболее перспективными направлениями в этом плане могут быть следующие: 1) законодательное регулирование применения международных договоров России по вопросам оказания взаимной правовой помощи по уголовным делам; 2) определение правовых последствий судебных процедур экстрадиции; 3) проведение мониторинговых исследований по вопросам применения международных договоров при применении норм уголовно-процессуального права.

7 Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://www.genproc.gov.ru/ms/> (дата обращения: 25.03.2014).

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЫЕМКИ И ФОРМИРОВАНИЯ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

К. Д. Муратов,

кандидат юридических наук
(ФГАУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
кафедра уголовного процесса и криминалистики, ассистент)

Уголовно-процессуальное законодательство зарубежных стран дает обширный информационно-правовой материал об особенностях механизма правового регулирования. Так, институт формирования вещественных доказательств, особенности появления данных источников доказательств, особенности производства выемки предметов и документов по уголовно-процессуальному законодательству государств-участников СНГ и ряда зарубежных стран позволяет выявить единство и дифференциацию процессуальных процедур¹.

Модельный УПК (Уголовно-процессуальный кодекс) предлагал более четко определить процессуальный порядок обыска и выемки, хотя обозначено единство процессуальных процедур этих двух видов следственных действий (гл. 35 ст.ст. 265–271 МУПК)². Например, правовые последствия выемки отражены при формулировании понятия вещественных доказательств (ст. 150 МУПК), их хранения (ст. 151 МУПК), обеспечении сохранности предметов при производстве по уголовному делу

(ст. 152 МУПК), последствия порчи, уничтожения или утраты предметов (ст. 155 МУПК)³.

Так, в *УПК Литовской Республики* (Закон 3 № 1X-785 от 14.08.02, 1.05.03) для производства отдельных процессуальных действий и решений предусмотрена должность судьи досудебного производства — назначение экспертизы в досудебном расследовании, арест, временное задержание, обыск, выемка почтовых отправлений, временное ограничение прав собственника, контроль и запись телефонных переговоров (ст. 19)⁴. В *Уголовно-процессуальном законе Латвийской Республики* (от 21 мая 2005 года, принят Сеймом, обнародован Президентом 11 мая 2005 года, вступил в силу с 1 октября 2005 года)⁵, также имеется

1 Более подробно см.: Муратов К. Д. Международно-правовые аспекты производства выемки предметов и документов по уголовным делам: лекция. Казань: ООО «АМНЕЮС», 2011. — 32 с.

2 Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ: рекомендательный законодательный акт: принят на УП Пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 г. // приложение к «Информационному бюллетеню». 1996. № 10. С. 15–16, 216–220.

3 Применительно к теме исследования были изучено уголовно-процессуальное законодательство государств-участников Содружества независимых государств (СНГ): УПК Азербайджана 2000 г., УПК Армении 1998 г., УПК Республики Беларусь 1999 г., УПК Казахстана 1997 г., УПК Кыргызстана 1999 г., УПК Туркменистана, УПК Республика Молдова 2003 г., УПК Украины, УПК Узбекистана 1994 г.; стран Балтии: УПК Литовской Республики 2002, Уголовно-процессуальный закон Латвийской Республики 2005 г. и ряда зарубежных стран: УПК Франции 1958, УПК ФРГ 1859, УПК Китайской народной республики 1960 г.

4 LietuvosRespublikos .Baudziamojoprocesokodeksas –Vilnius, 2002. S. 44–46.

5 Уголовно-процессуальный закон Латвийской Республики / под общей ред. и с пояснением проф. М. Шешукова; неофициальный перевод с латышского; переводчик К. Шешуков. Рига: Балтийский русский институт, 2005. С. 7, 19–21, 97–99.

должность следственного судьи (п. 10 ч. 2 ст. 26 и ст. 40 УПЗ), полномочного разрешить применение мер принуждения (ст. 41), а также выносить решения, связанные с обеспечением прав личности (п. 8 ч. 1 ст. 41), решения о производстве специальных следственных действий (п. 4 ч. 1 ст. 41), связанных с контролем за ограничением прав личности (ч. 1 ст. 215). В данном законе выемка определяется как следственное действие, содержанием которого является принудительное изъятие предмета или документа, имеющего значение по делу (ст. 186 УПК Литовской Республики) и определяется ее порядок (ст.ст. 187–190). Сформулированы также правовые последствия выемки: 1) *определена судьба вещественных доказательств*: приобщение к делу (ст. 235), хранение вещественных доказательств (ст. 237), хранение документов (ст. 238), сроки хранения (ст. 239); 2) *определена судьба имущества, добытого преступным путем*: понятие такого имущества и основания признано таковым (ст.ст. 355 и 356), возвращение имущества, добытого преступным путем (ст. 357), конфискация имущества, добытого преступным путем (ст. 358), определены права третьих лиц на изъятые имущество (ст. 359), возможность компенсационных выплат потерпевшим (ст. 260), наложение ареста на имущество (глава 28); 3) *определена судьба передачи предметов* (необходимые как вещественные доказательства; полученное выдаваемым лицом в результате преступного деяния): при осуществлении международного сотрудничества в уголовно-процессуальной области (часть «С» гл. 66 ст. 722 «Передача предметов государству-участнику Европейского союза»)⁶.

Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики, утвержденный Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. (с изм. на 16 июня 2007 г.⁷ № 389) в гл. XXXI «Обыск и выемка» определяет единое правовое регулирование производства обыска или выемки (ст. 242), основания для производства обыска или выемки (ст. 243), порядок производства обыска или выемки и формулирование запретов: не вызываемое необходимостью повреждение дверей, запоров, использование химических и психотропных веществ, технических устройств, могущих

причинить ущерб человеческому здоровью и возможность принудительного изъятия предметов и документов (ст. 245), судебный контроль за основаниями и видами обыска и выемки (ст. 243). Выемка завершает такое следственное действие как арест почтово-телеграфной и иной корреспонденции и ее осмотр (ст. 257). Выдача предметов в порядке международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства распространяется на криминальные предметы и документы (использовались при совершении преступления, приобретены вследствие преступления) — ст. 505 УПК Азербайджанской Республики.

В *Уголовно-процессуальном кодексе Республики Армения*, принятом Национальным собранием 5 мая 1998 года, правовому регулированию выемки и ее правовых последствий посвящены ряд уголовно-процессуальных норм. Прежде всего, это относится к понятию выемки — в случае необходимости изъятия определенных предметов, имеющих значения для дела (с санкции прокурора), и если точно известно их местонахождение (ст. 226); к правилам ее производства — субъекты выемки; применение принуждения при отказе добровольно выдать искомый предмет и документ (ст. 228); составление и вручение копии протокола (ст.ст. 230, 231). Превращение предметов и документов в вещественные доказательства осуществляется по правилам, формулирующим ряд процессуальных понятий: вещественные доказательства, где наряду с традиционным понятием криминальных предметов (орудия, объекты, средства преступления) — это предметы, способствующие опровержению обвинения или смягчению ответственности (ч. 1 ст. 115)⁸.

УПК Республики Беларусь принят Палатой представителей 24 июня 1999 г., одобрен Советом Республики 30 июня 1999 г. Выемка в соответствии с данным законом, проходит основные этапы: а) формулировка основания (основанием для проведения выемки являются достаточные данные о наличии определенных предметов и документов, если точно известно, где и у кого они находятся (ст. 209)), вынесение постановления; б) в случае отказа выдать предметы и документы, выемку проводят принудительно (ч. 8 ст. 210); в) составление протокола в присутствии проживающего в данном помещении иного совершеннолетнего лица либо представителя

6 Муратов К. Д. Международная правовая помощь при передаче предметов и документов по уголовным делам // сборник аспирантских работ / под ред. А. И. Абдуллина. Казань: Казан. ун-т, 2011. Вып. 12. С. 259–262.

7 Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики / отв. за вып. Эльдар Мамедоглы Эфендиев, кандидат юридических наук. Баку: Юридическая литература, 2007. С. 250–266.

8 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения / офиц. изд.; офиц. пер. Ереван: Министерство юстиции РА, 2003. С. 97–98, 142–147; 21 февраля 2007 г. принят Судебный Кодекс Армении, где подробно регламентируются судебные полномочия.

организации, осуществляющей эксплуатацию жилищного фонда, или местного исполнительного и распорядительного органа (ст.ст. 204, 212). УПК Республики Беларусь также регламентирует понятие вещественных доказательств, в которое включается не только определение предметов (орудия преступления, следы преступления, ценности), но и средства по обнаружению преступления, установлению фактических обстоятельств уголовного дела, выявлению виновных либо опровержению обвинения или смягчению ответственности обвиняемого (ст. 96). Хранение вещественных доказательств включает в себя механизм нахождения их при уголовном деле, передачи вещественных доказательств, сроки хранения, а также разрешение спора о праве на предмет, в том числе и в порядке гражданского судопроизводства (ст. 97). Судьба вещественных доказательств: уничтожение, конфискация, выдача при ходатайстве заинтересованных лиц, возвращение законным владельцам, обращаются на возмещение вреда от преступлений потерпевшему или иному лицу (ст. 98)⁹.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова № 122 от 14.03.2003 г. регламентирует выемку предметов или документов, ее правовые последствия. Выемка предметов и документов происходит на основаниях, предполагающих традиционные сущностные характеристики выемки — предметы известны и точно установлено где и у кого они находятся (ч. 1 ст. 126); выемка документов, содержащих государственную коммерческую, банковскую тайну, информацию о телефонных переговорах, а также выемка в жилых или других помещениях осуществляется еще и с санкции судьи (ч. 2 ст. 126, ч. 2 ст. 128). Правовое регулирование правовых последствий выемки в виде признания вещественных доказательств осуществляется в гл. 9 «Материальные средства доказывания». Кроме традиционной оценки вещественных доказательств как криминальных предметов, они могут служить средством раскрытия преступления, установления обстоятельств, идентификации виновных лиц либо опровержения обвинения или смягчения уголовной ответственности (ч. 1 ст. 158).

⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь / предисловие В. И. Рохлина, А. П. Стуконова; обзорная статья А. А. Данилевича. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 199–201, 332–339; Муратов К. Д., Муратова Н. Г. Модель международной выемки по уголовным делам // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, имена (к 90-летию проф. Р. С. Белкина): материалы 53-х Криминалистических чтений (22–23 ноября 2012г.). Ч. III. М.: Академия управления МВД России, 2012. С. 105–109.

Определяется порядок хранения вещественных доказательств: при уголовном деле, возвращение громоздких предметов, уничтожение опасных предметов (с санкции судьи), денег и ценностей, споры относительно принадлежности предмета разрешаются в порядке гражданского производства (ст. 159). УПК Республики Молдова предлагает два вида решений по вещественным доказательствам. *Первая группа решений* (прокурор или судебная инстанция) в отношении вещественных доказательств, выносимых до разрешения уголовного дела: а) возвращение скоропортящихся продуктов, домашних животных, автомобилей (ч. 1 ст. 159); б) в случае, если законный собственник или владелец неизвестен — сдаются в налоговые органы для определения их судьбы (использование, хранение, уход или продажа с последующим переводом вырученных денег на депозитный счет соответствующей прокуратуры или судебной инстанции (ч. 3 ст. 161). *Вторая группа решений* при разрешении уголовного дела: а) уничтожение, возвращение законным владельцам, хранение при уголовном деле (ч. 1 ст. 162); б) в случае оправдания — стоимость предметов, испорченных или утерянных в процессе производства экспертизы или других законных действий, возмещается из государственного бюджета (ч. 3 ст. 162).

В соответствии с Уголовно-процессуальным Кодексом Республики Казахстан, принятом 13 декабря 1997 года, в ред. закона от 31 декабря 2004 г. № 27-Ш¹⁰, основания и виды выемок, порядок производства являются традиционными: 1) конкретность предметов, лица и места, где они сокрыты (ст. 231); б) по мотивированному постановлению следователя или с санкции прокурора (документов, содержащих государственную или иную охраняемую законом тайну, выемка в жилом помещении) (ч. 1 ст. 232). Вещественные доказательства как предметы (орудия преступления, деньги иные ценности, документы) приобщаются к делу и при наличии спора о принадлежности этих вещей подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства (п. 4 ч. 3 ст. 121)¹¹.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан, утвержденный Законом РУз

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. — Алматы: ЮРИСТ, 2005. С. 58, 106–107.

¹¹ Нуралиева А. С., Биятов Т. К. Обеспечение гражданского иска // Уголовно-процессуальное право Республики Казахстан. Часть Общая: Академический курс / под ред. д. ю. н., проф. Б. Х. Толубековой. Кн. 2. Алматы: ТОО Издательская компания «НАС», 2004. § 3 Гл. XV. С. 387.

от 22.09.1994 г. № 2013-X11, введен в действие с 01.04.1995 г., с последующими изменениями на 22.06.2006 г. (Законом РУз № ЗРУ-37)¹². В связи с этим обращается внимание на законность выемки — санкция прокурора (ч. 1 ст. 161), личная выемка — с участием специалистов и понятых одного пола (ч. 3 ст. 162). Выемка в помещениях дипломатических представительств — по просьбе или с согласия главы дипломатического представителя, в присутствии прокурора и представителя МИДа Республики Узбекистан (ст. 165). Выемка почтово-телеграфных отправок сопровождается задержанием, вскрытием, осмотром, снятием копий и составлением протокола (ст. 167). В данном законе предусмотрены следующие правовые последствия выемки предметов и документов: а) обеспечение гражданского иска и других имущественных взысканий (гл. 33); б) возвращение имущества потерпевшему или гражданскому истцу (гл. 34); в) обеспечение исполнения приговора в части имущественных взысканий (арест имущества) (гл. 35); г) описание изымаемых предметов в протоколах следственных действий, возвращение не относящихся к делу предметов (ч. 4 ст. 88).

Анализ *Уголовно-процессуального кодекса Киргизской Республики* показал, что правовое регулирование оснований, процедур и субъектов выемки во многом совпадает с предложенной законодательной моделью УПК Республики Узбекистан¹³. *Уголовно-процессуальный кодекс Туркменской Республики, утвержденный Президентом и введенный в действие с 01.07.2009 г.*¹⁴ определяет выемку как изъятие предметов, производимое по постановлению следователя или с санкции прокурора, если это связано с выемкой документов, содержащих государственную тайну (ст. 271) или выемкой почтово-телеграфных сообщений (ч. 1 ст. 281), а изъятие предметов при выемке является необходимой гарантией обеспечения гражданского иска или исполнения возможного приговора о конфискации (ч. 1 ст. 276). Одновременно с выемкой может быть наложен арест на имущество (ч. 2 ст. 277). Подробно регламентировано понятие вещественных доказательств

(ст. 130), осмотр и хранение вещественных доказательств (ст. 261).

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 17.08.1961 г. в ред. Закона № 486 от 26.03.2009 г. также содержит систему норм, регламентирующих традиционную процедуру выемки, известную по аналогичным процедурам в других уголовно-процессуальных законах государств-участников СНГ: необходимость изъятия конкретных предметов (ст. 167); постановление следователя (прокурора в отдельных случаях) (ст. 168); производство выемки в помещениях дипломатических представительств (ст. 173). И как правовые последствия — признание вещественными доказательствами изъятые предметы (ст. 77) и подробное правовое регулирование хранения вещественных доказательств (ст. 78) и мер, принимаемых в отношении вещественных доказательств при разрешении уголовного дела (ст. 80); наложение ареста на имущество в целях обеспечения гражданского иска, возможной конфискации имущества или изъятия транспортного средства, которое может проводиться одновременно с выемкой или самостоятельно (ст. 175).

*Уголовно-процессуальный кодекс Франции 1958 г. вступил в силу 2 марта 1959 г.*¹⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Франции 1958 года сменил существовавший 150 лет Кодекс уголовного следствия — один из великих и известных законов эпохи Наполеона Бонапарта. Возбужденное уголовное дело передается для производства предварительного следствия должностному лицу судебного ранга — следственному судье. Обыски, проникновение в жилище и выемка вещественных доказательств не могут быть осуществлены без явно выраженного согласия лица, у которого эти действия производятся (ч. 1 ст. 76 УПК Франции). Выемки при дознании очевидных преступлений (проступков) регламентированы кодексом подробнее: немедленная выемка оружия и инструментов (ч. 2 ст. 54); предъявление предметов для опознания (ч. 3 ст. 54); запрещение что-либо изымать до первичных следственных действий (ч. 1 ст. 55); запрещение изъятия следов преступления (ч. 3 ст. 55). Выемка производится, во-первых, после ознакомления должностного лица судебной полиции с бумагами и документами (ч. 2 ст. 56); во-вторых, должностное лицо судебной поли-

¹² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан 1994 г. в ред. 22.06.2006г. Закона РУз №ЗРУ-37 // КонсультантПлюс. URL: www.consultant.ru/

¹³ Уголовно-процессуальный кодекс Киргизской Республики // КонсультантПлюс. URL: www.consultant.ru/

¹⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Туркменской Республики 2009 г. // КонсультантПлюс. URL: www.consultant.ru/

¹⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Франции / под. ред. В. И. Каминской; предисловие С. В. Боботова, В. И. Каминской. М.: Прогресс, 1967. С. 60–61.

ции по согласованию с прокурором Республики допускает изъятие лишь тех предметов и документов, которые необходимы для установления истины (ч. 5 ст. 56); в третьих, проникновения, обыски и выемки могут производиться в любой час дня и ночи с целью установления социально опасных нарушений — в гостинице, меблированном доме, пансионате, клубе, казино, танцевальном, распивочном, зрелищном и им подобных заведениях, а также в любом другом месте, открытом для публики или используемом публикой, если будет установлено, что их обычно посещают лица, занимающиеся проституцией (ч. 2 ст. 59). Существует мнение, что обыск — это процедура поиска предметов, а выемка — это процедура изъятия и фиксации (опечатывания) этих же предметов¹⁶. Однако, в УПК Франции существует раздел III «Перемещения, обыски и выемки», в котором регламентируется выезда следственного судьи на место совершения преступления с уведомлением прокурора Республики о мотивах своего прибытия (ст.ст. 92–93). Следственный судья вправе до производства выемки ознакомиться с какими-либо документами (ч. 1 ст. 97), а изъятые предметы и документы немедленно заносятся в инвентаризационную опись и опечатываются (ч. 2 ст. 97). Кроме того, печати могут быть сломаны и документы вскрыты только в присутствии обвиняемого и его защитника, приглашенных в должной форме, а также присутствие при этих действиях третьего лица (ч. 3 ст. 97).

В *Федеративной Республике Германия (ФРГ)* уголовно-процессуальное законодательство фокусируется в себе достаточно много законов: УПК от 01.02.1877 г., в действующей редакции от 1987 г., закон о судоустройстве от 27.01.1877 г., в действующей редакции от 1975 г., Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г. (в ФРГ она действует в качестве обычного федерального закона) и другие. Для любой страны континентальной системы права (Франция), в том числе и для Германии, характерно преобладающее выражение уголовно-процессуального права в форме системы нормативных актов¹⁷.

Обеспечение сохранности предметов и имущества выемки (§§ 94 ff и 111 bff УПК ФРГ): 1) если предмет находится во владении лица, который готов выдать его *добровольно*, то для обеспечения сохранности этого предмета достаточно его *изъятия* (§ 941 УПК); 2) если владелец вещи добровольно отказывается выдать предмет, то производится формальная выемка (§ 94 11 УПК), т. е. предмет изымается на основании постановления — опечатывается, ограждается или запрещается вхождение в помещение или на земельный участок. Если владелец вещи не предъявил ее и не выдал ее, то в отношении такого лица возможно применить административные и принудительные меры (§ 95), но обвиняемого нельзя принудить выдать спрятанные им доказательства. Кроме того, в УПК ФРГ сформулирован запрет на производство выемки: а) документы, находящиеся в служебном распоряжении (§ 96); б) переписки обвиняемого с лицами, которые вправе отказаться от дачи свидетельских показаний: священнослужитель, защитник, адвокат, врач (§ 97 № 1 УКП); в) по конституционно-правовым основаниям (нарушение принципа соразмерности, записи интимного характера и защиты от самооговора). Запрет отпадает в том случае, если речь идет об укрывательстве имущества, добытого преступным путем или являлись объектом совершенного преступления (§ 97 ZNSI). Особые формы выемки — водительские права и выемка почтовой корреспонденции. Правовые последствия выемки — обеспечение сохранности предметов и имущества, подлежащие конфискации (§ 111 bff УПК).

Таким образом, особенностями изучения уголовно-процессуального законодательства ряда зарубежных стран и сопоставление процессуальных процедур показало, что законодательные модели выемки и формирования вещественных доказательств определяются следующими особенностями: а) формулирование запретов — повреждение запоров, дверей, предметов и нарушение порядка в помещении, использование химических и психотропных веществ, технических средств или устройств, могущих причинить ущерб человеческому здоровью; б) порядок принятия процессуальных решений — о вещественных доказательствах, их уничтожении, возвращении, хранении; в) особенности производства выемки в помещениях, занимаемых дипломатическими представителями и консульскими учреждениями.

16 Головкин Л. В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. М.: СПАРК, 1995. С. 44–45.

17 Калиновский К. Б. Уголовный процесс современных зарубежных государств. М., 2000. С. 16; Филимонов Б. А. Уголовный процесс ФРГ. М., 1974. С. 3–21; Вернер Бойльке. Уголовно-процессуальное право ФРГ: учебник 6-е изд. / под ред. Л. В. Майоровой. Красноярск: РУМЦ ЮО, 2004. С. 183–185; Муратов К. Д. Основы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства при проведении следственных действий // сборник аспирантских работ / под ред. Р. М. Валеева. Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. Вып. 11. С. 227–230.

ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ТРАДИЦИИ ИНСТИТУТА РЕАБИЛИТАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Н. Г. Муратова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Татарстан
(ФГАУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»),
кафедра уголовного процесса и криминалистики, профессор)

Реабилитация — порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно и необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда, а право на возмещение вреда имеет реабилитированный — лицо, которому причинен этот вред в связи с незаконным и необоснованным уголовным преследованием (ст. 133 УПК РФ). Данная современная законодательная модель известного исторического института уголовного процесса — реабилитации имеет глубокие исторические традиции.

В начале XXI века уголовный процесс России воспринял старейший институт римского права — возмещение вреда незаконным привлечением к уголовной ответственности (реабилитация), применив его к современным правоотношениям в обществе и регламентировав наиболее сложные правовые ситуации (основание, процедуры, виды вреда, публичные извинения).

Генезис института реабилитации предполагает обращение к трудам известных русских ученых-юристов, в рассуждениях которых можно найти ответы на различные вопросы современных проблем реабилитации. Так, И. Я. Фойницкий в своём мудром и глубоко продуманном труде «О вознаграждении невинно к суду привлекаемых» поставил ряд сложнейших проблем в вопросе «о вознаграждении невинно к суду

уголовному привлекаемых, который занимает уже лучшие русские умы»¹.

Тяжелый вред, — говорил И. Я. Фойницкий на собрании, посвященном праздновании шестой годовщины Совета с.-петербургского юридического общества, — испытывает лицо, невинно наказываемое. Переносимые им душевные страдания, сопровождающий его позор общественный образуют идеальную сторону такого вреда — спутник неправильных судебных приговоров. Вред в материальной форме — потеря заработка, расстройство хозяйства и т. п. Но не только окончательный судебный приговор имеет способность причинять вред, — говорил И. Я. Фойницкий, — то же свойство принадлежит и более ранним актам судебно-уголовной деятельности.

Совершенствование правового регулирования современного института реабилитации во многом созвучно этому мнению ученого. Так, в ч. 2 ст. 133 УПК РФ перечислены субъекты, имеющие право на реабилитацию. Федеральным законом от 5 апреля 2013 года №54 в ст. 133 УПК РФ была ч. 2.1., которая расширяет формат права на реби-

¹ Здесь и далее по тексту автором взята для анализа работа И. Я. Фойницкого «О вознаграждении невинно к суду привлекаемых», изданная в С.-Петербурге в 1884 году, в Типографии Правительствующего Сената, имеющая эпитафией слова русского поэта Некрасова: «Оправдают тебя, и отпустят домой, окативши ушатом помой», с благословением посвященной автором памяти Владимира Романовича Лицкаго. — 110 с.

литацию. Речь идет о делах частного обвинения, по которым права на реабилитацию и возмещение вреда имеют те же лица, перечисленные в ч. 2 ст. 133 УПК РФ в случае полного или частичного оправдания или отмены обвинительного приговора или прекращения уголовного преследования по реабилитирующим основаниям).

Кроме того, ч. 3 ст. 133 УПК РФ прямо говорит, что право на возмещение вреда имеет любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу.

И. Я. Фойницкий обращал особое внимание на судебные ошибки и отмечал, что примерами судебных ошибок богаты хроники уголовных трибуналов всех стран мира. Неизбежность их, — писал ученый, — лежат в несовершенстве человеческих средств распознавания истины и в необходимости судебной деятельности, которая должна совершаться по возможности быстро. Известный ученый-юрист выдвинул и предложит рассмотреть факт вреда с правовой точки зрения двух идей: идея *предупреждения* и идея *вознаграждения*². Первая — требует предотвращения вреда, вторая — направлена на устранение последствий вреда. Устранить последствия вреда, причиненного привлечением невинного к суду уголовному, в большей части случаев невозможно. Нет той ценности, пишет И. Я. Фойницкий, которая могла бы выкупить душевные страдания, начавшиеся для человека после того, как за ним закрылись тюремные запоры; позор судимости, отчаяние семьи привлеченного к суду, душевные тревоги его близких и его самого, никогда и ничем не могут быть искуплены. Оттого-то меры вознаграждения за вред всегда будут недостаточны, всегда останется нечто, ими неискупленное; оттого-же меры предупреждения такого вреда получают здесь крайне важное значение. В приискании таких мер и состоит задача процессуальных улучшений³. Сенатор Н. А. Буцковский, анализировал

2 Курсив И. Я. Фойницкого: см. указ. соч. С. 9; Муратова Н. Г. Взгляды И. Я. Фойницкого на реабилитацию в уголовном судопроизводстве // Материалы научной конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Правоотношения и юридическая ответственность» 17–20 мая 2006 г. Ч. 1. Тольятти: Волжский университет им. В. Н. Татищева, 2006.

3 См. более подробно мнение о понятие вреда в работах И. Я. Фойницкого: Татянин Д. В. Понятие вреда от привлечения к суду и наказаний невинных в работах И. Я. Фойницкого // Судебная власть в России: закон, теория, практика: Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции 19–20 ноября 2004 г. М.: Издательская группа «Юрист», 2005. С. 460–462.

исторические Уставы 20 ноября 1864 года уже через десять лет — в 1874 г. и только с точки зрения правового регулирования исправления судебных ошибок⁴.

Законодательное регулирование проблемы судебных ошибок, на мой взгляд, носит завуалированный характер (признание доказательств недопустимым, запрет на ухудшение положение обвиняемого, возможность обжалования приговора, формулирование оснований отмены или изменения приговора или иного судебного решения и т. п.). При обращении к словарю русского языка Сергея Ивановича Ожегова, можно увидеть — «ошибка» — неправильность в действиях, мыслях⁵. Толкование слова по словарю В. И. Даля начинается с определение ошибки и с глагола — «ошибаться» — говорить или делать не так как есть, как должно: «ошибка» — промах, погрешность, но и дурное ошибочное распоряжение или поступок, неумышленный поступок, или невольное, ненамеренное искажение чего-либо. Ошибка — не обман⁶. Таким образом, языковое значение связывает понятие ошибки, прежде всего с поведенческой деятельностью. Проф. В. А. Якушин пишет: «...Ошибка (заблуждение) как категория в процессе социальной практики... Именно в этом ее аспекте ошибка проявляется в праве...»⁷. Представляется, что сводить понятие правовой ошибки только к заблуждению, означает искусственно сузить круг исследования комплексной и доктринальной темы — правовой ошибки⁸.

4 Буцковский Н. А. Очерки судебных порядков по Уставам 20 ноября 1864 г. Сочинения Сенатора Н. Буцковского с портретом автора. С.-Пб., 1874 г. С. 3–4; Муратова Н. Г. Проблемы судебной реабилитации жертв уголовной юстиции // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы, законодательства, практики применения (к 5-летию УПК РФ) // Материалы международной научно-практической конференции. М.: МГЮА, 2007.

5 Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1988. С. 394.

6 Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 451; Муратова Н. Г. Правовые ошибки в уголовной юстиции // Федеральный журнал Судейского сообщества — «Судья». М., 2007. № 7(31). С. 55–58; Муратова Н. Г. Правовые ошибки в уголовной юстиции: продолжение дискуссии // Диалектика современных инновационных механизмов по разрешению правовых конфликтов: материалы международной научно-практической конференции // под ред. А. П. Гуськовой. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011. С. 142–148.

7 Хачатуров Р. Л. Юридическая энциклопедия. Правовая жизнь (А. В. Малько) / под ред. В. А. Якушина. Т. IV. Тольятти: Волжский университет им. В. Н. Татищева, 2005. С. 329.

8 С учетом анализа институтов уголовно-процессуального права, складывающейся правоприменительной практики и европейских стандартов защиты прав человека, можно предложить четыре понятия и соответственно четыре группы правовых ошибок, реально существующих в правоотношениях, складывающихся в уголовном судопроизводстве: Муратова Н. Г. Правовые ошибки в уголовной

Всякое улучшение уголовного процесса имеет своей задачей возможное обеспечение правильности судебного приговора. Этому делу, писал И. Я. Фойницкий, служат: гласность и устность суда, независимость судей, допущение сторон в судебно-уголовное производство и предоставление им равноправности перед судом, процесс пересмотра судебных решений и т. п. Как современно звучат правовые формулировки, которые практически без изменения воспроизведены через сто с лишним лет в содержании принципов уголовного судопроизводства (раздел II УПК РФ)!

Исследуя генезис вознаграждения невиновных за причинённый вред, И. Я. Фойницкий, отмечал, что в ранней эпохе истории процесса, проникнутый идеями состязательности, всего естественнее было обязанность вознаграждения возложить на отдельных лиц, по вине которых состоялось привлечение к суду или даже наказание невиновного (личная ответственность). Он перечислял частных лиц, от вины которых может произойти вред привлечения к суду: обвинитель, доноситель, свидетели. Но по мере того, как в уголовный процесс проникает публичное начало, производящее резкую грань между уголовным и гражданским судопроизводством, такое перенесение правил гражданско-процессуальной ответственности на уголовных обвинителей становится невозможным. Мудрость предвидения и блестящего анализа данной историко-правовой ситуации отражены и в современной практике правоприменения. Так, при изучении дел о реабилитации были получены подтверждения тому факту, что судебная практика не пошла по пути взыскания морального ущерба со следователя и прокурора, которые выступили публично перед аудиторией трудящихся с сообщением о привлечении к уголовной ответственности их коллеги по работе, которого присутствующие хорошо знали и работали с ним многие годы, хотя приговора суда о его виновности на момент их публичных заявлений не было. Затем этот гражданин был оправдан судом⁹.

юстиции // Федеральный журнал Судейского сообщества — «Судья». М., 2007. № 7(31). С. 55–58.

⁹ Гражданское дело № 2-29/04. Архив Ново-Савиновского районного суда г.Казани за 2004 год. Муратова Н. Г. Проблемы судебной реабилитации жертв уголовной юстиции // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы, законодательства, практики применения (к 5-летию УПК РФ). Материалы международной научно-практической конференции. М.: МГЮА, 2007. С. 86–93.

И. Я. Фойницкий широко использовал опыт Европы в вопросах изучения уголовного процесса. Так, по исследуемому вопросу он приводит очень интересный пример. В 1777 году экономическое общество Берна, в Швейцарии, и в 1780 году академия в Шалоне-на-Марне назначили премию за лучшее сочинение об изменении уголовного законодательства, о способах смягчения уголовных законов Франции и о «способах вознаграждения граждан, привлеченных прокуратурой к суду и признанных невиновными». Премию за лучшее сочинение получил Бриссо-де-Варвиль, который предложил три процессуальных реформы, необходимые для предупреждения неправильных приговоров и для устранения ненужной жестокости¹⁰. Ученый обратил внимание на виды вреда — *идеальный и материальный*. За первый требуется идеальное вознаграждение — восстановление чести; рекомендуется облечь оправданного в праздничную одежду, повязав его белой лентой, на которой прикрепить медаль или крест с надписью «признанная невинность», с одной стороны, а с другой — корона из двух пальмовых веток с обозначением дня постановления оправдательного приговора. День восстановления обвиняемого в общественном мнении должен быть днём праздника и триумфа. Материальное вознаграждение должно выплачивать государство: или уплатой денежной суммы или освобождение оправданного, на некоторое время, от платежа налогов. Идея государственного вознаграждения из Франции тогда же была перенесена была в Италию и Англию. В Англии идея государственного вознаграждения оправданных-подсудимых нашла своего не менее талантливого, как пишет И. Я. Фойницкий, последователя в лице Бентама, который предлагал возложить на суд обязанность при постановлении каждого оправдательного приговора разрешать вопрос заслуживает ли оправданный вознаграждения. Но это предложение вызвало горячие прения. Таким образом, И. Я. Фойницкий делает вывод, что «законодательства и литература XIX века всех крупных государств Европы представляют картину опасливого отношения к вопросу о вознаграждении материальном, между тем как идеальное вознаграждение за это время успело значительно созреть и пустило уже глубокие корни в правосознание культурных народов».

¹⁰ Фойницкий И. Я. Указ. соч. С. 25–26.

Обращаясь к опыту России И. Я. Фойницкий считал, что в отечестве существует прочная почва для постановки и дальнейшего развития вопроса о государственном вознаграждении невинно к суду уголовному привлекаемых. Как отмечал ученый следующие институты, заслужившие быть сохраненными и на будущее время, при некоторых лишь их видоизменениях: 1) *публикование невинности — печатные указы; представление права оправданного печатать судебные приговоры*, 2) *зачет времени судимости в службу*, 3) *выдача служебного содержания*.

И всё-таки И. Я. Фойницкий считал, что созрела мысль именно об идеальном вознаграждении. Вознаградить невинно привлеченных к суду в полном размере причинённого вреда для государства представляется делом невозможным; напротив, идеальное вознаграждение необходимо и дорого для всякого, сознающего своё человеческое достоинство. Видимо, прав был И. Я. Фойницкий говоря, что государство не сможет в полном размере вознаградить невинного. При изучении архивных дел выясняется очень интересная закономерность: суммы, которые просят назначить как вознаграждение от полученного морального вреда, не всегда удовлетворяются судом в полном объеме. В соответствии с ч. 2 ст. 136 УПК РФ каждый реабилитированный может предъявить иск за причиненный моральный вред в денежном выражении в порядке гражданского судопроизводства. Это может означать только одно: лицо само определяет степень причинённого морального вреда и сумму «денежного выражения». Так, г-н Ш. оценил моральный вред за необоснованное привлечение в уголовной ответственности (обвинительной приговор с назначенным наказанием в виде восьми лет лишения свободы и отмененный надзорной инстанцией) в денежном выражении в размере 10 млн руб. В соответствии с решением суда, вступившее в законную силу ему было выплачено денежное вознаграждение в размере 450 тыс. руб. (4,5% от запрошенной суммы)¹¹. Следующий по данному уголовному делу реабилитированный — гр-н Х., осужденный на 13 лет лишения свободы, оценил свои страдания в размере денежной суммы 11 млн руб. В соответствии с решением суда ему выплачено денежное вознаграждение в размере

350 тыс. руб. (3,1% от запрошенной суммы)¹². Гр-н И., также осужденный на этому же делу на девять лет лишения свободы и реабилитированный в соответствии с законом, сформулировал свои страдания в исковом заявлении и оценил их в размере 5 млн. руб. В соответствии с решением суда ему выплачено денежное вознаграждение в размере 100.000 тыс. руб. (2% от запрошенной суммы)¹³. Гр-н З., который был также осужден по этому же делу на четырнадцать лет лишения свободы, обратился в суд с иском заявлением и оценил свои страдания в денежном выражении 15 млн. руб. В соответствии с решением суда ему выплачено денежное вознаграждение в размере 100.000 тыс. руб. (0,6% от запрошенной суммы)¹⁴.

Может быть прислушаться и обратить особое внимание на мнение И. Я. Фойницкого об идеальном вознаграждении? Оно требует некоторой торжественности обстановки, без литавр и венков, пишет И. Я. Фойницкий, но всё-таки так, чтобы вознаграждение было *общественным признанием* ошибки, принесший вред пострадавшему. Под идеальным вознаграждением ученый понимал удовлетворение, даваемое государством невинно осужденному, *в форме торжественного объявления* его невинности и снятия стеснений, которым это лицо подвергалось, со всеми их последствиями. Современные авторы предлагают широко освещать проблемы реабилитированных в средствах массовой информации, Интернету путём создания специальных сайтов¹⁵, принесение извинения членам семьи реабилитированного¹⁶.

12 Гражданское дело № 2/2001/04. Архив Ново-Савиновского районного суда г. Казани за 2004 г.

13 Гражданское дело № 2/2000/04. Архив Ново-Савиновского районного суда г. Казани за 2004 г.

14 Гражданское дело №2-542/05. Архив Ново-Савиновского районного суда г. Казани за 2005 г.; Муратова Н. Г. Проблемы возмещения вреда в порядке института реабилитации // Право как основа современного общества: материалы международной научно-практической конференции. 20–21 апреля 2012 г. Казань / под ред. проф. И. Ш. Мухаметзинова, к. ю. н. Р. Р. Салимзяновой, к. ю. н. Л. Л. Сабировой. Казань: Оста, 2012. С. 134–138.

15 Раменская В. С. Институт реабилитации в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Екатеринбург, 2004. С. 9–10; Корнеев О. А. Институт реабилитации в уголовно-процессуальном праве России. Челябинск: Из-во ЮУрГУ, 2005. С. 123–124.

16 Татьяна Д. В. Реабилитация в уголовном процессе России (понятие, виды, основания, процессуальный порядок): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 12; Муратова Н. Г., Хайруллина Э. А. Механизма реабилитации в досудебном производстве по уголовному делу // Судебная власть и правосудие в сфере уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 30–31 марта 2011 г.). Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2012. Часть 2. С. 96–100.

11 Гражданское дело № 2/1999/04. Архив Ново-Савиновского районного суда г. Казани за 2004 г.

Таким образом, правовые взгляды известного русского ученого И. Я. Фойницкого по вопросам «вознаграждения невинно к суду уголовному привлекаемых» звучат современно, находят подтверждение в действующем законодательстве. Необходимо информировать общество, юридическую общественность о личностях реабилитированных, о причинах необоснованного уголовного преследования, приносить публичные извинения, интервьюировать их с целью понимая проблем восстановления доброго имени и гуманного отношения в жертвам уголовной юстиции. Представ-

ляется, что изучение данной работы И. Я. Фойницкого предполагает формулирование возможных направлений дальнейшего совершенствования правового регулирования института реабилитации: 1) определения комплексного порядка восстановления прав и свобод реабилитированных 2) проведения обширных эмпирических исследований с целью выявления закономерностей складывающейся судебной практики о вознаграждении реабилитированных, 3) проведения мониторинга по вопросам востребованности этого института в обществе и у реабилитированных граждан.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ СИТУАЦИОННОГО ПОДХОДА В ПРАКТИКЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Р. Р. Рахматуллин,
кандидат юридических наук, доцент,
(ФГАУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
кафедра уголовного процесса и криминалистики, доцент)

В теории криминалистики (как правило, в следственной тактике и методике расследования отдельных видов преступлений) большое внимание уделяется развитию концепции ситуационного подхода. Центральным понятием концепции является, безусловно, категория — «следственная ситуация». На наш взгляд, наиболее точное определение рассматриваемого понятия дается Л. Я. Драпкиным, который под следственной ситуацией понимает мысленную динамическую модель, отражающую информационно-логическое, тактико-психологическое, тактико-управленческое и организационно-управленческое состояния, сложившиеся по уголовному делу и характеризующие благоприятный характер процесса расследования. При этом он замечает: «Следователь фактически действует в реальной обстановке, но это не дает ни малейших оснований называть эту обстановку следственной ситуацией. Прежде чем действовать, ему надо собрать и хотя бы предварительно оценить доказательственную и другую информацию о существенных чертах внешней среды, создать ее адекватную (в той или иной степени) модель»¹. По справедливому замечанию И. М. Лузгина, «...ситуации могут меняться, переплетаться, исчезать и вновь возникать под

воздействием некоторой совокупности фактов»². В зависимости от этого меняется и программа действий следователя. Таковы концептуальные основы теории следственной ситуации.

Одной из разновидностей следственной ситуации является *конфликтная ситуация*. Ясно, детерминантом такой ситуации является конфликт. А конфликты существовали, и будут существовать до тех пор, пока существует человеческое общество, они являются неотъемлемой частью межличностных отношений, находят свое выражение (проявление) в любой деятельности человека, где цели и интересы сторон не совпадают, как результат соперничества и противодействия.

Таким образом, конфликты (как «кирпичики», первооснова конфликтной ситуации) в той или иной степени сопровождают весь цикл деятельности следователя по расследованию сначала на стадии предварительного расследования, а затем следователь может быть втянутым в конфликт и при осуществлении судебного производства. Поэтому только тщательный анализ всех конфликтов, возникающих в ходе расследования, позволит соответствующим образом оценить следственную ситуацию, определить степень ее конфликтности.

Судебная практика свидетельствует, что конфликт не может образоваться внезапно, а проходит в процессе своего развития несколько ста-

¹ См., подробно, Драпкин Л. Я. Понятие и классификация следственных ситуаций // Следственные ситуации и раскрытие преступлений. Свердловск, 1975. С. 27–30; Он же. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1987. С. 13–15.

² Лузгин И. М. Развитие методики расследования отдельных видов преступлений // Правоведение. 1977. № 2. С. 64.

дий. Весьма приемлемым представляется мнение специалистов в области конфликтологии, которые предлагают последовательность развития стадий конфликта в следующем виде: 1) предконфликтная ситуация; 2) инцидент; 3) эскалация; 4) кульминация; 5) завершение конфликта; 6) постконфликтная ситуация³.

Кратко рассмотрим означенные стадии развития конфликта.

Стадия *предконфликтной* ситуации характеризует положение дел накануне конфликта. Речь идет о наличии определенной напряженности в отношениях сторон в уголовном процессе (обвинения и защиты), но она пока не выливается в открытые столкновения. Т.е. имеет место потенциальный конфликт, а следователю важно уловить указанную напряженность и соответствующим образом реагировать в целях упреждения, например, противодействия раскрытию и расследованию преступления.

На стадии *инцидента* уже налицо противоположность интересов сторон в уголовном процессе. На этой стадии следователю важно уметь осуществлять правильное предварительное диагностирование уровня конфликтности. При этом следователь может применить обычные меры: тактические приемы тактического и психологического характера, основанные на методах убеждения. Важно, что на стадии инцидента определяются факторы и истинные мотивы конфликта.

В фазе *эскалации* конфликт уже, образно говоря, «шагает по ступенькам» (на латинском *scala* — лестница). Конфликт разрастается постепенно, он может быть непрерывным — с постоянно возрастающей степенью напряженности отношений и волнообразным, нейтрализовать его на этой стадии практически невозможно. При этом действия стороны, противодействующей расследованию преступления, отличаются высокой степенью подготовки, изощренностью. В фазе эскалации кроме обычных мер, следователь может применить и более «жесткие» меры, например, меры процессуального принуждения.

Кульминация конфликта приводит обе стороны к действиям, наносящим серьезный ущерб в целом расследованию по делу. На данной стадии следователь понимает, что все его действия, направленные на разрешение конфликтной ситуа-

ции не приводят к нужному результату; противодействующее лицо при этом продолжает поддерживать свою твердую позицию в противостоянии со следователем, а важный источник (иногда единственный) доказательственной информации по делу может быть безвозвратно утерян. В результате в протоколе следственного действия следователь вынужден фиксировать полученную недостоверную информацию или процессуально оформляет отказ от дачи показаний.

Стадия *завершения конфликта* характеризуется ценностными категориями, то есть во главу ставится проблема соответствия результата, полученного, допустим, в ходе конкретного следственного действия затратам сил и средств со стороны следователя. Даже если в конечном итоге меры по разрешению конфликтной ситуации не привели к позитивному результату, все же следователь получает определенную информацию для дальнейшего производства по делу, анализ которой позволяет выдвинуть ряд версий о причинах конфликта; условиях, способствующих ему и т.д. Кроме этого, наличие информации позволяет прогнозировать, а соответственно, и упреждать противодействие, в том числе воздействие преступников на иных участников процесса (свидетелей, потерпевших и др.).

Постконфликтная ситуация характеризуется тем, что конфликт не проходит совершенно бесследно ни для одной стороны. В целом конфликт, как для следователя, так и недобросовестного участника уголовного процесса может быть как конструктивным, так и деструктивным. Конфликт разрешается успешнее, если обе стороны заинтересованы в достижении некоторого общего результата, побуждающего их к сотрудничеству. Отсутствие же желания обсуждать какие-либо вопросы конфликта не идет на пользу ни одной из сторон. Например, отказываясь от участия в отдельных следственных действиях, обвиняемый лишается возможности полноценно защищаться.

Следует заметить, длительное время в юридической литературе существовала и теория «бесконфликтного» следствия. Ее сторонники отстаивали запрет на любые формы физического и психического воздействия на личность⁴. Несмотря

3 См.: Конфликтология: учебник. Изд. 2-е, испр. / под ред. А. С. Кармина. СПб., 2001. С. 48–57.

4 См.: Строгович М. С. Проблемы судебной этики. М., 1974. С. 20; Рахунов Р. Д. Признание обвиняемым своей вины. М., 1975. С. 137; и др.

на иллюзорную возможность для реализации в практической деятельности следователей, идея «бесконфликтного следствия», на наш взгляд, все же оставила негативный след в практической деятельности следователей. Многочисленные научные публикации сторонников теории с опорой на мнения весьма авторитетных процессуалистов, криминологов и криминалистов, в определенной степени повлияли на разработку тактических и психологических средств преодоления конфликтной ситуации. Данное обстоятельство способствовало снижению качества раскрытия и расследования преступлений, в определенной степени «разружало следствие». Ясно, никто и никогда не снимал со следователей обязанности быстро и эффективно расследовать любое преступление. Следователь же, прикрываясь подобными идеями видных ученых, не утруждая себя сложными тактическими и психологическими приемами по преодолению противодействия, нередко превращался в фиксатора того, что ему сообщали оперативные и иные сотрудники правоохранительных органов. В такой ситуации сторона защиты получает, как правило, дополнительную возможность для противодействия расследованию.

Многие известные криминалисты современности подвергли критике и глубокому анализу противоречивость и ошибочность взглядов сторонников «бесконфликтного следствия». Так, известный ученый-криминалист А. Р. Ратинов раскрыл и обосновал правомерность применения психологического воздействия на участников уголовного процесса, когда они пытаются ввести в заблуждение следователя или иным путем избежать ответственности за содеянное⁵. Сторонники этой позиции обоснованно считали, что нельзя огульно отрицать тактические приемы, вводящие в заблуждение противостоящих следствию лиц. При этом следователи, оперативные работники могут включать в эти приемы элементы дезинформации, игры на низменных чувствах и т. п. Также они считали при этом обязательным разработку учеными в тесном сотрудничестве с практическими сотрудниками правоохранительных органов всесторонне обоснованных криминалистических рекомендаций относительно условий и пределов их применения. То есть, любой предлагаемый тактический прием должен обладать свойствами допустимости.

⁵ См.: Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967. С. 35.

Как следует из изложенного выше, следственная ситуация имеет самую тесную связь с другой криминалистической категорией — противодействием расследованию преступлений. Следует заметить, эти понятия не являются идентичными. Более того, по образному выражению, располагаются в разных «плоскостях». Прежде всего, противодействие можно рассматривать как составной элемент следственной ситуации (фактор, оказывающий существенное влияние на ее формирование). Следственную же ситуацию можно представить как систему межличностных отношений, позиций, взглядов. Поэтому можно говорить, что это информационная модель противодействия.

В следственной практике встречаются различные конфликтные ситуации, например:

— конфликты, выражающиеся в отказе допрашиваемого входить в общение со следователем и давать ему какие бы то ни было показания;

— конфликты, выражающиеся в укрытии от следователя части определенной информации или в сообщении ему заведомо ложной информации и др.

Однако конфликт, хотя практически всегда создает помехи процессу расследованию, не всегда влечет противодействие расследованию. Например, сложные межличностные отношения в следственно-оперативной группе могут создать серьезные помехи следователю в ходе расследования. Иными словами, конфликт (иметь «серьезное разногласие, острый спор»⁶) и противодействовать («мешать и стараться уничтожить другое действие»⁷) ведут к возникновению конфликтной ситуации, но не всегда к противодействию.

Умение прогнозировать конфликтность или бесконфликтность в расследовании, диагностировать предполагаемое поведение оппонента позволит следователю правильно спланировать и подготовиться к действиям по преодолению противодействия. Задача следователя, погасить или сгладить как можно раньше любой конфликт в ходе расследования, ибо он способен нарастать как «ком» и привести к самым тяжелым последствиям не только для процесса расследования в целом, но и для самого виновного.

⁶ Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. Т. 22. М., 1955. С. 135.

⁷ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. СПб; М., 1981. С. 1358.

Деятельность следователя по разрешению конфликтных ситуаций в означенном направлении должна реализовываться последовательно в несколько этапов. Иными словами, речь идет о своеобразной программе действий.

Во-первых, необходимо выяснить, действительно ли на данном этапе расследования имеет место конфликт (возможно, это всего лишь заблуждение одной из сторон), то есть необходимо понять ситуацию, которая сложилась в определенный момент.

В этих условиях следователю и оперативному работнику очень важно уметь проводить анализ стратегической информации о следственной ситуации и осознавать ее содержание. В частности, науке и практике известны *традиционная (двухсторонняя)* конфликтная ситуация, в которой обе противоборствующие стороны осознают наличие конфликта, *мнимобесконфликтная*, когда следователь не осознает конфликтный характер состояния расследования.

В ряде случаев имеет место ситуация *мнимого конфликта*, которая возникает при отсутствии реального конфликта, когда стороны — участники уголовного судопроизводства ошибочно полагают, что между ними действительно существуют конфликтные отношения и действуют в соответствии с этой совершенно неадекватной информационной моделью — моделью конфликтной ситуации⁸.

В юридической литературе приводится характерный пример из следственной практики. В ходе расследования уголовного дела о крупных хищениях платины, совершаемых из цехов завода по обработке цветных металлов (ОЦМ), у следователя установились внешне доброжелательные отношения с обвиняемым К., который давал правдивые показания о краже. На одном из дополнительных допросов обвиняемый К. предложил выдать следствию около 180 г платины, спрятанных у него в тайнике. Для проверки его показаний следователь вывез обвиняемого под усиленной охраной и в сопровождении двух оперативных сотрудников милиции, на указанное К. место. После обнаружения 186 г платины, усыпив бдительность охраняющих его сотрудников, К. совершил побег из-под стражи. Наиболее серьезная

тактическая ошибка следователя и оперативных работников заключалась в том, что они приняли решение о выезде на место сокрытия платины, не дождавшись сообщения конфиденнта о намерениях и поведении К. в камере, перед проведением согласованного со следователем процессуального действия. Из сообщения следовало, что К. просил у своих сокамерников какие-то «надежные адреса» и утром, после завтрака, попрощался с ними. Исправляя допущенные ошибки, следователь и оперативные работники разработали детальный план розыска беглеца. При допросе сокамерников (без расшифровки конфиденнта) были получены пять адресов, которые они дали К. Сопоставляя эти сведения с данными наружного наблюдения, установленными за родственниками и близкими друзьями обвиняемого, следователь организовал засады в местах возможного появления К. и на третий день после побега он был задержан⁹.

Анализ приведенного примера позволяет сделать следующие выводы:

1. следователь действовал в двух различных ситуациях: в начале — в мнимобесконфликтной, а затем — в двухсторонней конфликтной ситуации;

2. в начале действия, мнимобесконфликтной ситуации следователь потерпел поражение из-за несвоевременного получения сообщения конфиденнта, в результате чего обвиняемый совершил побег.

Затем в двухсторонней конфликтной ситуации следователь, проведя комплексный анализ следственной и оперативной информации, принял правильное решение и задержал обвиняемого К.

В других случаях, наоборот, различные действия защитника, свидетеля и иных лиц необоснованно воспринимаются следователем как действия, препятствующие расследованию. Так, факт непризнания обвиняемым своей вины не должен расцениваться как несомненный конфликт, а создает лишь предпосылку для создания конфликтной ситуации. Важно определить, с чем связано данное непризнание вины — с противодействием расследованию, чтобы уйти от наказания или действительно имеются факты его невиновности, о которых следователь еще не знает. Поэтому для того, чтобы у следователя не складывалось предвзятого, мнимого убеждения в наличии конфликтной ситу-

⁸ Драпкин Л. Я. Конфликтные ситуации и методы их разрешения в процессе преодоления противодействия расследованию / В сборнике научных трудов: Преодоление конфликтных ситуаций в процессе раскрытия и расследования преступлений. Екатеринбург: Изд-во Уральского юридического института МВД России, 2006. С. 7.

⁹ Драпкин Л. Я. Указ. соч. С. 9.

ации, надо оценивать следственную ситуацию по объективным признакам.

Наиболее полно такие признаки изучены частной криминалистической теорией противодействия расследованию и криминалистических методов его преодоления. В частности, признаками противодействия являются «негативные» обстоятельства; улики поведения; различные факты уклонения от следствия; невербальные жесты, свидетельствующие о неискренности допрашиваемых и т.д. Поэтому признаки как внешние проявления противодействия, могут утвердить следователя в мысли о начавшемся противодействии и значительном осложнении уже существующей известной ему конфликтной ситуации.

Во-вторых, важно определить причины конфликта. Исчерпывающее определение характера проблемы, приведшей к конфликту, всесторонний учет всех факторов, детерминирующих противодействие или влияющих на преодоление противодействия позволяют следователю осознать истоки противоречия и точки соприкосновения конфликтующих сторон. Если выявлены определенные факторы, необходимо организовать тщательное наблюдение за их развитием. Например, обнаружив факт родственной связи между обвиняемым и свидетелем, попытаться выяснить его степень влияния на характер конфликтной ситуации в настоящее время и в будущем.

Следственные ошибки и иные недоработки следствия также нередко становятся причиной конфликта. Например, невыполнение следователем элементарных этических норм становится препятствием для установления истины. Так, при затянувшемся рассказе допрашиваемого следователи нередко проявляют нервозность, часто прерывают собеседника вопросами. В результате свидетель может потерять нить повествования, а затем, убежденный в безразличном отношении следователя к его повествованию, и вовсе замкнуться.

В-третьих, необходимо наметить (посредством поиска) возможные пути разрешения конфликта. Исходя из посылки, что следственные ситуации — это управляемые категории, поддающиеся целенаправленному изменению, сле-

дователи и оперативные работники должны не созерцать пассивно за развитием конфликтной ситуации, а активно влиять на этот процесс. Активная позиция следователя заключается в том, что он постоянно ставит перед собой вопрос, чтобы он и его коллеги могли сделать, чтобы разрешить возникший конфликт, что может сделать конфликтующий со следователем субъект. Учитывая эти и иные обстоятельства, следователь и намечает пути выхода из конфликта.

В четвертых, принять меры по реализации намеченных способов разрешения конфликтной ситуации, то есть претворить в жизнь комплекс намеченных уголовно-правовых и уголовно-процессуальных средств, оперативно-розыскных мероприятий, тактических приемов и иных методов.

В-пятых, следует критически оценить мероприятия и действия, предпринятые для разрешения конфликта, их эффективность и недостатки.

Важность разрешения конфликтной ситуации очевидна. Если следственная ситуация предстанет на любом этапе расследования как данность, то определение степени ее сложности зависит от подготовленности и умения следователя «читать» следственную ситуацию. Ведь в основе более или менее сложной ситуации лежит информационная неопределенность.

С одной стороны, проблемы конфликтов, конфликтных ситуаций, их умелое выявление, разумное и законное разрешение и необходимое предотвращение всегда играли и играют на современном этапе огромное значение в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. С другой стороны, познание конфликтной ситуации позволяет установить, действительно ли имеет место противодействие, если да, то важно определить ее характер и содержание.

Сегодня следователи обладают хорошими знаниями в области материального и процессуального права, однако эффективность их работы оставляет желать лучшего. Представляется, следователям недостает криминалистического мышления. Одним из путей решения указанной проблемы является более глубокое восприятие концепции ситуационного подхода.

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ХОДЕ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ

В. И. Романов,

кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный юрист Республики Татарстан
(ФГАУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
кафедра уголовного процесса и криминалистики, доцент)

В системе следственных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, одним из наиболее важных и ответственных является освидетельствование. Применение научно-технических средств¹ в ходе освидетельствования позволяет выявить и закрепить большой объем разнообразной доказательственной информации.

Следует отметить, что эффективность использования НТС зависит не только от профессиональной подготовки следователя, но и от его инициативности. Вместе с тем, как показывает анализ уголовных дел, использование НТС при освидетельствовании играет важную роль в ходе расследования. Об этом свидетельствует, в частности, следующий пример. В процессе расследования уголовного дела об изнасиловании потерпевшая С. показала, что насильник был пьян, и при оказании сопротивления она сильно укусила его за язык. После этого он оставил потерпевшую и убежал. Посягательство на нее было совершено в темное время суток, поэтому описать внешность и одежду насильника потерпевшая не могла. Осмотр места происшествия каких-либо данных о личности насильника и обстоятельствах преступления также не дал.

В ходе расследования подозрение пало на экзаваторщика Г., у которого был поврежден язык. На вопрос следователя, что с ним случилось, он ответил, что упал и в момент падения прикусил язык. В ходе освидетельствования установили по-

вреждение языка и следы зубов на нем. Язык подозреваемого был сфотографирован крупным планом.

Следователь назначил судебно-медицинскую экспертизу. Эксперт констатировал, что следы зубов на языке Г. оставлены не им самим, а другим человеком, данность образования их соответствует времени нападения на С. Подозреваемый был вынужден сознаться в содеянном. На установление его причастности к преступлению ушло всего два дня².

Освидетельствование — самостоятельное следственное действие, проводимое для обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требуется производство судебной экспертизы (ст. 179 УПК РФ).

Применение НТС в ходе освидетельствования позволяет эффективно решать следующие вопросы:

1) имеются ли на теле освидетельствуемого особые приметы, их вид (шрамы, рубцы, татуировки, родимые пятна, физические недостатки и т. д.), количество, цвет, форма;

2) имеются ли на теле освидетельствуемого какие-либо повреждения (следы от укусов шприцем, ссадины, синяки, ожоги и т. д.), их форма, количество, размеры, расположение, признаки

² Романов В. И. Применение научно-технических средств при расследовании преступлений. Казань: Центр инновационных технологий, 2001. С. 99.

¹ В дальнейшем НТС, если не сказано иное.

побочных явлений (припухлость, покраснение кожи, нагноение и т. д.);

3) имеются ли на теле освидетельствуемого микрочастицы каких-либо веществ (красителей, крови, волокон, волос);

4) имеются ли на теле освидетельствуемого какие-либо инородные предметы (дробь, обломки стекла и т. д.);

5) не находится ли освидетельствуемое лицо в определенном физиологическом состоянии (алкогольное опьянение, наркотическое возбуждение, беременность и т. д.);

6) с какими объектами (предметами, веществами, людьми, животными), имеющими отношение к расследуемому событию, освидетельствуемый находился в контактном взаимодействии;

7) каков механизм возникновения этого контактного взаимодействия и характер участия в нем освидетельствуемого;

8) не находился ли освидетельствуемый в определенной местности (помещении) до, в момент совершения преступления или после него;

9) не является ли освидетельствуемый тем лицом, которое совершило преступление;

10) не относятся ли выявленные следы к так называемым негативным обстоятельствам, позволяющим распознать инсценировку того или иного события;

11) имеются ли на теле следы перенесенных заболеваний, профессиональных деформаций;

12) каковы характер, темперамент и другие качества (свойства) освидетельствуемого.

Приведенный перечень вопросов является примерным и в зависимости от обстоятельств дела может быть расширен.

Полученные путем освидетельствования данные позволяют определить направление поиска иной доказательственной информации, планировать производство других следственных действий, организационных и оперативно-розыскных мероприятий.

Приступая к освидетельствованию, нужно уделить тщательное внимание подготовке необходимых НТС. Они должны находиться в исправном, рабочем состоянии, соответствовать целям и задачам освидетельствования. Это касается как отдельно взятых НТС, так и специализированных комплексов НТС (унифицированных следственных чемоданов типа «Кремень — М1», «Кремень — М2», предназначенных для следователей, работников

дознания, специалистов-криминалистов)³. Выбор НТС, их применение должно соответствовать избранной тактике освидетельствования, зависит от специфики совершенного преступления, цели проводимого освидетельствования, степени осведомленности следователя о наличии, характере, расположении на теле человека тех или иных следов, примет, повреждений. Следует обращать внимание на исчезающие и легко уничтожаемые следы.

Подлежащие освидетельствованию лица нередко заявляют, что следы преступления на теле исчезли или их вообще не было. Такие заявления не должны служить основанием для отказа от проведения освидетельствования. Следователь, следователь-криминалист, судебный медик, применяя в ходе освидетельствования НТС, специальные методы и приемы, могут обнаружить на теле освидетельствуемого такие следы преступления, о которых он сам не знал, или ошибочно считал их исчезнувшими либо полностью уничтоженными.

Применение при освидетельствовании НТС не должно создавать опасность для здоровья освидетельствуемого лица, а также унижать его честь и достоинство. Так, согласно пп. 4, 5 ст. 179 УПК РФ, если освидетельствование сопровождается обнажением человека, то фотографирование, видеозапись, киносъемка проводятся с согласия освидетельствуемого.

Освидетельствование должно проводиться при хорошем освещении. Хорошие результаты дают лампы, имитирующие дневной свет. Применение НТС должно проходить в доброжелательной, непринужденной обстановке. Желательно пояснить принцип действия того или иного прибора, метода, с какой целью он применяется. Поведение следователя, криминалиста, врача должно быть безупречным, нравственно выдержанным. Неуместны усмешки, реплики в адрес освидетельствуемого. Совершенно недопустимы торопливость, неаккуратность в обращении с НТС. Тактические приемы применения НТС в ходе освидетельствования во многом определяются кругом тех задач, которые необходимо решить в ходе его проведения. В одних случаях они направлены только на обнаружение особых примет, в других — на обнаружение, фиксацию и изъятие следов, в-третьих — на то и другое. Большое разнообразие следов, в том чи-

³ Скорченко П. П. Криминалистика. Техничко-криминалистическое обеспечение расследования преступлений: учеб. пособие. М., 1999. С. 76.

сле и микрообъектов, которые могут быть обнаружены на теле освидетельствуемого, различие их свойств требуют также определенной специфики их обнаружения, фиксации и изъятия.

Отсутствие у человека определенных частей тела, неправильное их развитие, различные рубцы, патологические пигментации и татуировки, как правило, обнаруживаются визуально. Визуальные методы обнаружения особых примет, их следов, основанные на использовании различных приборов, как правило, совершенно безопасны для здоровья освидетельствуемого. Заметим, что решение вопроса об опасности того или иного действия для здоровья освидетельствуемого входит в компетенцию врача. Заметную трудность представляет обнаружение следов исчезнувшей или уничтоженной татуировки. В этом случае могут применяться лупа «Регула», ультрафиолетовые осветители «Таир-1», «Квадрат». В инфракрасных лучах, как правило, заметны неразличимые невооруженным глазом следы того красящего вещества, которое было использовано для изготовления татуировки. Хороший эффект дает использование светофильтров (ИКС-1, ИКС-2 или ИКС-3), которые имеются в комплекте электронно-оптического преобразователя «Рельеф-1».

Волосы, следы крови, спермы, мочи, пота, женского молока, выделений из носа, влагалища содержат в себе важную информацию, необходимую для установления истины по уголовному делу. В связи с тем, что отыскание, фиксация и изъятие названных следов сопряжены с определенными трудностями, целесообразно использовать современные НТС. Применение их требует навыков и опыта. Поэтому целесообразно приглашать для участия в освидетельствовании следователя-криминалиста или врача.

Названную группу следов следует искать при ярком боковом освещении с использованием лупы, в избранной последовательности, осматривая каждый участок.

Применение ультрафиолетового осветителя «Квадрат» для отыскания следов крови дает хорошие результаты. В ультрафиолетовых лучах следы крови чаще всего имеют темно-коричневый и бархатистый вид, а замкнутые следы крови — темно-бурую окраску. Со временем следы крови при освещении ультрафиолетовыми лучами могут приобретать оранжево-красный цвет. Для отыскания следов крови с помощью ультрафи-

олетовых лучей необходимо проявлять определенную осторожность. Их воздействие на следы крови в течение более 5 секунд приводит к разрушению ДНК, что в последствии не позволит произвести генетическую экспертизу⁴.

Следы продуктов выстрела образуются на тыльной поверхности кисти руки стрелявшего. Визуально эти следы неразличимы. Не помогает их обнаружению использование лупы, ультрафиолетового осветителя или электронно-оптического преобразователя (ЭОП). Поэтому у лиц, заподозренных в производстве выстрела, ватным тампоном, смоченным в спирте, снимают продукты выстрела. Снятие с кистей рук стрелявшего следов продуктов выстрела необходимо произвести в предельно короткие сроки, так как барий и сурьма, входящие в их состав, быстро улетучиваются.

При курении гашиша содержащиеся в нем каннабиноиды частично концентрируются в полости рта, на губах и коже рук. Визуально и с помощью технических средств они не обнаруживаются. Для их изъятия ватным тампоном, смоченным в спирте или водно-спиртовом растворе протирают ладони и пальцы рук. Установлено, что каннабиноиды могут сохраняться на коже пальцев руки в течение пяти суток.

Набор для экспресс анализа наркотических веществ «Политекс» применяется для определения наркотиков растительного происхождения и фармацевтической продукции⁵. В него входят 11 тестов на следующие виды наркотиков: конопля, гашиш, марихуана, опий-сырец, соломка мака, морфий, героин, промедол, эфедрин, барбитураты, кокаин, амфетамины, лизергиновая кислота (ЛСД). Если при применении тестов при обработке препаратов, похожих на наркотики, выявляется положительная реакция, они изымаются и направляются на судебно-химическую экспертизу.

Думается, что для повышения квалификации следователей необходимо систематически информировать их о современных возможностях НТС, обучать обращению с ними, практиковать совместные действия следователя и специалистов-криминалистов по применению НТС в ходе освидетельствования.

4 Торбин Ю. Г. Освидетельствование, как способ собирания доказательств на стадии предварительного расследования: Научно-практическое пособие. — М.: Юрлитформ, 2005. С. 188.

5 Шурухнов Н. Г. Криминалистика: учебник. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2011. С. 80.

ХУЛИГАНСКИЙ МОТИВ В СОСТАВЕ КВАЛИФИЦИРОВАННОГО УБИЙСТВА

Б. В. Сидоров,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Татарстан
(ФГАУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»),
кафедра уголовного процесса и криминалистики, профессор),

А. Г. Бабичев,

кандидат юридических наук
(ФГАУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»),
кафедра уголовного процесса и криминалистики, докторант)

*Низкая душа, надутая гордость есть не что иное,
как грязь, пришедшая в брожение.*

П. Буаст

Особая низменность, а значит, и повышенная общественная опасность убийства, совершаемого из хулиганских побуждений, состоит в том, что в таких преступлениях убийца действует из «явного неуважения к обществу, к общепринятым нормам морали, когда поведение виновного является **открытым вызовом общественному порядку** и обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение (например, умышленное причинение смерти без видимого повода или с использованием незначительного повода как предлога для убийства)». Такое определение хулиганского мотива как квалифицирующего признака убийства дается в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». Пленум приводит типичные примеры, когда **отсутствие** или **незначительность повода** является, по его

мнению, **«открытым вызовом общественному порядку»** и, следовательно, убийство при таких обстоятельствах представляется **демонстрацией явного неуважения к обществу, пренебрежения к правилам общежития и нормам морали.**

Однако в Постановлении 1999 г. Пленум указывает на то, что убийца в таких случаях действует из «желания **противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение**». Полагаем, что хулиганский мотив как **внутреннее побуждение лица** далеко не всегда может проявляться **внешне в обстановке публичности**, то есть как **демонстрация окружающим своего пренебрежительного к ним отношения**. Достаточно, чтобы оно было совершено без повода либо из желания использовать незначительный повод как предлог для убийства. В действовавших ранее постановлениях Пленума от 27 июля 1975 г. и от 22 декабря 1992 г. хулиганский мотив был описан иначе.

Так, в Постановлении 1975 г. под убийством из хулиганских побуждений понималось «убийство, совершенное на почве явного неуважения к обществу, пренебрежения к правилам общежития и нормам... морали, без повода либо из желания использовать незначительный повод как предлог для убийства». В Постановлениях 1975 и 1992 гг. совершение убийства без повода или по незначительному поводу не рассматривалось в качестве примера убийства в **обстановке публичности**, то есть как **демонстрация окружающим своего пренебрежительного отношения** как к ним самим, так и к правилам общежития и нормам морали, в процессе убийства в некоем общественном месте. В Постановлении 1999 г. обстановка публичности усматривается также при совершении деяния, скажем, в квартире, в доме или в безлюдном месте в присутствии других людей, не являющихся соучастниками преступления.

Хулиганские побуждения — мотив особенный в плане той особой социальной детерминации, которая лежит в основе их возникновения и существования. На первый план в них выступают обстоятельства нравственного формирования и воспитания личности, а не особенности конкретной ситуации, в которой они проявились¹.

Сейчас в российском обществе отмечается резкое падение нравов, бескультурье, замена социально-значимых духовных ценностей индивидуализмом и гипертрофированным эгоизмом, элементами паразитизма и «блатной» субкультуры. Эти социально-психологические факторы играют все более негативную роль в формировании личности российских граждан, их влечений, потребностей и интересов.

По словам А. А. Семериковой, «в сознании людей укрепилась идея о безнаказанности применения насилия, которая стала не просто инструментом достижения цели и защитой собственных интересов, но рассматривается как своеобразная возможность самовыражения, самоцель, «насилие ради насилия». Крайним проявлением подобного вида насилия является убийство из хулиганских побуждений»².

Термин «хулиганство» толкуется как «поведение, обнаруживающее явное неуважение к обще-

ству, к достоинству человека, грубое нарушение общественного порядка, бесчинство»³.

Хулиганские побуждения формируются под влиянием непосредственной ситуации. Но решающая роль в этом процессе принадлежит индивидуально-психологическим особенностям личности виновного, которые задают «тон», формируют содержание и направленность его будущих действий. «Основа хулиганских побуждений, — пишет Б. С. Волков, — бескультурье, невоспитанность, жестокость»⁴. Доля убийств из хулиганских побуждений, совершенных с особой жестокостью возросла за последние десять лет на 20% и составила 63% от общего количества всех регистрируемых в России подобных уголовно-правовых деяний. Наблюдается отчетливая тенденция ужесточения методов насилия (в 60% случаев сопряжено с глумлением и издевательством над жертвой как физическим, так и психическим стремлением причинить ей как можно больше страданий)⁵.

При характеристике личностных свойств лица, совершающего убийство из хулиганских побуждений, которые доминируют, направляя поведение виновного, исследователи отмечают склонность к жестокости, повышенную агрессивность и тревожность, самоуверенность, завышенный уровень притязаний по сравнению с имеющимися возможностями, разнуданный эгоизм, чувства озлобленности, неудовлетворенности, доходящие порой до безотчетной злобы и тупого отчаяния, неуверенности, неполноценности и ущемленности. Каким бы ни был многоликим хулиганский мотив, «в нем всегда выражается стремление как-то проявить себя, выразить показное пренебрежение к другим людям, обществу, законам и правилам общежития»⁶.

Хулиганские побуждения при убийстве заключаются в основном «в стремлении открыто противопоставить себя общественному порядку, общественным интересам, показать свое пренебрежение к окружающим, проявить цинизм, жестокость, дерзость, учинить буйство и бесчинство, показать грубую силу и пьяную “удаль”, отомстить кому-либо за явно незначи-

3 Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 871.

4 Волков Б. С. Указ. соч. С. 50.

5 Семерикова А. А. Указ. соч. С. 4.

6 Волков Б. С. Указ. соч. С. 53.

1 Волков Б. С. Мотивы преступлений. Казань, 1982. С. 49–50.

2 Семерикова А. А. Предупреждение убийств из хулиганских побуждений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 3–4.

тельную обиду, за справедливо сделанное замечание и т. п.»⁷.

Авторы согласны с мнением Г. Н. Борзенкова, который считает, что «признак хулиганских побуждений непосредственно вытекает из понятия хулиганства. Можно сказать, — пишет он, — что убийство из хулиганских побуждений и есть хулиганство, выразившееся в причинении смерти другому человеку»⁸.

Все известные исследователи данной проблемы, как и Пленум Верховного Суда РФ, выделяют наиболее характерные проявления хулиганского мотива в совершенных убийствах: явное неуважение к обществу, показанное пренебрежение к окружающим, обществу, стремление противопоставить себя общественному порядку, показать дерзость, жестокость, цинизм и т. п. Именно это и проявляется в действительности, обнаруживается по материалам уголовных дел.

Е., находясь в нетрезвом состоянии в своей квартире, поссорился со своей сожительницей П. После ссоры он взял из квартиры нож, вышел на улицу и пошел в район железнодорожного вокзала, где обратился к Н., занимавшемуся частным извозом, и попросил его подвезти за плату по названному им адресу. Находясь в плохом настроении после ссоры с сожительницей, он решил выместить злобу на первом встречном, которым оказался Н. Согласившись отвезти на автомобиле Е. по названному им адресу, он довез его до подъезда названного пассажира дома, после чего Е. без видимого повода имевшимся при себе ножом умышленно нанес тому удар в область передней поверхности шеи справа и несколько ударов рукояткой ножа в область правого плеча, после чего с места происшествия скрылся, оставив истекавшего кровью потерпевшего умирать.

Обосновывая квалификацию содеянного Е. как убийства из хулиганских побуждений, суд указал в приговоре, что мотив совершенного подсудимым преступления выражается в стремлении открыто противопоставить свое поведение общественному порядку, интересам других людей, показать свое пренебрежение к окружающим, продемонстрировать цинизм, жестокость, дерзость, показать грубую силу. Именно поэтому после ссоры со своей сожительницей он принял

решение совершить убийство человека, желая выместить свою злость на окружающих его людях. Перед совершением убийства Е. не был знаком с потерпевшим, между ними не возникло никакого конфликта, ссоры или разногласий, а значит, и личных неприязненных отношений. Действия подсудимого целиком проистекали из эгоизма, связанного с неуважением к личности и человеческому достоинству других людей, безразличным отношением к жизни человека, пренебрежением к законам и правилам общежития.

По мнению суда, Е. совершил убийство Н. на почве явного неуважения к обществу и общественным нормам морали; его поведение в инкриминируемый период времени сопровождалось открытым вызовом общественному порядку и обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать грубую силу и выместить свою злость и неудовлетворенность на других людях⁹.

В приведенном примере особенно ярко просматривается бессердечие и жестокость натуры убийцы, хладнокровно лишаящего жизни совершенно безвинного человека. Судя по материалам дела, виноват был любой «подвернувшийся под руку», первый встречный человек, на котором злобному эгоисту хотелось сорвать зло, «спустить пар» и разрядиться в кровавом поступке. Ведь для такого эгоиста ничего не свято. Это именно такой отъявленный и злобный эгоист, о котором И. С. Тургенев писал: «такие эгоисты и сами не живут, и другим не дают»¹⁰.

Выявляя, как правило, злобную и эгоистичную натуру хулигана-убийцы, незначительный повод или его отсутствие в ситуации преступления практически узнаваемы и близки. В обоих случаях «нормальный» — умственно и нравственно здоровый человек рассуждает так: «Не понятно, как из-за такой «ерунды», фактически из-за ничего, можно убить человека!..» В то же время немало поводов (например, корысть, зависть, ревность, ненависть, месть, вызванная личной обидой и не являющаяся основанием для возникновения «оправданного» аффекта у виновного) кажутся людям если и не извинительными, то понятными, хоть как-то объясняющими мотивацию и умысел

7 Побегайло Э. Ф. Избранные труды. СПб., 2009. С. 513.

8 Борзенков Г. Н. Преступления против жизни и здоровья. М., 2008. С. 106.

9 Приговор Липецкого областного суда по делу Е. по обвинению в преступлении, предусмотренном п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ // Архив Липецкого областного суда за 2012 г.

10 Энциклопедия мудрости: в 2 кн. Книга первая. СПб., 2000. С. 223.

виновного на убийство. По мнению Пленума Верховного Суда РФ, такие поводы нельзя признавать незначительными. В отсутствие квалифицирующих признаков, указанных в ч. 2 ст. 105 УК РФ содеянное квалифицируется как «простое» убийство.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ совершение убийства из мести за «приставания» к сожительнице виновного не признала убийством из хулиганских побуждений. Хотя убийство происходило в обстановке публичности, в присутствии посторонних, однако оскорбительное приставание к сожительнице признано Судебной коллегией «достаточным», то есть «значительным» поводом для убийства¹¹.

В другом случае по делу Е. и Ю., которые совершили убийство Л., чтобы «раскрутиться» и перевестись в другое исправительное учреждение, было признано Судебной коллегией Верховного Суда РФ совершенным из стремления проявить крайнее пренебрежение к личности потерпевшего и противопоставить себя ему, проявить неуважение, то есть совершенным из хулиганских побуждений¹². Желание заслужить «тюремный» авторитет Судебная коллегия расценила как менее значительный повод, чем «приставание» к сожительнице.

Открытый, демонстративный, рассчитанный на сильное восприятие окружающими характер убийства помогает выделить из круга убийств без повода или по незначительному поводу те, что совершаются с доминирующим антиобщественным мотивом.

Нередко убийство из хулиганских побуждений сопровождается уголовно-наказуемым хулиганством. При реальной совокупности этих преступлений содеянное в целом следует квалифицировать по п. «и» ч. 2 ст. 105 и ст. 213 УК РФ.

Так, Ч., А-ев, А-биев, И-мов, И-лов, и У. признаны виновными в том, что в течение часа в предполуденное время, находясь в кафе и распивая спиртные напитки, поссорились с неустановленным лицом в присутствии других посетителей кафе. В ходе возникшего конфликта У. выстрелил

из пистолета в пол, после чего неустановленный мужчина, опасаясь расправы, покинул кафе.

Ночью следующих суток подсудимые, находясь в том же кафе, вспомнив вчерашнее происшествие, договорились напасть на кого-нибудь из незнакомых им людей, используя при этом имеющийся у Ч. пистолет и другие орудия насилия.

Во исполнении задуманного, находясь на улице, Ч., А-ев, А-биев, И-мов, И-лов и У., увидели у остановки общественного транспорта П., С., Г., К. и Ф. и выбрали их в качестве жертв неспровоцированного нападения. Используя незначительный повод — высказывание П., подсудимые напали на указанных лиц и с применением пистолета и найденной на месте события стеклянной бутылки начали их избивать, нанося им удары руками и ногами, а А-биев нанес удар бутылкой по голове К., совместно с У-биевым ударили К. головой о стоящий автомобиль, осколком от разбившейся бутылки А-биев нанес удары Ф. и Г., а Ч. произвел несколько выстрелов из пистолета в Ф. и С. Затем Ч. подошел к С. и произвел в него несколько выстрелов в упор в голову и с близкого расстояния ему в живот, отчего наступила смерть потерпевшего. После этого Ч. шесть раз выстрелил в Г., целясь ему в голову, причинив ему многочисленные ранения. В связи с тем, что Г. закрывался руками, отводил ствол пистолета, оказывал активное противодействие, пытаясь уклониться от выстрелов, а также в связи тем, что в пистолете, находящемся в руке Ч., кончились патроны, Г. остался жив. После случившегося ему была своевременно оказана медицинская помощь.

Вердиктом присяжных заседателей установлено, что Ч. который произвел выстрелы из пистолета в голову и в живот С., а также выстрелы в Г., целясь ему в голову, вышел за пределы договоренности с остальными подсудимыми, то есть действовал в условиях эксцесса исполнителя, поскольку предварительной договоренности об убийстве в процессе группового хулиганства между соучастниками не было.

Действия Ч. судом квалифицированы: по ч. 2 ст. 213 УК РФ, как грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное с применением оружия, используемого в качестве оружия, группой лиц по предварительному сговору; по п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ, как убийство, совершенное из хулиганских побуждений; по ч. 3 ст. 30 пп. «а», «и» ч. 2

11 Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2002 г. (Дело Саргояна) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 8.

12 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26 августа 2010 г. № 51-010-54 // СПС «Консультант».

ст. 105 УК РФ, как покушение на убийство двух лиц и из хулиганских побуждений¹³.

Пленум Верховного Суда РФ считает необходимым квалифицировать по п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ и соответствующей части ст. 213 УК РФ случаи убийства из хулиганских побуждений, которое сопровождалось совершением умышленных действий, грубо нарушающих общественный порядок, выражающих явное неуважение к обществу, с применением насилия к гражданам либо угрозы его применения, а равно с уничтожением или повреждением чужого имущества¹⁴.

Исходя из этого, квалификация содеянного Ч., в вышеприведенном примере по п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, сомнений не вызывает. Однако спорно невменение Ч. Хулиганского мотива при квалификации содеянного как покушения на убийство Г.

Вместе с тем применение Ч. пистолета во время группового хулиганства придавало этому преступлению особую дерзость и было обусловлено предварительной договоренностью перед нападением соучастников на потерпевших. Поэтому вменение Ч. хулиганства по признаку «совершенного группой лиц по предварительному сговору» «с применением оружия» (ч. 2 ст. 213 УК РФ), когда он в процессе совершения злостного хулиганства вышел за пределы договоренности и при эксцессе исполнителя совершил убийство одного потерпевшего, а затем покушение на убийство другого, также вполне обоснованно. Выстрелы Ч. во время нападения его и соучастников на потерпевших придали особую дерзость действиям хулиганов в процессе грубого нарушения ими общественного порядка и парализовали активное сопротивление жертв нападения. Нападение носило ярко выраженный публичный характер и совершалось с применением насилия. Эпизод с применением Ч. оружия следует рассматривать в контексте злостного хулиганства, которое учинили публично Ч. и его соучастники, и как соответствующее посягательство на жизнь двух человек, совершенное во время хулиганства и из хулиганских побуждений.

Убийство из хулиганских побуждений часто происходит на почве ссоры, драки. Иногда ему

предшествуют возникшие до этого события неприязненные отношения, сложившиеся между виновным и потерпевшим или потерпевшими. Для правильного отграничения убийства из хулиганских побуждений от убийства в ссоре либо в драке на почве личных неприязненных отношений или из мести, вызванной обидой, нанесенной потерпевшим убийце в данной конфликтной ситуации, Пленум Верховного Суда РФ требует выяснять, кто явился их инициатором, не был ли конфликт спровоцирован виновным для использования его в качестве повода к убийству. Если зачинщиком ссоры или драки явился потерпевший, а равно в случае, когда поводом к конфликту послужило его противоправное поведение, виновный не может нести ответственность за убийство из хулиганских побуждений¹⁵.

О незначительности или ничтожности повода к убийству может свидетельствовать непротивоправное или вполне извинительное поведение потерпевшего в ситуации преступления, вызвавшее обиду у виновного и обнаружившее эмоциональную и моральную распушенность его личности.

П. пришел в дом к своей знакомой М. и попросил у нее чаю, но она ему в его просьбе отказала. Обидевшись за это на М., он убил ее. Поводом для конфликта и убийства послужил явно незначительный, вполне правомерный повод — отказ потерпевшей дать виновному чай. Странно, что Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ не усмотрела в совершенном деянии убийства из хулиганских побуждений, а сделала вывод, что П. совершил убийство М. на почве личных неприязненных отношений¹⁶.

В другом случае Н. пришел в дом престарелой М., инвалида 1-ой группы, и попросил у нее в долг деньги. Получив отказ, он нанес потерпевшей удар молотком по голове. В ходе следствия и суда Н. утверждал, что потерпевшая не только отказалась дать ему займы деньги, но и стала упрекать его в попрошайничестве и злоупотреблении спиртными напитками, что соответствовало действительности. «Он обиделся, взял молоток и убил М.». Убийство при таких обстоятельствах Президиум Верховного Суда РФ признал

13 Приговор Московского городского суда по делу А-ева, А-биева, И-мова, И-лова, У. и Ч. // Архив Московского городского суда за 2011 г.; дело № 2-84/11.

14 П. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».

15 П. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».

16 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12 августа 2010 г.; дело № 56-10-32 // СПС «Консультант Плюс».

совершенным на почве личных неприязненных отношений¹⁷.

В обоих случаях выводы Верховного Суда РФ, о том, что поводы для убийства у виновных были «значительными» (отказ жертвы поделиться чаем или отказ дать деньги в займы и высказанные в адрес виновного справедливые упреки в попрошайничестве виновного и злоупотреблении им спиртными напитками) и не свидетельствуют о хулиганском мотиве убийств, представляются ошибочными. Совершение преступлений в отсутствие признака публичности повлияло на вывод о том, что осужденный в момент убийства не желал продемонстрировать свое пренебрежительное отношение к обществу.

Когда преступление совершено на почве личных неприязненных отношений и в ходе возникшей ссоры либо драки, содеянное надо оценивать как убийство из хулиганских побуждений, если в основе зарождения и развития неприязни между виновным и потерпевшим или потерпевшими лежит противоправное поведение будущего убийцы, а в процессе предшествующих ссор либо драк четко проявились такие отрицательные черты хулигана, как дерзость, цинизм, жестокость, явное неуважение к другим людям, гипертрофированный эгоизм, пренебрежение к требованиям закона, морали и правилам общежития и т. п.

Н. признан виновным в преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 105, ч. 1 ст. 112, ч. 1 ст. 115 УК РФ.

Н-ва с малолетним сыном после очередного скандала с мужем приехала в гости к родителям К-вым. Зная о постоянных скандалах между дочерью и Н., они решили, что ее с внуком не отпустят, и те остались жить у них.

Спустя месяц Н., поймав жену с сыном на улице, силой затаскил их домой. Там он выпил спиртного и устроил скандал, после чего Н-ва сбежала с сыном из своего дома к родителям. Н. звонил им, выражался нецензурными словами, угрожал жене расправой.

Через 2 месяца Н., будучи в нетрезвом состоянии, пошел за женой и сыном на квартиру к ее родителям К-вым. Его в квартиру вначале не пускали, но потом открыли входную дверь. К. В. пытался остановить зятя, и стал выталки-

вать Н. из квартиры. Затем он и его сын К. А. взяли Н. за руки и стали выводить его в подъезд дома. Подсудимый вытащил находившийся у него в кармане брюк нож, и правой рукой нанес удар им К. А. в область шеи слева, затем нанес К. А. ножом удар по голове, шее сзади, в область левой руки, откусил кусок левого уха и выплюнул. К. А. забежал в квартиру, оделся и вернулся обратно, из его шеи началось обильное кровотечение. Н. снова попытался ударить его ножом. К. В. схватился левой рукой за лезвие ножа и опустил руку Н. с ножом вниз, прижав ее к стенке. Н. удалось выдернуть свою руку с ножом, в результате чего он порезал руку К. В. до сухожилия. В этот момент из квартиры выбежала К-ва и набросилась на Н., схватила его за волосы, а затем вырвала из рук зятя (Н.) нож. К-вы находились в шоковом состоянии, кровотечение у К. А. продолжалось, что привело к наступлению смерти. Воспользовавшись замешательством хозяев, Н. заскочил в их квартиру и закрыл за собой дверь, оставив их снаружи.

Находясь в квартире К-вых, он стал избивать жену и малолетнего сына. Снаружи были слышны крики и плач Н-вой и ее малолетнего сына. Соседи также выбежали в подъезд, все стучались в дверь квартиры К-вых, уговаривали Н. прекратить бесчинства и открыть дверь. Но тот на все их крики и уговоры не реагировал, продолжая избивание жены и сына. Тогда соседи вызвали скорую помощь и милицию. Он прекратил избивание потерпевших, затолкал их на кухню, перерезал там ножом резиновую газовую трубу и в помещение пошел газ. В это время с улицы разбили окно кухни, через него зашли люди, задержали Н., а Н-ву с сыном через окно спальни вывели на улицу¹⁸.

Суд признал, что Н. совершил убийство и другие указанные преступления «на почве личных неприязненных отношений» с потерпевшими, а не из хулиганских побуждений.

По нашему мнению, содеянное Н. надлежало квалифицировать по п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ч. 3 ст. 30, пп. «а», «е» ч. 2 ст. 105 и ч. 2 ст. 213 УК РФ, как убийство, совершенное из хулиганских побуждений (по факту убийства К. А.), покушение на убийство двух или более лиц и общеопасным способом (по фактам покушения на убийство

¹⁷ Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за 3-й квартал 2006 г.: постановление Президиума Верховного Суда РФ № 164 П 06 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 6.

¹⁸ Архив Кировского районного суда г. Уфы за 2011 г.; дело № 1-217/10.

К. В., Н-вой и сына) и хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, связанное с сопротивлением лицам, пресекающим нарушение общественного порядка.

Хулиганские побуждения, как таковые, и в данном случае выражают негативную сущность личности хулигана-убийцы, его злобно-жестокую натуру, негативное отношение к обществу, другим, даже близким людям, готовность выместить злобу на тех, кто не желает выполнить или мешает осуществлению его часто неразумных, нелепых и эгоистичных желаний, порой возникающих неожиданно и претендующих на сиюминутное исполнение.

По материалам уголовного дела Н. характеризуется крайне отрицательно: нигде не работал; злоупотреблял спиртными напитками; жил на иждивении жены и ее родителей, нередко избивал жену, надолго не отпускал ее с сыном даже к родителям. Его жестокость и гипертрофированный эгоизм проявились во всей полноте и во время происшествия: учинив скандал в квартире родителей супруги, а затем и в подъезде их дома он цинично убил брата жены, ранил, покушаясь на жизнь, тестя, пытался отравить газом жену с малолетним ребенком, предварительно жестоко их избив; на просьбы собравшихся у квартиры и в подъезде дома потерпевших, а также и на требования сотрудников правоохранительных органов прекратить бесчинства, не реагировал; продолжал свои преступные действия. Признание судом того, что Н. при таких обстоятельствах действовал из неприязненных личных отношений к потерпевшим, включая и малолетнего ребенка, и очевидцев, и сотрудников полиции, представляется не только ошибочным, но и по меньшей мере странным выводом.

Малозначительность или ничтожность повода, который виновный в убийстве из хулиганских побуждений использует для убийства, ярко иллюстрирует антиобщественные свойства его личности, помогает распознать и правильно оценить социально-правовую природу его преступного поведения.

Г., войдя в заброшенный дом, посветил фонариком и, заметив, что какой-то человек зашевелился на земле в правой стороне одной из комнат дома, выстрелил в этого человека и убил его. Г. объяснял причину совершенного им убийства «бомжа», который спал в заброшенном доме, ска-

зал, что «напился» и решил повеселиться путем убийства «никчемного» человека¹⁹. При этом суд не признал **публичность** обязательным признаком, позволяющим установить хулиганский мотив убийства.

В одном из определений по уголовному делу Судебная коллегия Верховного Суда РФ прямо указала, что «отсутствие на месте совершения преступления посторонних лиц... не исключает совершение убийства из хулиганских побуждений»²⁰.

Хулиганские побуждения нелегко отграничить от других мотивов убийства. Чтобы избежать ошибок в этом вопросе, в каждом конкретном случае необходимо глубоко изучать и анализировать особенности личности виновного, его поведение и взаимоотношения с потерпевшим, чтобы установить роль определенных свойств его личности в данном убийстве, место этого преступления в системе личности преступника. Столь же важно анализировать повод, который послужил толчком к совершению конкретного убийства. Анализ такого повода, как справедливо пишет Г. Н. Борзенков, «должен быть нацелен на установление мотива в действиях виновного»²¹.

Хулиганский мотив — это ничтожный мотив. Его ничтожность раскрывается через непосредственный повод, с которым виновный связывает свое поведение. В убийстве из хулиганских побуждений, как и вообще в хулиганских действиях, внешне видимым толчком к совершению преступления служит какое-либо само по себе незначительное, можно сказать, мизерное обстоятельство, которое находится в полном несоответствии с совершённым действием и наступившими последствиями»²².

Особенно наглядным проявлением хулиганского мотива является совершение преступления при отсутствии непосредственного повода. Вследствие отсутствия или явной незначительности непосредственного повода убийство из хулиганских побуждений часто кажется безмотивным,

19 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 июня 2010 г. № 44-010-45 // СПС «Консультант Плюс».

20 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 июня 2006 г. № 4-006-68 // СПС «Консультант Плюс».

21 Борзенков Г. Н. Преступления против жизни и здоровья. М., 2008. С. 221.

22 Волков Б. С. Мотив и квалификация преступлений. Казань, 1968. С. 72–73.

происходящим целиком из неких отрицательных качеств личности убийцы и не связанным с какими-либо влияниями внешней ситуации. Но, как волевой поступок, убийство не может быть совсем немотивированным и причинно необусловленным. В случаях, когда убийство совершается, как указывается в Постановлении 1999 г., «без видимого повода», суд обязан для установления подлинного мотива преступления определить этот повод, каким бы ничтожным он ни оказался, и о возможности более глубоко изучить личность виновного, его взаимоотношения с потерпевшим, причины существующих между ними неприязненных отношений, если таковые имели место, роль виновного и потерпевшего в том, почему они сложились такими между убийцей и его жертвой. При этом противоправное или глубоко аморальное поведение потенциального убийцы, послужившее основой его неприязненных отношений с потенциальной жертвой, не исключает возможность квалификации убийства, как совершенного из хулиганских побуждений.

Неустановление мотива убийства, впрочем, как и любого другого преступления, где он играет особую роль в определении степени вины лица и в квалификации преступления, исключает возможность привлечения виновного к уголовной ответственности и его осуждение за содеянное. Мотив играет особую роль в принятии решения о совершении соответствующего преступления

и в оценке его с позиции уголовного закона. Поэтому согласно п. 2 ст. 73 УПК РФ при производстве по уголовному делу подлежит доказыванию «мотив» совершения преступления. Исходя из этого, рекомендация высшей судебной инстанции страны осуждать лица, виновного в убийстве, при исключении в ходе судебного разбирательства хулиганского мотива в связи с его недоказанностью и невозможностью установить иной, действительный мотив убийства, за «простое» убийство, не соответствует закону²³. В таких случаях Судебная коллегия Верховного Суда РФ вполне обоснованно, ссылаясь на ст. 73 УПК РФ, отменяла приговоры, которыми лицо осуждалось за убийство, совершенное по неустановленному мотиву²⁴.

В случаях, когда поводом для убийства становится противоправное или глубоко аморальное и оскорбительное или вызывающее поведение потерпевшего, когда виновный убивает потерпевшего в ответ на инициирование последним ссоры или драки, и повод для этого можно признать значительным, то хулиганский мотив совершенного при этом убийства исключается²⁵. Если замечание будущей жертвы, породившее конфликт (ссору и драку) между виновным и жертвой, правомерно или даже справедливо, то этот повод, использованный виновным для убийства последнего представляется ничтожным и может свидетельствовать о том, что убийство совершено из хулиганских побуждений.

23 Постановление Президиума Верховного Суда ССФ по делу Ж. // Практика прокурорского надзора при рассмотрении судами уголовных дел. Сборник документов. М., 1987. С. 254–256.

24 Определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ: от 26 марта 2003 г. № 16-002-99; от 19 мая 2005 г. № 66-005-41 // СПС «Консультант Плюс».

25 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 июля 2010 г. № 31-010-15 // СПС «Консультант Плюс».

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТАКТИКА: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

С. Ю. Якушин,

кандидат юридических наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный юрист Республики Татарстан (ФГАУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»), кафедра уголовного процесса и криминалистики, доцент

Осмысление состояния преступности прошлого и начала нынешнего столетия позволяет рассматривать это социальное явление как нежелательный, но закономерный феномен. Отмечается парадокс: усиливающиеся проявления противоправного поведения становятся спутником человеческого прогресса. Преступный мир сегодня приспособляется к новым условиям, приобретает активный, агрессивный и все более организованный характер. Преступность проникает в новые сферы общественных отношений, успешно используя для этого новейшие достижения науки и техники, пробелы в действующем законодательстве. Меняется и сама личность преступника, его профессиональный и интеллектуальный уровень. В современных условиях остро ощущается необходимость разработки новых и совершенствования имеющихся адекватных средств обеспечения эффективной деятельности следственных, судебных, оперативно-розыскных и экспертных органов¹.

В решении этой актуальной задачи очевидна роль криминалистики как отрасли знаний, стоящей на передовом рубеже противодействия преступности. Современный этап развития криминалистики характеризуется активным, целенаправленным поиском эффективных путей совершенствования следственной, судебной и экспертной деятельности

на фундаментальной теоретической основе. Наиболее значимые криминалистические концепции разрабатываются на базе познанных закономерностей научно-технического прогресса, потребностей судебно-следственной практики, прогностического видения вероятных путей развития и структурных изменений преступных проявлений, а также международного опыта борьбы с ними. Важным фактором развития криминалистики выступает и её интеграция с другими отраслями знаний.

В области современного тактико-криминалистического обеспечения деятельности правоохранительных органов сегодня признается важным унифицировать сложившиеся научные взгляды на предмет криминалистической тактики, сферу её реализации и структуру как самостоятельного раздела криминалистики. Все более ощутимой становится необходимость обоснования целесообразности расширения познавательных границ криминалистической тактики, распространения её рекомендаций на сферу судебного рассмотрения уголовных дел. В этой связи подлежит уточнению выделение в структуре криминалистической тактики таких элементов, как тактика суда (судьи), тактика государственного обвинителя. Важной задачей стала разработка организационных и тактических основ судебного следствия, предложение эффективной системы судебных действий, определение наиболее целесообразных тактических средств их осуществления в состязательном процессе.

¹ Об этом см.: Рекомендации Международной научно-практической конференции «Криминалистика XXI века». Харьков, 2010. С. 3.

Представляется целесообразным продолжить формирование и совершенствование отдельных научных теорий (учений), которые относятся к сфере криминалистической тактики, в том числе теории тактико-криминалистического обеспечения предварительного и судебного следствия. Требуют дальнейшего совершенствования теории принятия тактических решений, следственной ситуации, систематизации тактических средств, используемых в уголовном судопроизводстве, преодоления противодействия расследованию. В современном осмыслении нуждаются теории тактического риска, обеспечения безопасности лиц, содействующих раскрытию, расследованию преступлений, а также судебному разбирательству уголовных дел.

Следует активизировать научные исследования проблем комплексного использования организационно-тактических средств в стадии предварительного расследования как оптимальной совокупности взаимосвязанных единой целью действий (организационных, контрольно-ревизионных, оперативно-розыскных, следственных), направленных на обеспечение наиболее эффективного решения тактических задач, возникающих в определенных следственных ситуациях. Особенности организационно-тактических средств как разновидности средств криминалистической тактики, очевидно, следует считать соединением в них организационных и тактических основ. При этом под организационными основами, прежде всего, следует понимать оптимальное взаиморасположение и взаимосвязь элементов определенного комплекса (комбинаций, операций), проведение которых обусловлено единой целью и осуществляется в определенных условиях места и времени. Тактические основы, в свою очередь, предполагают ситуационную зависимость, избирательность, вариативность и целесообразность в применении определенных тактических средств, их направленность на решение соответствующих тактических задач расследования.

В тактико-криминалистическом обеспечении предварительного и судебного следствия в современных условиях важным направлением научных криминалистических исследований является ситуационный подход. Его реализация предполагает иерархическое построение ситуаций: следственная ситуация (ситуация следственного (судебного) действия); ситуация тактической комбинации (операции); также типизацию, выделение к ним систем соответствующих следственных (судеб-

ных), оперативно-розыскных, иных действий и тактических средств.

С учетом современного состояния, тенденций развития криминалистической тактики и судебной практики нами обоснованы следующие положения и рекомендации, касающиеся задач и средств тактико-криминалистического обеспечения исследования доказательств в суде².

Полагаем, что в современных условиях понятие криминалистической тактики можно определить следующим образом: *криминалистическая тактика представляет собой раздел науки криминалистики, включающий систему теоретических положений и практических рекомендаций по определению допустимой оптимальной линии поведения лиц, осуществляющих предварительное расследование, а также судебное рассмотрение уголовных дел*. Считаем, что в структуру криминалистической тактики на современном этапе её развития следует включать следственную тактику, а также тактику судебного следствия (исследования доказательств в суде). При этом на наш взгляд, *тактика судебного следствия — это разрабатываемая наукой криминалистикой, апробированная судебной практикой система положений и рекомендаций по избранному и применению с учётом сложившейся судебной ситуации допустимых тактических приемов, а также наиболее эффективной и целесообразной линии поведения при исследовании доказательств в целях успешного решения задач уголовного судопроизводства*. Такой подход к пониманию сущности и структуры криминалистической тактики разделяется и нашими зарубежными коллегами³.

Криминалистическое обеспечение судебного следствия в целом, на наш взгляд, представляет собой систему криминалистических знаний, основанных на них навыков и умений производящих судебное разбирательство лиц использовать научные криминалистические рекомендации, применять криминалистические средства, методы и технологии в целях успешного решения задач уголовного судопроизводства. В структуре крими-

2 Подробнее об этом см.: Якушин С. Ю. Актуальные проблемы тактико-криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства в современных условиях // Криміналістика XXI століття: матеріали міжнар. наук.-практ. конф. (25–26 листопа. 2010 р.). Харків: Право, 2010. С. 554–560.

3 См., например: Коновалова В. Е. Криминалистическая тактика: принципы и функции // Криминалістика и судебная экспертиза. Киев, 1981. Вып. 22. С. 40; Специализированный курс криминалистики: учебник / авт. кол.: В. П. Бахин, Р. С. Белкин, П. Д. Биленчук и др.; отв. ред. М. В. Салтеевский. Киев, 1987. С. 186–187; Шепитько В. Ю. Криминалістика: курс лекцій. 3-е изд. Х.: ООО «Одиссей», 2009. С. 130.

налистического обеспечения судебного следствия свое место занимает и тактико-криминалистическое обеспечение, предполагающее необходимые знания указанных лиц в области криминалистической тактики, а также их навыки и умения в пользовании соответствующими тактическими средствами. *Считаем, что тактическое средство есть процессуальная и организационно-тактическая форма осуществления оптимальных и допустимых способов действия, линии поведения участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, а также суда в процессе решения тактических задач, реализуемая для достижения целей судебного следствия⁴.*

Полагаем, что основной задачей современной криминалистической тактики следует считать обеспечение наиболее эффективной организации предварительного расследования преступлений, судебного следствия, а также оптимального проведения отдельных следственных и судебных действий по исследованию доказательств при рассмотрении уголовных дел.

Тактическая задача в судебном следствии может быть охарактеризована как определенная совокупность конкретных вопросов тактического характера, необходимость успешного решения которых вытекает из возникшей судебной ситуации.

В содержании тактико-криминалистического обеспечения деятельности по исследованию доказательств в суде важную роль выполняют принимаемые соответствующими лицами тактические решения. *По нашему мнению, тактическое решение при исследовании доказательств в суде есть определенный волевой и интеллектуальный акт, основанный на анализе сложившейся ситуации, знании способов и механизмов преступлений, научных рекомендаций криминалистики, личном судебном опыте и интуиции принимающего его лица, приводящий к выбору наиболее оптимального варианта поведения в конкретных тактических условиях судебного следствия.*

В системе тактико-криминалистических средств различают отдельные тактические приемы, а также тактические комплексы (или комплексные тактические средства) — тактические комбинации

и тактические операции. По нашему мнению, *тактический прием при исследовании доказательств в суде представляет собой практически доступный способ действия, свободно избираемый в зависимости от особенностей судебной ситуации, соответствующий уголовно-процессуальному закону, принципам нравственности, основывающийся на достижениях специальных наук, судебной практики, применяемый при производстве отдельного судебного действия в целях наиболее рационального и эффективного решения возникающих при исследовании доказательств тактических задач.*

Специальные криминалистические исследования последних лет дают основание рассматривать тактическую комбинацию при исследовании доказательств в суде как вид тактических комплексов или комплексное тактическое средство — сочетание нескольких тактических приемов в рамках одного или различных судебных действий, которое направлено на установление одного обстоятельства или решение одной тактической задачи. Тактическая комбинация также может быть охарактеризована как определенное сочетание тактических приемов либо сочетание судебных действий для решения конкретной тактической задачи в сложившейся ситуации. В рамках одного судебного действия применяются простые тактические комбинации (сочетание тактических приемов), в рамках процесса судебного следствия используются сложные тактические комбинации, представляющие собой сочетание одноименных и/или разноименных судебных действий. Целью проведения тактической комбинации в ходе судебного следствия можно считать определенное воздействие на сложившуюся судебную ситуацию для ее изменения либо использования. При этом с помощью тактических комбинаций решаются более сложные тактические задачи судебного следствия. Если отдельные тактические приемы и простые тактические комбинации (см. выше) реализуются в рамках одного судебного действия, то проведение сложных тактических комбинаций предполагает выход за пределы одного судебного действия и обеспечение определенного тактически обусловленного сочетания как одноименных, так и разноименных судебных действий.

Развитие представлений о сущности, задачах и средствах тактико-криминалистического обеспечения судебного следствия служит дальнейшему развитию теории криминалистической тактики и способствует совершенствованию судебной практики.

⁴ С учетом содержания предмета и задач криминалистики считаем обоснованной позицию, согласно которой разработка рекомендаций по тактике защиты должна осуществляться в рамках соответствующих учебных дисциплин — об этом см.: Аверьянова Т. В. О криминалистической тактике и тактике защиты // Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики. М., 2004. Ч. 2. С. 49; Зашляпин Л. А. Основы теории эффективной адвокатской деятельности. Екатеринбург, 2006. С. 306; и др.

ГЕРМАНСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СКК

ЗАРУБЕЖНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее Положение разработано в соответствии с Уставом Региональной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов», утвержденным на учредительном собрании 29 июня 2010 г. (Протокол № 1), нормативными правовыми актами Российской Федерации, обще-

признанными принципами и нормами международного права.

Настоящее Положение определяет порядок создания, функционирования, реорганизации и ликвидации научно-практических представительств (далее — Зарубежных представительств) Региональной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов» (далее — Организация), их основные цели и задачи, а также их права и обязанности.

РАЗДЕЛ 1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. Зарубежные представительства создаются в зарубежных государствах.

1.2. Решение о создании Зарубежного представительства принимается Президиумом Организации на основании представления Президента Организации и письменного согласия Председателя Зарубежного представительства.

В одном зарубежном государстве может быть создано, как правило, только одно Зарубежное представительство.

1.3. Зарубежное представительство не является самостоятельным юридическим лицом и осуществляет свои компетенции в соответствии с Уставом Организации.

1.4. Настоящее Положение регулирует деятельность Зарубежного представительства Союза криминалистов и криминологов в Федеративной Республике Германия (далее — Представительство), сокращенное наименование — «Германское представительство СКК».

РАЗДЕЛ 2. ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

2.1. Представительство не имеет полномочий по самостоятельному принятию новых членов Организации.

2.2. Представительство рекомендует к принятию в Организацию новых членов и несет за них моральную ответственность.

2.3. Представительство рекомендует к принятию в Организацию достигших 18 лет граждан ФРГ, граждан Российской Федерации, граждан других государств и лиц без гражданства, юридических лиц — общественных объединений, признающих Устав Организации и являющихся криминалистами и криминологами (специалисты уголовного права, уголовно-процессуального права, административного права, полицейского права, судебной экспертизы, судебной медицины, психологии, психиатрии и т. д.).

2.4. Членами Организации могут быть дипломированные ученые, а также научные сотрудники, преподаватели и практические работники, имеющие стаж профессиональной деятельности и признанные заслуги в области криминалистики и криминологии.

2.5. Прием в члены Организации и прекращение членства осуществляется Президентом Организации на основании личного заявления и по рекомендации Председателя Представительства с последующим утверждением решения на Общем собрании.

РАЗДЕЛ 3. ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ЧЛЕНОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ОРГАНИЗАЦИИ

3.1. Для достижения уставных целей и задач Организации, Представительство имеет право:

— проводить научные исследования, разрабатывать программы, проекты, а также проводить иные мероприятия, способствующие достижению уставных целей Организации;

— представлять и защищать права, законные интересы своих членов Организации, рекомендованных к принятию Представительством;

— выступать с инициативами по различным вопросам борьбы с преступностью, вносить соответствующие предложения в Президиум Организации.

3.2. Представительство обязано:

РАЗДЕЛ 4. ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

4.1. Председатель Представительства назначается Президентом Организации по согласованию с Президиумом и последующим утверждением Общим собранием (протоколом).

Заместитель и секретарь Представительства назначаются Президентом Организации по представлению Председателя с последующим утверждением Президиумом (протоколом).

Решение Общего собрания о принятии или не принятии в члены Организации, а также о прекращении членства является окончательным.

2.6. Прием в члены Организации юридического лица — общественного объединения осуществляется Президиумом Организации на основании представления Председателя Представительства и заявления руководителя юридического лица — общественного объединения и коллективного решения работников этой организации.

2.7. Член Организации, рекомендованный Председателем Представительства, может быть исключен из Организации за деятельность, противоречащую целям Организации, за грубое нарушение профессиональной этики, а также за действия, дискредитирующие Организацию, либо наносящие ей материальный ущерб. Решение об исключении члена Организации от Представительства без его личного заявления принимается Общим собранием Организации по представлению Председателем Представительства или Президента Организации с уведомлением Председателя Представительства.

— соблюдать законодательство Федеративной Республики Германии, Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, касающиеся деятельности общественных объединений, а также нормы, предусмотренные настоящим Положением и Уставом Организации;

— публиковать информационные материалы о своей деятельности в периодических изданиях соответствующего профиля, а также в СМИ;

— ежегодно информировать Президиум Организации о продолжении своей деятельности.

3.3. Члены Организации от Представительства имеют членский билет единого образца.

Председатель Представительства сменяется в случае изменения его должностного статуса и (или) места жительства, по личному заявлению с одновременной письменной рекомендацией о назначении вместо себя своего преемника.

Это решение утверждается Президиумом Организации.

4.2. Председатель Представительства в соответствии с действующим законодательством:

— действует от имени Организации, представляет ее интересы в отношениях с органами государственной власти, органами местного самоуправления, коммерческими, некоммерческими организациями;

— ежегодно информирует Президента Организации о продолжении своей деятельности;

— входит в состав Президиума Организации;

— организует и осуществляет общее руководство и контроль за деятельностью

Председатель Германского представительства СКК

Уве Хельман

представительства СКК назначен *Хельман Уве*.

членов Организации, рекомендованных от Представительства;

— решает иные вопросы, не относящиеся к исключительной компетенции Организации.

4.3. В период отсутствия Председателя его обязанности исполняет в полном объеме его заместитель.

4.4. Секретарь Представительства отвечает за ведение документации по работе Представительства, а также за обработку персональных данных членов Организации, рекомендованных от Представительства.

4.5. Председателем Германского

РАЗДЕЛ 5. РЕОРГАНИЗАЦИЯ И ЛИКВИДАЦИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

5.1. Реорганизация Представительства осуществляется по решению Президиума Организации по представлению Президента, согласованному с Председателем Представительства.

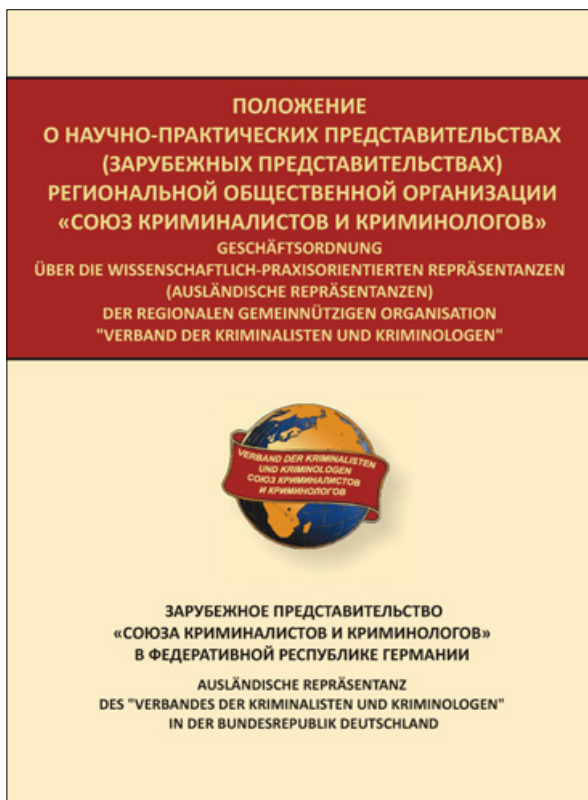
5.2. Решение о реорганизации или ликвидации принимают не менее чем 2/3 голосов от числа членов Президиума Организации.

И. М. Мацкевич, В. Н. Орлов

AUSLÄNDISCHE REPRÄSENTANZ DES VERBANDES DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN IN DER BUNDESREPUBLIK DEUTSCHLAND

Diese Geschäftsordnung ergeht in Übereinstimmung mit der Satzung der Regionalen gemeinnützigen Organisation „Verband der Kriminalisten und Kriminologen“, bestätigt durch die Gründungsversammlung vom 29. Juni 2010 (Protokoll Nr. 1), den Rechtsvorschriften der Russischen Föderation sowie den allgemein anerkannten Prinzipien und Normen des internationalen Rechts.

Diese Geschäftsordnung bestimmt das Verfahren der Gründung, Tätigkeit, Reorganisation und Liquidation der wissenschaftlich-praxisorientierten Repräsentanzen (im Folgen — ausländischen Repräsentanzen) der Regionalen gemeinnützigen Organisation „Verband der Kriminalisten und Kriminologen“ (im Folgenden — Organisation), ihre wichtigsten Ziele und Aufgaben sowie ihre Rechte und Pflichten.

Erster Abschnitt

ALLGEMEINE BESTIMMUNGEN

1.1. Die ausländischen Repräsentanzen werden im Ausland gegründet.

1.2. Die Entscheidung über die Gründung der ausländischen Repräsentanz obliegt dem Präsidium der Organisation aufgrund des Vorschlages des Präsidenten der Organisation und der schriftlichen Einverständniserklärung des Vorsitzenden der ausländischen Repräsentanz.

In einem ausländischen Staat kann in der Regel nur eine ausländische Repräsentanz gegründet werden.

1.3. Die ausländische Repräsentanz ist keine selbständige juristische Person und übt ihre Kompetenzen in Übereinstimmung mit der Satzung der Organisation aus.

1.4. Diese Verordnung regelt die Tätigkeit der ausländischen Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Bundesrepublik Deutschland (ferner — Repräsentanz), abgekürzte Bezeichnung — „Deutsche Repräsentanz des VKK“.

Zweiter Abschnitt

DIE PRINZIPIEN DER ZUSAMMENSETZUNG UND DER TÄTIGKEIT

2.1. Die Repräsentanz hat keine selbständigen Befugnisse zur Aufnahme neuer Mitglieder der Organisation.

2.2. Die Repräsentanz empfiehlt die Aufnahme neuer Mitglieder und trägt für diese moralische Verantwortung.

2.3. Die Repräsentanz empfiehlt für die Aufnahme in die Organisation mindestens achtzehn Jahre alte Staatsbürger der Bundesrepublik Deutschland, der Russischen Föderation und anderer Staaten sowie Staatenlose, die die Satzung der Organisation anerkennen und Kriminalisten oder Kriminologen sind (Spezialisten im Bereich des Strafrechts, Strafprozessrechts, Verwaltungsstrafrechts, Polizeirechts, der forensischen Begutachtung, Gerichtsmedizin, Psychologie und Psychiatrie); auch juristische Personen (gemeinnützige Vereine), die die Satzung der Organisation anerkennen und sich in diesen Bereichen betätigen, können für die Mitgliedschaft in der Organisation empfohlen werden.

2.4. Die Mitgliedschaft in der Organisation können diplomierte Wissenschaftler sowie wissenschaftliche Mitarbeiter, Lehrkräfte und Praktiker, die über Berufserfahrung und anerkannte Leistungen im Bereich der Kriminalistik und Kriminologie verfügen, erlangen.

2.5. Die Aufnahme in die Mitgliedschaft der Organisation und die Beendigung der Mitgliedschaft erfolgen durch der Präsidenten der Organisation aufgrund des persönlichen Antrages und auf Empfehlung des Vorsitzenden der Repräsentanz; die Entscheidung bedarf der nachträglichen Bestätigung durch die Vollversammlung.

Die Entscheidung der Vollversammlung über die Aufnahme oder Nichtaufnahme in die Mitgliedschaft der Organisation sowie über die Beendigung der Mitgliedschaft ist endgültig.

2.6. Die Aufnahme in die Mitgliedschaft der Organisation einer juristischen Person (eines gemeinnützigen Vereins) wird ausgeübt durch das Präsidium der Organisation und erfordert eine Vorlage des Vorsitzenden der Repräsentanz sowie den Antrag des Leiters der juristischen Person (des gemeinnützigen Vereins) und der gemeinsamen Entscheidung der Mitarbeiter dieser Organisation.

2.7. Ein Mitglied der Organisation, der von dem Vorsitzenden der Repräsentanz empfohlen wurde, kann aus der Organisation ausgeschlossen werden, wenn es eine Tätigkeit ausübt, die den Zielen der Organisation widerspricht, die Berufsethik grob verletzt oder Handlungen vornimmt, welche die Organisation diskreditieren oder ihr einen Vermögensschaden zufügen. Die Entscheidung über den Ausschluss eines von der Repräsentanz empfohlenen Mitgliedes der Organisation trifft bei Fehlen seines persönlichen Antrages die Vollversammlung der Organisation aufgrund der Vorlage durch den Vorsitzenden der Repräsentanz oder den Präsidenten der Organisation mit Benachrichtigung des Vorsitzenden der Repräsentanz.

Dritter Abschnitt

RECHTE UND PFLICHTEN DER MITGLIEDER DER REPRÄSENTANZ DER ORGANISATION

3.1. Für die Erreichung der satzungsgemäßen Ziele und Aufgaben der Organisation hat die Repräsentanz das Recht:

— wissenschaftliche Forschung zu betreiben, Programme und Projekte auszuarbeiten sowie andere Maßnahmen zu ergreifen, die der Erreichung der satzungsgemäßen Ziele der Organisation förderlich sind;

— die Rechte, gesetzmäßige Interessen der von der Repräsentanz empfohlenen Mitglieder der Organisation zu vertreten und zu wahren;

— mit Initiativen zu den verschiedenen Fragen der Kriminalitätsbekämpfung aufzutreten, dem Präsidium der Organisation die entsprechenden Vorschläge zu unterbereiten.

3.2. Die Repräsentanz ist verpflichtet:

— die Gesetzgebung der Bundesrepublik Deutschland und der Russischen Föderation, die allgemein anerkannten Prinzipien und Normen des internationalen Rechts, die die Tätigkeit der gemeinnützigen Vereine betreffen, sowie die Vorschriften, die in dieser Geschäftsordnung und der Satzung der Organisation enthalten sind, einzuhalten;

— die Information über die eigene Tätigkeit in den periodischen fachspezifischen Medien und in den Massenmedien zu veröffentlichen;

— jährlich das Präsidium der Organisation über die Fortsetzung ihrer Tätigkeit zu informieren.

3.3. Die von der Repräsentanz empfohlenen Mitglieder der Organisation erhalten einen Mitgliedschaftsausweis nach dem einheitlichen Muster.

Vierter Abschnitt

RECHTE UND PFLICHTEN DES VORSITZENDEN DER REPRÄSENTANZ

4.1. Der Vorsitzende der Repräsentanz wird durch den Präsidenten der Organisation nach Abstimmung

mit dem Präsidium bestellt; die Bestellung bedarf einer nachträglichen Bestätigung durch die Vollver-

sammlung, die in einem Protokoll niederzulegen ist.

Der Stellvertreter und der Sekretär der Repräsentanz werden durch den Präsidenten der Organisation auf Vorschlag des Vorsitzenden der Repräsentanz bestellt; die Bestellung bedarf einer nachträglichen Bestätigung durch das Präsidium, die in einem Protokoll niederzulegen ist.

Der Vorsitzende der Repräsentanz wird im Falle der Änderung seiner Dienststellung und (oder) seines Wohnortes aufgrund seines persönlichen Antrages mit gleichzeitiger schriftlichen Empfehlung der Kandidatur des Nachfolgers ersetzt.

Diese Entscheidung bedarf einer Bestätigung durch das Präsidium der Organisation.

4.2. Der Vorsitzende der Repräsentanz in Übereinstimmung mit der geltenden Gesetzgebung:

— handelt im Namen der Organisation, vertritt ihre Interessen in Beziehung zu den staatlichen Organen, den Organen der kommunalen Selbstverwaltung sowie den Handels- und Nichthandelsorganisationen;

Uwe Hellmann —
Vorsitzenden der Deutschen
Repräsentanz des VKK

— informiert jährlich den Präsidenten der Organisation über die Fortsetzung seiner Tätigkeit;

— ist Mitglied des Präsidiums der Organisation;

— organisiert und gewährleistet die allgemeine Leitung und Aufsicht über die Tätigkeit der von der Repräsentanz empfohlenen Mitglieder der Organisation;

— trifft Entscheidungen zu den anderen Fragen, die nicht der ausschließlichen Kompetenz der Organisation angehören.

4.3. Während der Abwesenheit des Vorsitzenden nimmt der Stellvertreter im vollen Umfang die Aufgaben des Vorsitzenden wahr.

4.4. Der Sekretär der Repräsentanz ist für die Führung der Dokumentation über die Tätigkeit der Repräsentanz und für die Verarbeitung der persönlichen Daten der von der Repräsentanz empfohlenen Mitglieder der Organisation verantwortlich.

4.5. Zum Vorsitzenden der Deutschen Repräsentanz des VKK ist *Uwe Hellmann* bestellt.

Fünfter Abschnitt

REORGANISATION UND LIQUIDATION DER REPRÄSENTANZ

5.1. Die Reorganisation der Repräsentanz wird per Entscheidung des Präsidiums der Organisation auf Vorschlag des Präsidenten, der mit dem Vorsitzenden der Repräsentanz abgestimmt ist, vorgenommen.

5.2. Die Entscheidung über die Reorganisation oder Liquidation bedarf mindestens 2/3 der Stimmen des Präsidiums der Organisation.

I. M. Mazkevitch, V. N. Orlov

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОБЪЕДИНЕНИЙ: НОВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СТАНДАРТ?

Бирке Райнер,

доктор права (Dr. iur.), адвокат, адвокат-специалист по уголовному праву,
Дюссельдорф (Германия)

1. Введение

17 декабря 2013 г. в Потсдаме состоится круглый стол, посвященный немецкому и российскому уголовному праву. К этому времени проект немецкого уложения об уголовной ответственности предприятий (далее — Проект) должен, в соответствии с планом министра юстиции федеральной земли Северная Рейн-Вестфалия Томаса Кучатого, уже быть представлен Конференции министров юстиции Германии. Мы открываем новые горизонты. В случае, если законодательный замысел увенчается успехом, прививаемый испокон веков каждому изучающему право принцип, согласно которому исключительно физические лица могут нести уголовную ответственность, канет в лету.

Сложно оценивать то, что находится в процессе зарождения. Идет ли речь о новаторском совершенствовании, которое позволит узаконить то, что является более подходящим? Может ли требование более чем сильной общей превенции, действующей в случае уголовной ответственности руководства в экономическом уголовном праве, отойти на второй план? Станет ли подозрение в совершении предприятием преступления объектом наживы органов уголовного преследования, которым будет проще, чем раньше обосновать проведение розыскных мероприятий на предприятии? Весьма умозрительными представляется размышления по поводу того, захочет ли юстиция принять такой законодательный подарок, который готовит ей вместе с тем много новых правовых вопросов, связанных с проведением расследования и судопроизводства.

2. Общий обзор составов преступления

Планируется создание самостоятельного уложения об уголовной ответственности предприятий, которое, в частности, должно предусматривать два состава преступления в отношении предприятий, позволяющих наложить на них особые санкции. Кроме того, предусмотрены дополнения процессуальных норм и общих отсылок к немецкому Уголовно-процессуальному кодексу. Субъектами преступлений являются предприятия, т. е. юридические лица, неспособные объединения и правоспособные товарищества частного и публичного права. При этом товарищества публичного права являются субъектами преступления только в том случае, когда они действуют не в качестве носителей суверенных полномочий. В соответствии со страницей 40 Проекта нормы «наказание государства государством» не существует. Как раз в случае с внутригосударственными публичными корпорациями интересен вопрос о том, кто на практике должен принимать соответствующее решение. Также концепция действия в качестве суверена нуждается в пояснении.

Теперь перейдем к сути Проекта, а именно к двум составам преступления, предусмотренных § 2 Проекта. Умышленное или неосторожное нарушение уголовного закона носителем права при ведении дел предприятия повлечет за собой в соответствии с § 2 (абз. 2) наложение санкций в отношении предприятия. Умышленное или неосторожное непринятие надлежащих мер по надзору, в особенности технического,

организационного или кадрового характера, следствием которого явилось нарушение при ведении дел предприятия, будет иметь аналогичные последствия в соответствии с параграфом § 2 (абз. 2) Проекта. Различие существующей на сегодняшний день концепции ответственности предприятия в административном праве состоит в том, что в случае совершения преступления предприятием будет действовать принцип легалитета, означающий, что органы следствия будут обязаны возбудить уголовное преследование, что не является обязательным в случае административного правонарушения. В соответствии с обоснованием Проекта должны быть устранены пробелы наказуемости, которые могли бы возникнуть в случае отсутствия возможности выяснить, было ли и в какой мере носителю права принятия решений дано четко определенное поручение исполнять особую обязанность (см. стр. 44 Проекта). Может возникнуть вопрос, при любом ли противозаконном действии определенного носителя права принятия решений, наделение полномочием которого остается под сомнением, уголовно-правовая ответственность самого предприятия является обязательной. Особо отмеченное в Проекте дело «организованной неорганизованности» на предприятии могло бы, напротив, указать на вину руководителя, которая, в соответствии с актуальной немецкой судебной практикой о руководстве предприятия как гаранта недопущения противоправных нарушений со стороны сотрудников предприятия или даже уголовном вменении действий посторонних лиц в случае, если правление или руководство предприятия знало об этом, ведет к наказуемости указанного руководителя (как поучительно показало решение Верховного суда от 06.07.1990 в деле Ледерспрей). В случае действительного наделения руководителя соответствующими обязанностями, последний может быть привлечен к уголовной ответственности за преступное бездействие в отношении предотвращения преступлений на предприятии (см. основополагающее решение Верховного суда от 17.07.2009).

Структура составов преступления Проекта в форме общих оговорок схожа с уже существующими нормами §§ 30 и 130 Закона об административных правонарушениях ФРГ (ЗоАП ФРГ)¹.

¹ Дословно: Закон о нарушениях общественного порядка (*Ordnungswidrigkeitengesetz*).

§ 30 ЗоАП ФРГ уже сейчас позволяет наложить штраф на предприятие. Пределы санкции § 30 ЗоАП ФРГ были значительно повышены только в январе 2012 года, в случае умышленного деяния максимальный предел составляет 10 миллионов евро, неосторожного — 5 миллионов евро. Чтобы применить § 30 ЗоАП ФРГ, созданный для привлечения предприятий к ответственности, необходимо, чтобы руководитель, подробно описанный в тексте данной нормы, совершил преступление или правонарушение, в результате чего были бы затронуты обязанности, которые юридическое лицо или объединение лиц должны исполнять, или же объединение лиц обогатилось или должно было бы обогатиться. Умышленное или неосторожное нарушение собственником предприятия обязанности по надзору в соответствии с § 130 ЗоАП ФРГ, которая необходима для недопущения нарушений, является на практике самым значительным деянием, за которое в § 30 ЗоАП ФРГ предусмотрено наложение штрафа на предприятие (см., например, Рогаль в комментарии к ЗоАП ФРГ Карлсруэ, § 30 номер на полях 75, а также в отношении § 130 ЗоАП ФРГ номер на полях 6). Своеобразный «тандем» из §§ 30 и 130 ЗоАП ФРГ сопровождает положение о конфискации § 29а ЗоАП ФРГ, которое может применяться в случае неналожения штрафа. В соответствии с § 29а (абз. 2) ЗоАП ФРГ и судебной практикой в отношении юридического лица возможно также применение конфискации приобретенного преступным путем у третьего лица.

3. Санкции

§ 4 (абз. 1) Проекта предусматривает перечень наказаний в отношении предприятий: денежный штраф, предупреждение с оговоркой о применении уголовного наказания, а также опубликование приговора. Принцип ставки денежного штрафа, определяемой суммой дохода виновного лица за один день, действующий в отношении физических лиц, должен в модифицированной форме распространяться и на предприятия, причем верхняя граница исчисления составляет 10% годового оборота предприятия. Предупреждение с оговоркой о применении уголовного наказания, т. е. разновидность условного денежного штрафа, должно способствовать мотивации предприятия возместить причиненный им вред, уплатить средства в фонд или казну

или с согласия предприятия принять меры организационного и кадрового характера для предотвращения повторения деяния в будущем, по которому в отношении предприятия был вынесен приговор. Опубликование приговора в случае нанесения вреда большому числу лиц также предусмотрено: в действующем уголовном праве эта мера, имеющая потенциально далеко идущие последствия, не относится, однако, к стандартной процедуре судов по уголовным делам, заседающим, как правило, открыто, и к разбирательству которых также и у специальных судебных репортеров, разумеется, есть доступ.

Наряду с этим в § 4 (абз. 2) Проекта предусмотрены следующие меры в отношении предприятий, которые служат чисто превентивной цели. Здесь может встать вопрос, являются ли обе указанные меры об исключении субвенций, а также публичных заказов надлежащими предметами, по которым решение должна принять судебная власть в предполагаемом интересе власти исполнительной, хотя исполнительная власть сама обладает соответствующей возможностью и в отсутствие приговора, вынесенного судьей по уголовным делам. Исполнительная власть может, а точнее должна наводить справки о размещении заказов предприятия и без предварительного получения соответствующей информации у последнего путем запроса данных в реестре государственных заказов в соответствии с законом о противодействии коррупции федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия от 16.12.2004. Третья мера, указанная в § 4 (абз. 2) Проекта, а именно ликвидация предприятия, уже предусмотрена действующим немецким законодательством, как в случае обществ с ограниченной ответственностью (§§ 61, 62 Закона об обществах с ограниченной ответственностью), так и в случае акционерных обществ (§§ 262, 396 Закона об акционерных обществах).

4. Возможные мотивы

Откуда же всё-таки потребность в законе, вводящем уголовную ответственность предприятий? Являлась ли ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) движущей силой подобного развития? Оценочный доклад ОЭСР от 17.03.2011 фазы 3 рекомендует Германии поддерживать эффективность привлечения к ответственности юридических лиц, включая развитие созна-

ния органов уголовного преследования на уровне земель для того, чтобы в полной мере использовать широкую палитру имеющихся правовых возможностей (см. доклад на английском языке, стр. 71, п. 2). Систематическое преобразование, а также принципиальную критику действующего правового положения Рабочая группа по коррупции ОЭСР, похоже, совсем сбрасывает со счетов. Или же ЕС (Европейский союз) выступает с требованием создания закона об уголовной ответственности предприятий? Пояснительная записка к Проекту ссылается на предполагаемое опротестование мнимых дефицитов при введении в действие Соглашения о защите финансовых интересов Европейских сообществ и воспроизводит сообщение Комиссии от 26.05.2011, документ № КОМ [2011] 293. Другим сигналом, в соответствии с пояснительной запиской, является документ № КОМ [2011] 573, что следует из сообщения от 20.09.2011 о европейской уголовно-правовой политике. Оба сообщения Комиссии стремятся всё же к определенной гармонизации в уголовном праве, особенно на фоне того, что действующее право ЕС этого как раз не предусматривает. К выводу о том, что концентрация всего государственного регулирования в случае преступлений в уголовном праве, в соответствии с позицией Комиссии ЕС, не должна быть задачей ЕС или государств-членов ЕС, я прихожу, руководствуясь вторым упомянутым сообщением от 20.09.2011, которое напрямую указывает на то, что управленческие санкции не только могут предусматривать более широкий спектр контрмер, но также могут быть вполне достаточными, если не более эффективными (стр. 12 и 13 сообщения КОМ [2011] 573). К этому нечего добавить, если, как и прежде, рассматривать уголовное право с позиции *ultima ratio*, и особенно принять во внимание слишком высокую нагрузку на органы уголовного преследования в сфере экономического уголовного права.

5. Взгляд за границу

Как указано в обзоре Проекта, в 25 европейских государствах существует уголовная ответственность предприятий. Правовое сравнение регулирования данных стран и, в особенности, практическая оценка могли бы стать важным подспорьем для решения вопроса о целесообразности введения уголовной ответственности предприятий. По крайней мере, это представляется ещё возможным.

6. Проект закона Следственного комитета Российской Федерации

Россия, вероятно, стоит перед решением похожих проблем. Как известно, в российском праве существуют нормы, закрепляющие штрафы в отношении предприятий (многочисленные отдельные нормы КоАП РФ), хотя при этом новая форма многократного денежного штрафа от суммы взятки предусмотрена нормами законодательства о коррупции. Федеральный закон от 03.12.2012 № 231-ФЗ, касающийся противодействия коррупции в организациях, вступил в силу только в начале 2013 года.

Не принимая этого во внимание, в России задумываются о создании правовой основы для введения уголовной ответственности предприятий. В соответствии с этим я бы хотел кратко представить некоторые краеугольные камни опубликованного также и в Интернете замысла Следственного комитета «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц».

Ст. 104⁴ проекта УК РФ обосновывает уголовно-правовую ответственность организации при совершении преступления через определенных физических лиц, которые действуют от имени организации. В соответствии со ст. 104⁵ проекта УК РФ положения уголовного закона применяются в отношении организаций, которые по российскому праву обладают статусом юридического лица, за исключением органов государственной власти и органов местного самоуправления. Ст. 104⁶ проекта УК РФ содержит возможность освобождения от уголовного наказания при совершении преступлений небольшой и средней тяжести в случае, если юридическое лицо способствовало раскрытию и расследованию преступления, к которому причастно, или возместило ущерб, причиненный им в связи с причастностью к преступлению. Спектр наказаний, предусмотренный ст. 104⁷

проекта УК РФ, обширен: от предупреждения и штрафа вплоть до принудительной ликвидации. Кроме того, предусмотрены санкции, похожие на административно-правовые — лишение лицензии, а также запрет на осуществление деятельности. Далее проект дает определение лицу, осуществляющему фактическое руководство, в соответствии со ст. 104⁴ (абз. 4) проекта УК РФ, которое используется также и немецкой судебной практикой в качестве правовой фигуры для обоснования индивидуальной ответственности неорганов.

7. Появится ли уголовная ответственность предприятий?

Введение уголовной ответственности предприятий, по всей видимости, входит в моду. В любом случае для Германии это тема вызывает много вопросов, которые должны быть заблаговременно решены. Причина для обязательного введения данного института кажется не столь целесообразной, поскольку существующая на данный момент система из уголовного и административного права решает вопросы достаточного уголовно-правового контроля предприятий по правилам сложившейся судебной практики. Пугающие санкции в отношении предприятий также в достаточной мере содержатся в действующем праве. Как показало законодательство 2012 года, верхняя граница наказания по § 30 ЗоАП ФРГ была существенно повышена, и при этом вопрос о введении совершенно новой системы не поднимался. Далее неясно, предъявит ли международная организация или другое государство к Германии претензии за невыполнение или даже нарушение обязательств на предмет того, что в Германии нет уголовной ответственности предприятий. И где же взять ресурсы, необходимость в которых была признана в обосновании Проекта, которыми юстиция и сегодня не располагает? Обсуждение поднятых вопросов является, по всей видимости, необходимым в самой ближайшей перспективе.

VERBANDS–ODER UNTERNEHMENSSTRAFRECHT: EIN NEUER INTERNATIONALER STANDARD?

Dr. Rainer Birke,

Rechtsanwalt/Fachanwalt für Strafrecht, Düsseldorf, Deutschland

1. Einführung

Wenn der Runde Tisch zum deutschen und russischen Strafrecht in Potsdam in diesem Jahr am 17.12.2013 zusammenkommt, soll nach Planung des Nordrhein-Westfälischen Justizministers Thomas Kutschaty der Gesetzentwurf für ein deutsches Unternehmensstrafgesetzbuch bereits der deutschen Justizministerkonferenz vorgestellt worden sein. Wir betreten Neuland. Denn sollte das Gesetzgebungsvorhaben Erfolg haben, wird der jedem Studierenden des Rechts schon früh vermittelte Grundsatz, dass nur natürliche Personen strafrechtliche Schuld verwirklichen können, der Vergangenheit angehören.

Etwas zu würdigen, was in der Entstehung begriffen ist, fällt schwer. Handelt es sich um eine innovative Weiterentwicklung, die es ermöglicht, sachgerechter zu sanktionieren? Könnte das Bedürfnis einer allzu starken Generalprävention bei der strafrechtlichen Managerhaftung im Wirtschaftsstrafrecht zurücktreten? Oder wird der Verdacht einer Unternehmensstrafat zum Objekt der Begierde der Strafverfolgungsbehörden, welche damit versuchen könnten, Ermittlungsmaßnahmen in Unternehmen leichter als bisher zu begründen? Es wäre spekulativ, darüber zu rasonieren, ob die Justiz ein solches gesetzgeberisches Geschenk überhaupt so gern annehmen möchte, welches ihr zugleich neue, zu erledigende Ermittlungs- und Gerichtsverfahren mit vielen neuen und offenen Rechtsfragen bescheren könnte.

2. Ein Grobübersicht über die Straftatbestände

Geplant ist die Schaffung eines eigenständigen Verbandsstrafgesetzes, welches insbesondere zwei an Unternehmen gerichtete Straftatbestände enthalten soll, die die Verhängung besonderer, auf Verbände zu-

geschnittener Sanktionen zulassen. Weiterhin sind ergänzende Verfahrensvorschriften und Generalverweisungen auf die deutsche Strafprozessordnung vorgesehen. Adressaten der Straftatbestände sind Verbände, also juristische Personen, nicht rechtsfähige Vereine und rechtsfähige Personengesellschaften des privaten und öffentlichen Rechts. Die Personengesellschaften des öffentlichen Rechts seien nur erfasst, soweit sie nicht in Ausübung hoheitlicher Befugnisse handeln. Nach dem Entwurf, Seite 40, gebe es keine „Bestrafung des Staates durch den Staat.“ Gerade bei rein innerstaatlichen öffentlichen Körperschaften könnte hier von Interesse sein, wer diese Entscheidung in der Praxis trifft. Auch das Konzept hoheitlichen Handelns an sich erschiene ausfüllungsbedürftig.

Nun zum Kern des Entwurfs des Verbandsstrafgesetzes, den beiden Straftatbeständen des §2 des Entwurfs. Die vorsätzliche oder fahrlässige Zuwiderhandlung eines Entscheidungsträgers in Wahrnehmung der Angelegenheiten des Verbandes gegen ein Strafgesetz soll gemäß §2 Abs. 1 des Entwurfs nun zur Verbandssanktion führen. Die vorsätzliche oder fahrlässige Unterlassung zumutbarer Aufsichtsmaßnahmen, insbesondere solcher technischer, organisatorischer oder personeller Art, die zur verbandsbezogenen Zuwiderhandlung in der Wahrnehmung der Angelegenheiten des Verbandes führt, soll dies nach §2 Abs. 2 des Entwurfs ebenso bewirken. Ein Unterschied zum bereits heute existierenden Konzept der Unternehmenshaftung des Ordnungswidrigkeitenrechts besteht darin, dass im Fall der Verbandsstrafat das Legalitätsprinzip gelten würde, die Ermittler anders als im Fall der Ordnungswidrigkeit also zwingend tätig werden müssen. Nach der Begründung des Entwurfs sollen Strafbarkeits-

lücken geschlossen werden, die entstünden, wenn nicht geklärt werden könne, ob und inwieweit einem Entscheidungsträger ein ausdrücklicher Auftrag zur Wahrnehmung einer Sonderpflicht erteilt wurde, siehe Seite 44 des Entwurfs. Es könnte die Frage gestellt werden, ob bei jedem ungesetzlichen Handeln eines bestimmten Entscheidungsträgers, dessen besondere Beauftragung zweifelhaft bleibt, zwingend eine strafrechtliche Haftung des Unternehmens selbst erforderlich ist. Der vom Gesetzentwurf besonders hervorgehobene Fall der „organisierten Unorganisiertheit“ im Unternehmen könnte dagegen auf ein Organisationsverschulden zentraler Leitungsträger hinweisen, die nach der deutschen Rechtsprechung bereits jetzt über die Garantstellung der Unternehmensleitung zur Verhinderung von Rechtsverstößen der Unternehmensangehörigen oder aber sogar durch die strafrechtliche Zurechnung fremden Handelns bei vorheriger Kenntnis durch Vorstand beziehungsweise Geschäftsführung zur Strafbarkeit dieser Leitungspersonen führt, wie die Lederspray-Entscheidung des Bundesgerichtshofs vom 06.07.1990 instruktiv demonstriert. Im Fall wirksamer Delegation auf den Compliance-Officer kann diesen eine strafrechtliche Haftung für strafbares Unterlassen der Verhinderung von Straftaten im Unternehmen treffen, siehe hierzu die grundlegende Entscheidung des Bundesgerichtshofs vom 17.07.2009.

Die Struktur der Straftatbestände des Entwurfs des Verbandsstrafgesetzes in der Form von Generalklauseln ähnelt jener der bereits existierenden §§30, 130 OWiG. Mit §30 OWiG ist die Verhängung von Geldbußen gegen Unternehmen bereits heute möglich. Der Sanktionsrahmen des § 30 OWiG wurde erst im Jahr 2012 deutlich erhöht, das Maximum liegt jetzt im Fall einer vorsätzlichen Straftat bei bis zu zehn Millionen Euro, im Fall einer fahrlässigen Straftat sind es bis zu fünf Millionen Euro. Der zur Sanktionierung von Unternehmen geschaffene §30 OWiG verlangt, dass die dort näher beschriebene Leitungsperson eine Straftat oder Ordnungswidrigkeit begangen hat, durch die Pflichten, welche die juristische Person oder die Personenvereinigung treffen, verletzt worden sind oder die juristische Person oder die Personenvereinigung bereichert worden ist oder werden sollte. Die vorsätzliche oder fahrlässige Verletzung der Aufsichtspflicht des Unternehmensinhabers gemäß §130 OWiG, die zur Verhinderung von Zuwiderhandlungen gegen Pflichten erforderlich ist, stellt in der Praxis gerade die bedeutendste Anknüp-

fungstat für den bußgeldrechtlichen Durchgriff auf das Unternehmen nach §30 OWiG, siehe beispielhaft Rogall, in Karlsruher Kommentar zum Ordnungswidrigkeitengesetz, §30 Rn. 75, sowie ebenso bei §130 OWiG Rn. 6. Das „Tandem“ aus §§30, 130 OWiG wird flankiert durch die Verfallsvorschrift des §29a OWiG, welche bei Nichtverhängung eines Bußgelds angewendet werden kann. Gemäß §29a Abs. 2 OWiG ist nach der Rechtsprechung auch der Drittverfall gegen eine juristische Person möglich.

3. Sanktionen

Der Katalog der Verbandsstrafen des §4 Abs. 1 des Entwurfs sieht Verbandsgeldstrafe, Verbandsverwarnung mit Strafvorbehalt und die öffentliche Bekanntmachung der Verurteilung vor. Über die Verbandsgeldstrafe soll das für natürliche Personen im Strafrecht maßgebliche Tagessatzprinzip nun in modifizierter Form auch im Verbandsstrafrecht gelten, wobei die Obergrenze der Bemessungsgrundlage 10% des Jahresumsatzes ist. Die Verwarnung mit Strafvorbehalt, also eine Art Geldstrafe auf Bewährung, soll es ermöglichen, den Verband zu Schadenswiedergutmachung, Zahlungen an eine gemeinnützige Einrichtung oder die Staatskasse oder mit Zustimmung des Verbandes zu organisatorischen oder personellen Maßnahmen zu motivieren, um die Wiederholung der abgeurteilten Tat zukünftig zu verhindern. Die Bekanntgabe der Verurteilung ist bei Schädigung einer großen Zahl von Personen ebenso vorgesehen – im geltenden Strafrecht gehört diese potenziell konsequenzenreiche Maßnahme jedenfalls nicht zum Standard-Repertoire der in aller Regel öffentlich tagenden Strafgerichte, zu deren Verhandlungen selbstverständlich auch spezialisierte Gerichtsreporter Zugang haben.

Daneben sind in §4 Abs. 2 des Entwurfs die folgenden Verbandsmaßregeln als Maßnahmen mit rein präventivem Zweck vorgesehen. Hier mag die Frage gestellt werden, ob die aufgezählten beiden Maßregeln des Ausschlusses von Subventionen und von öffentlichen Aufträgen geeignete Gegenstände sind, die von der Justiz im mutmaßlichen Interesse der Exekutive entschieden werden sollten, obwohl die Exekutive selbst entsprechende Möglichkeiten auch ohne das Urteil des Strafrichters hat. Die ausführende Gewalt kann beziehungsweise muss Ausschreibungen und Antragstellungen ohnehin von vorheriger entsprechender Information durch das Unternehmen selbst abhängig machen beziehungsweise kann durch

Abfrage von Dateien wie namentlich dem Vergaberegister gemäß Korruptionsbekämpfungsgesetz des Landes Nordrhein-Westfalen vom 16.12.2004 selbst Auskünfte einholen. Auch die dritte in §4 Abs. 2 des Entwurfs vorgesehene Maßregel, die Auflösung eines Verbandes, ist bereits nach geltendem Recht vorgesehen, wie im Fall der GmbH nach §§61, 62 GmbHG sowie bei der Aktiengesellschaft nach §§262, 396 Aktiengesetz.

4. Welche Motive?

Woher kommt eigentlich das Bedürfnis nach dem Strafgesetz für Unternehmen? War die OECD Motor einer solchen Entwicklung? Der Evaluationsbericht der OECD vom 17.03.2011 für Phase 3 empfiehlt Deutschland, die Effektivität der Haftbarmachung von juristischen Personen zu fördern, einschließlich der Schärfung des Bewusstseins der Strafverfolgungsbehörden auf Länderebene, um die große Bandbreite der vorhandenen rechtlichen Möglichkeiten voll auszuschöpfen, siehe den Bericht (in englischer Sprache) auf Seite 71, Ziffer 2. Einen Systemwandel oder Grundsatzkritik an der geltenden Rechtslage scheint die OECD Working Group on Bribery dagegen gar nicht im Auge zu haben. Oder ist die EU gar Quelle der Forderung nach einem Unternehmensstrafgesetz? Die Entwurfsbegründung des Nordrhein-Westfälischen Entwurfs nimmt auf die mutmaßliche Beantwortung vermeintlicher Defizite bei der Umsetzung des Übereinkommens über den Schutz der finanziellen Interessen der Europäischen Gemeinschaften Bezug und zitiert die Mitteilung der Kommission vom 26.05.2011, Dokument Nummer KOM[2011] 293. Ein weiteres solches Signal sei gemäß Entwurfsbegründung auch der Mitteilung vom 20.09.2011 zur Europäischen Strafrechtspolitik zu entnehmen, Dokument Nummer KOM[2011] 573. Die beiden Mitteilungen der Kommission haben aber doch eher den Wunsch einer gewissen Harmonisierung im Strafrecht zum Gegenstand, und zwar vor dem Hintergrund, dass geltendes EU-Recht dies eigentlich gar nicht vorsieht. Dass es im Gegenteil auch nach Ansicht der EU-Kommission gerade nicht die Aufgabe von EU oder Mitgliedstaaten sein muss, alle staatliche Regulierung bei Rechtsverstößen im Strafrecht zu konzentrieren, entnehme ich besonders der zweiten zitierten Mitteilung vom 20.09.2011, die explizit darauf hinweist, dass Verwaltungssanktionen nicht nur ein breiteres Spektrum an Gegenmaßnahmen vorsehen können, sondern völlig ausreichend beziehungsweise sogar

effizienter sein können, so nämlich auf Seite 12 und 13 der Mitteilung KOM[2011] 573. Dem ist nichts hinzuzufügen, wenn man Strafrecht wie bisher als ultima ratio verstehen will und insbesondere die derzeit bereits viel zu hohe Ressourcenbelastung der Strafverfolgungsbehörden im Wirtschaftsstrafrecht berücksichtigt.

5. Blick ins Ausland

Wie der Übersicht des Nordrhein-Westfälischen Entwurfs zu entnehmen ist, sei mittlerweile in 25 europäische Staaten ein Verbandsstrafrecht geschaffen worden. Ein Rechtsvergleich der Lösungen dieser Staaten und insbesondere eine Evaluation der Praxis könnte wichtige Schlüsse auf die Sinnhaftigkeit des Unternehmensstrafrechts zulassen. Dies scheint jedenfalls noch möglich zu sein.

6. Der Gesetzentwurf des Sledstvenny Komitet der Russischen Föderation

Möglicher Weise stehen in Russland ganz ähnliche Fragen zur Entscheidung an. Auch Russland besitzt bekanntlich bereits heute Bußgeldvorschriften, die sich an Unternehmen richten, nämlich zahlreichen Einzel-Artikel des KoAP, wobei auch die neue Form der Geldstrafe des Vielfachen der Bestechungssumme bei Korruption vorgesehen ist. Ein Compliancegesetz zur Verhinderung von strafbarer Korruption in Organisationen ist mit dem Bundesgesetz der Russischen Föderation vom 03.12.2012 N 231-ФЗ erst zu Beginn des Jahres 2013 in Kraft getreten.

Ungeachtet dessen denkt man auch in Russland darüber nach, eine gesetzliche Grundlage für ein Unternehmensstrafrecht zu schaffen. Einige der Eckpfeiler des auch im Internet veröffentlichten Vorhabens des Sledkom «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» — „Über die Einfügung von Änderungen in einige Gesetzgebungsakte der Russischen Föderation im Zusammenhang mit der Einführung des Instituts der strafrechtlichen Einwirkung auf juristische Personen“ will ich hier kurz schildern:

Art. 104⁴ UKRF-Entwurf begründet die strafrechtliche Verantwortung einer Organisation bei der Begehung von Straftaten durch bestimmte natürliche Personen, die für die Organisation handeln. Nach Art. 104⁵ UKRF-Entwurf sind Strafvorschriften gegenüber Organisationen anwendbar, die nach dem Recht

der RF den Status einer juristischen Person besitzen, mit Ausnahme der Organe der Staatsgewalt und der Organe der lokalen Selbstverwaltung. Art. 104⁶ UKRF-Entwurf enthält die Möglichkeit der Strafbefreiung bei Straftaten leichter bis mittlerer Schwere im Fall einer hier näher beschriebenen Selbstreinigung einschließlich Aufklärung und Schadenswiedergutmachung. Die Strafen gemäß Art. 104⁷ UKRF-Entwurf reichen von Verwarnung über die Geldstrafe bis hin zur Liquidation, es sind auch verwaltungsrechtsähnliche Maßnahmen wie Lizenzentzug sowie Tätigkeitsverbote vorgesehen. Der Entwurf definiert ferner auch das faktische Organ nach Art. 104⁴ Abs. 4 UKRF-Entwurf, das als Rechtsfigur auch von der deutschen Rechtsprechung für die Begründung der Individualverantwortung von Nicht-Organen herangezogen wird.

7. Kommt das Verbands- beziehungsweise Unternehmensstrafrecht?

Unternehmensstrafrecht scheint in Mode zu kommen. Jedenfalls für Deutschland dürfte dies vie-

le Fragen aufwerfen, die im Vorfeld geklärt werden sollten. Ein zwingender Grund für die Einführung scheint nicht so recht zu bestehen, denn auch das heutige System aus Strafrecht und Ordnungswidrigkeitenrecht löst nach den Regeln der derzeitigen Rechtsprechung die Fragen der ausreichenden strafrechtlichen Kontrolle von Unternehmen. Auch abschreckende Sanktionen für Unternehmen sind in ausreichendem Maß im geltenden Recht vorhanden. Wie die Gesetzgebung des Jahres 2012 zeigt, wurde der Strafraum des §30 OWiG ganz erheblich nach oben angepasst, ohne dass dies die Frage nach einem völlig neuen System aufgeworfen hätte. Es ist weiter nicht ersichtlich, dass internationale Organisation oder ein anderer Staat Deutschland Versäumnisse oder gar die Verletzung von Pflichten vorwerfen würde, weil dieses kein Unternehmensstrafrecht hat. Und woher sollen die auch in der Begründung des Gesetzentwurfs erkannten Ressourcen hergenommen werden, die der Justiz bereits heute nicht zur Verfügung stehen? Eine ausgewogene Diskussion scheint dringend erforderlich.

Materialien

1. Geltendes Recht, Ordnungswidrigkeitengesetz (Auszug)

§30 Geldbuße gegen juristische Personen und Personenvereinigungen

- (1) Hat jemand
1. als vertretungsberechtigtes Organ einer juristischen Person oder als Mitglied eines solchen Organs,
 2. als Vorstand eines nicht rechtsfähigen Vereins oder als Mitglied eines solchen Vorstandes,
 3. als vertretungsberechtigter Gesellschafter einer rechtsfähigen Personengesellschaft,
 4. als Generalbevollmächtigter oder in leitender Stellung als Prokurist oder Handlungsbevollmächtigter einer juristischen Person oder einer in Nummer 2 oder 3 genannten Personenvereinigung oder
 5. als sonstige Person, die für die Leitung des Betriebs oder Unternehmens einer juristischen Person oder einer in Nummer 2 oder 3 genannten Personenvereinigung verantwortlich handelt, wozu auch die Überwachung der Geschäftsführung oder die sonstige Ausübung von Kontrollbefugnissen in leitender Stellung gehört, eine Straftat oder Ordnungswidrigkeit begangen, durch die Pflichten, welche die juristische Person oder die Personenvereinigung treffen, verletzt worden sind oder die juristische Person oder die Personenvereinigung bereichert worden ist oder werden sollte, so kann gegen diese eine Geldbuße festgesetzt werden.

(2) Die Geldbuße beträgt

1. im Falle einer vorsätzlichen Straftat bis zu zehn Millionen Euro,
2. im Falle einer fahrlässigen Straftat bis zu fünf Millionen Euro.

Im Falle einer Ordnungswidrigkeit bestimmt sich das Höchstmaß der Geldbuße nach dem für die Ordnungswidrigkeit angedrohten Höchstmaß der Geldbuße. Verweist das Gesetz auf diese Vorschrift, so verzehnfacht sich das Höchstmaß der Geldbuße nach Satz 2 für die im Gesetz bezeichneten Tatbestände.

Satz 2 gilt auch im Falle einer Tat, die gleichzeitig Straftat und Ordnungswidrigkeit ist, wenn das für die Ordnungswidrigkeit angedrohte Höchstmaß der Geldbuße das Höchstmaß nach Satz 1 übersteigt.

(2a) Im Falle einer Gesamtrechtsnachfolge oder einer partiellen Gesamtrechtsnachfolge durch Aufspaltung (§123 Absatz 1 des Umwandlungsgesetzes) kann die Geldbuße nach Absatz 1 und 2 gegen den oder die Rechtsnachfolger festgesetzt werden. Die Geldbuße darf in diesen Fällen den Wert des übernommenen Vermögens sowie die Höhe der gegenüber dem Rechtsvorgänger angemessenen Geldbuße nicht übersteigen. Im Bußgeldverfahren tritt der Rechtsnachfolger oder treten die Rechtsnachfolger in die

Verfahrensstellung ein, in der sich der Rechtsvorgänger zum Zeitpunkt des Wirksamwerdens der Rechtsnachfolge befunden hat.

(3) §17 Abs. 4 und §18 gelten entsprechend.

(4) Wird wegen der Straftat oder Ordnungswidrigkeit ein Straf- oder Bußgeldverfahren nicht eingeleitet oder wird es eingestellt oder wird von Strafe abgesehen, so kann die Geldbuße selbständig festgesetzt werden. Durch Gesetz kann bestimmt werden, daß die Geldbuße auch in weiteren Fällen selbständig festgesetzt werden kann.

Die selbständige Festsetzung einer Geldbuße gegen die juristische Person oder Personenvereinigung ist jedoch ausgeschlossen, wenn die Straftat oder Ordnungswidrigkeit aus rechtlichen Gründen nicht verfolgt werden kann; §33 Abs. 1 Satz 2 bleibt unberührt.

(5) Die Festsetzung einer Geldbuße gegen die juristische Person oder Personenvereinigung schließt es aus, gegen sie wegen derselben Tat den Verfall nach den §§73 oder 73a des Strafgesetzbuches oder nach §29a anzuordnen.

(6) Bei Erlass eines Bußgeldbescheids ist zur Sicherung der Geldbuße §111d Absatz 1 Satz 2 der Strafprozessordnung mit der Maßgabe anzuwenden, dass an die Stelle des Urteils der Bußgeldbescheid tritt.

2. Entwurf eines Unternehmensstrafgesetzes (Auszug)

Artikel 1

Verbandsstrafgesetzbuch (VerbStrG)

I. Erster Teil Verbandsstraftaten

§1 Persönlicher und sachlicher Anwendungsbereich

(1) Verbände im Sinne dieses Gesetzes sind juristische Personen, nicht rechtsfähige Vereine und rechtsfähige Personengesellschaften des privaten und öffentlichen Rechts.

(2) Zuwiderhandlungen im Sinne dieses Gesetzes sind Zuwiderhandlungen gegen ein Strafgesetz, soweit sie nicht in Ausübung hoheitlicher Befugnisse vorgenommen werden. Zuwiderhandlungen sind verbandsbezogen, wenn durch sie Pflichten verletzt worden sind, die den Verband treffen, oder wenn durch sie der Verband bereichert worden ist oder bereichert werden sollte.

(3) Entscheidungsträger im Sinne dieses Gesetzes sind

a) vertretungsberechtigte Organe einer juristischen Person oder Mitglieder solcher Organe,

§130

(1) Wer als Inhaber eines Betriebes oder Unternehmens vorsätzlich oder fahrlässig die Aufsichtsmaßnahmen unterläßt, die erforderlich sind, um in dem Betrieb oder Unternehmen Zuwiderhandlungen gegen Pflichten zu verhindern, die den Inhaber treffen und deren Verletzung mit Strafe oder Geldbuße bedroht ist, handelt ordnungswidrig, wenn eine solche Zuwiderhandlung begangen wird, die durch gehörige Aufsicht verhindert oder wesentlich erschwert worden wäre. Zu den erforderlichen Aufsichtsmaßnahmen gehören auch die Bestellung, sorgfältige Auswahl und Überwachung von Aufsichtspersonen.

(2) Betrieb oder Unternehmen im Sinne des Absatzes 1 ist auch das öffentliche Unternehmen.

(3) Die Ordnungswidrigkeit kann, wenn die Pflichtverletzung mit Strafe bedroht ist, mit einer Geldbuße bis zu einer Million Euro geahndet werden. §30 Absatz 2 Satz 3 ist anzuwenden. Ist die Pflichtverletzung mit Geldbuße bedroht, so bestimmt sich das Höchstmaß der Geldbuße wegen der Aufsichtspflichtverletzung nach dem für die Pflichtverletzung angedrohten Höchstmaß der Geldbuße. Satz 3 gilt auch im Falle einer Pflichtverletzung, die gleichzeitig mit Strafe und Geldbuße bedroht ist, wenn das für die Pflichtverletzung angedrohte Höchstmaß der Geldbuße das Höchstmaß nach Satz 1 übersteigt.

b) der Vorstand eines nicht rechtsfähigen Vereins oder Mitglieder eines solchen Vorstandes,

c) vertretungsberechtigte Gesellschafter einer rechtsfähigen Personengesellschaft oder

d) Personen, die in einem Betrieb oder einem Unternehmen einer juristischen Person oder Personenvereinigung eine Leitungsfunktion verantwortlich wahrnehmen, wozu auch die Überwachung der Geschäftsführung oder die Ausübung von Kontrollbefugnissen in leitender Stellung gehört.

(4) Rechtsnachfolger im Sinne dieses Gesetzes ist ein Verband, der im Wege der Gesamtrechtsnachfolge oder der partiellen Gesamtrechtsnachfolge durch Aufspaltung (§123 Umwandlungsgesetz) an die Stelle eines anderen Verbandes getreten ist. Der Gesamtrechtsnachfolger sind andere Arten der Umwandlung sowie die Einzelrechtsnachfolge gleichgestellt, wenn der Erwerber alle wesentlichen Wirtschaftsgüter des Rechtsvorgängers übernimmt und die übernommenen Wirtschaftsgüter in im Wesentlichen gleicher Weise einsetzt.

§2 Verbandsstraftaten

(1) Ist durch einen Entscheidungsträger in Wahrnehmung der Angelegenheiten eines Verbandes vorsätzlich oder fahrlässig eine verbandsbezogene Zuwiderhandlung begangen worden, so wird gegen den Verband eine Verbandssanktion verhängt.

(2) Ist in Wahrnehmung der Angelegenheiten eines Verbandes eine verbandsbezogene Zuwiderhandlung begangen worden, so wird gegen den Verband eine Verbandssanktion verhängt, wenn durch einen Entscheidungsträger dieses Verbandes vorsätzlich oder fahrlässig zumutbare Aufsichtsmaßnahmen, insbesondere technischer, organisatorischer oder personeller Art, unterlassen worden sind, durch die die Zuwiderhandlung verhindert oder wesentlich erschwert worden wäre.

(3) Ist im Falle des Absatz 2 die Zuwiderhandlung im Ausland begangen worden, so wird eine Verbandssanktion nur verhängt, wenn sie auf einen Verband bezogen ist, der seinen Sitz im Anwendungsbereich dieses Gesetzes hat. Die §§3 bis 7 des Strafgesetzbuches bleiben unberührt.

(4) Die Verbandssanktion wird gegen den Rechtsnachfolger verhängt, wenn diesem im Zeitpunkt des Rechtsübergangs die Zuwiderhandlung ganz oder zum Teil bekannt oder aus Leichtfertigkeit nicht bekannt war. Gegen den Rechtsvorgänger verhängte Sanktionen wirken auch gegen den Rechtsnachfolger.

§3 Allgemeine Bestimmungen

(1) Für Straftaten im Sinne des §2 Absatz 1 und 2 (Verbandsstraftaten) gelten die Vorschriften des Allgemeinen Teils des Strafgesetzbuchs sinngemäß, soweit sie nicht ausschließlich auf natürliche Personen anwendbar sind und dieses Gesetz nichts anderes bestimmt.

(2) Die Verjährung der Verbandsstraftat richtet sich nach der Strafdrohung des Gesetzes, dessen Tatbestand die verbandsbezogene Zuwiderhandlung verwirklicht, ohne Rücksicht auf Schärfungen oder Milderungen, die nach den Vorschriften des Allgemeinen Teils oder für besonders schwere oder minder schwere Fälle vorgesehen sind. Sie beginnt, sobald die Zuwiderhandlung beendet ist. Tritt ein zum Tatbestand der Zuwiderhandlung gehörender Erfolg erst später ein, so beginnt die Verjährung mit diesem Zeitpunkt. Sie wird unterbrochen durch die in §78c Absatz 1 des Strafgesetzbuchs aufgeführten Handlungen gegenüber dem Verband.

(3) Ist die verbandsbezogene Zuwiderhandlung nur auf Antrag, mit Ermächtigung oder auf Straf-

verlangen verfolgbar, so können die entsprechenden Rechte gegenüber dem Verband nicht gesondert ausgeübt werden.

§4 Verbandsanktionen

(1) Verbandstrafen sind

1. die Verbandsgeldstrafe,
2. die Verbandsverwarnung mit Strafvorbehalt,
3. die öffentliche Bekanntmachung der Verurteilung.

(2) Verbandsmaßnahmen sind

1. der Ausschluss von Subventionen,
2. der Ausschluss von der Vergabe öffentlicher Aufträge,
3. die Verbandsauflösung.

§5 Absehen von Sanktionen

(1) Das Gericht kann von einer Verbandssanktion absehen, wenn der Verband ausreichende organisatorische oder personelle Maßnahmen getroffen hat, um vergleichbare Verbandsstraftaten in Zukunft zu vermeiden und wenn ein bedeutender Schaden nicht entstanden oder dieser zum überwiegenden Teil wieder gut gemacht ist.

(2) Hat der Verband durch freiwilliges Offenbaren wesentlich dazu beigetragen, dass eine Verbandsstraftat aufgedeckt werden konnte und den Ermittlungsbehörden Beweismittel zur Verfügung gestellt, die geeignet sind, die Tat nachzuweisen, so kann das Gericht von Strafe absehen, wenn der Verband ausreichende organisatorische und personelle Maßnahmen getroffen hat, vergleichbare Verbandsstraftaten in Zukunft zu vermeiden.

(3) Die organisatorischen und personellen Maßnahmen im Sinne der Absätze 1 und 2 hat der Verband auf Verlangen darzulegen und glaubhaft zu machen.

(4) Ein Absehen von Strafe nach Absatz 2 ist ausgeschlossen, wenn der Verband die zum Tatnachweis geeigneten Beweismittel erst offenbart, nachdem die Eröffnung des Hauptverfahrens (§207 der Strafprozessordnung) beschlossen worden ist.

§6 Verbandsgeldstrafe

(1) Die Verbandsgeldstrafe wird in Tagessätzen verhängt. Sie beträgt mindestens fünf und, wenn das Gesetz nichts anderes bestimmt, höchstens dreihundertsechzig volle Tagessätze.

(2) In der Entscheidung werden Zahl und Höhe der Tagessätze angegeben.

(3) Bei der Zumessung wägt das Gericht die Umstände, die für und gegen den Verband sprechen, gegeneinander ab. Dabei kommen namentlich in Betracht das Gewicht und die Auswirkungen der ver-

bandsbezogenen Zuwiderhandlung, Art, Schwere und Dauer des Organisationsmangels im Verband, etwaige Vorkehrungen des Verbandes zur Vermeidung vergleichbarer Taten, die Gefahr der Wiederholung sowie sein Verhalten nach der Tat, besonders sein Bemühen, den Schaden wiedergutzumachen.

(4) Der Tagessatz ist nach der Ertragslage des Verbandes unter Berücksichtigung seiner sonstigen wirtschaftlicher Leistungsfähigkeit zu bemessen. Er ist mit einem Betrag festzusetzen, der dem 360. Teil des Jahresertrages entspricht, mindestens jedoch mit 100 Euro. Die Verbandsgeldstrafe darf insgesamt 10 von Hundert des durchschnittlichen Gesamtumsatzes des Unternehmens oder der Unternehmensvereinigung nicht übersteigen.

(5) Ertragslage und Gesamtumsatz können geschätzt werden. Bei der Ermittlung ist der weltweite Umsatz aller natürlichen und juristischen Personen der letzten drei Geschäftsjahre, die der Entscheidung vorausgegangen sind, zugrunde zu legen, soweit diese als wirtschaftliche Einheit operieren.

(6) Wird die Verbandsstrafe gegen den Rechtsnachfolger verhängt, so richtet sie sich nach der wirtschaftlichen Leistungsfähigkeit des Rechtsvorgängers zum Zeitpunkt des Übergangs der Rechte.

§7 Verbandsverwarnung mit Strafvorbehalt

(1) Das Gericht kann neben dem Schuldspruch den Verband verwarnen, eine Geldstrafe bestimmen und die Verurteilung zu dieser Strafe vorbehalten, wenn

1. bei Gesamtwürdigung der Tat unter Berücksichtigung von Art und Ausmaß der Pflichtverletzung des Verbandes und der Verlässlichkeit der Entscheidungsträger eine Verhängung der Geldstrafe entbehrlich ist,

2. wenn zu erwarten ist, dass durch die Verhängung von Auflagen oder Weisungen Verbandsstraftaten in Zukunft vermieden werden und

3. die Verteidigung der Rechtsordnung die Verurteilung zu Strafe nicht gebietet.

(2) Neben der Verwarnung kann auf Verfall, Einziehung oder Unbrauchbarmachung erkannt werden. Die öffentliche Bekanntmachung der Verurteilung kann angeordnet werden.

§8 Bewährungszeit, Auflagen und Weisungen

(1) Das Gericht bestimmt die Dauer der Bewährungszeit. Sie darf drei Jahre nicht überschreiten und ein Jahr nicht unterschreiten.

(2) Das Gericht kann den verwarnten Verband anweisen,

1. den aus der Tat entstandenen Schaden wiedergutzumachen,

2. einen Geldbetrag zugunsten einer gemeinnützigen Einrichtung oder der Staatskasse zu zahlen,

3. organisatorische oder personelle Maßnahmen zu treffen, um vergleichbare Verbandsstraftaten in Zukunft zu vermeiden und dem Gericht oder einem vom Gericht zu bestimmenden Sachverständigen in regelmäßigen Abständen über diese Maßnahmen zu berichten.

(3) Die Weisung nach Absatz 2 Nummer 3 darf nur mit Einwilligung des verurteilten Verbandes erteilt werden. Die §§59b und 59c des Strafgesetzbuchs geltenden entsprechend.

§9 Bekanntgabe der Verurteilung

(1) Ist durch eine Verbandsstraftat eine große Zahl von Personen geschädigt worden, kann das Gericht die öffentliche Bekanntmachung der Verurteilung anordnen.

(2) Die Art der Bekanntmachung ist im Urteil zu bestimmen.

§10 Ausschluss von der Vergabe öffentlicher Aufträge

(1) Wird der Verband wegen einer Straftat nach §2 Absatz 1 dieses Gesetzes zu einer Geldstrafe von mehr als 180 Tagessätzen verurteilt, so kann das Gericht zugleich anordnen, dass der Verband als Bewerber oder Bieter vom Wettbewerb um Liefer-, Bau- oder Dienstleistungsaufträge öffentlicher Auftraggeber nach §98 Nummer 1 bis 3, 5 und 6 des Gesetzes gegen Wettbewerbsbeschränkungen ganz oder teilweise ausgeschlossen wird, wenn die Straftat unter Verletzung von Pflichten begangen wurde, die mit der Erfüllung von Liefer-, Bau- oder Dienstleistungsaufträgen verbunden sind.

(2) Die Ausschlussfrist darf ein Jahr nicht unterschreiten. Für die Höchstfrist gilt §46 des Bundeszentralregistergesetz entsprechend.

§11 Ausschluss von Subventionen

(1) Wird der Verband wegen einer Straftat nach §2 Absatz 1 dieses Gesetzes aus Anlass einer vorsätzlichen Zuwiderhandlung zu einer Geldstrafe von mehr als 180 Tagessätzen verurteilt, so kann das Gericht zugleich anordnen, dass der Verband von Subventionen im Sinne des §264 des Strafgesetzbuches ganz oder teilweise ausgeschlossen wird, es sei denn, dass auf die beantragte Subvention ein Rechtsanspruch besteht.

(2) Die Ausschlussfrist darf ein Jahr nicht unterschreiten. Für die Höchstfrist gilt §46 des Bundeszentralregistergesetzes entsprechend.

§12 Verbandsauflösung

Ist eine Straftat im Sinne des §2 Absatz 1 dieses Gesetzes beharrlich wiederholt worden und lässt die Gesamtwürdigung der Tatumstände und der Organisation des Verbandes die Gefahr erkennen, dass bei Fortbestand des Verbandes dessen Entscheidungsträger weiter erhebliche rechtswidrige Zuwiderhandlungen der bezeichneten Art begehen werden, kann das Gericht die Auflösung des Verbandes anordnen, soweit diese nach bürgerlichen Recht vorgesehen ist.

II. Zweiter Teil Verfahren gegen Verbände

§13 Grundsätze

(1) Für das Strafverfahren gegen Verbände im Sinne dieses Gesetzes gelten die Vorschriften der allgemeinen Gesetze über das Strafverfahren, namentlich die Strafprozessordnung und das Gerichtsverfassungsgesetz, sinngemäß, es sei denn, dass sie ausschließlich auf natürliche Personen angewendet werden können oder dieses Gesetz etwas anderes bestimmt.

(2) Für die Beteiligung des Verletzten am Verfahren gelten die Vorschriften des 5. Buches der Strafprozessordnung in Ansehung der verbandsbezogenen Zuwiderhandlung entsprechend.

(3) Ist eine Maßnahme nach der Strafprozessordnung nur bei Verdacht abschließend bestimmter Straftaten zulässig, so dürfen die auf Grund einer solchen Maßnahme oder die aufgrund einer entsprechenden Maßnahme nach anderen Gesetzen erlangten personenbezogenen Daten ohne Einwilligung der von der Maßnahme betroffenen Personen zu Beweis Zwecken zur Aufklärung einer Verbandsstraftat nur verwendet werden, wenn die Maßnahme nach der Strafprozessordnung zur Aufklärung der mit dieser in Zusammenhang stehenden verbandsbezogenen Zuwiderhandlung angeordnet wurde oder hätte angeordnet werden dürfen. §100d Absatz 5 Nummer 1 und 3 der Strafprozessordnung gelten entsprechend. §100i Absatz 2 Satz 2 und §108 Absatz 2 und 3 der Strafprozessordnung bleiben unberührt.

§14 Legalitätsgrundsatz

(1) Zur Erhebung der öffentlichen Klage wegen einer Verbandsstraftat ist die Staatsanwaltschaft berufen.

(2) Sie ist, soweit nicht gesetzlich ein anderes bestimmt ist, verpflichtet, wegen aller verfolgbaren Verbandsstraftaten einzuschreiten, sofern zureichende tatsächliche Anhaltspunkte vorliegen.

(3) Die Staatsanwaltschaft kann von der Verfolgung einer Verbandsstraftat absehen, wenn die Zu-

widerhandlung außerhalb des räumlichen Geltungsbereichs dieses Gesetzes begangen wurde und wenn wegen der Tat im Ausland schon eine Strafe gegen den Verband rechtskräftig verhängt worden oder zu erwarten ist, die zur Einwirkung auf den Verband und zur Verteidigung der Rechtsordnung ausreichend erscheint. Ist die öffentliche Klage bereits erhoben, so kann das Gericht auf Antrag der Staatsanwaltschaft das Verfahren in jeder Lage vorläufig einstellen. §154 Absatz 3 bis 5 der Strafprozessordnung gelten entsprechend.

§15 Gerichtliche Zuständigkeit

(1) Ein Gerichtsstand ist auch bei dem Gericht begründet, in dessen Bezirk der Verband seinen Sitz oder eine Zweigniederlassung hat.

(2) Ein Zusammenhang im Sinne des §3 der Strafprozessordnung ist auch vorhanden zwischen der Verbandsstraftat und der Tat derjenigen Person, die beschuldigt wird als Täter oder Teilnehmer in Wahrnehmung der Angelegenheiten des Verbandes die verbandsbezogene Zuwiderhandlung begangen zu haben.

(3) Die Strafkammern sind als erkennende Gerichte des ersten Rechtszuges zuständig, wenn die Verhängung einer Verbandsmaßregel zu erwarten ist oder wenn die Staatsanwaltschaft gemäß §24 Absatz 1 Nummer 3 des Gerichtsverfassungsgesetzes Anklage beim Landgericht erhebt. §74 Absatz 2 und die §§74a, 74b und 74c des Gerichtsverfassungsgesetzes gelten in Ansehung der verbandsbezogenen Zuwiderhandlung entsprechend.

(4) Die Oberlandesgerichte sind für die Verhandlung und Entscheidung im ersten Rechtszug entsprechend §120 des Gerichtsverfassungsgesetzes zuständig bei Verbandsstraftaten, wenn die verbandsbezogene Zuwiderhandlung zur Zuständigkeit der Oberlandesgerichte gehört.

§16 Ausschließung eines Richters

(1) Ein Richter ist von der Ausübung des Richteramtes kraft Gesetzes ausgeschlossen,

1. wenn er selbst, sein Ehegatte oder sein Lebenspartner zu dem Verband in dem Verhältnis eines Mitberechtigten oder Mitverpflichteten steht, auch wenn die Ehe oder Lebenspartnerschaft nicht mehr besteht;

2. wenn eine Person, mit der er in gerader Linie verwandt oder verschwägert, in der Seitenlinie bis zum dritten Grad verwandt oder bis zum zweiten Grad verschwägert ist oder war, zu dem Verband in dem Verhältnis eines Mitberechtigten oder Mitverpflichteten steht;

3. wenn er in der Sache als Prozessbevollmächtigter oder Beistand des Verbandes bestellt oder als gesetzlicher Vertreter des Verbandes aufzutreten berechtigt ist oder gewesen ist;

4. wenn er als Entscheidungsträger für den Verband tätig ist oder tätig gewesen ist.

(2) §22 der Strafprozessordnung bleibt unberührt. §22 Nummer 2 und 3 der Strafprozessordnung gelten entsprechend in Ansehung der Zuwiderhandlung.

§17 Vertretung und Zustellung

(1) Der Verband wird im Verfahren nach Maßgabe des §51 der Zivilprozessordnung vertreten. Wer wegen einer verbandsbezogenen Zuwiderhandlung oder wegen einer Unterlassung im Sinne des §2 Absatz 2 beschuldigt ist oder beschuldigt gewesen ist, ist an der Vertretung des Verbandes im Strafverfahren gehindert.

(2) Entscheidungen werden dem Verband durch Verkündung gegenüber dem oder durch Zustellung an die gesetzliche Vertreter bekanntgemacht. Für das Verfahren bei Zustellungen gelten die Vorschriften der Zivilprozessordnung entsprechend.

(3) Wird die für den Verband bestimmte Zustellung an mehrere Empfangsberechtigte bewirkt, so richtet sich die Berechnung einer Frist nach der zuletzt bewirkten Zustellung.

§18 Beschuldigtenrechte und Verteidigung

(1) Im Verfahren gegen den Verband wegen einer Verbandsstraftat sind auch die Personen, die einer verbandsbezogenen Zuwiderhandlung oder einer Unterlassung im Sinne des §2 Absatz 2 verdächtig sind, als Beschuldigte zu vernehmen. Sie können sich in jeder Lage des Verfahrens des Beistands eines Verteidigers bedienen. Die §§133 bis 136a der Strafprozessordnung gelten entsprechend.

(2) Ein Verteidiger kann gleichzeitig den Verband wegen der Verbandsstraftat und eine natürliche Person wegen der verbandsbezogenen Zuwiderhandlung oder wegen einer Unterlassung im Sinne des §2 Absatz 2 verteidigen, sofern dies der Aufgabe der Verteidigung nicht widerspricht (gemeinschaftliche Verteidigung). §146a der Strafprozessordnung gilt entsprechend.

(3) Im Falle der gemeinschaftlichen Verteidigung bedarf es bei der Zustellung von Schriftstücken in Angelegenheiten, die den betroffenen Verband und den Beschuldigten betreffen, nur einer Zustellung.

§19 Pflichtverteidigung

(1) Hat der Verband keinen gesetzlichen Vertreter oder sind alle gesetzlichen Vertreter des Verbandes wegen der verbandsbezogenen Zuwiderhandlung

beschuldigt, so wird ihm auf Antrag der Staatsanwaltschaft oder eines Mitglieds des Verbandes zur Beseitigung des vertretungslosen Zustands ein Pflichtverteidiger als besonderer Vertreter für das Verfahren bestellt, falls mit dem vertretungslosen Zustand Gefahr verbunden ist. Für die Bestellung ist vor Erhebung der öffentlichen Klage das Amtsgericht zuständig, in dessen Bezirk der Verband seinen Sitz oder eine Zweigniederlassung hat.

(2) Der besondere Vertreter hat unverzüglich die erforderlichen Maßnahmen zu ergreifen, um eine ordnungsgemäße Vertretung des Verbandes im Verfahren sicherzustellen. Mit der Bestellung eines geeigneten Vertreters endet die Beiordnung.

(3) §140 Absatz 1 Nummer 1 und 8 sowie §140 Absatz 2 der Strafprozessordnung bleiben unberührt. Insoweit gilt §141 Absatz 4 Satz 1 der Strafprozessordnung entsprechend.

§20 Verfahrenssichernde Maßnahmen

(1) Ist der Verband einer Verbandsstraftat dringend verdächtig und besteht auf Grund bestimmter Tatsachen bei Würdigung der Umstände des Einzelfalles der dringende Verdacht, dass Entscheidungsträger das Vermögen des Verbandes beiseiteschaffen oder die Auflösung des Verbandes in der Absicht betreiben, den Verband dem Strafverfahren zu entziehen, so kann bis zur Höhe von insgesamt 10 vom Hundert des im Durchschnitt der vorausgegangenen drei Geschäftsjahre erzielten Gesamtumsatzes des Verbandes der dingliche Arrest angeordnet werden. Der Gesamtumsatz kann geschätzt werden.

(2) Der Arrest wird durch schriftlichen Beschluss des Gerichts angeordnet. §162 der Strafprozessordnung gilt entsprechend. In dem Beschluss sind anzuführen der Verband, die Tat, deren er dringend verdächtig ist, Zeit und Ort der verbandsbezogenen Zuwiderhandlung, die gesetzlichen Merkmale der Straftat und die anzuwendenden Strafvorschriften sowie die Tatsachen, aus denen sich der dringende Tatverdacht und der Arrestgrund ergeben, soweit nicht dadurch die Staatssicherheit gefährdet wird.

(3) Ist der Verband zur Eintragung in ein öffentliches Register anzumelden, so kann das Gericht in den Fällen des Absatz 1 anordnen, dass die Eintragung der Auflösung oder Verschmelzung des Verbandes zu versagen ist (Registersperre). Der Beschluss ist dem zur Führung des Registers zuständigen Gericht bekannt zu machen.

(4) Die §§120 und 310 Absatz 1 Nummer 1 der Strafprozessordnung gelten entsprechend. Der Ver-

band ist über das Recht der Beschwerde schriftlich zu belehren.

(5) Die §§923, 928, 930 bis 932 und 934 Absatz 1 der Zivilprozessordnung sowie §111f Absatz 3 bis 5 der Strafprozessordnung gelten entsprechend.

(6) Eine Vollziehungsmaßnahme ist auf Antrag des Verbandes aufzuheben, soweit der Verband den Pfandgegenstand zur Aufbringung der Kosten seiner Verteidigung benötigt.

§21 Hauptverhandlung

(1) Die Hauptverhandlung kann ohne den gesetzlichen Vertreter des Verbandes durchgeführt werden, wenn er ordnungsgemäß geladen und in der Ladung darauf hingewiesen worden ist, dass in seiner Abwesenheit verhandelt werden kann. Die Niederschrift über eine richterliche Vernehmung des gesetzlichen Vertreters kann in diesem Falle in der Hauptverhandlung verlesen werden. §235 der Strafprozessordnung gilt entsprechend.

(2) Erklärungen des gesetzlichen Vertreters des Verbandes können darüber hinaus gemäß §254 der Strafprozessordnung verlesen werden.

(3) Dem abwesenden gesetzlichen Vertreter steht ein Anspruch auf Benachrichtigung über den Fortgang des Verfahrens nicht zu. Das Gericht ist jedoch befugt, ihm auf Antrag Benachrichtigungen zugehen zu lassen.

(4) Das Gericht kann zur Aufklärung des Sachverhalts das persönliche Erscheinen des gesetzlichen Vertreters des Verbandes anordnen. Bleibt er ohne genügende Entschuldigung aus, so kann das Gericht seine Vorführung anordnen, wenn er unter Hinweis auf diese Möglichkeit durch Zustellung geladen worden ist.

§22 Vollstreckung der Verbandssanktionen

(1) Für die Vollstreckung der Verbandsgeldstrafe gelten die Vorschriften der Justizbeitreibungsordnung, sofern sich aus den Vorschriften der allgemeinen Gesetze über das Strafverfahren nichts anders ergibt.

(2) Kann die Geldstrafe nicht eingebracht werden oder unterbleibt die Vollstreckung nach §459c Absatz 2 der Strafprozessordnung, so stellt die Vollstreckungsbehörde einen Antrag nach §14 der Insolvenzordnung.

(3) Ist eine Verbandsmaßregel nach §12 angeordnet worden und ist der Verband zur Eintragung in ein öffentliches Register anzumelden, so teilt die Vollstreckungsbehörde nach Rechtskraft dem Registergericht die Verbandsauflösung mit. Die Vollstreckungsbehörde beantragt für die Abwicklung des Verbandes beim zuständigen Gericht die Bestellung eines Abwicklers oder Liquidators. Für das weitere Verfahren gelten die Vorschriften des bürgerlichen Rechts entsprechend.

ПОДХОД К ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Рене Бёрнер,

доктор права (Dr. iur.), адвокат-специалист по уголовному праву, главный научный сотрудник кафедры уголовного и уголовно-процессуального права Потсдамского университета (Германия)

Жил да был молодой профессор уголовного права, который боялся призраков — уже в 1982 году *Винфрид Хассемер* ввел понятие так называемой функциональности уголовного судопроизводства, значимость которого сегодня особенно велика: «Призрак бродит по конституционной юрисдикции Германии, по мотивировочным частям приговоров, вынесенным коллегиями по уголовным делам Верховного суда ФРГ, по научным трудам, посвященным уголовно-процессуальному праву, а также, безусловно, по многим лекционным залам и залам судебного разбирательства»¹.

Федеральный Конституционный суд ФРГ разработал топос одновременно с установлением объективной истины. В формальном диалектическом противоречии между произошедшим, с одной стороны, и сознательным отклонением от этого приговора в целях защиты личных интересов, с другой, *Федеральный Конституционный суд ФРГ* полагал, что необходимо усилить притязание на истину. Здесь речь идет, главным образом, о праве на отказ от дачи показаний² и о недопустимости использования доказательств³. Потребность в эффективной уголовной юстиции относится к сфере гарантии принципа правового государства⁴. До тех пор, пока принцип правового государства включает в себя в качестве составной его части идею справедливости, требуется также поддержание эффективного судопроизводства, без которого справедливость не сможет проложить

себе дорогу⁵. Неопровержимый общественный интерес в установлении истины в уголовном процессе, а также потребность в действенном уголовном преследовании и эффективной борьбе с преступностью в представлении *Федерального Конституционного суда ФРГ* неразрывно связаны между собой⁶.

Против этого, в принципе, нечего возразить⁷. По мнению *Рисса*, эффективное уголовное судопроизводство предполагает достаточный объем полномочий для вмешательства в основные права гражданина, действенные средства против попыток саботажа процесса и возможности, позволяющие реализовать право на назначение наказания и без участия обвиняемого⁸. Уголовно-процессуальное право не может отказаться от аппарата принуждения именно потому, что обвиняемый хотя и имеет право на справедливое судебное разбирательство (*fair trial*), не допустимо, чтобы от него, апеллируя к правовому государству, ожидалось или требовалось того же самого⁹. Как *Рисс*, так и *Федеральный Конституционный суд ФРГ* полностью правы в том, что поддержание эффективного уголовного судопроизводства является составной частью правового государства¹⁰, а само правовое государство

5 *Федеральный Конституционный суд ФРГ*, NJW 1972, 2214/2216, а также *Федеральный Конституционный суд ФРГ* NJW 1973, 891/893; NJW 1977, 1489/1491.

6 *Федеральный Конституционный суд ФРГ*, NJW 1972, 2214/2216; NJW 1973, 891/893; NJW 1977, 1489/1491, а также *Федеральный Конституционный суд ФРГ*, NJW 2010, 592/593.

7 Хелльманн (Hellmann). Уголовно-процессуальное право (Strafprozessrecht), 2-ое издание, 2006, номер на полях 5; Ландау (Landau). Новый журнал уголовного права (NSZ) 2007, 121 и последующие.

8 *Рисс (Rieß)*, в: Юбилейный сборник Шефер (FS Schäfer) (1980), с. 155/182.

9 *Рисс (Rieß)*, в: FS Schäfer (1980), с. 155/182 и последующая; то же самое, Юридическое обозрение (JR) 2006, 269/274.

10 *Рисс (Rieß)*, в: FS Schäfer (1980), с. 155/173; 182; то же самое, Юридическое обозрение (JR) 2006, 269/272, а также Печатное издание Бундестага (BT-DrS) 8/976, с. 16.

1 *Хассемер (Hasssemer)*. Защитник по уголовным делам (StV) 1982, 275.

2 *Федеральный Конституционный суд ФРГ*. Новый юридический еженедельник (NJW) 1972, 2214 и последующие.

3 *Федеральный Конституционный суд ФРГ*, NJW 1973, 891 и последующие; NJW 1977, 1489 и последующие.

4 *Федеральный Конституционный суд ФРГ*, NJW 1977, 1489/1490.

ни в коем случае нельзя рассматривать в качестве дороги с односторонним движением, которая ведет лишь к односторонней защите личности¹¹.

Проблема, однако, состоит в том, что топос, как правило, не желает устанавливать допустимые границы. При этом речь здесь идет об уголовном судопроизводстве в целом. Данному аргументу индивид едва ли может что-то противопоставить, поскольку уголовное судопроизводство, находясь в безысходном положении, может защищаться от угроз не с помощью формализованного разрешения конфликта, а лишь будучи пристрастным и беспощадным¹². Последствие этого метко сформулировал *Хассемер* более 30 лет тому назад. Судам не следует применять данное понятие до тех пор, когда это действительно будет необходимо, что, будем надеяться, никогда не произойдет¹³. Этого, однако, не произошло. Вместо этого стало развиваться отношение правосудия к борьбе с предполагаемым злоупотреблением правом обвиняемого, находящегося под защитой, а также к ускорению судопроизводства. Представителями данного развития являются полная атрофия права на обжалование¹⁴, свирепствующая обязанность обжалования¹⁵, а также установление срока подачи ходатайства о допущении доказательств¹⁶. В данном случае речь должна идти не о многочисленных возражениях против этих «продуктов юстициального нормотворчества», а о возможности создания аргументационной модели.

В основе топоса заложена идея о том, что уголовная юстиция, которая не обладает достаточным авторитетом, чтобы надлежащим образом привлечь виновных к ответственности, не может сдерживать возмущение, которое вызывают преступные деяния, и тем самым ставит правовой порядок под угрозу. В отсутствие эффективно-

сти¹⁷ авторитетного уголовного судопроизводства невозможно удовлетворить реальную потребность совершить возмездие и связанную с ним попытку вершить самосуд. *Ландау*¹⁸ подчеркнул это¹⁹. В действительности же судопроизводство основано на вере в справедливость и на доверии к его работе. *Пфистер*²⁰ так же подчеркивает, что никто, ни один судья, ни один правозащитник, ни один ученый не хочет, чтобы уголовный процесс выбрал такой путь развития, при котором доверие общества было бы утрачено²¹. Таким образом, под топосом подразумевается правовая заинтересованность в реальной приемлемости судопроизводства. Ни одно общество не может в течение длительного периода времени управляться исключительно при помощи силы и страха. Необходимо создание такой модели обхождения с индивидом, которая не основывается на агрессивном воздействии и не вызывает агрессии против себя. Так называемое реальное признание уголовного судопроизводства не может быть достигнуто лишь благодаря возможности быстрого и беспрепятственного вынесения приговора. Реальное признание прежде всего предполагает доверие. *Никлос Луманн* выдвинул предположение, что все вытекает из правовых обстоятельств, при которых значительны, серьезны и настоятельны намерения достичь истину и правду, и с помощью которых, каждый, в случае необходимости, сможет доказать свою правоту²². На этом мета-уровне топос осуществляет функции соблюдения законности в своих предшествующих применениях только одного аргумента среди остальных, который входит в общее их число²³. Поэтому очевидно, что скорости процесса препятствует обстоятельство и беспристрастность суда. Когда правосудие устанавливает в качестве правового аргумента защиту достоверности, тогда критика этой достоверности не будет иметь место в качестве самостоятельного фактора. «Быстрый процесс» даже в общих чертах не определяет того, что необходимо в правовом государстве для достижения желаемого доверия в сфере уголовного судопроизводства.

11 *Pucc (Rieß)*, в: FS Schäfer (1980), с. 155/182.

12 *Хассемер (Hassemer)*, StV 1982, 275/280, а также в качестве примера точной критики слабых сторон данной точки зрения Шеффлер (Scheffler). Архив уголовного права Гольтдаммера (GA) 1996, 44/45 и последующая.

13 *Хассемер (Hassemer)*, StV 1982, 275/280, а также *Кюне (Kühne)*, GA 2008, 361/368.

14 Решения Федерального Верховного суда по уголовным делам (BGHSt) 51, 298 и последующие, а также Федерального Конституционного суда ФРГ StV 2010, 497. А так же *Роксин/Шунеманн (Roxin/Schünemann)*, Уголовное процессуальное право, изд. 27, 2012, 44, 17.

15 См. *Мосбахер (Mosbacher)* в ФС Риссинг-ван Саан (2011) с. 357 и последующие; а так же *Роксин/Шунеманн (Roxin/Schünemann)*. Уголовное процессуальное право, изд. 27, 2012, 44, 17.

16 Решения Федерального Верховного суда ФРГ по уголовным делам 52, 355, а так же Федерального Конституционного суда ФРГ, StV 2010, 113 и след.; а так же *Роксин/Шунеманн (Roxin/Schünemann)*. Уголовное процессуальное право, изд. 27, 2012, 45, 28.

17 Указание для классификации ответных действий как цели уголовного наказания, *Т. Вальтер (Walter)*, Центральная информационная система 2011, 636 и след.

18 *Герберт Ландау* на тот момент был судьей Федерального Конституционного суда ФРГ.

19 См.: *Ландау (Landau)*, NSStZ 2007, 121/127.

20 *Вольфганг Пфистер* на тот момент был судьей Федерального Верховного суда в 3ей судебной коллегии по уголовным делам.

21 *Пфистер (Pfister)*, StV 2009, 550/554.

22 *Луманн (Luhmann)*. Легитимация в процессе, изд. 3 Зуркамп, Франкфурт-на-Майне 1983, с.123.

23 Подчеркнуто *Хассемером (Hassemer)*, StV 1990, 328 и след.

DIE EINORDNUNG DER FUNKTIONSTÜCHTIGKEIT DER STRAFRECHTSPFLEGE

Dr. René Börner,

Es war einmal ein junger Strafrechtsprofessor, der fürchtete sich vor Gespenstern — schon 1982 erkannte *Winfried Hassemer* die weit reichende Bedeutung der sog. Funktionstüchtigkeit der Strafrechtspflege, die als Argument heute mehr denn je Konjunktur hat: „Ein Gespenst geht um in der Verfassungsgerichtsbarkeit, in den Urteilsgründen von Strafsenaten des Bundesgerichtshofs, in einer besorgten bis entsetzten Strafprozessrechtsliteratur und mittlerweile sicherlich auch in vielen Hörsälen und Gerichtssälen“.¹

Das *BVerfG* hat den Topos im Zusammenhang mit der Wahrheitsfindung entwickelt. In dem formelhaften Spannungsverhältnis zwischen einem wahren Geschehen einerseits und der wissentlichen Abweichung des Urteils von diesem zum Schutze individueller Interessen andererseits, galt es nach Auffassung des *BVerfG* den Wahrheitsanspruch zu stärken. Dabei handelte es sich hauptsächlich um Aussageverweigerungsrechte² und die Beweisverwertungsverbote.³ Das Interesse an einer leistungsfähigen Strafjustiz gehöre in den Gewährleistungsbereich des Rechtsstaatsprinzips.⁴ Soweit der Grundsatz der Rechtsstaatlichkeit die Idee der Gerechtigkeit als wesentlichen Bestandteil enthalte, verlange er auch die Aufrechterhaltung einer funktionstüchtigen Rechtspflege, ohne die der Gerechtigkeit nicht zum Durchbruch verholfen werden könne.⁵ Das unabweisbare öffentliche Interesse an einer möglichst vollständigen Wahrheitsermittlung im Strafprozess sowie das Bedürfnis einer wirksamen

Strafverfolgung und Verbrechensbekämpfung gehören somit für das *BVerfG* zusammen.⁶

Dagegen ist im Grundsatz nichts einzuwenden.⁷ Die funktionsfähige Strafrechtspflege erfordert mit *Rieß* ein hinreichendes Maß an Eingriffsbefugnissen, wirksamen Mitteln gegen Versuche der Verfahrensabschottung und ausreichende Möglichkeiten, den Sanktionsanspruch auch ohne Mitwirkung des Beschuldigten durchzusetzen.⁸ Gerade weil dem Beschuldigten gegenüber *fair trial* zwar geschuldet wird, von *ihm* aber nicht unter Berufung auf den Rechtsstaat erwartet oder gar gefordert werden darf, kann das Strafprozessrecht auf einen Zwangsapparat nicht verzichten.⁹ *Rieß* hat ebenso wie das *BVerfG* völlig Recht damit, dass die Aufrechterhaltung einer funktionstüchtigen Strafrechtspflege Bestandteil des Rechtsstaats ist¹⁰ und der Rechtsstaat keineswegs als eine Einbahnstraße in Richtung auf einen einseitigen Schutz des Individuums verstanden werden kann.¹¹

Das Problem besteht jedoch darin, dass sich der Topos tendenziell keine Grenzen setzen lassen will. Denn es handelt sich um ein Notstandsargument, bei dem es um die Strafrechtspflege als Ganzes geht. Diesem Gewicht des Arguments hat der Einzelne kaum etwas entgegenzusetzen, denn eine Strafrechtspflege mit dem Rücken zur Wand kann sich gegen Bedrohungen nicht durch formalisierte Kon-

6 Vgl. *BVerfG* NJW 1972, 2214/2216; NJW 1973, 891/893; NJW 1977, 1489/1491 sowie *BVerfG* NJW 2010, 592/593.

7 Statt vieler nur *Hellmann*, Strafrecht, 2. Aufl., 2006, Rn. 5; *Landau*, NStZ 2007, 121 ff.

8 *Rieß*, in: FS Schäfer (1980), S. 155/182.

9 *Rieß*, in: FS Schäfer (1980), S. 155/182 f.; *ders.*, JR 2006, 269/274.

10 *Rieß*, in: FS Schäfer (1980), S. 155/173; u. S. 182; *ders.*, JR 2006, 269/272 sowie bereits auch BT-DrS 8/976, S. 16.

11 *Rieß*, in: FS Schäfer (1980), S. 155/182.

1 *Hassemer*, StV 1982, 275.

2 *BVerfG* NJW 1972, 2214 ff.

3 *BVerfG* NJW 1973, 891 ff.; NJW 1977, 1489 ff.

4 *BVerfG* NJW 1977, 1489/1490.

5 *BVerfG* NJW 1972, 2214/2216 sowie *BVerfG* NJW 1973, 891/893; NJW 1977, 1489/1491.

fliktverarbeitung, sondern nur parteiisch und rücksichtslos verteidigen.¹² Die Konsequenz daraus hat *Hassemer* zutreffend bereits vor ebenfalls mehr als dreißig Jahren formuliert. Die Gerichte sollten den Begriff so lange in der Schublade verwahren, bis sie ihn wirklich bräuchten, was hoffentlich niemals der Fall sein möge.¹³ Doch das geschah nicht. Stattdessen hat sich eine Beziehung zu der Bekämpfung des — gemutmaßten — Rechtsmissbrauchs des verteidigten Angeklagten und der Verfahrensbeschleunigung entwickelt. Die Repräsentanten dieser Entwicklung sind die sog. Rügeverkümmern,¹⁴ die um sich greifende Rügeobliegenheit¹⁵ sowie die Fristsetzung für Beweisanträge.¹⁶ An dieser Stelle soll es nicht um die zahlreichen Einwände gegen diese justiziellen Rechtschöpfungen gehen, sondern um eine Möglichkeit zur Entschärfung des Argumentationsmusters.

Hinter dem Topos steht die Idee, dass eine Strafjustiz, die nicht genügend Autorität besitzt, um die Schuldigen angemessen zur Verantwortung zu ziehen, nicht im Stande ist, die Empörung über Straftaten zu kanalisieren und dadurch den Rechtsfrieden gefährdet. Ohne eine plausible Effektivität autoritärer Strafrechtspflege lässt sich dem realen Vergeltungsbedürfnis¹⁷ und dem damit verbundenen Drang zur Selbstjustiz nicht begegnen. Das hat *Landau*¹⁸ nachdrücklich hervorgehoben.¹⁹ Die Justiz ist auf das Vertrauen in die der Wahrheit verpflichtete Zuverlässigkeit ihrer Arbeit angewiesen. Auch *Pfister*²⁰ betont, niemand, weder Richter, noch der Verteidiger, noch der Wissenschaftler, könne wollen, dass das Straf-

verfahren eine Entwicklung nehme, bei der sich ein Verlust an öffentlichem Vertrauen abzeichnet.²¹ Hinter dem Topos steht also das rechtliche Interesse an der realen gesellschaftlichen Akzeptanz der Justiz. Keine Gesellschaft kann auf Dauer allein durch Gewalt und Furcht regiert werden. Es bedarf einer Einordnung des Einzelnen, die weder auf Aggression beruht noch umgekehrt Aggressionen hervorruft. Die so verstandene reale Akzeptanz der Strafrechtspflege kann aber nicht allein mit deren Fähigkeit zur schnellen und reibungslosen Aburteilung erreicht werden.

Reale Akzeptanz setzt auch und vor allem Glaubwürdigkeit voraus. Dazu kommt es mit *Niklas Luhmann* auf die Förderung der Überzeugung an, dass alles mit rechten Dingen zugeht, dass in ernsthafter, aufrichtiger und angestrebter Bemühung Wahrheit und Recht ermittelt werden und dass mit Hilfe dieser Institution gegebenenfalls jeder zu seinem Recht kommen wird.²² Auf dieser Meta-Ebene ist der Topos der Funktionstüchtigkeit der Strafrechtspflege in seiner bisherigen Verwendung nur *ein* Argument unter vielen, die in eine Gesamtwürdigung einfließen.²³ So liegt es etwa auf der Hand, dass die Verfahrensgeschwindigkeit mit der zu verlangenden Gründlichkeit und Unvoreingenommenheit des Gerichts kollidiert. Wenn die Justiz also den Schutz ihrer Glaubwürdigkeit zum rechtlichen Argument erhebt, dann darf die Beurteilung dieser Glaubwürdigkeit nicht auf einen singulären Faktor verengt werden. Der „kurze Prozess“ allein beschreibt auch nicht ansatzweise das in einem Rechtsstaat zu wünschende Vertrauen in die Strafrechtspflege.

12 *Hassemer*, StV 1982, 275/280 sowie beispielhaft mit treffender Kritik an der Inhaltsarmut einer Abwägung *Scheffler*, GA 1996, 44/45 f.

13 *Hassemer*, StV 1982, 275/280 sowie statt vieler zust. *Kühne*, GA 2008, 361/368.

14 BGHSt 51, 298 ff. sowie BVerfG StV 2010, 497 ff.; indessen krit. statt vieler *Roxin/Schünemann*, Strafverfahrensrecht, 27. Aufl., 2012, § 51 Rn. 10 f.

15 Vgl. nur *Mosbacher*, in: FS Rissing-van Saan (2011), S. 357 ff.; indessen krit. statt vieler *Roxin/Schünemann*, Strafverfahrensrecht, 27. Aufl., 2012, § 44 Rn. 17 f.

16 BGHSt 52, 355 ff. sowie BVerfG StV 2010, 113 ff.; indessen krit. statt vieler *Roxin/Schünemann*, Strafverfahrensrecht, 27. Aufl., 2012, § 45 Rn. 28.

17 Instrukтив zur damit korrespondierenden Einordnung der Vergeltung als Strafzweck *T. Walter*, ZIS 2011, 636 ff.

18 *Herbert Landau* ist derzeit Richter am Bundesverfassungsgericht.

19 Vgl. *Landau*, NStZ 2007, 121/127.

20 *Wolfgang Pfister* ist derzeit Richter am Bundesgerichtshof im 3. Strafsenat.

21 *Pfister*, StV 2009, 550/554.

22 *Luhmann*, Legitimation durch Verfahren, Nachdruck der 3. Auflage bei Suhrkamp, Frankfurt am Main 1983, S. 123.

23 Nachdrücklich bereits *Hassemer*, StV 1990, 328 ff.

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ОСНОВНОМ И ДОПОЛНИТЕЛЬНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Георг Кюппер,

доктор права (Dr. iur. habil.), профессор, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-процессуального права Потсдамского университета, (Германия)

I. Общие положения

Преступления, совершаемые преступными организациями, являются квалифицированными составами, за совершение которых предусмотрена повешенная мера наказания¹. Данные преступные деяния имеют большое практическое значение; одно только Уголовное уложение содержит не менее двадцати соответствующих норм. Условием возникновения преступной организации является объединение лиц с целью постоянного совершения преступлений. В большинстве случаев речь идет о совершении преступных деяний, направленных против собственности, имущественных преступлений, как например, кража, грабеж, мошенничество, а также сокрытие имущества, добытого преступным путем.

Усиление меры наказания за совершение данных преступных деяний оправдано их особой опасностью. Последняя включает в себя два элемента: организованную опасность и опасность действия. Организованная опасность является результатом объединения на постоянной основе, что, с одной стороны, порождает чувство сплоченности, а с другой — определенную групповую динамику. Опасность действия вытекает из совместного совершения преступления, однако существует уже на этапе, когда члены преступной организации принимают участие в планировании и подготовке преступного деяния и таким образом повышают эффективность совершения преступления.

II. Определение преступной организации

Проблемным является вопрос о минимально необходимом числе участников преступной организации. В соответствии с прежней судебной практикой для преступной организации было достаточно и двух лиц, поскольку особая опасность состоит не столько в количестве участвующих, столько в тесной связи, которая поддерживается членами, и которая служит постоянным импульсом к продолжению преступной деятельности. Однако в отличие от простого соучастия, в отношении преступной организации действуют дополнительные критерии, как например, стойкая воля.

Лишь в 1998 году решением Большого сената было определено, что преступная организация должна состоять по меньшей мере из трех членов. Верховный суд придерживается позиции, что понимание преступной организации как криминального объединения, включающего только двух лиц, идет вразрез с происхождением понятия преступной организации, а также его буквальным смыслом. В объединении двух лиц нет взаимной связи, выходящей за рамки простого соучастия. Кроме того, отсутствует и характерный квалифицирующий признак преступной организации, а именно ее групповая динамика. Данное судебное решение было повсеместно воспринято наукой. Порой возникает вопрос о том, стоит ли ждать дальнейшего повышения минимального числа участников преступной организации, например, от пяти лиц, однако данное мнение представляется не лишним произвола.

¹ В качестве введения см.: Рённау (Rönnau). Правовая подготовка (JuS), 2013, 594; подробнее Шильд (Schild). Архив уголовного права Гольддаммера (GA), 1982, 55.

Кроме того, существуют попытки дальнейшего конкретизирования понятия преступной организации². Некоторые авторы считают несоразмерным усиление меры наказания в предусмотренной степени только на том основании, что договоренность нескольких лиц совершить преступление ведет к заранее неопределенному числу будущих преступных деяний. В таком случае было бы верно и то, что для выполнения признаков преступления, совершенного преступной организацией, достаточно совершить и одно преступное деяние. В связи с этим предлагается определять преступную организацию как квазисообщество. Действия преступной организации тогда бы рассматривались как частный случай деятельности, осуществляемой на профессиональной основе, которая также содержится в многочисленных нормах в качестве обстоятельства, отягчающего наказание. Сюда же относится требование о том, что для признания объединения преступной организацией необходимо, чтобы оно совершило по меньшей мере два преступных деяния.

Последнее время наблюдается телеологическое уменьшение понятия преступной организации особенно в отношении оборота наркотических веществ в случаях, когда речь идет о совместном выращивании наркотических растений для целей личного потребления — так называемое «общество растениеводов»³. Тот, кто незаконно выращивает наркотические растения и при этом действует в качестве члена преступной организации, признается виновным в совершении преступления (§ 30 I № 1, § 30a I Закона о наркотических веществах). В упомянутом случае, однако, нет общественной вредоносности, которая присуща преступной организации. Отсутствует также и признак организованной опасности, поскольку каждый субъект преступления имеет целью обеспечить наркотическими веществами себя лично. Если бы лица хотели организовать торговлю, тогда бы речь шла о преступной организации.

III. Требование содействия

Деяния, совершенные преступной организацией отчасти подразумевают, что субъект совершает преступление при содействии других членов

организации. В этой связи также стоит отметить произошедшее изменение судебной практики⁴. Для признания того, что кражу совершила именно преступная организация, Верховный суд изначально требовал совместного выполнения действий на месте преступления. Затем он счел достаточным, чтобы другой член преступной организации содействовал совершению преступления каким-либо иным способом. Теперь же под преступную организацию подпадает любая форма участия, которая в соответствии с общими правилами может рассматриваться в качестве содействия совершению преступлению. Требование содействия, таким образом, потеряло свое значение в основном уголовном праве, тем более что оно там практически нигде не встречается.

Еще меньше это релевантно для дополнительного уголовного права. Так, например, в отношении оборота наркотических веществ требование содействия отсутствует. Закон, таким образом, отказывается от признака опасности действия. В качестве обоснования этого Верховный суд приводит следующий аргумент: незаконная торговля наркотическими веществами охватывает такие различные формы поведения, образующие состав преступления, что ввиду защищаемого правового блага неважно, каким образом члены преступной организации в каждом конкретном случае содействуют друг другу. Торговле наркотиками как раз присуще то, что конкретные действия, например, заказ, доставка, курьерская работа, передача денег и ещё многие другие разнообразные действия, совершаемые в целях координации участников, совершается одним единственным лицом. Таким образом, чтобы повысить эффективность, необязательно выполнять согласованные действия в одно время и в одном месте. Даже если член преступной организации самостоятельно выполняет одно единственное действие, учитываться будет особая опасность совместно совершенного преступления, которое зависит от тщательного планирования и подготовки, рационального распределения работы, а также всесторонней защиты⁵.

Следующим примером выступает налоговое уголовное право. Уклонение от уплаты налогов применительно к преступной организации не со-

2 Подробнее об этом: Дессекер (*Dessecker*). Новый журнал уголовного права. (NStZ), 2009, 184.

3 Как недавно писал *Собота* (*Sobota*). NStZ, 2013, 509.

4 Подробнее *Альтенхайн* (*Altenhein*), Журнал общей уголовно-правовой науки (ZStW) 113 (2001), 112.

5 См. решения Верховного суда по уголовным делам (BGHSt) 38, 26; подробнее *Кёрнер* (*Körner*)/*Пацак* (*Patzak*), Закон о наркотических веществах, 7-ое издание 2012, § 30 номер на полях 22 и последующие.

держит требования о соучастии, в то время как ещё пару лет назад оно было закреплено в контрабанде (см. § 370, § 373 Положения о налогах). Законодатель хотел прийти, таким образом, к единообразному понятию преступной организации и в рамках Положения о налогах пытался избежать несущественной дифференциации. В заключение стоит отметить также Закон об оружии. Там указан такой квалифицирующий признак, как действие субъекта при содействии другого члена преступной организации (§ 52 Закона об оружии). Требование содействия не обладает самостоятельной функцией. Верховный суд также считает это «чрезвычайно сомнительным». Истинную волю законодателя, которая бы противостояла расширительному толкованию судами признака содействия, установить невозможно⁶.

IV. Вывод

Актуальное развитие характеризуется двумя противоположными тенденциями. С одной стороны, преступная организация определяется ограничительно: начиная от минимального числа участников, и заканчивая поиском новых ограничивающих критериев. С другой — требование содействия постепенно отступает как в законодательстве, так и судебной практике; таким образом, опасность действия и исполнения отходит на второй план. На будущее следует задаться вопросом, является ли оправданным постоянное расширение и чрезмерное повышение меры наказания применительно к организованной преступности.

⁶ BGHSt 46, 321 (337 и последующая); К вопросу о возможном сближении понятий преступной организации см.: К. Мюллер (K. Müller), GA, 2002, 318.

BANDENDELINQUENZ IM KERN- UND NEBENSTRAFRECHT

Prof. Dr. Georg Küpper,

Lehrstuhl für Strafrecht und Strafprozessrecht an der Universität Potsdam, Deutschland

I. Allgemeines

Bandendelikte sind Qualifikationstatbestände oder Regelbeispiele, welche die Begehung einer Straftat im Rahmen einer Bande unter erhöhte Strafdrohung stellen.¹ Sie besitzen erhebliche praktische Bedeutung; allein das Strafgesetzbuch weist nicht weniger als zwanzig entsprechende Vorschriften auf. Voraussetzung ist jeweils, dass sich die Mitglieder der Bande zur fortgesetzten Begehung von Straftaten verbunden haben. Dabei geht es zumeist um Eigentums- oder Vermögensdelikte, wie etwa Diebstahl und Raub, Betrug und Hehlerei.

Die Strafschärfung wird mit der besonderen Gefährlichkeit begründet, die sich aus zwei Elementen zusammensetzt. Eine Organisationsgefahr resultiert aus der auf Dauer angelegten Verbindung, wodurch zum einen das Gefühl der Zusammengehörigkeit und zum anderen eine gewisse Gruppendynamik entsteht. Die Aktionsgefahr ergibt sich aus der gemeinsamen Ausführung, besteht aber auch schon dann, wenn die Bandenmitglieder bei der Planung oder Vorbereitung mitwirken und auf diese Weise die Effizienz der Tausführung steigern.

II. Bandenbegriff

Zunächst ist schon die für eine Bande notwendige Mindestzahl problematisch. Die frühere Rechtsprechung ließ dafür bereits zwei Personen ausreichen. Denn nicht in der Vielzahl allein liege die wesentliche Ursache der besonderen Gefährlichkeit, sondern vor allem in der engen Bindung, welche die Mitglieder für die Zukunft eingehen und die einen ständigen Anreiz zur Fortsetzung bilde. In Abgrenzung zur bloßen Mit-

täterschaft wurden allerdings noch zusätzliche Kriterien herangezogen, wie ein gefestigter Bandenwille oder ein übergeordnetes Bandeninteresse.

Erst der Beschluss des Großen Senats aus dem Jahre 1998 hat der „Dreierbande“ zum Durchbruch verholfen. Der BGH ist der Ansicht, mit der Herkunft des Begriffes und dessen Wortsinn sei es nicht vereinbar, darunter den kriminellen Zusammenschluss von nur zwei Personen zu verstehen. Auch eine — über das Maß der Mittäterschaft hinausgehende — gegenseitige Bindung bestehe in einer Zweiergruppe nicht; zudem fehle dort die für eine Bandenqualifikation charakteristische Gruppendynamik. Dieser Entscheidung ist die Literatur ganz überwiegend gefolgt. Vereinzelt wird noch die Frage aufgeworfen, ob sich die verbleibenden Bedenken nur mit einer weiteren Erhöhung der Mindestzahl ausräumen ließen; genannt werden etwa fünf Personen, was aber auch nicht frei von Willkür ist.

Abgesehen davon gibt es das Bemühen um eine weitere Konkretisierung des Bandenbegriffs.² Manche Autoren halten es für unangemessen, eine Strafschärfung in dem vorgesehenen Ausmaß allein dadurch zu begründen, dass sich die Verabredung mehrerer Personen zur Begehung von Straftaten auf eine vorab unbestimmte Zahl künftiger Straftaten bezieht. Dies gelte umso mehr, als dass für ein Bandendelikt bereits die Ausführung einer einzigen Tat genügt. Vorgeschlagen wird deshalb, die Bande als eine geschäftsähnliche Organisation zu definieren. Das bandenmäßige Vorgehen wäre dann ein Unterfall der Gewerbsmäßigkeit, die ebenfalls als strafferhöhendes Merkmal in zahlreichen Vorschriften enthalten ist. Hinzu kommt die Forderung, dass mindestens zwei Delikte begangen werden müssen, um feststellen zu können, ob von der Tätergruppe eine bandentypische erhöhte Gefahr ausgeht.

¹ Zur Einführung siehe *Rönnau*, JuS 2013, 594; vertiefend *Schild*, GA 1982, 55.

² Näher dazu *Dessecker*, NSTZ 2009, 184.

Speziell für das Betäubungsmittelstrafrecht wird neuerdings eine teleologische Reduktion des Bandenbegriffs in Betracht gezogen, soweit es um den gemeinsamen Anbau von Betäubungsmitteln zum Eigenkonsum geht — sog. Anbaugemeinschaft.³ Wer Betäubungsmittel unerlaubt anbaut und dabei als Mitglied einer Bande handelt, macht sich immerhin eines Verbrechens schuldig (§§ 30 I Nr. 1, 30a I BtMG). Im genannten Fall fehle es aber an der besonderen Sozialschädlichkeit einer Bandenqualifikation. Auch die Organisationsgefahr liege nicht vor, da jeder Täter nur seine eigene Drogenversorgung im Blick hat und es keinen übergeordneten Zweck der Bande gibt. Deshalb müsse sich die Bandenabrede auf ein Handelstreiben beziehen. Allein dadurch würden diejenigen Umgangsformen mit Betäubungsmitteln erfasst, die eine Qualifizierung rechtfertigen, während auf den Eigenkonsum bezogene Zusammenschlüsse ausscheiden.

III. Mitwirkungserfordernis

Zum Teil setzen die Bandendelikte voraus, dass der Täter die jeweilige Tat „unter Mitwirkung“ eines Bandenmitglieds begeht. Auch diesbezüglich ist ein Wandel zu verzeichnen.⁴ Ursprünglich verlangte der BGH für den Bandendiebstahl ein örtliches und zeitliches Zusammenwirken am Tatort. Dann ließ er es ausreichen, dass ein anderes Bandenmitglied in irgendeiner Weise mitwirkt. Nunmehr soll der Begriff jede Form der Beteiligung erfassen, die nach allgemeinen Regeln als ein Beitrag zur Förderung der Tat angesehen werden kann. Das Erfordernis hat demnach schon im Kernstrafrecht an Bedeutung verloren, zumal es dort nicht durchweg vorgesehen ist.

Noch weniger prägt es das Nebenstrafrecht. So fehlt es etwa bei der bandenmäßigen Begehung im Betäubungsmittelstrafrecht. Das Gesetz verzichtet hier also auf das Moment der Aktionsgefahr. Zur Begründung hat der BGH ausgeführt: Unerlaubtes Handelstreiben mit Betäubungsmitteln umfasse so verschiedene Formen tatbestandlichen Verhaltens, dass es im Hinblick auf das geschützte Rechtsgut nicht wesentlich erscheint, wie die Bandenmitglieder im Einzelfall zusammenwirken. Für den bandenmäßigen Rauschgifthandel sei es geradezu typisch, dass konkrete Aktivitäten wie Bestellungen, Lieferungen, Kurierfahrten, Geldübergaben und vielfältige Handlungen zur Koordination der Beteiligten nur von Ein-

zelpersonen durchgeführt werden. Ein örtliches und zeitliches Zusammenwirken erscheine regelmäßig nicht nötig, um die Effizienz des Vorgehens zu steigern. Auch wenn ein Bandenmitglied die einzelne Tathandlung allein ausführt, komme die besondere Gefährlichkeit einer gemeinschaftlich begangenen Bandentat in Betracht, die bedingt ist durch sorgfältige Planung und Vorbereitung, zweckmäßige Arbeitsteilung und umfassende Absicherung.⁵

Ein weiteres Beispiel bildet das Steuerstrafrecht. Die bandenmäßige Steuerhinterziehung enthält kein Mitwirkungserfordernis, während es beim bandenmäßigen Schmuggel ehemals vorhanden war, dann aber vor einigen Jahren gestrichen wurde (vgl. §§ 370, 373 AO). Der Gesetzgeber wollte dadurch zu einem einheitlichen Bandenbegriff gelangen und innerhalb der Abgabenordnung sachlich nicht gebotene Differenzierungen vermeiden. Abschließend ist das Waffenstrafrecht zu erwähnen. Dort findet sich zwar noch das Regelbeispiel, dass der Täter unter Mitwirkung eines anderen Bandenmitglieds handelt (§ 52 V WaffG). Angesichts der im Waffengesetz geregelten Begehungsweisen dürfte diesem Erfordernis jedoch kaum eine selbständige Funktion zukommen. Auch der BGH hält es hier für „besonders zweifelhaft“. Überhaupt sei angesichts der wenig stringenten Unterscheidung innerhalb der Bandendelikte ein Wille des historischen Gesetzgebers, der einer erweiternden Auslegung des Mitwirkungsmerkmals durch die Rechtsprechung ernsthaft entgegenstünde, nicht festzustellen.⁶

IV. Fazit

Die neuere Entwicklung weist zwei gegenläufige Tendenzen auf. Einerseits wird der Bandenbegriff zunehmend restriktiv interpretiert; dies beginnt bei der Mindestzahl und setzt sich fort in der Suche nach weiteren einschränkenden Kriterien. Andererseits befindet sich das Mitwirkungserfordernis auf dem Rückzug, sowohl in Gesetzgebung als auch Rechtsprechung; damit tritt zugleich der Gesichtspunkt einer Aktions- oder Ausführungsgefahr in den Hintergrund. Für die Zukunft dürfte sich die grundsätzliche Frage stellen, ob die stetige Ausbreitung und enorme Erhöhung der Strafdrohungen wegen Bandendelinquenz sachlich gerechtfertigt erscheint.

⁵ Vgl. BGHSt 38, 26; ausf. *Körner/Patzak*, BtMG, 7. Aufl. 2012, § 30 Rn. 22 ff.

⁶ BGHSt 46, 321 (337 f.); zu einer möglichen Konvergenz der Bandendelikte siehe *K. Müller*, GA 2002, 318.

³ So jüngst *Sobota*, NStZ 2013, 509.

⁴ Eingehend *Altenhain*, ZStW 113 (2001), 112.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ В НЕМЕЦКОМ, РОССИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Вольфганг Митч,

доктор права (Dr. iur. habil.), профессор, заведующий кафедрой уголовного права, ювенального уголовного права и криминологии юридического факультета Потсдамского университета

Аликс Жиро,

научный сотрудник кафедры уголовного права, ювенального уголовного права и криминологии юридического факультета Потсдамского университета

I. Основные черты преступлений против жизни в немецком праве

Уголовно-правовую защиту правового блага «жизнь» можно обнаружить в различных нормах Уголовного уложения ФРГ (УУ ФРГ), а также дополнительного уголовного права. Её основу составляют §§ 211–222 раздела 16 Особенной части УУ ФРГ, который носит название «Преступления против жизни». Человеческая жизнь пользуется уголовно-правовой защитой также в ряде положений, которые в первую очередь защищают другое правовое благо — например, безопасность дорожного движения — ставящие, однако, наказуемость в зависимость от конкретной угрозы для жизни. Обычно это выражается формулировкой «и тем самым создает опасность для физической целостности или жизни другого человека» (см. § 315с абз. 1 УУ ФРГ). Данный пример соответствует выводу о том, что немецкое право не знает общего преступления, направленного на создание угрозы для жизни, а — за исключением §§ 211–221 УУ ФРГ — всегда предусматривает убийство лица, т. е. уничтожение жизни, превышающее простое создание угрозы для жизни, в качестве условия наказуемости.

Раздел 16 Особенной части УУ ФРГ, которым ограничиваются следующие составы, классифицирует умышленные преступления против жизни трехступенчато. В центре находится убийство

(§ 212 УУ ФРГ), которое уголовно-правовая наука называет основным составом преступления. Ступенью выше расположено тяжкое убийство (§ 211 УУ ФРГ), которое рассматривается уголовно-правовой наукой в качестве квалифицированного состава по отношению к убийству. На третьей ступени находится причинение смерти по требованию (§ 216 УУ ФРГ), которое из-за небольшой санкции является привилегированным составом преступления. Ранее причинение смерти новорожденному (§ 217 УУ ФРГ в старой редакции) также являлось привилегированным составом, однако в 1998 году его исключили.

В рамках данного небольшого доклада будет подробно рассмотрен состав преступления тяжкого убийства, который многие десятилетия считается полным недостатков и нуждающимся в реформе. Недостатки все еще присутствуют, поскольку необходимая реформа по-прежнему заставляет себя ждать.

В основе тяжкого убийства лежит состав простого убийства, который имеет несложную структуру: убийство — это умышленное причинение смерти другому лицу (§ 15 УУ ФРГ). От состава простого убийства тяжкое убийство отличается тем, что обладает признаками тяжкого убийства, которые исчерпывающим образом приведены в § 211 (абз. 2) УУ ФРГ. В основе выбора данных признаков не лежит признанная концепция и единообразная основная мысль. Отчасти это опреде-

ленные мотивы (например, корысть, удовлетворение сексуального влечения) и намерения (сокрытие или возможность осуществления другого преступления), а отчасти — особые способы и средства совершения убийства (жестокость, применение общеопасных средств), которые призваны обосновать повышение предела наказуемости. Таким образом, тот факт, что в них выражается высокий уровень упречности и/или опасности, не имеет значения. Сходство данного состава преступления не только с пестрым, но и дырявым лоскутным одеялом очевидно обнаруживается, если показать, какие критерии не нашли отражения в составе преступления: обстоятельства, которые связаны с личностью лица, совершающего преступление, и потерпевшего, не играют никакой роли. Это оказывает привилегированное воздействие, прежде всего, на тех субъектов преступления, которые не совершают убийство коварным способом, а используют свое физическое превосходство в открыто агрессивной форме, поскольку потерпевший и без того не имеет возможности защищаться. Подобные деяния являются лишь простым убийством, поскольку ни особая потребность определенных групп потерпевших в защите, ни особая опасность определенных групп субъектов преступления не отвечают признакам состава преступления тяжкого убийства. Из этого следует, что убийство малолетнего ребенка или пожилой женщины, которая не может ходить, *per se* не является тяжким убийством, а террористы или члены преступной банды, вооруженные и совместно убивающие свои жертвы, не являются автоматически субъектами тяжкого убийства. Даже убийство множества человек не влечет неизбежно выполнение признаков тяжкого убийства. Количество убийств само по себе еще не делает субъекта преступления массовым тяжким убийцей. Лицо совершает тяжкое убийство в том случае, когда оно уничтожает десятки человеческих жизней, организуя подрыв взрывчатых веществ или поджог, поскольку оно использовало общеопасное средство. Если же лицо по очереди убивает двадцать человек прицельными выстрелами из автомата, то данный признак тяжкого убийства не будет выполнен, и деяние следует считать простым убийством, поскольку и остальные признаки тяжкого убийства при таком деянии не обязательно будут иметь место. Компромиссное решение для соразмерной уголовно-правовой квалификации особо тяжких преступлений про-

тив жизни, не обладающих признаками тяжкого убийства, закреплено в § 212 (абз. 2) УУ ФРГ: в особо тяжких случаях назначается наказание в виде пожизненного лишения свободы. Однако ориентиров для выделения обстоятельств, которые бы обосновывали особую тяжесть убийства, в уголовном законе не содержится.

Самая большая проблема § 211 УУ ФРГ состоит в том, что он не дает возможности уменьшить размер наказания в тех случаях, когда в соответствии с обстоятельствами дела наказание должно быть ниже. Состав тяжкого убийства имеет место, если присутствует хотя бы один его признак. Законодательная санкция § 211 (абз. 1) УУ ФРГ предписывает в данном случае пожизненное лишение свободы. Таким образом, мера наказания не назначается судом на основе законодательно установленных пределов. § 46 УУ ФРГ не применяется. Смягчающие обстоятельства, которые бы имели значение при определении наказания, не могут препятствовать назначению пожизненного лишения свободы. Таким образом, при вынесении приговора по § 211 УУ ФРГ они никоим образом не принимаются во внимание.

§ 211 УУ ФРГ является положением, применение уголовными судами которого ведет к назначению наказания, противоречащего Конституции, несмотря на то, что Федеральный конституционный суд и Верховный суд неоднократно это оспаривали. С одной стороны, причина состоит в том, что сам закон является неконституционным, с другой — уголовным судам не всегда удается применить закон в соответствии с Конституцией.

II. Основные черты преступлений против жизни в российском праве

Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) регулирует преступления против жизни в ст.ст. 105–110. Основой для сравнения российского и немецкого регулирования в отношении убийства и тяжкого убийства являются обе части ст. 105 УК РФ. В соответствии с ч. 1 ст. 105 УК РФ убийством признается причинение смерти другому лицу и наказывается лишением свободы сроком от шести до пятнадцати лет. Норма ч. 2 ст. 105 УК РФ, опираясь на ч. 1, перечисляет в общей сложности 12 вариантов обстоятельств, которые бы в соответствии с немецкой уголовно-правовой догматикой имели бы квалифици-

рующее действие. В то время как в УК РФ они являются обстоятельствами, усиливающими санкцию: возможными наказаниями являются лишение свободы от восьми до двадцати лет, пожизненное лишение свободы или смертная казнь. Обстоятельства, которые обосновывают данное ужесточение наказания на уровне состава преступления, можно подразделить на три группы: с одной стороны, закон опирается на объективные данные о потерпевшем или потерпевших. Квалифицирующими признаками являются, например, убийство нескольких лиц (п. «а» ч. 2) или лица, находящегося в беспомощном состоянии (п. «в» ч. 2), или убийство женщины, находящейся в состоянии беременности (п. «г» ч. 2). Далее усиление наказания предусмотрено в случаях, когда совершение убийства характеризуется особой опасностью или жестокостью. Сюда относятся убийство, совершенное с особой жестокостью (п. «д» ч. 2), общеопасным способом (п. «е» ч. 2), совершенное группой лиц по предварительному сговору (п. «ж» ч. 2). К третьей группе обстоятельств, усиливающих наказание, относятся те, которые основываются на особо упречных побуждениях и намерениях субъекта преступления. Здесь идет речь, например, о корысти (п. «з» ч. 2), хулиганстве (п. «и» ч. 2) или мотивах политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотивах ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «л» ч. 2). Перечень обстоятельств, усиливающих наказание, перечисленных в ч. 2, является исчерпывающим, ссылка на не конкретизированную норму общего характера «особо тяжкие случаи» отсутствует.

Дополнительно следует указать, что в соответствии со ст. 106 УК РФ убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов, а равно убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации наказывается лишением свободы на срок до пяти лет. Обстоятельства, смягчающие наказание, предусмотрены ст. 107 УК РФ «Убийство, совершенное в состоянии аффекта», а также ст. 108 УК РФ «Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление». Ст. 109 УК РФ криминализирует причинение смерти по неосторожности, а в ст. 110 УК РФ закреплены

определенные формы доведения до самоубийства, за которые предусмотрено наказание. Никак не урегулировано причинение смерти по требованию, а также эвтаназия.

III. Основные черты преступлений против жизни по французскому праву

Во Франции в настоящее время обширная реформа преступлений против жизни не стоит на повестке дня, хотя публичная дискуссия по поводу эвтаназии не утихает. С момента вступления в силу нового Уголовного кодекса Франции (УКФ) (*Code pénal*) в 1994 году положения, касающиеся преступлений против жизни, были неоднократно фрагментарно расширены. Так, например, в 2011 году в определение *assassinat* (предумышленное убийство) был снова введен признак «засады», т. е. заранее возникшего преступного намерения.

Предусматривая преступные деяния против жизни, УКФ делает различие между преступлениями против человечности и против человечества. Посягательства на жизнь включают умышленное убийство (ст. 221-1 УКФ — *meurtre*), а также создание опасности для жизни путем применения или введения субстанции, способной причинить смерть (отравление) (ст. 221-5 УКФ — *empoisonnement*). В рамках данного доклада будет подробно рассмотрен состав преступления убийства (ст. 221-1 УКФ) вместе с его законодательно закрепленными отягчающими обстоятельствами в соответствии со ст.ст. 221-2, 221-3 и 221-4 УКФ. Последние находят применения также и в случае отравления (ст. 221-5 абз. 3 УКФ).

Комбинация убийства и отягчающего обстоятельства приводит к повышению пределов наказания до максимального уровня, которым во французском праве является пожизненное лишение свободы. Обстоятельства, усиливающие санкцию, приведены отчасти в перечне ст. 221-4 УКФ, который в прошлом неоднократно дополнялся, а отчасти они разбросаны по другим уголовно-правовым нормам (ст.ст. 221-2, 221-3 УКФ). Общая картина системы преступлений против жизни во Франции характеризуется комплексностью. Различные формы проявления соответствующих обстоятельств объясняются тем, что ст.ст. 221-2 и 221-3 УКФ, с одной стороны, отражают нормы старого наполеоновского УКФ

1810 года (ст.ст. 296 и 304 абз. 1 и 2 УКФ в старой редакции), а ст. 221-4 УКФ, с другой стороны, похоже, следует, новой законодательной технике¹.

В общей сложности Уголовный кодекс Франции насчитывает 14 альтернативных отягчающих наказание обстоятельств. Две альтернативы являются составной частью определения *assassinat*: предумышленное убийство (ст. 221-3 абз. 1 алт. 1) или убийства, совершенного по заранее возникшему преступному намерению (ст. 221-3 абз. 1 алт. 2). Две следующие альтернативы связаны с другим преступным деянием: убийством, совершенным одновременно с или после другого преступления (ст. 221-1 абз. 1), или убийством, которое связано с другим преступлением средством и целью (ст. 221-2 абз. 2). Остальные десять альтернатив, которые являются составной частью гибкого перечня, опираются либо на свойства потерпевшего: убийство несовершеннолетнего, не достигшего возраста 15 лет (п. 1), отца или матери (п. 2), пожилого человека, лица с физическими недостатками, беременной женщины (п. 3), судьи (п. 4) или его супруги (п. 4bis), полицейского служащего (п. 4) или его супруги (п. 4bis), водителя автобуса или врача (п. 4ter), супруги/супруга лица, совершившего преступление (п. 9), свидетеля или жертвы преступления (п. 5); либо на свойства лица, совершившего преступление: организованная банда (п. 8); либо на определенные мотивы: убийство лица по его принадлежности или непринадлежности к определенной этнической, национальной, расовой или религиозной группе (п. 6) или из-за сексуальной ориентации, или идентичности потерпевшего (п. 7), или убийство потерпевшего по причине того, что он/она отказался/отказалась вступить с субъектом преступления в брак или отношения (п. 10).

На первый взгляд кажется удивительным, что ст. 221-1 и след. УКФ не предусматривает минимального размера наказания. Ведь законодатель должен установить в каждой уголовно-правовой норме минимальный размер наказания. Однако в Общей части Уголовного кодекса Франции существует общая норма (ст. 132-18 УКФ), которая предусматривает, что в случае совершения преступления необходимо учитывать минимальный размер наказания: один год для деяний, в отноше-

нии которых уставлено лишение свободы сроком на 15 лет (как в случае *meurtre*) (ст. 132-18 абз. 1 УКФ) и два года за деяния, в отношении которых установлено пожизненное лишение свободы (ст. 132-18 абз. 2 УКФ).

IV. Правовое сравнение

1. Преступления против жизни в немецком и российском уголовном праве.

При сравнении §§ 211 и 212 УУ ФРГ со ст. 105 УК РФ сразу же бросается в глаза большая гибкость российского регулирования. В то время, как § 211 (абз. 1) УУ ФРГ, являясь жесткой нормой, предусматривающей пожизненное лишение свободы, ставит суд присяжных перед нерешаемыми проблемами нахождения соразмерного наказания в случае, когда дело свидетельствует о весомых смягчающих наказание обстоятельствах, абз. 2 ст. 105 УК РФ открывает правоприменителю широкий спектр возможностей в отношении назначения наказания при особо тяжких преступлениях. Особо стоит обратить внимание на тот факт, что помимо пожизненного лишения свободы, предусмотрено также и лишение свободы, ограниченное определенным сроком.

Что касается условий наказуемости, то и здесь российское регулирование обладает более широким разнообразием в отношении конкретно указанных обстоятельств, отягчающих наказание, нежели § 211 (абз. 2) УУ ФРГ. А вот относительно случаев, охватываемых высшей мерой наказания, немецкое Уголовное уложение обладает большими возможностями, поскольку оба положения, обладающие общим характером «иные неизменные побуждения», а также «особые тяжкие случаи» содержат все обстоятельства, перечисленные в абз. 2 ст. 105 УК РФ и кроме того, включают все не указанные там случаи. Тот факт, что российское право отказывается от широких и неопределенных формулировок, компенсируется большим количеством конкретно указанных вариантов лишь частично. Так в данном перечне помимо желания убить и коварства находятся общие признаки тяжкого убийства § 211 (абз. 2) УУ ФРГ, а также некоторые признаки, которые не закреплены в тексте § 211 (абз. 2) УУ ФРГ. Это, прежде всего, варианты, которые опираются на определенные обстоятельства, связанные с потерпевшим. Например, убийство полицейского при осуществлении им служебной

¹ Объяснимо, почему некоторые ученые рассматривают ст. 221-2 и 221-3 в качестве специфического убийства (*meurtre spécifique*), а не как убийство с отягчающими обстоятельствами (*meurtre aggravé*).

деятельности (п. «б» абз. 2 ст. 105 УК РФ), а также убийство малолетнего (п. «в» абз. 2 ст. 105 УК РФ) *per se* обосновывают назначение высшей меры наказания. В немецком праве обстоятельства, связанные с потерпевшим, не превращали бы простое убийство в тяжкое. Отчасти они даже противопоставлены тяжкому убийству, поскольку субъекту преступления, имеющему оружие и по силе превосходящему жертву, при убийстве маленького ребенка или беззащитного, больного или немощного человека не вменяется применение коварного способа совершения преступления. В общей сложности, сравнение приводит к поразительному заключению, что уголовно-правовое регулирование особо тяжких преступлений против жизни по российскому праву гораздо лучше соответствует требованиям правового государства, чем действующие нормы немецкого УУ. Если взять за основу критерий, указанный в ст. 103 (абз. 2) Основного закона ФРГ, то в отношении определенности описания деяний абз. 2 ст. 105 УК РФ удался много лучше, нежели § 211 (абз. 2) УУ ФРГ и уж тем более лучше, чем § 212 (абз. 2) УУ ФРГ. Как очевидный законодательный промах можно, однако, рассматривать только п. «и» абз. 2 ст. 105 УК РФ — убийство из хулиганских побуждений. Отказ российского законодателя от использования общих формулировок приводит к пробелам, которых немецкому праву без труда удастся избежать за счет неопределенных оговорок «из низменных побуждений» (§ 211 абз. 2 УУ ФРГ), а также «особо тяжкие случаи» (§ 212 абз. 2 УУ ФРГ). Однако этим в Германии готовы поступиться, лишь бы получить взамен повышенный уровень правовой ясности и защищенности. Но данную проблему немецкие праведы должны, к сожалению, занести в список своих несбывшихся желаний, обращенный к законодателю.

2. Преступления против жизни по французскому и российскому уголовному праву.

Сравнение французского и российского уголовного права является целесообразным, чтобы подтвердить только что сделанные выводы о недостатках §§ 211 и 212 УУ ФРГ. В целом, французское и российское уголовное право имеют множество сходств: отягчающие обстоятельства точно определены и во многих аспектах следует одной и той же логике. Их не получится полностью осветить и прокомментировать в заданных рамках доклада. Однако можно сделать обобщенный вывод,

что и французское, и российское уголовное право расценивают убийство лиц, особо нуждающихся в охране, в качестве достаточного основания для наложения более жесткого наказания, например, убийство лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга (ст. 221-4 п. 4 по 4ter УКФ и п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Кроме того, в системе преступлений против жизни в обоих правовых порядках предусмотрена более гибкая конструкция убийства с отягчающими обстоятельствами. Сперва дается определение убийству, затем приводится ряд обстоятельств в форме перечня, которые квалифицируют убийство (ч. 2 ст. 105 УК РФ и ст. 221-4 УКФ), хотя французское уголовное право имеет особенность: УКФ в ст.ст. 221-2 и 221-3 — помимо перечня, содержащегося в ст. 221-4 УКФ — оно также указывает на специфические признаки, которые заимствованы из старого УКФ. В частности, «предумышленность», являясь составной частью *assassinat*, занимает центральное место в системе преступлений против жизни, не только потому, что предумышленное убийство, предполагая высокий уровень осознанности², традиционно сводится к особо вероломному преступлению³, а по причине большого разнообразия случаев, где предумышленность может найти применение. Кроме этого, ст. 221-2 (абз. 1) УКФ предусматривает убийство, сопряженное с совершением другого преступления, а УК РФ в этом отношении закрепляет определенные случаи, например, убийство, сопряженное с похищением человека (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ), убийство, сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ). В перечнях ч. 2 ст. 105 УК РФ и ст. 221-4 УКФ находят отражение криминально-политические процессы, а также реакция законодателя на актуальные угрожающие события и страх, вызванный преступностью, в народных массах. В этой связи следует упомянуть введенный в 2004 году признак организованной банды (ст. 221-4 номер 8 УКФ). Примечательно, что УК РФ в п. «ж» ч. 2 ст. 105 также содержит аналогичный признак. С другой стороны, при сравнении обнаруживаются и некоторые культурные разли-

2 Предумышленность это имеющий место перед деянием замысел совершить умышленное убийство (ст. 132-72 УКФ).

3 *Maïto*. О преступлении в издании по проблемам уголовного права (*Mayaud, Meurtre in: Rép. pén.*). Dalloz, 2011, номер на полях 166.

чия: например, французское уголовное право в качестве убийства с отягчающими обстоятельствами предусматривает убийство лица по причине его сексуальной ориентации или идентичности (понятие идентичности было введено в 2012 году). Российское же уголовное право закрепляет в качестве квалифицирующих признаков разбой (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и использование органов или тканей потерпевшего (п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ), противодействие которым является одной из приоритетных задач уголовной политики России.

В уголовном праве России и Франции назначенные наказания за простое и квалифицированное убийство происходят на гибкой основе. Тем не менее, различия, о которых следует упомянуть, всё же существуют. УКФ предусматривает оговорку общего характера (ст. 132-24 УКФ): в пределах законодательно уставленных границ суд свободен в выборе наказания с учетом тяжести конкретного деяния, как в пользу обвиняемого, так и нет. Смягчающие обстоятельства не закреплены законодательно, а суд не обязан обосновывать применение обстоятельств, которые имели решающее значение для назначения наказания (например, личность субъекта преступления или другие обстоятельства, ст. 132-24 УКФ)⁴. Из этого следует, что у суда есть свобода усмотрения до тех пор, пока соблюдены законодательные пределы. В российском праве также существует общая норма, касающаяся определения меры наказания (ч. 1 ст. 60 УК РФ). Однако в основу широкой свободы усмотрения суда положен иной принцип. Смягчающие обстоятельства перечислены в ч. 1 ст. 61 УК РФ, при этом во внимание могут быть приняты и иные факторы, которые в данной статье не указаны (ч. 2 ст. 61 УК РФ). Прежде всего, суду позволено выходить за пределы законодательно установленных границ: он может назначить как более мягкое, так и более жесткое наказание, например, в случае множественности преступлений и приговоров в соответствии со ст.ст. 69 и 70 УК РФ, и все это за пределами установленных рамок.

С учетом данных обстоятельств, взвешенное решение касательно эвтаназии представляется возможным. При этом российское уголовное право законодательно предусматривает возможность

в некоторых случаях уменьшить установленные в законе пределы наказания: ст. 106 УК РФ (Убийство матерью новорожденного ребенка)⁵, ст. 107 УК РФ (Убийство, совершенное в состоянии аффекта), ст. 108 УК РФ (Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление). Убийство из сочувствия, напротив, прямо не признано обстоятельством смягчающим деяние. Хотя назначение мягкого наказания за совершение эвтаназии возможно (п. «е», ч. 1 ст. 61 УК РФ), это, однако, может быть воспринято в штыки, поскольку эвтаназия по конструкции состава преступления является умышленным убийством в соответствии с ч. 1 ст. 105 УК РФ. Отношение французского уголовного права к эвтаназии ещё более поразительно, поскольку оно придает соответствующим случаям характер квалифицированного убийства или квалифицированного отравления: встает вопрос об убийстве лица, которое по причине болезни или инвалидности является особо уязвимым (ст. 221-4 абз. 3 УКФ), а также о предумышленном убийстве (ст. 221-3 УКФ). Данный (весьма старый) признак французского уголовного права является проблематичным, поскольку не все убийства, которые совершаются предумышленно, имеют особо упречный характер.

V. Итог

С точки зрения немецкого правоведа как российское, так и у французское уголовное право могли бы дать немецкому законодателю импульс для проведения необходимой реформы § 211 и след. УУ ФРГ. Прежде всего, стоит перенять гибкость и дифференцированный характер правовых санкций. Российской уголовно-правовой политике, в свою очередь, можно предложить расширить перечень, содержащийся в ч. 2 ст. 105 УК РФ. Например, необходимо было бы включить в п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ также и мотивы сексуальной принадлежности и идентичности, чтобы за убийство лица с гомосексуальными наклонностями грозило бы более суровое наказание, как это предусмотрено немецким и французским уголовным правом.

⁴ Уголовная палата кассационной инстанции. 11.10.2000. № 00-81387; Данная обязанность не вытекает и из ст. 365-1 Уголовно-процессуального кодекса Франции (*Code de procédure pénale*), введенной в 2011 году в качестве обоснования решения суда ассизов.

⁵ В старой редакции УКФ детоубийство являлось самостоятельным составом преступления (ст. 300 УКФ). Для матери, совершившей убийство своего ребенка, было предусмотрено смягчение наказания (ст. 302 УКФ). В связи с исключением состава преступления «детоубийство», смягчение наказания было упразднено.

TÖTUNGSDELIKTE IM DEUTSCHEN, RUSSISCHEN UND FRANZÖSISCHEN STRAFRECHT

Prof. Dr. Wolfgang Mitsch,

Inhaber des Lehrstuhls für Strafrecht mit Jugendstrafrecht und Kriminologie an der Juristischen Fakultät der Universität Potsdam

Alix Giraud,

wissenschaftliche Hilfskraft am Lehrstuhl für Strafrecht mit Jugendstrafrecht und Kriminologie an der Juristischen Fakultät der Universität Potsdam

I. Grundzüge der Tötungsdelikte im deutschen Strafrecht

Der strafrechtliche Schutz des Rechtsguts „Leben“ tritt im deutschen Strafrecht an verschiedenen Stellen des Strafgesetzbuches und des Nebenstrafrechts in Erscheinung. Den Mittelpunkt bilden die §§ 211 bis 222 StGB im 16. Abschnitt des StGB-BT, der mit „Straftaten gegen das Leben“ überschrieben ist. Expliziten Strafrechtsschutz genießt das menschliche Leben aber auch in einer Reihe von Strafvorschriften, die primär ein anderes Rechtsgut — z. B. die Sicherheit des Straßenverkehrs — schützen, die Strafbarkeit aber letztlich von der konkreten Gefährdung des Lebens abhängig machen. Üblicherweise wird dies durch die Formulierung „und dadurch Leib oder Leben eines anderen Menschen gefährdet“ zum Ausdruck gebracht, vgl. § 315 c Abs. 1 StGB. Dieses Beispiel korrespondiert der generellen Feststellung, dass das deutsche Strafrecht kein allgemeines Lebensgefährdungsdelikt kennt, sondern in den §§ 211 ff StGB — von § 221 StGB abgesehen — stets die Tötung eines Menschen, also die über die bloße Gefährdung hinausgehende Vernichtung des Lebens zur Strafbarkeitsvoraussetzung erklärt.

Der 16. Abschnitt des StGB-BT, auf den sich die folgenden Ausführungen beschränken sollen, ordnet die vorsätzlichen Tötungsdelikte einer dreistufigen Systematik zu : Gewissermaßen in der Mitte steht der Totschlag (§ 212 StGB), den die Strafrechtsleh-

re als den Grundtatbestand vorsätzlicher Tötung charakterisiert. Eine Stufe darüber ist der Mord (§ 211 StGB) platziert, der von der Strafrechtslehre als Qualifikationstatbestand im Verhältnis zum Totschlag angesehen wird. Auf der dritten Stufe des Systems steht der Tatbestand „Tötung auf Verlangen“ (§ 216 StGB), der mit seiner niedrigen Strafdrohung ein Privilegierungstatbestand ist. Ein früherer weiterer Privilegierungstatbestand — die Kindestötung (§ 217 StGB aF) — wurde 1998 ersatzlos abgeschafft.

Im Rahmen dieses kurzen Vortrags soll die nähere Betrachtung auf den Tatbestand des Mordes beschränkt werden. Dieser wird seit Jahrzehnten als mangelbehaftet und reformbedürftig eingeschätzt. Die Mängel sind immer noch vorhanden, da die notwendige Reform weiterhin auf sich warten lässt.

Der dem Mord zugrunde liegende Grundtatbestand Totschlag hat eine sehr einfache Struktur : Totschlag ist die vorsätzliche (vgl. § 15 StGB) Tötung eines anderen Menschen. Der Tatbestand des Mordes unterscheidet sich davon durch Hinzufügung von Mordmerkmalen, die in § 211 Abs. 2 StGB abschliessend aufgeführt sind. Der Auswahl dieser Mordmerkmale liegt kein erkennbares Konzept und kein einheitlicher Grundgedanke zugrunde. Teils sind es bestimmte Motive (z. B. Habgier, Befriedigung des Geschlechtstriebes) und Absichten (Verdeckung oder Ermöglichung einer anderen Straftat), teils sind es besondere Methoden und Techniken des Tötungsvoll-

zugs (Grausamkeit, Verwendung gemeingefährlicher Mittel), die die Steigerung des Strafwürdigkeitsgehalts begründen sollen. Dass sich darin eine hochgradige Verwerflichkeit und/oder Gefährlichkeit ausdrücke, ist ebenso zutreffend wie nichtssagend. Die Ähnlichkeit dieses Tatbestandes mit einem nicht nur bunten, sondern auch noch löcherigen Flickenteppich tritt deutlich zutage, wenn man sich vor Augen führt, welche Kriterien im Tatbestand *keine* Berücksichtigung gefunden haben: Keine Relevanz haben Umstände, die mit der Person des Täters oder des Opfers zusammenhängen. Das wirkt sich privilegierend vor allem für solche Täter aus, die nicht heimtückisch töten, sondern ihre physische Überlegenheit in offen aggressiver Form ausnutzen, weil ihre Opfer ohnehin keine Abwehrchance haben. Solche Taten sind nur Totschlag, weil weder die besondere Schutzbedürftigkeit bestimmter Opfergruppen noch die besondere Gefährlichkeit bestimmter Tätergruppen unmittelbare Erheblichkeit für die Erfüllung des Mordtatbestandes haben. Daher ist auf der einen Seite die Tötung eines Kleinkindes oder einer gehbehinderten alten Frau per se kein Mord und auf der anderen Seite sind Terroristen oder schwerbewaffnet und gemeinschaftlich ihre Opfer umbringende Mitglieder einer kriminellen Bande nicht automatisch Mörder. Nicht einmal die Tötung einer Vielzahl von Menschen hat zwangsläufig die Erfüllung des Mordtatbestandes zur Folge. Die pure Masse von Tötungen macht noch keinen Massenmörder. Mörder ist zwar, wer mittels einer Sprengstoffexplosion oder einer Brandstiftung dutzende von Menschenleben vernichtet, weil er ein gemeingefährliches Mittel benutzt hat. Tötet er aber zwanzig Menschen nacheinander mit gezielten Schüssen aus einer Maschinenpistole, ist dieses Mordmerkmal nicht erfüllt und die Tat möglicherweise nur Totschlag, weil auch die sonstigen Mordmerkmale bei einer solchen Tat nicht zwangsläufig greifen. Eine Notlösung für die angemessene strafrechtliche Behandlung schwerster Tötungsverbrechen ohne Mordqualität hält § 212 Abs. 2 StGB bereit: Danach kann ein besonders schwerer Fall des Totschlags mit lebenslanger Freiheitsstrafe geahndet werden. Anhaltspunkte für die Findung der Umstände, die die besondere Schwere eines Totschlags begründen, gibt das Strafgesetz indessen nicht.

Die gravierendste Schwäche des § 211 StGB besteht in seiner undurchlässigen Abschottung gegenüber unrechts- und/oder schuld mindernden — also

bei der Sanktionierung berücksichtigungsbedürftigen mildernden — Umständen. Der Mordtatbestand ist bereits mit der Erfüllung eines einzigen Mordmerkmals erfüllt. Die gesetzliche Sanktionsdrohung des § 211 Abs. 1 StGB ordnet in diesem Fall lebenslange Freiheitsstrafe an. Das Strafmaß ist also nicht im Wege einer richterlichen Strafzumessung auf der Grundlage eines die Strafe begrenzenden Strafrahmens festzusetzen. § 46 StGB kommt nicht zur Anwendung. Mildernde Umstände, die bei einem Strafzumessungsakt ins Gewicht fielen, können die lebenslange Freiheitsstrafe nicht verhindern. Sie finden also bei einer Verurteilung aus § 211 StGB überhaupt keine Berücksichtigung.

Obwohl das Bundesverfassungsgericht und der Bundesgerichtshof es mehrfach ausdrücklich in Abrede gestellt haben, ist § 211 StGB eine Vorschrift, deren Anwendung durch die Strafgerichte zu verfassungswidrigen Bestrafungen führen. Das liegt zum einen daran, dass das Gesetz selbst verfassungswidrig ist und zum anderen daran, dass es den Strafgerichten nicht immer gelingt, das Gesetz verfassungskonform anzuwenden.

II. Grundzüge der Tötungsdelikte im russischen Strafrecht

Das Strafgesetzbuch der Russischen Föderation (StGB RF) regelt die Tötungsdelikte in den Artikeln 105 bis 110. Die Normierungen, die sich in erster Linie für einen Vergleich mit den Vorschriften des deutschen StGB zu Mord und Totschlag eignen, sind die beiden Absätze des Art. 105. Nach Art. 105 Abs. 1 ist die vorsätzliche Herbeiführung des Todes eines anderen Menschen als Tötung mit Freiheitsentzug von sechs bis zu fünfzehn Jahren bedroht. Die Regelung des Art. 105 Abs. 2 knüpft daran an und listet in insgesamt 12 Varianten Umstände auf, die nach deutscher Strafrechtsdogmatik qualifizierende Wirkung hätten und im russischen Strafgesetzbuch die Sanktionsdrohung verschärfen: Mögliche Strafen sind Freiheitsentzug von acht bis zu zwanzig Jahren, lebenslanger Freiheitsentzug oder die Todesstrafe. Die Umstände, die diese Strafschärfung auf der Tatbestandsebene begründen, kann man in drei Gruppen einteilen: Zum einen knüpft das Gesetz an objektive Gegebenheiten des Opfers bzw. der Opfer der Tat an. Qualifizierend wirkt sich z. B. aus, wenn der Täter mehrere Personen tötet (Absatz 2 Buchstabe a) oder

sein Opfer eine hilflose Person (Absatz 2 Buchstabe c) oder eine schwangere Frau (Absatz 2 Buchstabe d) ist. Des Weiteren führt es zur Strafschärfung, wenn die Begehungsweise der Tötung durch besondere Gefährlichkeit oder Brutalität gekennzeichnet ist. Daher werden besonders grausame (Absatz 2 Buchstabe e), gemeingefährliche (Absatz 2 Buchstabe f) und von mehreren Tätern gemeinsam nach vorheriger Verabredung ausgeführte (Absatz 2 Buchstabe g) Tötungen der erhöhten Strafbarkeit unterstellt. Die dritte Gruppe strafwürdigkeitserhöhender Umstände bilden die Varianten, die auf besonders verwerfliche Beweggründe und Absichten des Täters abstellen. Dabei handelt es sich z. B. um Gewinnsucht (Absatz 2 Buchstabe h), „Rowdytum“ (Absatz 2 Buchstabe i) oder Hass gegenüber Menschen bestimmter ethnischer, rassistischer oder nationaler Zugehörigkeit bzw. gegenüber bestimmten religiösen Bekenntnissen (Absatz 2 Buchstabe k). Der Katalog der strafschärfenden Umstände in Absatz 2 ist abschließend, eine generalklauselartige Bezugnahme auf nicht näher konkretisierte „besonders schwere Fälle“ gibt es nicht.

Ergänzend ist darauf hinzuweisen, dass nach Art. 106 die Tötung eines neugeborenen Kindes durch die Mutter während oder sofort nach der Geburt bzw. in einer ähnlichen Situation extremer seelischer Belastung mit Freiheitsentzug von bis zu fünf Jahren geahndet werden kann. Strafmilderungen sind gem. Art. 107 bei Tötungen im Affekt und gem. Art. 108 bei Tötungen, die unter Überschreitung bestimmter gesetzlicher Grenzen von Rechtfertigungsgründen (z. B. Notwehrexzess) vorgesehen. Art. 109 pönalisiert die Fahrlässige Tötung und in Art. 110 sind bestimmte Formen der Veranlassung zum Suizid unter Strafdrohung gestellt. Nicht geregelt sind die Tötung auf Verlangen und die Sterbehilfe.

III. Grundzüge der Tötungsdelikte im französischen Strafrecht

In Frankreich steht gegenwärtig eine umfassende Reform der Tötungsdelikte nicht auf der kriminalpolitischen Tagesordnung, wenngleich vor allem die Sterbehilfe in der öffentlichen Diskussion immer wieder thematisiert wird. Seit dem Inkrafttreten des neuen französischen Strafgesetzbuchs (F-StGB) (*Code pénal*) im Jahr 1994 sind die Vorschriften der Tötungsdelikte wiederholt punktuell erweitert worden. Beispielsweise wurde 2011 das Merkmal des

„Hinterhalts“ in die Definition des *assassinat* wieder eingeführt.

Das F-StGB normiert die Tötungsdelikte unmittelbar nach den Normen über die Verbrechen gegen die Menschlichkeit und gegen die Menschheit. Die Angriffe gegen das Leben umfassen die vorsätzliche Tötung (Art. 221-1 F-StGB — *meurtre*), sowie die Gefährdung des Lebens durch die Anwendung oder Verabreichung tötungstauglicher Substanzen (Vergiftung) (Art. 221-5 F-StGB — *empoisonnement*). Im Rahmen des vorliegenden Textes wird die nähere Betrachtung auf den Tatbestand der Tötung (Art. 221-1 F-StGB) mit seinen gesetzlich geregelten strafschärfenden Umständen in Art. 221-2, 221-3 und 221-4 F-StGB konzentriert. Letztere finden im Übrigen auch Anwendung auf den Vergiftungstatbestand (Art. 221-5 Abs. 3 F-StGB).

Die Kombination eines strafschärfenden Umstands mit der Tötung führt zur Anhebung des Strafrahmens auf die Höchststrafe, die im französischen Sanktionensystem die lebenslange Freiheitsstrafe ist. Die strafschärfenden Umstände haben teils den Charakter eines — in der Vergangenheit mehrfach ergänzten — Katalogs (Art. 221-4 F-StGB); teils sind sie in weiteren Strafnormen (Art. 221-2, Art. 221-3 F-StGB) verstreut. Das Gesamtbild der französischen Tötungssystematik mag Komplexität aufweisen. Die unterschiedlichen Erscheinungsformen der jeweiligen Umstände lassen sich aber dadurch erklären, dass Art. 221-2 und 221-3 einerseits eine Reminiszenz des alten napoleonischen F-StGB von 1810 sind (Art. 296 und 304 Abs. 1 und 2 F-StGB a. F.) und Art. 221-4 andererseits einer modernen Gesetzgebungstechnik zu folgen scheint¹.

Insgesamt können im F-StGB 14 alternative strafschärfende Umstände aufgezählt werden. Zwei Alternativen sind Bestandteil der Definition des *assassinat*: Tötung mit Vorbedacht (Art. 221-3 Abs. 1 Alt. 1) oder Tötung aus dem Hinterhalt (Art. 221-3 Abs. 1 Alt. 2). Zwei weitere Alternativen knüpfen an eine andere Straftat an: Tötung, die gleichzeitig mit oder nach einem anderen Verbrechen begangen worden ist (Art. 221-1 Abs. 1) oder Tötung, die mit der anderen Straftat durch eine Mittel-Zweck-Beziehung

¹ Es könnte erklären, warum ein Teil der Lehre Art. 221-2 und 221-3 als spezifizierte Tötung (*meurtre spécifié*) und nicht als strafschärfende Tötung (*meurtre aggravé*) betrachtet.

verbunden ist (Art. 221-2 Abs. 2). Weitere zehn Alternativen, die Bestandteil eines flexiblen Katalogs sind, knüpfen entweder an Opfereigenschaften — Tötung eines höchstens 15 jährigen Minderjährigen (Ziffer 1), des Vaters oder der Mutter (Ziffer 2), eines Greises, eines Körperbehinderten, einer Schwangeren (Ziffer 3), eines Richters (Ziffer 4) oder dessen Ehegattin (Ziffer 4bis), eines Polizeibeamten (Ziffer 4) oder dessen Ehegattin (Ziffer 4bis), eines Busfahrers oder eines Arztes (Ziffer 4ter), des Ehegatten des Täters (Ziffer 9) oder eines Zeugen oder eines Straftatopfers (Ziffer 5) —, an Tätereigenschaften — organisierte Bande (Ziffer 8) — oder an bestimmte Motive an — Tötung wegen Zugehörigkeit oder Nichtzugehörigkeit des Opfers zu einer bestimmten Ethnie, Nation, Rasse oder Religion (Ziffer 6) bzw. wegen der sexuellen Orientierung oder Identität des Opfers (Ziffer 7) oder Tötung eines Opfers, weil dieses sich geweigert hat, den Täter zu heiraten oder mit ihm eine Beziehung einzugehen (Ziffer 10).

Auf den ersten Blick verwunderlich erscheint, dass die Art. 221-1 ff F-StGB keine Mindeststrafen angeben. Der Gesetzgeber hat nämlich davon abgesehen, in jeder Strafnorm eine Mindeststrafe festzulegen. Demgegenüber existiert im Allgemeinen Teil des F-StGB eine allgemeine Norm (Art 132-18 F-StGB), die vorsieht, dass in Verbrechensfällen Mindeststrafen zu berücksichtigen sind: Ein Jahr Mindeststrafe für Verbrechen, die mit einer zeitigen Freiheitsstrafe (so beim *meurtre*) sanktioniert sind (Art. 132-18 Abs. 1 F-StGB) und zwei Jahre Mindeststrafe für Verbrechen, die mit der lebenslangen Freiheitsstrafe bedroht sind (Art. 132-18 Abs. 2 F-StGB).

IV. Rechtsvergleich

1. Tötungsdelikte im deutschen und im russischen Strafrecht

Beim Vergleich der §§ 211, 212 StGB mit Art. 105 StGB RF fällt sofort die größere Flexibilität der russischen Regelung auf der Rechtsfolgenseite ins Auge. Während § 211 Abs. 1 StGB mit seiner starren Androhung der lebenslangen Freiheitsstrafe die Schwurgerichte bei der Findung eines tatschuldangemessenen Strafmaßes vor nahezu unlösbare Probleme stellt, wenn der Fall gewichtige mildernde Komponenten aufweist, eröffnet Art. 105 Abs. 2 StGB RF dem Strafrechtsanwender bei der Sanktionierung der schwersten Tötungsverbrechen ein breites Spek-

trum an Sanktionsmöglichkeiten. Besonders hervorhebenswert ist der Umstand, dass statt lebenslanger Freiheitsstrafe auch ein zeitlich begrenzter Freiheitsentzug möglich ist.

Auch im Bereich der Strafbarkeitsvoraussetzungen weist die russische Regelung größere Vielfalt auf als § 211 Abs. 2 StGB, soweit es um die konkret beschriebenen Strafschärfungsgründe geht. Hinsichtlich der von der Höchststrafandrohung insgesamt erfassten Fälle dürfte jedoch das deutsche StGB eine größere Kapazität haben, weil die beiden generalklauselartigen Varianten „sonstige niedrige Beweggründe“ und „besonders schwerer Fall des Totschlags“ letztlich jeden im Katalog des Art. 105 Abs. 2 StGB RF normierten Fall und darüber hinaus weitere unbenannte Fälle aufzunehmen geeignet sind. Dass das russische Strafrecht auf solche weite und unbestimmte Klauseln verzichtet, wird nur fragmentarisch durch eine größere Zahl konkret beschriebener Tötungsvarianten kompensiert. So finden sich in diesem Katalog außer der Mordlust und der Heimtücke sämtliche Mordmerkmale des § 211 Abs. 2 StGB wieder sowie einige, die im Text des § 211 Abs. 2 StGB nicht abgebildet sind. Das sind vor allem die Varianten, die auf bestimmte opferbezogene Tatsachen abstellen. Beispielsweise begründet gem. Art. 105 Abs. 2 Buchstabe b StGB RF die Tötung eines Polizisten im Dienst oder gem. Art. 105 Abs. 2 Buchstabe c die Tötung eines Kindes per se die Höchststrafe. Im deutschen Strafrecht qualifizieren diese opferbezogenen Umstände die Tötung nicht zum Mord. Zum Teil stehen sie der Erfüllung des Mordtatbestandes sogar entgegen, weil der körperlich und waffentechnisch überlegene Täter bei der Tötung eines kleinen Kindes oder eines wehrlosen kranken oder gebrechlichen Opfers nicht auf die Anwendung einer heimtückischen Vorgehensweise angewiesen ist. Insgesamt führt der Vergleich zu dem erstaunlichen Befund, dass die Normierung der schwersten Tötungsdelikte im russischen Strafgesetzbuch rechtsstaatlichen Anforderungen erheblich besser gerecht wird als die geltende Regelung des deutschen Strafgesetzbuches. Legt man den Maßstab des Art. 103 Abs. 2 GG zugrunde, schneidet Art. 105 Abs. 2 StGB RF in puncto Bestimmtheit der Tatbeschreibung klar besser ab als § 211 Abs. 2 StGB und erst recht als § 212 Abs. 2 StGB. Als offensichtlichen gesetzgeberischen Fehlgriff kann man in Art. 105 Abs. 2 StGB RF nur die Alternative Buchstabe i — aus rowdyhaften Beweggründen — ausmachen. Zwar wird der Verzicht

auf generalklauselartige Auffangtatbestände möglicherweise durch einige Strafbarkeitslücken erkaufte, die das deutsche Strafrecht auf der Grundlage der „niedrigen Beweggründe“ in § 211 Abs. 2 StGB und des „besonders schweren Totschlags“ in § 212 Abs. 2 StGB mühelos vermeiden kann. Aber diesen Preis wäre man auch in Deutschland gern zu zahlen bereit, wenn man dafür einen Zuwachs an Rechtsklarheit und Rechtssicherheit bekäme. Dies müssen deutsche Strafrechtswissenschaftler gegenwärtig leider noch immer auf ihrem Zettel unerfüllter Wünsche an den Gesetzgeber vermerken.

2. Tötungsdelikte im französischen und im russischen Strafrecht

Der Vergleich des französischen Strafrechts mit dem russischen Strafrecht ist geeignet, die soeben gezogenen Schlussfolgerungen in Bezug auf die Schwäche der §§ 211, 212 StGB zu bekräftigen. Insgesamt weisen das französische und das russische Strafrecht viele Ähnlichkeiten auf: Die strafscharfenden Umstände sind stets bestimmt und folgen in vielen Aspekten derselben Logik. Diese können in dem vorgegebenen Rahmen nicht vollständig aufgezählt und erläutert werden. Dennoch lässt sich die verallgemeinernde Feststellung treffen, dass sowohl das französische als auch das russische Strafrecht die Tötung von besonders schutzbedürftigen Personen als ausreichenden Grund für die Androhung und Verhängung verschärfter Strafe bewerten; z. B. Tötung einer Person oder ihrer Angehörigen im Zusammenhang mit der Wahrnehmung einer dienstlichen Tätigkeit oder der Erfüllung einer öffentlichen Pflicht durch diese Person (Art. 221-4 Ziffer 4 bis 4 ter F-StGB und Art. 105 Abs. 2 Buchstabe b StGB RF).

Darüber hinaus erlaubt die Systematik der Tötungsdelikte in beiden Rechtsordnungen eine flexible Konstruktion der strafscharfenden Tötung. Zunächst wird die Tötung definiert und dann wird eine Reihe von Umständen in der Form eines Katalogs aufgelistet, die die Tötung qualifizieren (Art. 105 Abs. 2 StGB RF und Art. 221-4 F-StGB), wobei das französische Strafrecht eine Besonderheit aufweist: Das F-StGB normiert in Art. 221-2 und Art. 221-3 — also außerhalb des im Art. 221-4 enthaltenen Katalogs — spezifische Merkmale, die aus dem alten StGB stammen. Insbesondere der „Vorbedacht“, der Bestandteil der Definition des „*assassinat*“ ist, verfügt über eine zentrale Position im Bereich der Tötungsdelikte, nicht

nur weil die vorbedachte Tötung durch ihren verstärkten Absichtsgrad² traditionell auf das Bild des „Abscheulichen“ zurückführt³, sondern einfach aufgrund der Vielfalt von Fallkonstellationen, in denen der Vorbedacht Anwendung finden kann. Ausserdem normiert Art. 221-2 Abs. 1 F-StGB außerhalb des Katalogs die Tötung mit Beziehung zu einem anderen Verbrechen, wobei das russische StGB diesbezüglich bestimmte Fälle vorsieht; z. B. Tötung einer Person in Zusammenhang mit der Entführung eines Menschen oder einer Geiselnahme (Art. 105 Abs. 2 Buchstabe c); Tötung einer Person im Zusammenhang mit Raub, Erpressung oder Bandentum (Art. 105 Abs. 2 Buchstabe h). In den Katalogen im Art. 105 Abs. 2 für die Russische Föderation und Art. 221-4 für Frankreich spiegeln sich kriminalpolitische Strömungen und das Reagieren des Gesetzgebers auf aktuelle Bedrohungsszenarien und dadurch ausgelöste Kriminalitätsfurcht in der Bevölkerung. Erwähnenswert in diesem Zusammenhang ist insbesondere der 2004 eingeführte Umstand der organisierten Bande in Art. 221-4 Nr. 8 F-StGB; interessanterweise enthält das StGB RF ein identisches Merkmal (Art. 105 Abs. 2 Buchstabe g). Andererseits ergeben sich kulturelle Unterschiede aus dem Vergleich: z. B. normiert das französische Strafrecht als strafscharfende Tötung die Tötung einer Person aufgrund ihrer sexuellen Orientierung oder Identität (der Begriff „Identität“ wurde 2012 eingeführt); dafür erscheinen die strafscharfenden Merkmale im Hinblick auf Rowdytum (Art. 105 Abs. 2 Buchstabe i) und Nutzung von Organen (Art. 105 Abs. 2 Buchstabe l) als spezifische Schwerpunkte der Kriminalpolitik der russischen Föderation.

Im Strafrecht der russischen Föderation und im französischen Strafrecht erfolgt die Bestrafung der (einfachen und qualifizierten) Tötung auf flexibler Basis. Gleichwohl gibt es bemerkenswerte Unterschiede. Das F-StGB sieht eine allgemeine Klausel (Art. 132-24 F-StGB) vor: Innerhalb des gesetzlichen Strafrahmens kann das Gericht die Strafe flexibel und individuell der konkreten Tatsache anpassen, sei es zu Gunsten des Verurteilten oder seinem Ungunsten. Die Strafmilderungsgründe sind weder gesetzlich normiert, noch ist das Gericht verpflichtet, die Elemente, die für die Strafzumessung entscheidend waren (z. B. Elemente der Persönlichkeit des Täters oder wei-

² Der Vorbedacht ist der vor der Tat gefasste Plan, eine vorsätzliche Tötung zu begehen (Art. 132-72 F-StGB).

³ So *Mayaud*, Meurtre in: *Rép. pén.*, Dalloz, 2011, Rn. 166.

tere Umstände der Straftat, Art. 132-24 F-StGB) zu begründen⁴. Daraus folgt ein breiter Ermessensspielraum des Gerichts, solange die gesetzlich festgelegten Grenzen beachtet sind. Im russischen Strafrecht existiert ebenfalls eine allgemeine Klausel für die Strafzumessung (Art. 60 Abs. 1 StGB RF). Jedoch beruht das breite Ermessen des Gerichts auf einer abweichenden Basis. Die strafmildernden Umstände sind im Art. 61 Abs. 1 StGB RF aufgelistet, wobei weitere strafmildernden, die hier nicht erwähnt sind, in Betracht kommen können (Art. 61 Abs. 2 StGB RF). Vor allem darf das Gericht über den festgelegten Strafraum hinausgehen : es können mildernde (als auch eine schärfende Strafe im Fall einer Mehrheit von Straftaten und von Strafurteilen entsprechend Art. 69 und 70 StGB RF) Strafen verhängt werden, und dies außerhalb der festgelegten Strafrahmen.

In diesem Bereich lässt sich möglicherweise eine Lösung für die angemessene Behandlung von Fällen der Sterbehilfe finden. Auf der anderen Seite sieht das russische Strafrecht gesetzlich die Möglichkeit in bestimmten Fällen vor, den festgelegten Strafraum gesetzlich zu mildern : Art. 106 (Tötung eines neugeborenen Kindes durch die Mutter)⁵, Art. 107 (Tötung, die im Zustand des Affekts begangen wurde), Art. 108 (Tötung, die in Überschreitung der Grenzen der notwendigen Abwehr oder in Überschreitung der für die Festnahme einer Person, die eine Straftat begangen hat, notwendigen Maßnahmen begangen wurde). Die Tötung aus Mitleid ist hingegen nicht explizit als Milderungsfall anerkannt. Zwar ist es möglich eine milde Strafe für einen Sterbehilfe-Fall im Wege der Rechtsfolge zu verhängen (Art. 61 Abs. 1 Buchstabe e 2. Fall), jedoch kann dies als unbefriedigend emp-

funden werden, da die Sterbehilfe auf der Tatbestandsebene eine vorsätzliche Tötung gem. Art. 105 Abs. 1 StGB RF ist. Noch frappierender verhält sich das französische Strafrecht gegenüber der Sterbehilfe, da diese auf alle Fälle tatbestandlich den Charakter einer qualifizierten Tötung oder qualifizierten Vergiftung hat : In Betracht kommt die Tötung einer Person, die aufgrund einer Krankheit oder einer Behinderung besonders verletzlich ist (Art. 221-4 Abs. 3 F-StGB) sowie die Tötung mit Vorbedacht (Art. 221-3 F-StGB). Dieses sehr alte Merkmal des französischen Strafrechts erweist sich als problematisch, da nicht alle Tötungen, die mit Vorbedacht begangen sind, einen besonders verwerflichen Charakter haben.

V. Resümee

Aus dem Blickwinkel eines deutschen Strafrechtswissenschaftlers ist sowohl dem russischen als auch dem französischen Strafrecht zu bescheinigen, dass sich der deutsche Gesetzgeber aus diesen benachbarten Strafgesetzen Anregungen für eine wünschenswerte Reformierung der §§ 211 ff StGB geben lassen kann. Nachahmenswert ist vor allem die flexible und differenzierte Gestaltung des Sanktionenrechts. In umgekehrter Richtung wird man der Strafrechtspolitik in Russland Vorschläge zur Erweiterung des Katalogs in Art. 105 Abs. 2 StGB RF machen können. Beispielsweise sollte in die Variante Buchstabe k auch der Aspekt der sexuellen Orientierung oder Identität aufgenommen werden, damit etwa die Tötung von Menschen mit homosexueller Veranlagung als die in höchstem Maße verabscheuungswürdige Straftat geahndet werden kann, die sie nach Einschätzung des deutschen und des französischen Strafrechts ist.

⁴ Cass. Crim., 11.10.2000, Nr. 00-81387 ; Darüber hinaus ergibt sich eine solche Verpflichtung aus dem 2011 in der französischen Strafprozessordnung (*Code de procédure pénale*) eingeführten Art. 365-1 zur Begründung der *Cour d'Assises*-Entscheidungen auch nicht.

⁵ In der alten Fassung des *Code pénal* war der *infanticide* ein autonomer Tatbestand (Art. 300 F-StGB a. F.) und es galt in einem Kindesmordfall eine gesetzlich vorgesehene Strafmilderung für die Mutter (Art. 302 F-StGB a. F.). Mit der Abschaffung des *infanticide* wurde diese Strafmilderung aufgehoben.

СТЕНОГРАММА

СТЕНОГРАММА

IX заседания Союза криминалистов и криминологов по теме «Качество уголовно-исполнительного закона» (24 января 2013 г., НОУ ВПО «Московская академия экономики и права» (г. Москва))

Президент СКК, Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор Мацкевич Игорь Михайлович:

Уважаемые друзья! Давайте начнем работать. Здесь в большинстве своем находятся люди, которые уже знают режим работы наших круглых столов под эгидой Союза криминалистов и криминологов. Но поскольку есть и люди, которые впервые на подобном мероприятии, буквально в течение пяти минут дам короткую информационную справку.

У нас в конце прошлого года состоялось заседание Союза криминалистов и криминологов, на котором подвели итоги возрождения «Союза», двухгодичного возрождения, двухгодичной деятельности. Они таковы: у нас открылся сайт,

в год мы проводим четыре круглых стола, т. е. за два года проведено восемь круглых столов по различным темам, например, по вопросам качества уголовного права, проблемам уголовной политики и другим, они все на сайте есть. На каждом заседании мы принимаем резолюции, которые доводим до максимально широкого круга специалистов и научной общественности, а также государственных органов власти. На сайте в ближайшее время будут опубликованы, помимо всех резолюций, еще и тексты всех выступлений. Кроме того, эта информация публикуется в журнале «Российский криминологический взгляд», ответственный секретарь Союза и журнала Орлов здесь присутствует, он всю эту информацию доводит до сведения.

Характер работы у нас такой, что мы не решались пока, до настоящего времени, организовывать большие конференции — проводим круглые столы, они у нас проходят в форме живой дискуссии. У нас на сегодняшний день уже более ста членов, этот процесс мы стараемся не форсировать, наоборот пытаемся как-то притормозить вступление новых членов в наш Союз, потому что не выработали пока еще достаточно четкую процедуру по организации взносов, карточки не сделали, нам хочется чтобы вступивший человек сразу получил карточку. В ближайшее время в течение двух недель будут открыты два, может быть, больше, но два — совершенно точно — региональных отделения Союза. Первое отделение — в дальневосточном округе с представительством в Хабаровске и второе отделение — в Германии, где получено одобрение от профессора Хельмана, он же является руководителем отделения в университете. Вот это короткая информация о Союзе, о том, чего мы достигли к сегодняшнему дню.

Много очень обращений по поводу круглых столов, желающих много — мы понимаем, что начинаем «перерастать» формат круглых столов, потому что есть жалобы, что технически информация о приглашениях не до всех доходит и, конечно, сто человек регулярно во всех круглых столах физически возможности не имеют присутствовать из-за бюджета (взносы и спонсорские деньги), так как наша принципиальная позиция — ни копейки не тратить из бюджета государства. В ближайшее время, возможно, в апреле выйдет первый номер журнала «Союз криминалистов и криминологов». Мы к вам обратимся для того, чтобы начать формирование редакционного портфеля, в том числе, естественно, одной из первых публикаций этого номера будет публикация заседания сегодняшнего круглого стола.

Коллеги! Я, так сказать, призываю, как и всегда, к живой корректной дискуссии, не без нападков на точки зрения друг друга (иногда без этого не обходится). И напоминаю: традиционно сложился регламент — ровно час на все доклады и выступления. Затем голосуем за принятие решений. Тема нынешнего заседания: «Качество уголовно-исполнительного закона». Сразу хочу сказать, что тема следующего круглого стола — «Качество уголовно-процессуального закона», о дате и месте мы дополнительно сообщим.

Сегодня у нас два докладчика. Основной докладчик В. И. Селиверстов — заслуженный дея-

тель науки, доктор юридических наук, профессор, известнейший специалист по пенитенциарному праву, второй — доцент МГЮА имени Кутафина Е. А. Антонян.

Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права МГУ им. М. В. Ломоносова Селиверстов Вячеслав Иванович:

Уважаемые коллеги! Я тезисно обозначу некоторые позиции для того, чтобы было понятно, о чем идет речь, и далее перейду непосредственно к качеству уголовно-исполнительного закона. Первая позиция: в отличие от уголовного законодательства, уголовно-исполнительный закон более широкое понятие — он включает не только уголовно-исполнительный кодекс, но и другие законодательные акты, а если в широком смысле смотреть, то он включает и целый свод подзаконных нормативных актов. Я буду говорить об уголовно-исполнительном кодексе — это закон, который кодифицирован, закон, который составляет основу уголовно-исполнительного законодательства. И, говоря о качестве уголовно-исполнительного кодекса, буду опираться на традиционное понимание качества как ценности, пригодности той или иной вещи, действия и соответствия каким-то определенным стандартам. Исходя из этого, я считаю, что одним из показателей качества уголовно-исполнительного закона является, конечно, стабильность и эффективность общих положений, закрепленных в уголовно-исполнительном кодексе. Они содержатся в Общей части уголовного законодательства, и я тезисно остановлюсь на этих позициях.

Во-первых, речь идет о предмете уголовно-исполнительного законодательства, в части 2-ой статьи 2-ой он определен. Я назову три основных блока, которые выделяются теоретиками, хотя там есть шероховатости, но назову те, которые не вызывают сомнений. Первый — это общественные отношения, возникающие в связи с исполнением отбывания уголовных наказаний; второй блок — это общественные отношения, возникающие при реализации иных мер уголовно-правового характера; третий блок — это общественные отношения, возникающие при применении к осужденным основных средств исправления. Необходимо сказать, что в особенной части УИК, если мы посмотрим отдельные нормы, у нас, конечно, возникнут сомнения в том, относятся они к уголовно-исполнительному законодательству или нет, или они при-

несены из других отраслей права и должны там в настоящее время быть. Если же мы посмотрим по этим основаниям, которые предлагались или предлагаются в настоящее время, то увидим достаточно частые попытки внести в уголовно-исполнительное законодательство те нормы, которые по своему предмету не относятся к этой отрасли права. В качестве примера: я только вчера завершил писать отзыв на большой проект закона «О внесении изменений в уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» в части участия религиозных организаций в деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы, и я там указал несколько норм, довольно большой блок, которые не относятся к предмету уголовно-исполнительного права, а относятся в данном случае к административному праву и могли бы спокойно быть размещены в законе «Об учреждении органов исполняющих наказания», а не в уголовно-исполнительном кодексе. Конечно, вот такая засоренность и попытки засорить уголовный кодекс снижают качество, но при всех этих попытках нужно сказать, что в своей основе УИК за пятнадцать лет своего существования сохранил свой предмет и не дал, в данном случае, его размыть.

Следующее общее положение — цели уголовно-исполнительного законодательства. Уважаемые коллеги! Вы все знаете эти три цели, в данном случае надо сказать, что нас критиковали за то, что мы проигнорировали цель восстановления социальной справедливости как цель наказания, которая стоит при наказании на первом месте. Я до сих пор считаю, что мы сделали правильно, поставив на первое место цель исправления, не указав цели восстановления социальной справедливости, поскольку эта цель реализуется на стадии назначения наказания — при исполнении наказания на первое место выходят иные цели. Хочу сказать, что идет достаточно большая критика целей исправления осужденных. Сторонники первой позиции считают, что исправление должно быть заменено на более удобное и понятное слово: ресоциализация, социализация, адаптация, реадаптация. Мне кажется, что эти слова менее понятны, чем «исправление», они тоже достаточно размыты в своем содержании и, кроме того, они достаточно условны, и об этом свидетельствует дискуссия между сторонниками этой точки зрения, когда они начинают расшифровывать эти понятия — оказывается каждый

понимает их достаточно своеобразно. Второй объект критики цели исправления, закрепленной в УИК, — это то, что цель не достигается и не выполняется, поэтому от нее нужно отказаться как от цели, которая невыполнима. Обычно я в этих случаях говорю о том, что нельзя подходить к цели исправления осужденных чисто потребительски, все таки цель — это то, к чему мы должны стремиться, но это та категория, которая недостижима. Для иллюстрации данного утверждения давайте посмотрим рецидив, хотя общего рецидива у нас нет, системы учета рецидива у нас нет по отбытию наказания в местах лишения свободы, но все равно конкретные социологические исследования проводятся. И вот, согласно выборочным научным исследованиям, проведенным Томским университетом (были защищены две диссертации по этому вопросу), в течение трех лет после освобождения совершают преступления в среднем 55% освобожденных из колоний общего режима; 29,6% — из колоний строгого режима (данные колоний Томской и Кемеровской областей). Постепенитенциарный рецидив среди условно-досрочно освобожденных из колонии общего режима составил 68%, а по отбытию наказания из колонии общего режима — 47%; из колоний строгого режима рецидив среди условно-досрочно освобожденных — 39%; лица, освобожденные по отбытию срока наказания, — 21%. Основываясь на этих данных, скажите мне, пожалуйста, разве цель исправления не достигается в процессе исправления наказания в полном объеме? В западных государствах, в Норвегии рецидив от 15 % до 20% в течение трех лет после освобождения. В других государствах — до 50%, в латиноамериканских странах — 60%–70%. Это не тот институт, который сможет давать 1%. Поэтому я не считаю, что от этой цели мы должны отказаться.

Следующая общая позиция — это принципы уголовно-исполнительного законодательства (ст. 8 УИК РФ). Система принципов осталась неизменной с момента принятия УИК РФ. Есть примеры определенного отхода от принципов в законодательстве, а чаще всего в практике исполнения наказания. Но это свидетельствует не о качестве уголовно-исполнительного закона, а свидетельствует о том, что нам надо поправлять конкретные нормы и, соответственно, поправлять практику исполнения наказаний особенно в виде лишения свободы, но никак не само законодательство.

Основные средства исправления осужденных — это довольно интересный вопрос. В ст. 2 ч. 9 закреплено шесть основных средств исправления наказания осужденных: режим, общественно полезный труд, воспитательная работа, образование общее и профессиональное и общественное воздействие. И когда я называю эти средства, действительно, возникает ощущение, что мы все с вами попадаем в прошлый век, когда особенно говорим об общественно полезном труде. Представляете, в условиях рыночных отношений, когда мы думаем, как заработать, и заработать больше, беспокоясь о себе, мы перед осужденными ставим в качестве основного средства общественно полезный труд. Говорят о том, что он не весь и не всегда эффективен. Можно с этим согласиться, поэтому в настоящее время, я считаю, нужно добавить к основным средствам исправления осужденных социальную работу с осужденными. Можно добавить в качестве исправления психологическое воздействие на осужденных, психологическую работу с осужденными. Это все обсуждаемо и реализуемо. Но говорить о том, чтобы отменить эти средства, отказаться от них, я в данном случае не рискну. Но такие голоса раздаются. В качестве примера я поставил такой эксперимент со студентами, у которых я преподаю: я предложил продумать и внести новые средства исправления осужденных. И что же я увидел? Первое: вернуться к практике разной

одежды для осужденных (американская система: злостные нарушители — красная одежда; положительные — синяя; «болото» — серая). Второе: изменение режима питания — мы от этой практики отказались, т. к. она вела к негативным последствиям. Третье: физическое воздействие. Таковы результаты попытки предложить новые средства исправления. И дальше того, что я назвал, не идет. Никто не может предложить, чем же мы можем усилить воспитательную роль наказания для того, чтобы получить необходимый эффект.

И еще один момент, который здесь нужно пояснить. В последнее время есть предложение дополнить основные средства исправления осужденных религиозным воспитанием — религиозное воздействие на осужденных. Идея в целом неплохая, если бы у нас была какая-нибудь определенная монолитность в религиозных воззрениях и монолитность среди религиозных конфессий. А поскольку мы знаем, что у нас есть представители различных конфессий: христиане, мусульмане, буддисты, иудеи, а еще множество представителей религиозных групп, которые нередко исповедуют достаточно экзотические убеждения, которые не соотносятся с целями, которые ставит государство перед исполнением наказания (например, некоторые религиозные группы ставят такие задачи, как отказ от социальных ценностей). Мы должны очень серьезно подумать, можем мы сделать такой шаг, тем более что отдельные ре-

лигиозные конфессии более консолидированы и в большей степени подвержены радикализму, чем представители основной российской конфессии — православной. И я боюсь, что вот этим проникновением в места лишения свободы мы можем в отдельных регионах получить довольно негативный результат. Поэтому необходимо над этим серьезно подумать.

Основы правового положения в данном случае общая позиция. Общее положение уголовно-исполнительного законодательства не претерпело изменений. Девятью законами в эту статью были внесены изменения, но они касались конкретных прав и обязанностей, а общие положения, общие позиции остались неизменны. Это такие общие позиции, как установление ограничений прав человека и гражданина только Федеральным законом (в том числе, и для осужденных); гарантирование государственной охраны прав, свобод и законных интересов осужденных; закрепление основных обязанностей и прав осужденных в общей части УИК — все это осталось неизменным и общая позиция не подвергается сомнению.

И последний оценочный признак из общей части уголовно-исполнительного законодательства — это система учреждений органов исполняющих наказание. Вы знаете, она изменялась (ст. 16), но это происходило под воздействием внешних факторов (например, исключались какие-то органы, но вследствие исключения наказания; дополнялась система органов — принудительные работы; изменялось содержание наказания). При всей изменчивости в настоящее время перед системой органов исполнения наказания действительно стоит реальная опасность того, что она не выдержит испытания временем. И опасность эта, я считаю, достаточно большая, так что такие изменения совершенно неоправданны. Вот такое парадоксальное мнение. На чем оно основывается? Первая проблема, или первая опасность исходит из нормативного определения перечня наказаний, который закреплен в Уголовном кодексе Российской Федерации. В чем она состоит? В том, что у нас с 1997 года виртуальным является арест как вид наказания (не применяется 15 лет). Ну сколько можно ждать?! К аресту сейчас добавлено следующее виртуальное наказание — принудительные работы, введение которых последним законом от 30.12.2012 года отложено до 01.01.2014 года. Но при этом в бюджете не запланировали сред-

ства на строительство исправительных центров. Так они что, из воздуха появятся? В этом отношении эти два наказания будут постоянно откладываться: по отношению к аресту уже свыклись, что его нет (хотя его «прообразы» присутствуют в особенной части и в общей части УК), такую же судьбу, я думаю, ждут и принудительные работы. А все это снижает эффективность наказания.

И вторая проблема: она проистекает не из нормативного регулирования, а из политически директивных документов. Вы знаете, что Концепцией развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года предусмотрен переход на тюремное содержание. Причем там расписан второй этап — 2013–16 гг. — когда должны открыть 448 тюрем. А мы не можем открыть исправительные центры — нет денег, было запланировано 8 центров — ни одного не построили. Откуда возьмутся средства на 448 тюрем? Министр юстиции господин Коновалов — идеолог положения этой Концепции, соответственно, он является зачинщиком реформы. Он при последнем отчете в Государственной Думе, заседание которой проходило 16 января, фактически признал, что тюрьмы не будут построены. Он сказал, что тюрьма — это лучшее средство исполнения наказания, чем исправительная колония (существующая в настоящее время), но у нас нет денег на строительство тюрем. И добавил, что у нас даже нет денег на функционирование исправительных колоний в надлежащем режиме. Вот эта проблема тоже достаточно серьезная с точки зрения того, что она может изменить конфигурацию этого положения. Но поскольку, я считаю, это все тоже угроза достаточно необеспеченная, то перейду к выводам.

Учитывая то, что я осветил общие положения, сделаю вывод о том, что можно констатировать достаточное качество уголовно-исполнительного законодательства, в первую очередь Уголовно-исполнительного кодекса РФ, основанного на стабильности общих положений данного кодифицированного акта, целей, его предмета и методов, принципов и основных средств исправления, основ правового положения осужденных и системы перечисления органов, исполняющих наказание. Второй вывод — при достаточном качестве уголовно-исполнительного законодательства необходимость принятия нового Уголовно-исполнительного кодекса (такие голоса раздаются даже в Общественной палате) может возникнуть в двух случаях: 1) когда будет разработан и при-

нят новый Уголовный кодекс РФ, в котором будут предложены принципиально иные системы и виды уголовных наказаний; 2) когда будет поставлена задача в полном объеме урегулировать нормы уголовно-исполнительного права и кодекса, соответственно, все общественные отношения, входящие в его предмет. В таком случае вследствие того, что придется регулировать исполнение всех мер уголовно-правовых актов, а сейчас они урегулированы только немного, это будет достаточно объемный законодательный акт и, кроме того, его будет тяжело свести с точки зрения общих положений исполнения наказания и иных мер уголовно-правового характера. Я предполагаю, что если будет поставлена такая задача, то Уголовно-исполнительный кодекс мог бы стать двухуровневым:

1 уровень — УИК РФ том 1 «Исполнение отбывания уголовных наказаний» (Общая часть и Особенная);

2 уровень — УИК РФ том 2 «Исполнения отбывания мер уголовно-правового характера» (Общая часть и Особенная).

Получится как в Гражданском кодексе со своими Общими и Особенными частями.

Для его реализации требуется высокий уровень развития теории уголовного и уголовно-исполнительного права, большой объем кодификационной работы и, самое главное, стабильное, эффективное и качественное уголовное законодательство.

И третий вывод. Здесь мы скажем не о новом УИК как о своеобразном добавлении, а о реальных делах, которые необходимы по поимке синиц, а именно приданию уголовно-исполнительному закону дополнительных качеств. И в качестве таких реальных вещей я бы предложил существенную корректировку утверждённой распоряжением Правительства РФ Концепции развития уголовно-исполнительной системы в 2009 году, особенно в части открытия тюрем. И еще одно принципиальное положение, о котором я не сказал — в Концепции появилось выражение «об осуждённых, которые не подлежат ресоциализации», в отношении которых эти усилия государство не считает нужными предпринимать, и эти осужденные должны отбывать наказание в тюрьмах. Это 400 тюрем — почти 400 тыс. осужденных. Выделение подобной «касты отверженных», которые не подлежат ресоциализации,

я считаю, — очень опасная тенденция к политической ситуации в сфере исполнения наказания. Во-первых, подобное решение возвращает нас к фразе «преступник неисправим». И во-вторых, учитывая большую численность этих людей, оно повлечет сокращение и без того бедного ассигнования на проведение каких-либо воспитательных мероприятий и решение вопроса о том, чтобы они возвращались в общество. Надо убирать это положение из Концепции.

Необходимо нам всем вместе еще раз провести обсуждение и выступить за то, чтобы убрать из системы наказания и арест, и принудительные работы. Спасибо за внимание.

Доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, кандидат юридических наук, доцент Антоян Елена Александровна:

Уважаемые присутствующие! Примечательным является то, что мы рассматриваем эту тему в рамках второго круглого стола после того, который состоялся на тему о качестве уголовного закона. Тема «Качество уголовно-исполнительного закона» очень важна сегодня, поскольку проецирует все то, что имеет правоприменительная практика.

Я бы хотела остановиться на нескольких, на мой взгляд, нерешенных вопросах в Уголовно-исполнительном кодексе, в связи с которыми возникают серьезнейшие проблемы в правоприменительной практике. Во-первых, до сих пор сегодня (и я делаю ссылку на ст. 83 УИК, которая предусматривает контроль за лицами освобожденными от отбывания наказания) не говорится об определенных категориях лиц, а именно ничего не говорится об условно-досрочно освобожденных, также о других освобожденных в пределах срока судимости, кому они подконтрольны, кем и как должна проводится с ними работа — все эти вопросы не регулирует Уголовно-исполнительный кодекс. Не возложен контроль за этими лицами Уголовно-исполнительным кодексом. Орган, который сегодня мог быть наделен этими функциями и соответственно выполнять их — это уголовно-исполнительные инспекции. Тоже самое, кстати, касается и такой категории освобожденных, как освобождаемые из числа военнослужащих.

Эта очень важная проблема уже многих лет, мы должны поставить вопрос — не является ли

первопричиной ущемления прав осужденных то, что во многих нормах (сколько бы об этом не говорилось учеными) предусмотрено административное так называемое усмотрение (т.е. по усмотрению администрации исправительного учреждения)? Причем в таких важных вопросах, когда осужденного могут представить к освобождению по болезни, когда решается вопрос о предоставлении права безконвойного передвижения в исправительных учреждениях, вопрос о переводе на другие условия содержания (причем независимо от строгости) и т. д. — все это законодатель предусматривает делать администрации и это не всегда субъективно. К сожалению, отследить это невозможно, если, конечно, это не будет иметь резонансного последствия.

Несмотря на то, что сегодня образованы в соответствии с Федеральным законом общественно-наблюдательные комиссии, надо сказать и о том, что в Уголовно-исполнительном кодексе не прописана роль общественности и примерных решений такого вопроса, как перевод осужденных на льготные условия или же постановка вопроса о представлении осужденного к условно-досрочному освобождению — он остается без внимания, без привлечения представителей общественности. Все эти вопросы и, наверное, те, которые вы поднимите, уважаемые присутствующие, в рамках дискуссии, в том числе имеют место быть в силу вот какой причины: я проанализировала как организована работа правоохранительных структурных подразделений и удивилась, оказывается, например при Верховном суде, при следственном комитете, при министерстве внутренних дел, конечно, при Генеральной прокуратуре, существуют так называемые научно-экспертные консультационные советы, куда привлекаются известные ученые для обсуждения наиболее важных вопросов касающихся как законодательства, так и правоприменительной практики. Я была удивлена, что в такой острой сфере уголовно-исполнительной системы ничего подобного создано не было за все эти годы, по крайней мере с 1994 года. И сегодня аналогичный орган отсутствует, хотя наверное если бы он был создан, привлекались бы ученые, выслушивались бы их мнения, многие проблемы удалось бы избежать в Уголовно-исполнительном кодексе по ряду позиций. Ну, в частности, меня изумляет вопрос как быстро решили и отказались от самостоятельных организаций. Наверное, если

бы привлекли специалистов в области организации воспитательной работе в исправительных учреждениях, такое скоропалительное решение не было бы принято, хотя здесь, конечно, была непроработанность законодательная, очень существенная, когда, вроде бы на добровольных началах осужденный вступал в эту организацию, но участие в этой организации учитывалось при рассмотрении вопроса о представлении его к условно-досрочному освобождению при определении степени его исправления. Вот острые моменты, на которых я хотела бы остановиться с готовностью ответить на возникшие вопросы.

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой деликтологии и криминологии Сибирского Федерального Университета Щедрин Николай Васильевич:

Во-первых, хочу поблагодарить Вячеслава Ивановича и Елену Александровну за содержательные интересные выступления. Во-вторых, я хочу официально заявить, что я абсолютный дилетант в области уголовно-исполнительного права — с позиции здравого смысла. Обо всем, что здесь говорили о совершенствовании условий исполнения наказания, у меня сложилось такое мнение, что мы совершенно не использовали или чрезвычайно мало использовали мягкие меры воздействия те, которые достаточно позитивно дают о себе знать, судя по литературе, во многих странах (не беру ситуацию в Норвегии с Брейвиком — эта ситуация отдельная). Мне очень печально, что все предложения, в том числе от молодежи, которая, собственно говоря, завтра будет возглавлять всю нашу уголовную, уголовно-исполнительную систему, криминологию — решают с позиции репрессивного мышления. Понятие репрессивного мышления, мне кажется, — ключевое, используемое сегодня при решении любых вопросов. Это недопустимо. Это яма, которая рано или поздно пропадет или уже пропадает. Спасибо.

Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина Парог Алексей Иванович:

Я с огромным вниманием и интересом выслушал оба сообщения. Готов подписаться под каждым тезисом доклада Вячеслава Ивановича, но меня смущает проект резолюции. В нем отмечается достаточное качество закона, во-первых

«достаточное качество» — это формулировка некорректная (достаточным или недостаточным может быть количество). Если даже уйти от языковой оценки, проявляется, в частности, позитивная оценка уголовно-исполнительного законодательства постоянством системы учреждений и органов исполняющих наказание. Ну какое же это постоянство? Что в уголовном кодексе изменилось — тут же меняется и в уголовно-исполнительном. Или возьмите хотя бы функции органа, исполняющего исправительные работы: то они на всех распространялись, то только на не работающих, сейчас — опять на всех. Функции меняются — это не постоянство. Вообще, надо отметить, что в уголовно-исполнительном законе много недостатков, и все они, почти все, вытекают из недостатков уголовного закона. Это надо прямо отметить. И тезис о том, что требует существенные корректировки Концепция развития уголовно-исполнительной системы. Какой корректировки, куда? Надо полностью отказаться от этой концепции. Мы не в состоянии перейти на тюремное содержание отбывающих срок лишения свободы и тем более согласиться с введением нового понятия «лиц, не подлежащих ресоциализации» — значит, надо отказаться от этой Концепции как ущербной, не способной решать задачи уголовно-исполнительного законодательства. Ну, а в остальном я согласен с проектом резолюции. Еще раз благодарю Вячеслава Ивановича и Елену Александровну за интересное выступление.

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина **Понятовская Татьяна Григорьевна:**

Мое выступление напрямую касается последнего замечания. Поскольку я тоже не сразу поняла, одобряем мы или слегка журим Концепцию, о которой идет речь, поэтому я попыталась сформулировать идею так: признать политически вредной такую-то Концепцию. По этому поводу я хотела бы высказать несколько своих мыслей и, может быть, предложить уважаемому собранию еще одну идею, которую можно было включить в материалы нашего обсуждения.

Понимаете, действительно по тем положениям, которые отражены в Резолюции, очевиден расчет политики государства в отношении одной из своих прямых обязанностей — забота

или обязанности содержания, или обязанность нести ответственность за осужденных, потому что вопросы о том, какой должна быть политика наказания обсуждались всегда и, как правило, на заре советской власти, на заре уголовно-исполнительного права. Всегда решался вопрос: обязано ли государство содержать осужденных, обязано ли оно заботиться о них или мы должны подавать систему исполнения наказания как некую отрасль извлечения экономического дохода для государства? И вот то, что нами или авторами Концепции предлагается признать правомерность такого понятия как «осужденные, не способные к ресоциализации» — это варварски. Если бы такую мысль озвучили, скажем, в этом году или прошлой осенью на международном конгрессе «Уголовное право в условиях глобализации», то более тысячи членов этого конгресса плевали бы нам все как варвары, потому что именно эти вопросы и вообще правомерности такого словосочетания «осужденный, не способный к ресоциализации» считалось просто неприличным в любом обществе. Но для лиц, которые формируют политику, это означает, что на вопросы исправления осужденных не нужно тратить государственных средств. Действительно, цель может участвовать в процессе исправления, но она сама прокладывает себе путь к осужденным, не тратя не копейки. Нельзя говорить об исправлении человека, который не имеет никаких материальных условий для какой-то духовной подвижки, которые не имеют возможность прочитать книгу или вылечить живот, большую собаку. Кстати, очень многие колонии практиковали организацию ветеринарной помощи или тренинга собак для слепых — эта очень хорошая работа, которая способна исправить человека, отбывающего наказание. Но на это нужны средства.

Посмотрите, что сегодня делается в местах лишения свободы, куда ушли промзоны? Сейчас никакую мебель промзоны не изготавливают. Начальник колонии говорит, что сейчас нет возможности двигаться в этом направлении, потому что промзона захирела. По какой причине? По той причине, что сегодня невозможно выиграть ни одного тендера. А все эти работы, все эти заказы (государственные, негосударственные) сегодня обеспечиваются только таким механизмом. Может ли сегодня колония (или тюрьма) в принципе участвовать в этом тендере? Есть механизмы, чтобы его

выиграть? Конечно, нет. И тогда получается так: денег на прокорм осужденных нет, потому что государство сегодня не считает себя обязанным кормить осужденных, и не только материальной пищей, хотя и для духовной пищи деньги нужны. Для того чтобы обеспечить процесс исправления по-настоящему, нужно создать материальные условия для духовной работы осужденных — следовательно, подумать над механизмом материального обеспечения процесса исправления, который целиком на совести государства.

В связи с этим, я предлагаю следующий тезис. Наше собрание призывает уголовно-исполнительную науку, общественность и власть к выработке взвешенной и социально-оправданной политики материального обеспечения процесса исправления осужденных, создание хозяйственных и экономических механизмов, материального гарантирования условий для исправления осужденных.

Доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, кандидат юридических наук, доцент Орлов Владислав Николаевич:

Я выскажусь по поводу криминологической обоснованности уголовного закона, уголовно-процессуального закона и т. д. Может быть, в перспективе и возникнет предложение о криминологическом комментарии к УК, УПК и т. д. Когда мы говорим о качестве, тут следует вспомнить, а достигаем ли мы какого-то минимального уровня соотношения с международно-правовыми нормами и иными нормами? Вот на что хотелось бы обратить внимание.

Начальник кафедры криминологии Московского университета МВД России, Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор Лебедев Семен Яковлевич:

Уважаемые коллеги! Не могу не остановиться на одном аспекте, который мне представляется центральным в сфере (если можно говорить) реформирования уголовно-исполнительного закона. Мне представляется, что как раз центральным аспектом является цель уголовно-исполнительного закона. И вот здесь, уважаемые коллеги, я думаю о том, что цели уголовного закона и уголовно-исполнительного закона совпадать не должны. Мы должны понимать, что уголовно-исполнительный закон — это закон, обеспечивающий материально уголовное право. Я не помню

в уголовно-процессуальном законе такую статью, как цели уголовно-процессуального законодательства или цели уголовного судопроизводства. Нет такой статьи. Цель в уголовно-процессуальном законе есть только в части мер пресечения и то, только факультативно можно догадаться с какой целью они назначаются. Уголовно-исполнительное законодательство обеспечивает наказание, создает регламент на цели которого определены в соответствующей статье УК. В этом случае, уголовно-исполнительное законодательство должно преследовать цель обеспечить наказание.

Само исправление, я считаю, если и достигает своей цели, то бессмысленно по сути. Если нет цели исправить человека, то тогда зачем эту цель ставить вообще? Поэтому я полагаю так, если отказаться от цели уголовно-исполнительного наказания (основываясь на том, что оно представляет собой обеспечивающий инструмент), то тогда все стает на свои места. Спасибо.

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права МГУ им. М. В. Ломоносова Зубкова Валентина Ивановна:

Дело в том, что назначение уголовно-исполнительного законодательства требует не только исполнение наказание, оно значительно шире. Если мы поставим такую задачу, мы сразу объединим законодательства и вернемся на уровень XVII века, когда были тюрьмы, было исполнение наказания (вы все помните графа Монте-Кристо). Мы еще в то время задумались, чем же поднять наказание, чтобы повысить его эффективность? Если мы будем принимать определение тех людей, которые говорят об «осужденных, не способных к ресоциализации» — то мы получим зверинец. А потом этот «зверинец» придет к нам сюда на свободу. Воспитательная сторона находит цель исправления. Я стою на позиции того, что наше законодательство сросшееся, как уголовное, так и уголовно-исполнительное. И не говорить о цели исправления немислимо, потому что тогда все прописанные средства воздействия наших осужденных будут ни к чему. Средства воздействия есть, они прописаны, они функционируют, они должны быть. И я должна сказать, что какой бы закон ни был, он живет и работает только тогда, когда он не несет в себе противоречий и каких-то проблем. Нельзя не согласиться, что уголовный закон и уголовно-исполнительный соединены.

Уголовный закон все как бы отдает уголовно-исполнительному. Я только один пример возьму, считаю, что этот институт имеет стимулирующее значение — условно-досрочное освобождение. Посмотрите, какие противоречия: если мы берем ст. 79, то там для этого оговариваются определенные основания и условия: если отбыл определенную часть и не нуждается в дальнейшем отбывании наказания. Уголовно-исполнительный по другому пишет: что если осужденный (помимо того, что не нуждается) полностью или частично погасил материальный ущерб (если есть). Судьи отказывают, если не погасил. А если он не имеет работы? Значит, он не имеет средств — не может погасить ущерб. Значит, не подлежит освобождению? А если после полного отбывания срока, ущерб не погашен — тоже освобождение невозможно?

Я считаю, что наш Уголовно-исполнительный кодекс может быть достаточно определенного уровня в качественном отношении, но поскольку в него (как и в уголовный кодекс) вносятся изменения и ненужные изменения — то, конечно, в первую очередь нужно изменять уголовный кодекс.

Уполномоченный по правам человека в Яванской области, доктор юридических наук, профессор Гришко Александр Яковлевич:

Уважаемые коллеги! Сегодняшний семинар мне очень импонирует, в нем мне виден дифференцированный подход к этой проблеме. Докладчик, содокладчик обозначили позитивные моменты, констатировали качество определенного действующего законодательства. У нас ведь последние годы было наоборот — не успеют только начать выступление, уже начинают критиковать тот или иной закон. Мне кажется, этот закон более стабилен в общей части, чем уголовный. Надо отдать должное разработчикам и правоприменителям, которые применяют этот закон на практике.

Я хотел бы сказать, что необходимо подчеркивать позитивные моменты даже перед нашими иностранными партнерами, которые нас задевают, апеллируя, что у нас некачественно прописаны те или иные нормы, которые якобы нарушают права человека при исполнении наказания. Ведь у нас даже от норм, которые содержатся в европейских правилах, в минимальных стандартных правилах обращения с заключенными, в международных актах — документах рекомендательного плана, которые прописывают применение смирительных

рубашек — этого нет. У нас нет наказания голодом, снижение норм питания, что рекомендуется в минимальных стандартных правилах обращения с осужденными. Я уже не говорю о таком социальном институте, который способствует ресоциализации лиц, отбывающих наказание, как предоставление свиданий. В большинстве европейских стран отсутствуют длительные свидания. Надо ли говорить об их роли? В нашем уголовно-исполнительном законодательстве даже разрешаются свидания за пределами исправительного учреждения.

Можно много говорить о позитивных началах в действующем законе. И, апеллируя к основному положению, которое вызывает наибольшую остроту, связанному с переходом на тюремное содержание, я хотел бы для информации зачитать «Резолюцию европейской конференции директоров тюремных ведомств», Шотландия 2009 год: «Следует пересмотреть концепцию современной тюрьмы. Сложилось представление о тюрьме как о сооружении, окруженного высокими стенами с заборами и засовами, где заключенные находятся под постоянным надзором и контролем. Россия подает другой пример организации лишения свободы: основной вид учреждения — исправительная колония, в которой осужденные имеют относительную свободу передвижения в рамках консолидируемой охраняемой территории. Одновременно во многих европейских государствах наметилась особо опасная тенденция строительства особо охраняемых тюрем с жестким режимом содержания. Совету Европы следует обсудить этот вопрос».

Я, в силу своей должности, бываю в некоторых иностранных колониях, трудно даже сказать (из-за того, что сейчас делается), что это тюрьма — просто отдельное помещение на 4–6 человек со всеми необходимыми условиями, существуют социальные «лифты» (еще по разработке Макаренко).

В значительной степени качество закона зависит от качества обеспечения его реализации. Я говорю о нормативной базе: инструкции, приказы и т. д. И зачастую общественность судит о качестве закона по тому, как он реально применяется. И когда у нас в действующих инструкциях упоминаются еще товарные вагоны, в которых можно осужденных перевозить, когда у нас (в отличие от европейских стран) повальные обыски систе-

матически проводятся (а в европейских странах обыск проводится только в том случае, если есть подозрение на хранение запрещенного предмета), то я думаю, что многое из европейского опыта можно было бы применить у нас.

Мы не должны забывать про потерпевших. Я имею ввиду иски, выполнение алиментных обязательств и т. д. На сегодняшний день 10% осужденных только выплачивают иски, а это ведь основное средство, которое направлено на защиту потерпевших.

Поэтому, говоря о совершенстве качества закона, надо в тендеме смотреть нормативную базу, которая обеспечивает реализацию этого закона. Чаще всего ставок преткновений меньше всего в законе.

Наши предметные семинары многое бы выиграли, если бы мы официально приглашали руководителей ФСИН, чтобы высказать свое мнение. Спасибо.

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права МГУ им. М. В. Ломоносова Гуляев Анатолий Викторович:

Уважаемые коллеги! Я поддерживаю основные идеи, которые я услышал. Первое: я конечно хотел бы согласиться с тем, что само по себе уголовное наказание не должно быть, так сказать, самоцелью уголовного права. Оно наполняется определенным содержанием — мерами воспитательного характера: адаптировать человека к ценностям социальной жизни насколько это возможно, насколько удастся в рамках наказания. Это не всегда удастся, но ставить эту цель в качестве обязательной не следует. Это приводит к нежелательным последствиям криминологического характера. Пример: отказ в условно-досрочном освобождении из-за того, что не признана вина, т. е. не последовало раскаянья. Но непризнание вины имеет значение в сфере уголовного права и уголовного процесса, а когда наказание определено, наступает уже сфера уголовно-исполнительного процесса. Непризнание вины суд уже учитывает.

Еще одна проблема — наказание штрафом. Роль штрафов повышается, размеры значитель-

ные. У нас существуют меры обеспечения на возмещение вреда, причиненного преступлением, т. е. в целях обеспечения гражданского иска, в целях теперь уже конфискации (не в полном размере, но восстановили относительно имущества, полученного преступным путем). Вот здесь уже проблемы в уголовном процессе: с какого момента допускать такие меры, как наложение ареста? Они все имеют предупредительное значение для неотвратимости ответственности с точки зрения криминологии. Так с какого момента: с момента возбуждения уголовного дела, с момента конкретного факта установления преступления или с момента предъявления обвинения? С точки зрения криминологии, мы больше всего заботимся о том, чтобы неотвратимость была обеспечена и возмещение.

Теперь другая проблема появилась — со штрафами, а штрафы очень существенны. Их и ввели, чтобы не мучиться с арестами и конфискациями имущества, которое далеко не всегда удается обратить в возмещение вреда. Тогда и действует как компенсирующее такое наказание, как штрафы. Но тогда надо обеспечить его исполнение, т. к. часто стараются от активов и имущества быстро избавиться. Я думаю, что есть смысл разрешить применение мер обеспечения штрафов. Опять возникнет вопрос: а с какого момента? С того момента, когда будет установлена вина по предъявленному обвинению. В принципе, можно и с момента возбуждения дела, если очевидно что обстоятельства дела позволяют надеяться на осуждение и на штраф. Если не штраф, то приостановление права распоряжения. Если арест лица незаконный, то ему возмещается причиненный ущерб. Эта проблема актуальна на сегодняшний день. Спасибо.

Президент СКК, Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор Мацкевич Игорь Михайлович:

Уважаемые коллеги! Напоминаю всем, что Ваши замечания по проекту резолюции ждем в течение ближайшей недели. После этого окончательный текст резолюции будет размещен на сайте Союза и опубликован в журнале «Российский криминологический взгляд».

Президент Союза криминалистов и криминологов,
доктор юридических наук, профессор
заслуженный деятель науки РФ
И. М. Мацкевич

АВТОРЕФЕРАТЫ

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА, ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ И ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени М. В. ЛОМОНОСОВА

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА БАНДИТИЗМ

КОМИССАРОВ Владимир Сергеевич

УДК 343.341 (47+57)

Специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология;
исправительно-трудовое право

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата юридических наук

Москва — 1983

Работа выполнена на юридическом факультете Московского ордена Ленина,
ордена Трудового Красного Знамени и ордена Октябрьской Революции
государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Научный руководитель —
доктор юридических наук, профессор Г. А. Кригер.

Официальные оппоненты:
доктор юридических наук, профессор Л. Д. Гаухман,
кандидат юридических наук В. В. Ераксин.

Ведущая организация — Всесоюзный научно-исследовательский институт советского
законодательства.

Защита состоится “ ___ ” _____ 198__ г. в _____ час на заседании специализированного
уголовно-правового совета (К-053.05.33) в Московском государственном университете
имени М. В. Ломоносова
(117234, Москва, В-234, Ленинские горы, МГУ, 1-й корпус гуманитарных факультетов,
юридический факультет)
С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке юридического факультета МГУ.
Автореферат разослан “ ___ ” _____ 198__ г.

Ученый секретарь
специализированного совета
кандидат юридических наук, доцент

Д. П. Поташник.

Актуальность исследования: В условиях решения грандиозных задач построения коммунистического общества в нашей стране значительно возрастает роль правового регулирования общественных отношений, всемерного укрепления социалистической законности и правопорядка. Необходимой составной частью воспитания и формирования человека коммунистического общества является ликвидация еще встречающихся в жизни нашего общества разного рода негативных явлений, в том числе и правонарушений. Вопросы борьбы с правонарушениями постоянно находятся в поле зрения советских партийных и государственных органов¹. В отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду КПСС было специально подчеркнуто, что работа правоохранительных органов должна быть максимально эффективной, чтобы каждое преступление должным образом расследовалось и виновные несли заслуженное наказание². Вопросам идеологической, массово-политической работы был посвящен прошедший в июне 1983 года Пленум ЦК КПСС, на котором отмечалось, что: “Воспитание нового человека неотделимо от самой энергичной борьбы с пьянством, хулиганством и туеядством, спекуляцией и хищениями социалистической собственности, взяточничеством и стяжательством”³.

Причины многих отрицательных социальных явлений, в том числе и преступности коренятся не только в пережитках прошлого в сознании и поведении людей, но и в объективных сложностях

развития социалистического общества, в недостаточной воспитательной и организационной деятельности партийных и государственных органов. Успешная эффективная работа по устранению обстоятельств, детерминирующих преступность, возможна только при условии комплексного использования экономических, организационных и правовых мер⁴. В числе правовых средств существенная роль наряду с разработкой и применением профилактических мероприятий принадлежит уголовному законодательству и практике его применения правоохранительными органами.

Намеченная XXVI съездом КПСС обширная программа социально-экономического и культурного развития нашего общества направлена на повышение уровня благосостояния советского народа. В этих условиях особо нетерпимыми становятся деяния, которые ставят под угрозу причинения вреда самое ценное в социалистическом обществе — жизнь человека. Тем более опасными для советского государства являются насильственные посягательства, совершаемые устойчивыми и сплоченными группами с применением оружия. В процессе вооруженных нападений на государственные и общественные учреждения и организации и отдельных граждан ставится под угрозу причинения или причиняется существенный вред обширному кругу социалистических общественных отношений. Полнота и возможность свободного осуществления конституционных прав и свобод граждан, неприкосновенность личности и собственности, нормальная деятельность государственных и общественных органов в значительной мере зависят от эффективности борьбы с указанными опасными посягательствами,

1 см. Постановление ЦК КПСС от 2 августа 1979 г. “Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями.”. Коммунист, №14, 1979, с. 3–6.

2 Материалы XXVI съезда КПСС. М., Политиздат, 1981, с. 65.

3 Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии. Материалы Пленума Комитета КПСС. — М: Политиздат, 1983, с. 38.

4 См: Актуальные вопросы идеологической,....., с. 38.

своевременным выявлением и пресечением деятельности устойчивых формирований, имеющих преступные цели.

Анализу состава бандитизма и практике борьбы с этим опасным преступлением в современной юридической литературе уделяется незаслуженно мало внимания. Такое положение можно объяснить только тем, что в практической деятельности правоохранительных органов бандитизм встречается очень редко. Однако его опасность настолько велика, что необходима решительная и последовательная борьба с подобного рода преступной деятельностью. Проведенное исследование показывает, что судебные органы сталкиваются с определёнными трудностями, обусловленными как сложностью состава бандитизма, так и необходимостью тщательного отграничения его от иных смежных составов. Те немногочисленные работы, в которых подвергался юридическому анализу состав бандитизма, большей частью вышли еще в начале 60-х годов. Последним исследованием в этом направлении явилась защищенная в 1972 году кандидатская диссертация Л. Г. Хулаповой, посвященная истории уголовно-правовой борьбы о бандитизмом в Туркменской ССР. В последующие годы, за исключением учебников, в иных источниках состав бандитизма анализу не подвергался. В то же время изучение судебной практики показывает, что многие вопросы квалификации этого преступления до сих пор не получили единообразного решения. Например, проведенный опрос 47 судебных работников выявил, что половина из них отождествляют банду с организованной группой. Существенные затруднения в теории и практике возникают в связи с определением таких признаков как устойчивость связей и сплоченность соучастников, вооруженность членов банды и других. Практически не подвергался анализу субъект бандитизма, что имеет существенное значение для выявления причин и условий совершения бандитских нападений и разработки мер по их предупреждению. Разумеется, что все эти обстоятельства не способствуют действенной и эффективной борьбе с этим, пока еще встречающимся в судебной практике, опасным преступлением. Совокупность изложенных моментов, по мнению диссертанта, и обуславливает актуальность выбранной темы.

Цель и задачи исследования: Основная цель диссертационной работы состоит в поиске путей повышения эффективности борьбы с бандитизмом на основе комплексного исследования уголовно-правовых и криминологических аспектов данной проблемы. В соответствии с этим были поставлены следующие задачи: 1) Изучить действующее законодательство и практику его применения правоохранительными органами. 2) Дать не только юридический анализ бандитизма, но и показать его социально-политическую сущность в историческом аспекте и в современных условиях. 3) Сформулировать конкретные предложения, направленные на совершенствование действующего законодательства и улучшение работы судебными органами, а также разработку мер по предупреждению бандитизма.

Методологической и методической основой настоящей работы явились положения диалектического и исторического материализма, труды классиков марксизма-ленинизма, в которых освещаются вопросы борьбы с преступностью, программные документы и решения съездов КПСС и Пленумов ЦК, положения Конституции СССР, относящиеся к исследуемым проблемам. При написании диссертации автор использовал как традиционные методы логико-юридического и криминологического характера, так и частные методы познания: исторический, системно-структурный, сравнительно-правовой и конкретно-социологический. Тема разрабатывалась на основе действующего общесоюзного и республиканского законодательства, руководящих указаний Верховных Судов СССР и РСФСР.

Научно-теоретической основой диссертации явилась советская социалистическая доктрина уголовного права и криминологии. При обосновании выводов и рекомендаций, выдвинутых в работе, автором широко использовались работы М. И. Блум, Р. Р. Галиакбарова, Л. Д. Гаухмана, В. К. Глистина, П. Ф. Гришанина, П. И. Гришаева, П. С. Дагеля, У. С. Джекебаева, М. П. Карпушина, Г. А. Кригера, В. Н. Кудрявцева, Б. А. Куринова, Н. Ф. Кузнецовой, В. Д. Меньшагина, А. В. Намумова, А. А. Пионтковского, Е. А. Смирнова, А. Н. Трайнина, П. И. Тельнова, Д. О. Хан-Магомедова и других. В работе также использовалась литература по социальной психологии и социологии, а также неопубликованные диссертационные материалы.

Практической базой диссертации явилось изучение материалов о 210 лицах, совершивших бандитизм по 41 уголовному делу о бандитизме, а также анализ 60 уголовных дел о разбойных нападениях совершенных на территории Армянской, Грузинской и Киргизской ССР, Дагестанской, Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской АССР, Краснодарского и Ставропольского краев и Ростовской области за период с 1960 по 1982 годы включительно. С целью изучения мнения судебных работников был разработан опросной лист и опрошено 47 судей краевого и республиканского уровня. Информационной основой явилась опубликованная судебная практика Верховных Судов СССР и РСФСР за период с 1920 по 1960 годы, постановления Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР по иным категориям уголовных дел.

Научная новизна диссертации заключается прежде всего в том, что данная работа явилась первой, в советской уголовно-правовой литературе, попыткой комплексного рассмотрения проблемы ответственности за бандитизм. В диссертации рассматривается ряд сложных дискуссионных вопросов действующего законодательства, квалификации бандитизма, которые вызывают определённые трудности и ошибки в судебной практике. На основе изучения теоретических вопросов и судебной практики в работе выделяются следующие моменты, отражающие новизну диссертации и выносимые автором на защиту: 1. Родовым объектом бандитизма предлагается считать основы общественной безопасности, понимаемые как совокупность общественных отношений, обеспечивающих безопасные условия функционирования советского общества по осуществлению задач коммунистического строительства. По своему содержанию сфера общественной безопасности представляет собой систему общественных отношений, охраняемых государством, по поводу обеспечения и поддержания общественного порядка и спокойствия, необходимых условий труда и отдыха граждан, неприкосновенности личности, социалистической и личной собственности, нормальной бесперебойной деятельности государственных и общественных учреждений и организаций. 2. Исходя из различного характера отношений основ общественной безопасности и отношений, составляющих государственный и общественный строй

СССР, которые являются объектом особо опасных государственных преступлений, обосновывается вывод о необходимости уточнения места нормы о бандитизме в системе Особенной части УК. 3. Банда рассматривается как разновидность преступного сообщества, специфическим признаком которого является устойчивость преступных связей и сплоченность соучастников. Анализируется содержание признака устойчивости и способы его выражения в банде, раскрывается содержание иных важнейших признаков и бандитизма: вооруженности, способа совершения преступления, цели. 4. В соответствии с принципом индивидуальной ответственности за содеянное обосновываются пределы и объем ответственности членов банды за совершенные преступления в составе банды, исследуются психологическое и юридическое содержание вины соучастников при бандитизме. 5. На основе проведенного исследования впервые в литературе дается уголовно-правовая и криминологическая характеристика лиц, совершивших рассматриваемое преступление, и отмечается стойкая антиобщественная направленность личности бандитов. 6. На основе сопоставительного анализа действующего законодательства обосновывается предложение о квалификации умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах, хищения государственного и общественного имущества в особо крупных размерах и изнасилования при особо отягчающих обстоятельствах, совершенных бандой, по совокупности с бандитизмом. 7. В работе подробно исследуются вопросы назначения наказания лицам, виновным в бандитизме и эффективность применяемых мер. С учетом исключительного характера смертной казни как меры наказания и сложившейся практики ее назначения за бандитизм, обосновывается нецелесообразность сохранения смертной казни в санкции ст. 77 УК РСФСР. 8. Значительное внимание в работе уделено проблемам профилактики бандитизма. 9. На основе анализа правовых норм и практики деятельности органов правосудия формулируются конкретные предложения как по совершенствованию действующего законодательства, так и по улучшению работы правоохранительных органов.

Практическая значимость проведенного исследования: Данные и выводы, полученные в результате исследования могут быть использованы при

совершенствовании действующего законодательства об ответственности за бандитизм. Некоторые рекомендации и предложения, изложенные в диссертации могут найти свое применение в процессе деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, реализованы при подготовке постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР. Полученный криминологический материал имеет не только важное практическое значение для назначения наказания, но и для разработки и осуществления государственными и общественными органами мероприятий по профилактике бандитизма. Кроме того, некоторые материалы диссертации могут быть использованы при подготовке и чтении учебных курсов уголовного права и спецкурсов.

Апробация результатов исследования: Диссертация подготовлена на кафедре уголовного права юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Кафедра дважды обсуждала диссертацию и провела её рецензирование. Основные теоретические положения диссертации дважды докладывались автором на совместных теоретических конференциях аспирантов юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и Института государства и права АН СССР, проходивших в 1982 и 1983 г.г, а также использовались в учебном процессе на юридическом факультете. Результаты проведенного исследования отражены в четырех опубликованных работах.

Объём и структура диссертации. Работа изложена на 184 страницах машинописного текста с приложением 15 таблиц, содержащих полученные в ходе исследования данные, на которые делаются ссылки в диссертации, списка использованной литературы. Структура диссертации обусловлена характером цели и поставленными задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, приложений и списка использованной литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность и значимость темы, определяются задачи исследования, методологические и методические основы исследования, отмечается новизна исследования и формулируются предложения, выносимые автором на защиту, а также показывается практическая значимость полученных результатов.

Первая глава посвящена истории уголовно-правовой борьбы с бандитизмом в СССР за период 1917–1960 г.г. В §1 «Общая социальная характеристика и динамика бандитизма за период 1917–1960 г.г.» анализируется состояние борьбы с бандитизмом за указанное время, дается его социальная характеристика и показываются истоки, отмечаются меры предпринимавшие советским государством по искоренению бандитизма. Указывается, что разложение старого общества в результате победы Октябрьской революции привело к тому, что в условиях ожесточенной классовой борьбы в стране усилилась преступная деятельность классовых врагов и деклассированных элементов. Одним из наиболее опасных преступлений в это время был бандитизм. Повышенная опасность бандитизма обуславливалась рядом обстоятельств: а) Он нередко носил контрреволюционный характер, выступая одной из форм открытой классовой борьбы; б) Бандитизм представлял серьёзную угрозу для основ молодого советского государства, ибо он нарушал работу государственных и общественных органов, вносил дезорганизацию в деятельность общества и нередко был сопряжен с насилием над личностью; в) Имел значительную распространенность в стране.

Особая опасность бандитизма вынуждала советское государство в борьбе с ним в первое пятилетие принимать суровые и чрезвычайные меры вплоть до установления особой подсудности для этой категории преступлений и особого характера репрессий⁵. В работе отмечается в качестве характерной черты бандитизма тенденция его усиления в периоды наиболее тяжелые для советского государства. В последующее время такое положение имело место в годы индустриализации и коллективизации, а также в военный и послевоенный периоды.

В заключение параграфа показывается, что социальные перемены и решительные меры, принятые советским государством в конечном итоге привели к тому, что к началу 60-х годов в судебной практике бандитизм стал встречаться очень редко. Существенным изменениям подверглась и социальная сущность бандитизма: он стал носить характер общеуголовного преступления,

⁵ См: Декрет СНК РСФСР от 19 февраля 1920 г. «О передаче лиц, обвиняемых в бандитизме, суду Военно-революционного трибунала». СУ РСФСР, 1920, 311, ст.31; Декрет ВЦИК от 20 июня 1919 г. «Об изъятии из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении». СУ РСФСР, 1919, № 27, ст. 301.

ибо большая часть банд создавалась с корыстными целями.

В §2 «Анализ законодательства, теории, практики» исследуются ранее действовавшее законодательство, практика его применения и состояние научных разработок. Отмечается, что в основном определение состава бандитизма было завершено с принятием Положения о преступлениях государственных 1927 года. При этом УК РСФСР 1922, 1926 годов и Положение 1927 года, отражая повышенную общественную опасность бандитизма, определяли его место в системе государственных преступлений. Данное в ст. 17 Положения определение бандитизма в целом соответствовало задачам борьбы с этим опасным преступлением и поэтому не подвергалось каким-либо законодательным изменениям вплоть до принятия в 1958 году Закона об уголовной ответственности за государственные преступления.

Вместе с тем, несовершенство действовавшего законодательства 20-х годов и применение аналогии в некоторых случаях обуславливали расширительное толкование признаков бандитизма, в частности понятий банды и вооруженности⁶. Некоторые сложности в связи с этим возникали при определении основных признаков банды, отражающих её сущность. Большинство авторов и судебная практика считали специфическим признаком банды устойчивость преступных связей, понимаемую как преступную деятельность, выражающейся в многократном совершении преступлений.

Не совсем точное определение содержания признака устойчивости в послевоенное время приводило к тому, что некоторые теоретики и судебная практика иногда отказывались от этого обязательного для квалификации по ст. 59³ УК РСФСР признака⁷. К концу 50-х годов судебная практика в понимании признака устойчивости стабилизировалась. Для квалификации по ст. 59³ УК РСФСР суды должны были устанавливать наличие преступной группы, характеризующейся устойчивой преступной связью между соучастниками и специфическими методами деятельности вне зависимости от количества задуманных или совершенных преступлений.

6 Сборник действующих постановлений и директивных писем Верховного Суда СССР 1924–1944. М., 1946, с. 69.

7 См: например, П. Ф. Гришанин. Понятие преступной организации и ответственность ее участников по советскому уголовному праву., кандидатская диссертация, М., 1951, с. 4; Сборник постановлений Верховного Суда СССР, М., 1952, № 6, с. 3.

Вторая глава посвящена юридическому анализу бандитизма и вопросам квалификации. При определении объекта бандитизма диссертант исходит из общепризнанного в советском уголовном праве мнения, что объектом преступления являются социалистические общественные отношения, охраняемые и поддерживаемые государством. В работе отстаивается положение о том, что родовым объектом бандитизма являются основы общественной безопасности, которые представляют собой совокупность общественных отношений, обеспечивающих безопасные условия функционирования советского общества по осуществлению задач коммунистического строительства. По своему содержанию общественная безопасность — это система отношений по поводу установления и поддержания общественного порядка и спокойствия, неприкосновенности личности и собственности, обеспечения необходимых условий труда и отдыха граждан, нормальной деятельности государственных и общественных организаций и учреждений. Непосредственным объектом являются конкретное отношение или группа взаимосвязанных отношений. Юридическая природа бандитизма, по мнению автора, заключается в том, что он объединяет действия, имеющие разные непосредственные объекты посягательства и направленность, в результате чего образуется качественно новое преступление. В силу этого бандитизм имеет и качественно новый объект, сложный по своему содержанию и не сводящийся ни к одному из его составляющих компонентов.

При исследовании структуры объекта бандитизма диссертант присоединяется к тем авторам (Н. А. Беляев, В. К. Глистин), которые полагают, что объект представляет собой целостную систему взаимосвязанных элементов: субъекты, предмет отношения и связь между субъектами по поводу конкретного предмета. Предметом бандитизма являются безопасные условия жизнедеятельности общества как определённая упорядоченная система взаимоотношений, существующих в обществе, урегулированная нормами права и обеспечивающая успешное функционирование общества. Сущность социально-полезной связи, на которую посягает бандитизм, состоит в таком образе поведения конкретных личностей и функционировании юридических лиц, которые не нарушают сложившейся системы взаимоотно-

шений и не затрудняют выполнение субъектами взаимных прав и обязанностей. При анализе общественных отношений, составляющих объект бандитизма, автор поддерживает точку зрения высказанную в литературе (Н. И. Загородников, Л. Г. Хулапова), что в силу особого характера и специфики способов охраны уголовным законом отношений по поводу жизни, они не охватываются объектом бандитизма. В работе также подвергается анализу механизм нарушения общественной безопасности и характер последствий бандитизма.

В заключение параграфа автор обосновывает мнение о необходимости уточнения места нормы о бандитизме в системе Особенной части уголовного кодекса. Более точным и соответствующим социально-политической сущности бандитизма было бы помещение этой нормы в главу, объединяющую преступления по признаку единого родового объекта — общественной безопасности. При этом диссертант исходит из следующих соображений: а) Отношения общественной безопасности носят иной характер и назначение нежели отношения, составляющие государственный и общественный строй, которые являются объектом особо опасных государственных преступлений; б) В настоящее время бандитизм носит общеуголовный характер, и в качественном и в количественном отношении существенным образом отличается от того бандитизма, который имел место в 20–30 годы; в) В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством следствие по государственным преступлениям, опасность которых заключается в том, что они затрагивают государственные устои, ведет специальный органкомитет государственной безопасности. Предварительное расследование по делам о бандитизме находится в ведении органов прокуратуры; г) Следует принимать во внимание и практику правосудия других социалистических стран. В законодательстве некоторых стран (ст.276 УК ПНР, ст.321 УК БНР, §216 УК ГДР) предусмотрена норма о сходных с бандитизмом преступлениях. Эта норма помещается в главе о преступлениях против общественного порядка или спокойствия.

В §2 рассматриваются признаки объективной стороны бандитизма. Отмечается, что основными признаками этого преступления, существенно влияющими на степень его общественной опасности являются банда и вооруженность. Автор

определяет банду как устойчивую сплоченную группу из двух или более лиц, объединившихся для совместной преступной деятельности по совершению одного или нескольких преступлений. Качественным признаком банда, отграничивающим её от менее опасных форм соучастия, является устойчивость преступных форм связи и сплоченность соучастников. Выделяя в нормах Особенной части некоторые случаи совершения общественно опасных деяний преступным сообществом, законодатель в соответствии с направленностью и характером таких деяний указывает на специфические признаки этих преступлений. В бандитизме помимо банды специфическими признаками состава являются вооруженность и специальная цель. Об этом свидетельствует текстуальный анализ закона. Одновременно автор считает, что преступное сообщество может создаваться и с целью совершения иных, прямо не указанных в статьях Особенной части УК, преступлений. Такие случаи в судебной практике имеют место при хищениях, спекуляции и других преступлениях. В этой связи диссертант считает более верной позицию УК РСФСР 1926 г., который предусматривал в качестве отягчающего обстоятельства совершение преступления группой или бандой, под которой понималось преступное сообщество. На основе анализа судебной практики автор определяет устойчивость как специфическую черту преступного сообщества, выражающуюся в наличии постоянных форм связи между его членами и специфических методах деятельности по подготовке или совершению одного или нескольких преступлений. Сплоченность является социально-психологической характеристикой, выражающей единство членов банды в деятельности по достижению поставленных преступных целей.

Оружие, имеющееся у членов банды, по своему характеру должно быть таким, как это предусмотрено в ст.218 УК РСФСР, т. е. оружие в тесном смысле слова, а также гладкоствольное охотничье оружие. В работе отмечается, что иное толкование признака вооруженности может привести к необоснованному расширению бандитизма. Изложенное мнение находит подтверждение и в судебной практике. Из изученных уголовных дел более 92% банд имели огнестрельное оружие в смысле ст. 218 УК, в том числе 72% — нарезное автоматическое, а 8% банд — холодное оружие.

Отмечается, что для наличия в действиях виновных состава ст.77 не требуется, чтобы оружие применялось при нападениях.

При анализе форм бандитизма, предусмотренных в законе, автор поддерживает мнение тех советских авторов, которые полагают, что бандитизм будет оконченным о момента создания банды. Иное решение, во-первых, противоречит результатам сопоставительного анализа ст.ст.72 и 77 УК, а во-вторых, может привести к выведению признака вооруженности за пределы состава бандитизма. Первоначальной задачей организаторов банды может ставиться не приобретение оружия, а совершение иных организационных действий: подыскание сообщников, выбор объектов нападений и т. д. Однако такие действия нельзя признавать оконченным преступлением, поскольку это означало бы необязательность наличия оружия, что прямо противоречит закону. Деятельность, направленная на создание банды, либо даже создание банды, но при отсутствии оружия представляет собой покушение на бандитизм, ибо конечный результат — создание вооруженной банды — не достигнуто.

Организация вооруженной банды как форма бандитизма в судебной практике практически не встречается. Как правило, деятельность банд пресекается уже на стадиях совершения нападений. Основной формой бандитизма является участие, в банде. Рассматривая указанную форму, диссертант считает, что одного лишь согласия лица на выполнения поручений банды для признания бандитизма оконченным преступлением недостаточно. Необходимо, чтобы лицо подтвердило свое согласие практическим участием в деятельности банды. Редко встречается в судебной практике и такая форма бандитизма как участие лица, не являющегося членом банды, в совершаемых бандой нападениях (1% от общего числа лиц).

При установлении содержания понятия нападение, употребленного в диспозиции ст. 77 УК, автор полагает, что его нельзя отождествлять с насилием. Насилие является существенной составной частью нападения, но не исчерпывает его содержания. Нападение — это создание опасного состояния, в пространственных и временных границах которого сохраняется угроза применения насилия к неопределённому кругу лиц. При бандитизме нападение представляет собой разновидность общепаспортного способа, учтенного

законодателем в качестве обязательного признака состава этого преступления.

Подвергая анализу субъективную сторону бандитизма, автор отмечает, что интеллектуальная и волевая сферы психики членов банды имеют более широкие пределы нежели у индивидуально действующих лиц. Такое положение обусловлено тем, что сознанием и волей члена банды должны охватываться обстоятельства, относящиеся не только к собственному деянию, но и к действиям других членов банды. В противном случае соучастия, а следовательно и банды, быть не может. Для квалификации по ст. 77 необходимо, чтобы осознанием и волей виновного охватывались объективные и субъективные признаки, предусмотренные нормой о бандитизме. Исходя из указания в законе на специальную цель преступления, автор полагает, что нет никаких оснований подвергать сомнению общепринятую в теории и практике точку зрения о совершении бандитизма с прямым умыслом. В работе отмечается, что в силу особой опасности способа совершения рассматриваемого преступления законодатель признает бандитизм оконченным преступлением с момента создания устойчивой вооруженной группы с целью совершения нападений. Фактические цели, с которыми могут действовать члены банд, находятся за пределами состава бандитизма. В настоящее время банды создаются либо только с корыстными целями (95% банд), либо корыстные цели являются основными. При установлении пределов и объема ответственности членов банд за совершенные бандой преступления, автор считает, что общность умысла и цели не отменяет необходимости учета в рамках деятельности банды различного положения и различной активности ее членов. Члену банды должны вменяться в вину только те эпизоды или преступления, в которых данное лицо в той или иной форме принимало участие в качестве соучастника.

При уголовно-правовой характеристике субъекта следует исходить из положений ст.ст.10 и 17 УК РСФСР, в соответствии с которыми ответственность за бандитизм возможна лишь при условии, если два субъекта отвечают изложенным в этих статьях требованиям: быть вменяемым и достигнуть возраста 16 лет. Попытка организовать банду с лицами, не отвечающими требованиям закона, может расцениваться только как покушение на бандитизм. В связи с этим

подвергается критике концепция, встречающаяся в литературе и судебной практике, согласно которой группа как форма соучастия — квалифицирующий признак, — может состоять из двух лиц, одно из которых не отвечает требованиям, предъявляемым к субъекту преступления. Поскольку в преступном сообществе возможно как соисполнительство так и разделение ролей, а уголовный закон иных ограничений не содержит, — в работе выражается несогласие с теми авторами, которые полагают, что организация из двух лиц может быть признана бандой только в том случае, если предварительным соглашением установлено непосредственное участие обоих лиц и нападения⁸.

В настоящее время банды представляют собой небольшие устойчивые группы на 60–70% состоящие из 2–6 человек. В качестве организаторов банд большей частью выступает одно лицо (60% банд), эти же лица чаще всего являются и организаторами совершаемых нападений. На основе анализа предшествующего поведения виновных и обстоятельств совершенных преступлений, автор приходит к выводу о наличии у лиц, совершивших бандитизм, стойкой антиобщественной направленности личности. Об этом в частности свидетельствуют следующие данные: 36,7% осужденных за бандитизм до совершения преступления нигде не работали, 38,1% — вели антиобщественный образ жизни, в том числе совершали другие преступления, а 49,1% имели не погашенные или не снятые судимости. По характеру прежних судимостей распределение было следующим: 29,6% лиц осуждались за посягательство на личную собственность, 20,5% — на собственность и личность, 12,5% — на социалистическую собственность, 11,4% — на общественную безопасность, 9,3% — на социалистическую и личную собственность, 6,8% — на личность и 9,1% — на иные отношения.

Наиболее криминогенный возраст у организаторов банд — 30–33 года (25,2% от общего количества), а членов — 22–25 лет (23,4%). Средний возраст организаторов 32 года, что на 4 года выше нежели у членов. Более 43% осужденных за бандитизм состояли в браке.

В последнем параграфе данной главы рассматриваются вопросы квалификации бандитизма и, в частности при совершении бандой преступле-

ний, предусмотренных ст. 102, 93¹, ч. 4 ст. 117 УК РСФСР. На основе сравнительного анализа признаков составов указанных преступлений и предусмотренных за них санкций, предлагается указанные преступления, совершенные вооруженной бандой, квалифицировать по совокупности ст. 77 и соответствующим статьям уголовного закона.

Третья глава посвящена рассмотрению вопросов борьбы с бандитизмом. В §1 «Назначение наказания» анализируется практика назначения наказания за бандитизм, а также рассматриваются вопросы эффективности мер наказания, предусмотренных в санкции ст. 77 УК и применяемых судами. В соответствии с общими началами назначения наказания при определении конкретной меры суды должны учитывать характер и степень общественной опасности деяния, личность виновного, обстоятельства отягчающие и смягчающие ответственность. Важность и ценность объекта бандитизма, опасность возможных последствий и способа их причинения обуславливает то обстоятельство, что законодатель тройко подчеркивает особую опасность бандитизма: во-первых, признает его тяжким преступлением (ст. 7¹ Основ), во-вторых, относит его к государственным преступлениям (ст. 14 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления) и, в-третьих, считает его оконченным преступлением с момента организации вооруженной банды. Определяя степень общественной опасности бандитизма, суды принимают во внимание тяжесть наступивших последствий, способ, мотивы, характер и степень участия лица и другие обстоятельства. Например, смертная казнь организаторам назначалась в 3,5 раза, а лишение свободы сроком до 15 лет — в 1,5 раза чаще нежели членам банд.

Особую роль в назначении целесообразной и справедливой меры наказания играет социальная характеристика виновного. Социально-демографические признаки, социальные роли в обществе и нравственно-психологические качества позволяют выяснить в какой мере содеянное отражает нравственную сущность виновного и чем она обусловлена. Рассматривая эти признаки, диссертант считает необходимым учитывать в качестве одного из них прежнюю судимость лица, независимо от того погашена она или нет. Совершение после осуждения нового преступления в любом случае влияет на степень общественной опасности

⁸ См., например, Государственные преступления, Под редакцией М. И. Якубовича и В. А. Владимирова, М., 1961, с. 135.

лица и является одним из показателей антиобщественной направленности личности и её стойкости. Данная точка зрения находит подтверждение и в судебной практике. Так, с учетом легального рецидива смертная казнь была назначена 21 организатору и 7 членам, а при фактическом рецидиве — соответственно 24 и 12 лицам.

Анализируя смягчающие и отягчающие обстоятельства и их влияние на ответственность, автор присоединяется к тем ученым (Г. А. Кригер, А. П. Чугаев), которые считают необходимым учитывать при назначении наказания степень выраженности тех признаков, которые уже предусмотрены законодателем в качестве обязательных признаков состава преступления, в частности выраженность признаков банды, вооруженности, способа.

Обращаясь к мерам наказания, предусмотренным за бандитизм, автор отмечает достаточно высокую эффективность применяемых мер, о чем свидетельствует в частности тот факт, что специальный рецидив по изученным делам составляет менее 0,5%. На основе анализа практики назначения наказания за бандитизм делается вывод, что карательная политика за совершение этих преступлений в целом соответствует тенденции развития советского уголовного права. Лицам, действия которых повлекли тяжкие последствия или совершившим в составе банды тяжкие преступления, суды назначают суровое наказание вплоть до смертной казни. Напротив, лицам, которые не играли существенной роли в банде или действия которых не были сопряжены с тяжкими последствиями, суды находят возможным назначать относительно невысокие сроки лишения свободы.

По изученной практике смертная казнь за бандитизм в настоящее время назначается исключительно в случаях, когда действия банд сопряжены с причинением смерти одному или нескольким лицам. С учетом этого обстоятельства, а также принимая во внимание исключительный характер

смертной казни диссертант полагает возможным исключить из санкции ст. 77 УК РСФСР смертную казнь. Эта мера наказания предусмотрена в санкции статьи об убийстве и при бандитизме, сопряженном с убийством, в необходимых случаях она может быть применена к лицам, виновным в их совершении.

В заключительном параграфе рассматриваются вопросы профилактики бандитизма. Отмечается, что важной предпосылкой борьбы с бандитизмом является искоренение таких негативных явлений как тунеядство, пьянство, паразитизм. Подчеркивается значение борьбы с незаконным владением и пользованием оружием. Намечаются конкретные предложения по совершенствованию деятельности органов, осуществляющих профилактику.

В заключении формулируются основные выводы, полученные в результате исследования, и в частности конкретные предложения по совершенствованию действующего законодательства и практики его применения, а также улучшению деятельности правоохранительных органов.

Основные положения диссертации нашли свое отражение в четырех опубликованных работах:

1. Преступные последствия при хищении социалистического имущества, в кн: XXV съезд КПСС и вопросы государства и права. М., 1982, с. 130–136.

2. К вопросу об общественной опасности бандитизма. — в кн: Тезисы докладов на теоретической конференции аспирантов Института государства и права АН СССР и юридического факультета МГУ. М., 1982, с. 148–149.

3. Место преступной организации в системе соучастия. в кн: Тезисы докладов на теоретической конференции аспирантов Института государства и права АН СССР и юридического факультета МГУ. М., 1983, с. 127–128.

4. К вопросу об объекте бандитизма. — в кн: Совершенствование уголовно-правовой борьбы с преступностью. Вильнюс, 1983, с. 18–19.

AUTOREFERATE

MOSKAUER LENIN-ORDEN, ROTBANNERORDEN DER ARBEIT UND ORDEN DER
OKTOBERREVOLUTION STAATLICHE LOMONOSOW-UNIVERSITÄT

FAKULTÄT FÜR RECHTSWISSENSCHAFTEN

STRAFRECHTLICHE HAFTUNG FÜR RÜCKSICHTSLOSES VORGEHEN

KOMISSAROV Wladimir Sergejewitsch

UDK 343341 (47 +57)

Fachrichtung 12.00.08 — Strafrecht und Kriminologie;
Zwangsarbeitsrecht

Autoreferat der
Dissertation für den Grad
des Kandidaten der Rechtswissenschaften

Moskau — 1983

Die Arbeit wurde an der Fakultät des Moskauer Lenin-Ordens, Rotbannerordens der Arbeit und Ordens der Oktoberrevolution der Staatlichen Lomonosow-Universität durchgeführt.

Wissenschaftlicher Betreuer —
Doktor der Rechtswissenschaften, Professor G.A. Krieger.

Ofizielle Opponenten:
Doktor der Rechtswissenschaften, Professor L.D. Lauchman,
Kandidat der Rechtswissenschaften V.V. Eraksin

Die führende Organisation — Allsowjetisches wissenschaftliches Forschungsinstitut der sowjetischen Gesetzgebung.

Die Verteidigung wird stattfinden “ ____ „ _____ 198__ um Uhr an der Sitzung des fachbezogenen strafrechtlichen Rates (K-053.05.33) an der Moskauer Staatlichen Lomonosow-Universität (117234, Moskau, W-234, Leninberge, Moskauer Staatliche Universität, 1. Gehäuse der Fakultäten für Geisteswissenschaften, Fakultät für Rechtswissenschaften)
Über die Arbeit kann man sich in der Bibliothek der Fakultät für Rechtswissenschaften der Moskauer Staatlichen Universität informieren.
Autoreferat wurde gesendet “ ____ „ _____ 198__

Wissenschaftlicher Sekretär
des fachbezogenen Rates
Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent

D.P. Potaschnik

Die Aktualität der Forschung: Im Zusammenhang mit der Lösung der großen Herausforderungen des Aufbaus einer kommunistischen Gesellschaft steigt in unserem Land die Rolle einer Gesetzregelung der gesetzlichen Beziehungen, eine umfassende Stärkung des sozialistischen Rechts und Ordnung. Notwendiger Bestandteil der Erziehung und Menschenformung der Ausbildung der kommunistischen Gesellschaft ist die Beseitigung in unserer Gesellschaft aller möglichen auftretenden negativen Erscheinungen, einschließlich Straftaten. Die Fragen über die Bekämpfung von Straftaten stehen ständig im Blickfeld der sowjetischen Parteien- und Regierungsorganen¹.

Im Erfüllungsbericht des Zentralkomitees der Kommunistischen Partei der Sowjetunion für den XXVI. Parteitag wurde es seitens der KPdSU besonders betont, dass die Arbeit der Strafverfolgungsbehörden so effizient wie möglich sein muss, damit jedes Verbrechen untersucht wird und die Schuldigen bestraft werden². Das im Juli 1983 durchgeführte Plenum des ZKs der KPdSU wurde den Fragen der ideologischen und massenpolitischen Arbeit gewidmet. Im Plenum hieß es, dass: „Bildung eines neuen Menschen ist untrennbar mit dem energischsten Kampf gegen Trunkenheit, Roheitsdelikt und Müßiggang, Spekulation und Diebstahl des sozialistischen Eigentums, Bestechung und Gier“³.

Die Ursachen vieler negativen sozialen Phänomene, einschließlich der Kriminalität wurzeln nicht nur in den Spuren der Vergangenheit in den Köpfen und im Verhalten der Menschen, sondern auch

in den objektiven Schwierigkeiten der Entwicklung der sozialistischen Gesellschaft, in der ungenügenden pädagogischen und organisatorischen Arbeit der Partei- und Regierungsorganen.

Die erfolgreiche wirksame Beseitigungsarbeit der Umstände, die das Verbrechen determinieren, ist nur dann möglich, wenn die integrierte Nutzung der wirtschaftlichen, organisatorischen und rechtlichen Maßnahmen erfolgt⁴. Unter den rechtlichen Mitteln nimmt das Strafrecht und die Praxis der Anwendung durch die Strafverfolgungsbehörden eine wichtige Rolle neben der Entwicklung und Anwendung von Präventionsmaßnahmen.

Das vom XXVI. Parteitag der KPdSU geplante umfangreiche Programm der sozio-ökonomischen und kulturellen Entwicklung unserer Gesellschaft ist an die Verbesserung der Wohlfahrt der sowjetischen Menschen gerichtet. Unter diesen Bedingungen werden besonders die Handlungen intolerant, die eine Gefährdung für das Wertvollste in einer sozialistischen Gesellschaft — das Leben einer Person darstellen. Besonders gefährlich für den Sowjetstaat sind die gewaltsamen Angriffe, die stabile und geschlossene Gruppen mit Waffen verüben.

Im Laufe der bewaffneten Angriffe auf staatliche und öffentliche Institutionen sowie Organisationen und Personen werden Schäden an ein breites Spektrum von sozialistischen gesellschaftlichen Beziehungen gefährdet oder verursacht. Die Vollständigkeit und die freie Ausübung der verfassungsmäßigen Rechte und Freiheiten der Bürger, Sicherheit der Person und des Eigentums, normale Tätigkeit der staatlichen Organe und Behörden sind weitgehend abhängig von der Wirksamkeit des Kampfes gegen gefährliche Übergriffe, der rechtzeitigen Erkennung

1 siehe. Beschluß des ZKs der KPdSU vom 2. August 1979 „Über die Verbesserung der Arbeit der Polizei und die Stärkung des Kampfes gegen Straftaten“. Kommunist, Nr. 14, 1979, S.3-6.

2 Materialien des XXVI. Parteitages der KPdSU. Moskau, Politizdat 1981, S.65.

3 Aktuelle Themen der ideologischen und massenpolitischen Parteiarbeit. Materialausschuss des Plenums der Kommunistischen Partei. — M: Politizdat, 1983, S.38.

4 Siehe. Aktuelle Fragen der ideologischen..... S.36.

und Unterdrückung der Aktivitäten der stabilen Formationen mit kriminellen Zielen.

Der Analyse der Bandenkriminalität und ihrer Beseitigung in der modernen Rechtsliteratur wird zu Unrecht wenig Aufmerksamkeit geschenkt. Diese Situation kann nur dadurch erklärt werden, dass in der Praxis der Strafverfolgungsbehörden die Bandenkriminalität sehr selten vorkommt. Allerdings ist ihre Gefahr so groß, dass ein starker und konsequenter Kampf mit dieser Art der kriminellen Aktivität von großer Bedeutung ist. Die durchgeführte Studie zeigt, dass gerichtliche Untersuchungsbehörden auf besondere Schwierigkeiten stoßen, die aufgrund der Komplexität des Bestandteils der Bandenkriminalität, als auch der Notwendigkeit der sorgfältigen Abgrenzung von anderen verwandten Verbindungen begrenzt werden. Die wenigen Studien, in denen der Bestandteil der Bandenkriminalität der rechtlichen Analyse unterzogen wurde, wurden Anfang der 60er Jahren veröffentlicht. Eine neuere Forschung in dieser Richtung war die im Jahre 1972 verteidigte Doktorarbeit von L.G. Hulapova, die der Geschichte der strafrechtlichen Bekämpfung der Bandenkriminalität in der turkmenischen SSR gewidmet wurde.

In den folgenden Jahren, mit Ausnahme der Schulbücher, wurde der Bestandteil der Bandenkriminalität in anderen Quellen der Analyse nicht unterzogen. Gleichzeitig zeigt die Studie der Gerichtspraxis, dass viele Fragen der Qualifikation dieses Verbrechens eine einheitliche Lösung noch nicht erhalten haben. Zum Beispiel eine unter 47 Gerichtsbeamten durchgeführte Umfrage ergab, dass die Hälfte von ihnen eine Bande als organisierte Gruppe identifiziert.

Erhebliche Schwierigkeiten in der Theorie und Praxis ergeben sich in der Definition von solchen Funktionen, wie Stabilität der Beziehungen und Solidarität der Komplizen, Bewaffnung der Bandenmitglieder und anderer. Das Subjekt der Bandenkriminalität wurde praktisch nicht der Analyse unterzogen, was wichtig für die Ursachen und Bedingungen der Begehung von Banditenangriffen und die Entwicklung von Maßnahmen der Prävention ist. Natürlich sind alle diese Umstände nicht förderlich für eine effektive und effiziente Kontrolle mit diesem in der Gerichtspraxis auftretenden gefährlichen Verbrechen. Nach Ansicht des Dissertanten bedingt die Gesamtheit der dargestellten Momente die Ursachen und Relevanz des gewählten Themas.

Zweck und Ziele der Forschung: Das Hauptziel der Dissertationsarbeit besteht darin, die Wirksam-

keit des Kampfes gegen die Bandenkriminalität auf der Grundlage einer umfassenden Studie des Strafrechts und kriminologischer Aspekte dieses Problems zu finden. Dementsprechend wurden folgende Ziele gesetzt: 1) die bestehende Gesetzgebung und Praxis der Strafverfolgungsbehörden studieren. 2) nicht nur eine rechtliche Analyse der Bandenkriminalität liefern, sondern auch ihren gesellschaftspolitischen Kern im historischen Aspekt und unter modernen Bedingungen zeigen. 3) konkrete Vorschläge zur Verbesserung der bestehenden Rechtsvorschriften und die Verbesserung der Rechtsschutzorgane formulieren sowie die Entwicklung von Präventionsmaßnahmen gegen Bandenkriminalität vorschlagen.

Zur methodologischen und methodischen Grundlage dieser Arbeit gehören die Position des dialektischen und historischen Materialismus, die Werke der Klassiker des Marxismus-Leninismus, wo die Fragen der Bekämpfung der Kriminalität beleuchtet werden, politische Dokumente und Beschlüsse der Parteitage und Plenen des ZKs, Bestimmungen der Verfassung der UdSSR, die zu den untersuchten Probleme gehören. Beim Schreiben der Dissertation hat der Autor sowie die traditionellen Methoden der logisch-juristischen und kriminologischen Natur, als auch die speziellen Methoden des Wissens verwendet, u.a. historische, system-strukturelle, rechtsvergleichende und speziell-soziologische. Das Thema wurde auf der Grundlage der aktuellen allsowjetischen und republikanischen Gesetzgebung entwickelt, der Richtlinien der Obersten Gerichte der UdSSR und der RSFSR.

Zu der wissenschaftlichen und theoretischen Grundlage der Arbeit gehört die Sowjetische Sozialistische Theorie des Strafrechtes und Kriminologie. Bei der Begründung der Schlussfolgerungen und Empfehlungen, die in der Arbeit vorkommen, wurden vom Autor folgende Arbeiten benutzt M.I. Bloom, R.R. Galiakbarov, L.D. Gauchmann, V.K. Glistin, P.F. Grishanin, P.I. Grishaev, P.S. Dageļ, U.S. Dzhekebaev, M.P. Karpushin, G.A. Krieger, V.N. Kudryavtsev, B.A. Kurinov, N.F. Kuznetsova, V.D. Menschagin, A.V. Naumov, A.A. Piontkovskiy, E.A. Smirnov, A.N. Trainin, P.I. Telnov, D.O. Khan-Magomedov und andere. In der Arbeit wurde auch die Literatur über Sozialpsychologie und Soziologie verwendet sowie unveröffentlichte Materialien der Dissertationen.

Zur praktischen Basis der Arbeit gehören die Materialien über 210 Personen, die Raubüberfälle in 41 Kriminalfällen über Bandenkriminalität begingen, sowie die Analyse von 60 Raubüberfällen auf dem

Territorium Armeniens, Georgiens und der Kirgisischen SSR, den Autonomen Sozialistischen Sowjetrepubliken Dagestan, Nordossetien und Tschetschenen und Inguschen, Krasnodarer und Stavropoler Region, Rostower Gebietes für den Zeitraum von 1960 bis einschließlich 1982. Um die Meinungen der Gerichtsangestellten zu prüfen, wurde ein Fragebogen erarbeitet und damit 47 Richter der regionalen und nationalen Ebene interviewet. Zu der Informationsbasis gehören die veröffentlichte Gerichtspraxis der obersten Gerichtshöfe der UdSSR und der RSFSR für den Zeitraum von 1920 bis 1960, Plenen der Obersten Gerichte der UdSSR und der RSFSR auf andere Kategorien von Straftaten.

Wissenschaftliche Neuheit der Arbeit besteht in erster Linie in der Tatsache, dass diese Arbeit der erste in der Sowjetischen strafrechtlichen Literatur Versuch einer umfassenden Überprüfung der Haftungsfragen für Bandenkriminalität war. Die Dissertation behandelt eine Reihe von strittigen Fragen gegen die geltenden Rechtsvorschriften, die Qualifikationen der Bandenkriminalität, die einige Schwierigkeiten und Fehler in der gerichtlichen Praxis bewirken. Basierend auf der Studie von theoretischen Fragen und gerichtlicher Praxis werden in der Arbeit folgende Momente ausgegliedert, die die Neuheit der Dissertation darstellen, und vom Autor zur Verteidigung hervorgebracht:

I. Es wird vorgeschlagen, als gattungsmäßiges Objekt der Bandenkriminalität die Grundlagen der öffentlichen Sicherheit zu untersuchen, die als eine Reihe von sozialen Beziehungen verstanden werden, als sichere Bedingungen für das Funktionieren der sowjetischen Gesellschaft für die Durchführung der Aufgaben des kommunistischen Aufbaus. Seinem Inhalt nach ist der Bereich der öffentlichen Sicherheit ein System von sozialen Beziehungen, die vom Staat geschützt werden, für die Bereitstellung und Aufrechterhaltung der öffentlichen Ordnung und des Friedens, die notwendigen Arbeitsbedingungen und Ruhe der Bürger, persönliche Unantastbarkeit, sozialistisches und persönliches Eigentum, das normale Funktionieren des Staates und der öffentlichen Institutionen und Organisationen sorgen.

2. Abgesehen von unterschiedlichen Arten der Beziehungen der sozialen Sicherheit und der Beziehungen, die das politische und gesellschaftliche System der UdSSR bilden, die als Gegenstand zu den besonders gefährlichen Verbrechen gegen den Staat zählen, wird ein Beweis geführt über die Notwen-

digkeit, den Ort der Bandenkriminalität im System des Strafgesetzbuches zu klären. 3. Eine Bande wird als eine Art von krimineller Gemeinschaft behandelt, ein bestimmtes Zeichen derer die Stabilität der kriminellen Verbindungen und den Zusammenhalt der Komplizen ist. Der Inhalt der Stabilität und die Möglichkeiten seiner Äußerung in der Bande werden analysiert, zeigt die Inhalte anderer Vitalzeichen und Bandenkriminalität gezeigt: Bewaffnung, Methoden des Verbrechens Ziele. 4. Gemäß dem Prinzip der individuellen Verantwortung für das Handeln werden die Grenzen und der Umfang der Verantwortung der Bandenmitglieder für das begangene Verbrechen in einer Bande festgesetzt, die psychologische und rechtliche Schuld der Beteiligten während einer Bandentat erforscht. 5. Basierend auf der Forschung wird in der Literatur zum ersten Mal die strafrechtliche und kriminologische Charakteristik von Personen angegeben, die das Verbrechen begangen haben, und es wird anhaltende antisoziale Persönlichkeitsorientierung der Banditen bezeichnet. 6. Aufgrund einer vergleichenden Analyse der bestehenden Rechtsvorschriften werden die Vorschläge für die Qualifikation eines vorsätzlichen Mordes unter erschwerenden Umständen, Diebstahl vom Staat- und öffentlichen Eigentum in großem Maßstab und Vergewaltigung mit erschwerenden Umständen, die von einer Bande begangen wurden, gemeinsam mit Bandenkriminalität unter Beweis gestellt. 7. In der Arbeit werden ausführlich die Fragen der Verurteilung der Schuldigen, die in Bandenkriminalität schuldig sind, und die Wirksamkeit dieser Maßnahmen erforscht. Angesichts des außergewöhnlichen Charakters der Todesstrafe als Strafe und ihre Ernennung für Bandenkriminalität, wird die Unzweckmäßigkeit der Todesstrafe in der Sanktion gemäß Artikel 77 des Strafgesetzbuches der RSFSR festgesetzt.

8. Große Aufmerksamkeit in der Arbeit wird den Problemen der Prävention der Bandenkriminalität geschenkt. 9. Basierend auf der Analyse von Rechtsnormen und Praktiken der Arbeit des Organs für Rechtsfindung werden konkrete Vorschläge sowohl in der Verbesserung der bestehenden Rechtsvorschriften als auch in der Verbesserung der Arbeit der Strafverfolgungsbehörden formuliert.

Praktische Bedeutung der durchgeführten Studie: Daten und Schlussfolgerungen aus der Studie können zur Verbesserung der bestehenden Rechtsvorschriften über die Haftung für Bandenkriminalität verwendet werden. Einige der Empfehlungen und Anregungen,

die in der Dissertation behandelt werden, können im Prozess der Strafverfolgungsbehörden zur Bekämpfung der Kriminalität angewendet, bei der Vorbereitung der Vollversammlung der Obersten Gerichte der UdSSR und der RSFSR realisiert werden. Das entstehende kriminologische Material hat nicht nur eine praktische Bedeutung für den Strafausspruch, sondern auch für die Entwicklung und Umsetzung der staatlichen und öffentlichen Einrichtungen der Prävention der Bandenkriminalität. Darüber hinaus können einige der Materialien der Dissertation in der Vorbereitung der Lese- und speziellen Kurse des Strafrechtes eingesetzt werden.

Approbation der Forschungsergebnisse: Die Dissertation wurde am Lehrstuhl für Strafrecht der Moskauer Staatlichen Lomonosow-Universität vorbereitet. Der Lehrstuhl hat zweimal über die Dissertation diskutiert und die Begutachtung durchgeführt. Die theoretischen Grundpositionen wurden zweimal vom Autor auf gemeinsamen theoretischen Konferenzen der Aspiranten der Fakultät für Rechtswissenschaften der Moskauer Staatlichen Lomonosow-Universität und dem Institut für Staat und Recht der UdSSR berichtet, die 1982 und 1983 stattgefunden haben, wurden auch im Bildungsprozess an der Fakultät für Rechtswissenschaften verwendet. Die Forschungsergebnisse werden in den vier veröffentlichten Werken dargestellt.

Umfang und Struktur der Dissertation. Die Arbeit wird auf 184 Seiten in Maschinschrift mit der Beilage von 15 Tabellen dargestellt, die die Forschungsdaten enthalten, auf die in der Dissertation verwiesen wird, und enthält eine Bibliographie. Aufbau der Dissertation ist aufgrund der Ziele und Aufgaben der Studie bedingt. Die Arbeit besteht aus einer Einleitung, drei Kapiteln, Abschluss, Anhängen und Bibliographie.

INHALT DER ARBEIT

In der Einleitung wird die Aktualität und Wichtigkeit des Themas unter Beweis gestellt, werden die Aufgaben der Forschung, methodologische und methodische Grundlagen der Forschung bestimmt, die Neuheit der Studie erkannt und die Vorschläge formuliert, die vom Autor zur Verteidigung hervorgebracht werden, und auch die praktische Bedeutung der Ergebnisse gezeigt.

Das erste Kapitel ist der Geschichte des Strafrechts zur Bekämpfung der Bandenkriminalität

in der UdSSR für den Zeitraum 1917 — 1960 gewidmet. In § 1 „Allgemeine Soziale Eigenschaften und Dynamik von Bandenkriminalität für den Zeitraum 1917 — 1960“ wird der Zustand mit dem Kampf gegen Bandenkriminalität in der vorgegebenen Zeit untersucht, die sozialen Merkmale angegeben und die Ursprünge gezeigt, die Maßnahmen des Sowjetstaates getroffen, um Banditentum auszurotten. Es wird gezeigt, dass die Auflösung der alten Gesellschaft als Folge der Oktoberrevolution dazu führte, dass sich unter den Bedingungen des harten Klassenkampfes im Land kriminelle Aktivitäten der Klassenfeinde und deklassierten Elemente erhöhten. Einer der schwersten Verbrechen zu der Zeit war Bandenkriminalität.

Erhöhtes Risiko für Bandenkriminalität wurde durch mehrere Faktoren bedingt: a) sie trug oft einen konterrevolutionären Charakter, als eine Form des offenen Klassenkampfes; b) Bandenkriminalität stellte eine ernsthafte Bedrohung für die Grundlagen des jungen Sowjetstaates, denn er verletzte die Arbeit der Regierung und öffentlichen Einrichtungen, hat eine Unterbrechung in die Tätigkeit der Gesellschaft hervorgebracht und wurde oft mit der Gewalt gegen die Person beigeordnet; c) hatte eine erhebliche Verbreitung im Land.

Besondere Gefährdung der Bandenkriminalität hat den Sowjetstaat im Kampf mit ihr in den ersten fünf Jahren zu rauen und extremen Maßnahmen gezwungen, bis zur Einrichtung eines besonderen Gerichtsstandes für diese Kategorie von Verbrechen und der besonderen Art der Repression⁵. In der Arbeit wird auf ein Merkmal der Bandenkriminalität hingewiesen, als der Trend der Verstärkung in schweren Zeiten für den Sowjetstaat. In der Folgezeit trat eine solche Situation in der Zeit der Industrialisierung und Kollektivierung, als auch in Kriegs- und Nachkriegszeiten ein.

Zum Schluss dieses Abschnitts wird gezeigt, dass soziale Veränderungen und Reformen, die vom sowjetischen Staat veranlasst wurden, schließlich zu der Tatsache führten, dass am Anfang der 60er Jahre in der Rechtsprechung die Bandenkriminalität sehr selten vorkam. Einen Wandel erfuhr auch das soziale Wesen der Bandenkriminalität: sie begann als

⁵ siehe: Erlaß des Rates der Volkskommissare der Sowjetunion RSFSR vom 19. Februar 1920 „Über die Übergabe von Personen, die an Bandenkriminalität schuldig sind, dem Militärgericht der Revolutionstribunals.“ Untersuchungsverwaltung RSFSR, 1920, 311, Artikel 31; Dekret des Zentralen Exekutivkomitees vom 20. Juni 1919 „Von der Beschlagnahme der allgemeinen Zuständigkeit in den Bereichen der militärischen Anlagen.“ Untersuchungsverwaltung RSFSR 1919 Nr. 27, S. 301.

allgemeine Kriminalität zu gelten, weil die meisten Banden aus egoistischen Gründen erstellt wurden.

In § 2, „Analyse des Rechts, Theorie, Praxis“ werden zuvor geltende Gesetzgebung, ihre Durchsetzung und der Stand der wissenschaftlichen Forschung erforscht. Es wird darauf hingewiesen, dass im Allgemeinen die Definition von Bandenkriminalität mit der Verabschiedung der Verordnung über Staatsverbrechen im Jahre 1927 abgeschlossen wurde. Dabei ist das Strafgesetzbuch der RSFSR der Jahre 1922, 1926 und die Verordnungen des Jahres 1927, was die erhöhte öffentliche Gefahr der Bandenkriminalität darstellt, haben ihren Platz im System der staatlichen Verbrechen bestimmt. Diese Definition in Artikel 17 der Verordnung der Bandenkriminalität im Allgemeinen entsprach dem Kampf gegen diese gefährlichen Verbrechen und daher wurde nicht den Gesetzesänderungen bis zur Verabschiedung im Jahr 1958 des Gesetzes über die strafrechtliche Verantwortung für Verbrechen gegen den Staat unterzogen.

Jedoch bedingte der Mangel in den bestehenden Rechtsvorschriften der 20er Jahre und Nutzung der Analogie in einigen Fällen eine weite Auslegung der Zeichen der Bandenkriminalität, insbesondere die Konzepte der Bande und Bewaffnung⁶. Einige Schwierigkeiten in dieser Hinsicht traten bei der Festlegung der Grundzüge der Bande, was sein Wesen widerspiegelte. Die meisten Autoren und Rechtsprechung zählten zu der Besonderheit der Bande die Stabilität der kriminellen Verbindungen, verstanden als kriminelle Aktivität, ausgedrückt in mehreren Verbrechen.

Eine nicht ganz genaue Bestimmung der Beständigkeit in der Nachkriegszeit führte zu der Tatsache, dass einige Theoretiker und Rechtsprechung manchmal das nötige Merkmal für die Qualifizierung gemäß Artikel 59³ des Strafgesetzbuches der RSFSR verweigerten⁷. Bis Ende der 50er Jahre hat sich die Rechtsprechung im Verständnis der Beständigkeit stabilisiert. Für die Qualifizierung gemäß Artikel 59³ des Strafgesetzbuches der RSFSR mussten die Gerichte zu qualifizieren mussten die Existenz einer kriminellen Gruppe bestimmen, gekennzeichnet durch eine ständige Verbindung zwischen den kri-

minellen Komplizen und spezifischen Methoden der Aktivität unabhängig von der Anzahl der Straftaten.

Das zweite Kapitel ist der rechtlichen Analyse der Bandenkriminalität und Qualifikationsfragen gewidmet. Bei der Feststellung des Vorhabens der Bandenkriminalität geht der Dissertant von der im sowjetischen Strafrecht Meinung aus, dass das Vorhaben der Kriminaltat sozialistische gesellschaftliche Beziehungen sind, die vom Staat geschützt und unterstützt werden. Die Arbeit befürwortet die Position, dass das Stammesobjekt der Bandenkriminalität die Grundlagen der sozialen Sicherheit sind, die die Summe der Öffentlichkeitsarbeit darstellen, um sichere Bedingungen für das Funktionieren der sowjetischen Gesellschaft des kommunistischen Aufbaus zu gewährleisten. In seinem Inhalt ist die öffentliche Sicherheit ein System von Beziehungen, die zur Errichtung und Aufrechterhaltung der öffentlichen Ordnung und Ruhe, Privatsphäre und Eigentum, Gewährleistung der notwendigen Bedingungen von Arbeit und Freizeit der Bürger, normale Tätigkeit von staatlichen und öffentlichen Organisationen und Institutionen dienen, gewährleistet.

Ein direktes Objekt stellt die besondere Bedeutung oder eine Gruppe von miteinander verbundenen Beziehungen dar. Die Rechtsnatur der Bandenkriminalität, so der Autor, besteht darin, dass sie die Aktivitäten mit unterschiedlichen unmittelbaren Objekten des Missbrauchs und der Richtung verbindet, was zu einem qualitativ neuen Verbrechen führt. Angesichts dessen hat diese Bandenkriminalität auch ein neues Objekt, kompliziert in ihrem Inhalt und nicht auf einen seiner Bestandteile zurückführend. In der Untersuchung der Struktur des Objektes der Bandenkriminalität schließt sich der Dissertant denjenigen Rezensenten (N.A. Belyaev, V.K. Glistin) an, die glauben, dass das Objekt ein ganzheitliches System von miteinander verbundenen Elementen darstellt: Themen, Objektbeziehungen und Kommunikation zwischen den Beteiligten zu einem bestimmten Thema. Als Gegenstand der Bandenkriminalität sind sichere Bedingungen der Gesellschaft als geordnetes System von Beziehungen, die in der Gesellschaft existieren, durch das Gesetz und die Sicherstellung des erfolgreichen Funktionierens der Gesellschaft geregelt.

Das Wesen der gesellschaftlich nützlichen Kommunikation, an die sich die Bandenkriminalität in einer solchen Art und Weise das Verhalten von bestimmten Personen und das Funktionieren der juristischen Personen vergreift, die das etablierte System

6 Zusammenstellung der bestehenden Vorschriften und Direktiven des Obersten Gerichts UdSSR von 1924 bis 1944. Moskau, 1946, S.69.

7 siehe zum Beispiel P.F. Grischanin. Die Vorstellung von einer kriminellen Organisation und die Verantwortung der Teilnehmer vor dem sowjetischen Strafrecht, Dissertation, Moskau, 1951, S.4. Sammlung der Urteile des Obersten Gerichts der UdSSR, Moskau, 1952, Nr. 6, S. 3.

von Beziehungen nicht erschweren und die Umsetzung von Themen gegenseitiger Rechte und Pflichten verhindern. Bei der Analyse der sozialen Beziehungen, die das Objekt von Banditentum bilden, unterstützt der Autor die geäußerte Ansicht in der Literatur (N.I. Zagorodnikov, L.G. Hulapova), dass aufgrund der besonderen Natur und Spezifität der Methoden zum Schutz der strafrechtlichen Beziehungen über das Leben sie nicht vom Objekt der Bandenkriminalität abgedeckt werden. In der Arbeit wird auch der Mechanismus der öffentlichen Sicherheit und der Art der Auswirkungen von Banditentum analysiert.

Zum Schluss dieses Abschnitts begründet der Autor die Ansicht über die Notwendigkeit der Angaben der Normen der Bandenkriminalität im System des Besonderen Teils des Strafgesetzbuches. Die Platzierung dieser Norm in das Kapital, das die Kombination der Verbrechen als einziges Gattungsobjekt — die öffentliche Sicherheit verbindet, trägt das genaue und relevante sozio-politische Charakters der Bandenkriminalität. Zur gleichen Zeit basiert die Dissertation auf folgenden Überlegungen: a) die Beziehungen der öffentlichen Sicherheit sind anderer Natur und Funktion als die Beziehungen, welche die Staats- und Gesellschaftssysteme bilden, die Gegenstand von besonders gefährlichen Verbrechen gegen den Staat sind; b) derzeit ist Bandenkriminalität der allgemeinen kriminellen Natur, unterscheidet sich in qualitativer und quantitativer Beziehung im wesentlichen von der Bandenkriminalität, die in 20 bis 30 Jahren stattfand; c) in Übereinstimmung mit dem Strafprozessrecht wird das Staatsverbrechen, die Gefahr dessen besteht darin, dass sie die Landesstiftungen beeinflussen, vom besonderen Organ der Staatssicherheitskomitees behandelt. Die vorläufige Untersuchung der Fälle von Bandenkriminalität unterliegt der Staatsanwaltschaft; d) es ist auch die Praxis der Rechtssetzung der anderen sozialistischen Länder zu berücksichtigen. In der Gesetzgebung einiger Länder (Artikel 276 des Strafgesetzbuches der Polnischen Volksrepublik, Artikel 321 des Strafgesetzbuches der Ungarischen Volksrepublik, § 216 des Strafgesetzbuches der DDR) ist die Anforderung an ähnliche Verbrechen mit der Bandenkriminalität vorgesehen. Diese Regel befindet sich im Kapitel über die Straftaten gegen die öffentliche Ordnung oder die Ruhe.

In § 2 werden die Merkmale der objektiven Seite der Bandenkriminalität behandelt. Es wird festgestellt, dass die Hauptmerkmale dieses Verbrechens, die den Grad der öffentlichen Gefahr erheblich beein-

flussen, sind Banden und Bewaffnungen. Der Autor definiert eine Bande als eine stabile eng verbundene Gruppe von zwei oder mehreren Personen vereint für ein gemeinsames kriminelles Unternehmen, ein oder mehrere Verbrechen zu begehen. Ein qualitatives Merkmal, das die Bande von wenigen gefährlichen Formen der Mittäterschaften abgrenzt, ist die Stabilität der kriminellen Formen der Kommunikation und Zusammenhalt der Partner. Die in den Normen eines speziellen Abschnittes in einigen Fällen der Begehung einer sozial gefährlichen kriminellen Vereinigung aussondernd, verweist der Gesetzgeber in Übereinstimmung mit der Richtung und der Natur eines solchen Verhaltens auf die besonderen Merkmale dieser Verbrechen. Neben den Banden sind in der Bandenkriminalität die Besonderheiten der Bewaffnung und spezielles Ziel. Dies wird durch die Textanalyse des Gesetzes belegt. Gleichzeitig glaubt der Autor, dass die verbrecherische Vereinigung erstellt werden kann, um auch andere Verbrechen zu begehen, die nicht ausdrücklich in den Artikeln des Strafgesetzbuches angegeben sind.

Solche Fälle treten in der gerichtlichen Praxis als Unterschlagung, Spekulation und andere Verbrechen. In diesem Zusammenhang hält der Dissertant eine genauere Position des Strafgesetzbuches der RSFSR im Jahr 1926, das als erschwerenden Umstand die Verbrechen von einer Gruppe oder Bande vorgesehen hat, die als kriminelle Gemeinschaft verstanden wird. Basierend auf der Analyse der gerichtlichen Praxis definiert der Autor die Nachhaltigkeit als spezifisches Merkmal der verbrecherischen Vereinigung, ausgedrückt in Gegenwart von Dauerformen der Kommunikation zwischen den Mitgliedern und den spezifischen Methoden der Ausführung oder Begehung einer oder mehrerer Straftaten.

Der Zusammenhalt ist eine sozio-psychologische Eigenschaft, die die Einheit der Bandenmitglieder in die genannten zu erreichenden kriminellen Zwecke ausdrückt. Waffen, die im Besitz der Bandenmitglieder sind, müssen in ihrer Natur so sein, wie sie in Artikel 218 des Strafgesetzbuches der RSFSR vorgesehen sind, d.h. Waffe im engeren Sinne, als auch die glattrohrigen Jagdwaffen. In der Arbeit wird angegeben, dass die Umdeutung des Bewaffnungsmerkmals zu unbegründeter Ausweitung der Bandenkriminalität führen kann. Die angegebene Meinung wird in der Rechtsprechung bestätigt. Aus den Kriminalfällen hatten über 92% der Banden Schusswaffen im Sinne des Artikels 218 des Strafgesetzbuches, einschließ-

lich 72% — automatische Gewehre, und 8% der Banden — scharfe Waffen.

Es wird darauf hingewiesen, dass das Vorliegen in den Handlungen der Täter des Artikels 77 nicht verlangt, dass die Waffen bei den Anschlägen verwendet wurden. Bei der Analyse der Bandenkriminalitätsformen, die gesetzlich vorgesehen sind, unterstützt der Autor den Blick auf jene sowjetischen Schriftsteller, die glauben, dass Bandenkriminalität mit der Gründung der Bande vollzogen wird. Eine andere Entscheidung widerspricht zum ersten den Ergebnissen der vergleichenden Analyse Artikel 72 und 77 des Strafgesetzbuches, und zum zweiten kann es auf den Ausschluss des Merkmals der Bewaffnung außerhalb der Bandenkriminalität führen. Die Grundaufgabe der Organisatoren der Bande kann nicht die Übernahme von Waffen sein, sondern das Begehen von anderen organisatorischen Maßnahmen: Die Suche nach einem Komplizen, Auswahl der Angriffsobjekte usw.

Allerdings können solche Aktionen nicht als durchgeführte Verbrechen akzeptiert werden, da es das nicht Vorhandensein von Waffen bedeuten würde, was dem Gesetz direkt widerspricht. Aktivitäten, die auf die Bildung einer Bande oder auch auf Bande ohne Waffen ausgerichtet sind, stellen einen Versuch der Bandenkriminalität dar, da das Ergebnis — die Schaffung von *b e w a f f n e t e n B a n d e* — nicht erreicht wurde. Die Organisation der bewaffneten Bande als eine Form von Bandenkriminalität tritt in der Rechtsprechung praktisch nicht auf. Typischerweise wird die Aktivität der Bande bereits in der Phase der Angriffe unterdrückt. Die wichtigste Form der Bandenkriminalität ist die Beteiligung in einer Bande. Bei der Behandlung der angegebenen Form, glaubt der Dissertant, ist es nicht genug, eine bloße Zustimmung der Person für die Auftrags Erfüllung als Anerkennung der Bandenkriminalität abzugeben.

Es ist notwendig, dass die Person ihre Zustimmung mit praktischer Teilnahme in der Bande bestätigte. Selten in der Gerichtspraxis kann man eine Form von Bandenkriminalität treffen als einer Person, die nicht der Bande angehört und in den von der Bande ausübten Angriffen nicht teilnimmt (1% der Gesamtzahl der Personen). Bei der Festlegung des Begriffs Angriff, der in der Disposition von Artikel 77 des Strafgesetzbuches verbraucht wird, glaubt der Autor, dass es nicht mit Gewalt gleichgesetzt werden kann. Gewalt ist ein wesentlicher Teil des Angriffs, erschöpft aber nicht seinen Inhalt. Angriff ist die Schaffung von einem gefährlichen Zustand, in räum-

lichen und zeitlichen Grenzen dessen die Androhung von Gewalt an die Öffentlichkeit geschützt wird. Bei der Bandenkriminalität stellt der Angriff eine Art gefährliche Methode, die der Gesetzgeber als obligatorisches Merkmal dieser Straftat betrachtet. Bei der Analyse der subjektiven Seite der Bandenkriminalität stellt der Autor fest, dass der geistige und mentale Bereich der Psyche der Bandenmitglieder breitere Grenzen hat als bei einzelnen Personen.

Diese Situation ist aufgrund der Tatsache bedingt, dass das Bewusstsein und der Wille eines Bandenmitgliedes nicht nur für seine eigenen Handlungen verantwortlich sind, sondern auch für die Aktionen der anderen Mitglieder der Bande. Ansonsten können die Mitschuld und die Bande insgesamt nicht existieren. Für die Qualifizierung gemäß Artikel 77 ist es erforderlich, dass das Wissen und der Wille des Täters die objektiven und subjektiven Symptome gedeckt werden, die der Norm der Bandenkriminalität vorgesehen sind. Auf der Grundlage der Leitlinien im Gesetz über das spezielle Ziel der Straftat, glaubt der Autor, dass es keinen Grund gibt, an der herkömmlichen Theorie und Praxis der Sicht von Bandenkriminalität mit direktem Vorsatz zu zweifeln. In der Arbeit wird festgestellt, dass aufgrund der besonderen Gefahr des Verfahrens der Gesetzgeber die Begehung der Straftaten der Bandenkriminalität als abgeschlossene Straftat seit der Bildung einer stabilen bewaffneten Gruppe um Anschläge zu verüben, erkennt. Die tatsächlichen Ziele, mit denen die Bandenmitglieder handeln können, sind außerhalb der Bandenkriminalität. Derzeit werden die Banden entweder nur aus egoistischen Gründen (95% der Banden) oder aus selbstsüchtigen Motiven gegründet. Bei der Einstellung der Grenzen und des Umfangs der Verantwortung für die Bandenmitglieder für die begangenen Verbrechen, glaubt der Autor, dass der Sinn und Zweck der Gemeinschaft nicht die Notwendigkeit löst, im Rahmen der Bandenaktivität in den unterschiedlichen Positionen und verschiedenen Aktivitäten seiner Mitglieder anzusprechen. Dem Mitglied der Bande sollten nur solche Szenen oder Kriminalität als Schuld angerechnet sein, in denen die Person in einer oder anderer Weise als Mittäter, teilnahm.

Bei der strafrechtlichen Charakteristik des Subjekten sollte man sich von Merkmalen der Bestimmungen Artikel 10 und 17 des Strafgesetzbuches der RSFSR ausgehen, aufgrund denen die Verantwortung für Bandenkriminalität nur unter der Bedingung möglich ist, wenn zwei Personen den genannten Anforderungen in diesen Artikeln entsprechen:

zurechnungsfähig sein und das Alter von 16 Jahren erreichen. Der Versuch, eine Bande von Personen zu gründen, die nicht den Anforderungen des Gesetzes entspricht, kann nur als Versuch des Angriffs auf Bandenkriminalität angesehen werden. In diesem Zusammenhang wird das Konzept kritisiert, das in der Literatur und der Rechtsprechung zu finden ist, dementsprechend kann die Gruppe als eine Form der Komplizenschaft — erschwerendes Merkmal — aus zwei Personen, eine von denen die Anforderungen, die dem Subjekten einer Straftat eingebracht sind, für das Thema Straftat nicht erfüllt.

Da es in der verbrecherischen Vereinigung sowohl die Nebentäterschaft als auch die Rollenverteilung möglich ist, und das Strafrecht keine anderen Beschränkungen enthält — wird in der Arbeit mit jenen Autoren dissentiert, die glauben, dass die Organisation aus zwei Personen kann nur dann als Bande erkannt werden, wenn die vorläufige Vereinbarung die direkte Einbeziehung der beiden Personen und Angriffe darlegt⁸.

Derzeit stellen Banden kleine stabile Gruppen von 60-70% dar, bestehend aus 2–6 Personen. Als Veranstalter der Banden handelt meist eine Person (60% der Banden), diese Menschen sind oft auch die Veranstalter der Angriffe. Basierend auf der Analyse des bisherigen Verhaltens der Täter und begangenen Straftaten, kommt der Autor zu dem Schluss, dass die Personen, die Bandenkriminalität ausüben, eine dauernde antisoziale Persönlichkeitsorientierung haben. Dies wird insbesondere durch folgende Daten belegt: 36,7% der Verurteilten gegen Bandenkriminalität vor der Straftat noch nie gearbeitet haben, 38,1% führten einen antisozialen Lebensstil, einschließlich begangenen andere Verbrechen, und 49,1% hatten nicht abgelöste oder getilgte Vorstrafen. Nach der Art der früheren Verurteilungen die Verteilung war wie folgt: 29,6% der Personen wurden wegen Eingriff auf persönliches Eigentum verurteilt, 20,5% — auf das Eigentum und Person, 12,5% — auf das sozialistische Eigentum, 11,4% — auf die öffentliche Sicherheit, 9,3% — auf das sozialistische und persönliche Eigentum, 6,8% — auf die Person und 9,1% — auf die anderen Beziehungen.

Das meist kriminogene Alter der Organisatoren der Banden ist 30-33 Jahre (25,2% der Gesamtzahl), und der Mitglieder — 22–25 Jahre (23,4%). Das Durchschnittsalter der Organisatoren beträgt 32 Jahre, was 4 Jahre höher ist als bei den Mitgliedern. Mehr

als 43% der Verurteilten gegen Bandenkriminalität waren verheiratet.

Im letzten Abschnitt dieses Kapitels werden die Fragen der Qualifikation der Bandenkriminalität behandelt, insbesondere, bei der Ausübung einer Straftat nach Artikel 102, 931, Teil 4 Artikel 117 des Strafgesetzbuches der RSFSR. Auf der Basis einer vergleichenden Analyse der konstitutiven Elemente dieser Straftaten und der bereitgestellten Sanktionen wird es angeboten, die von einer bewaffneten Bande begangenen Verbrechen gemäß Artikel 77 und den relevanten Artikeln des Strafrechts zu qualifizieren.

Das dritte Kapitel ist den Fragen des Kampfes gegen Bandenkriminalität gewidmet. In § 1 „Strafausspruch“ wird die Praxis des Strafausspruchs für Bandenkriminalität analysiert sowie die Effektivität der Strafmaßnahmen, die im Artikel 77 des Strafgesetzbuches vorgesehen sind und von den Gerichten verwendet werden. In Übereinstimmung mit den allgemeinen Grundsätzen der Strafzumessung bei der Bestimmung der Maßnahme müssen die Gerichte die Berücksichtigung der Art und des Grades der sozialen Gefahr der Handlung, die Identität des Täters, erschwerende und mildernde Umstände der Verantwortung berücksichtigen. Die Bedeutung und der Wert des Objektes der Bandenkriminalität, die Gefahr der möglichen Folgen und die Arten der Verursachung wird durch die Tatsache bedingt, dass der Gesetzgeber dreierlei die besondere Gefahr von Überfällen betont: zum einen erkennt er die schwere Kriminalität (Artikel 7¹ der Grundregeln), zum zweiten, bezieht sie auf die Staatsverbrechen (Artikel 14 des Gesetzes über die strafrechtliche Verantwortung für Verbrechen gegen den Staat) und zum dritten hält sie als abgeschlossene Kriminalität seit der Organisation des bewaffneten Bande.

Bei der Bestimmung des Grades der sozialen Gefahr der Bandenkriminalität berücksichtigen die Gerichte die Schwere der Folgen, die Art, die Motiven, den Charakter und den Ausmaß der Beteiligung und andere Umstände. Zum Beispiel wurde die Todesstrafe den Organisatoren um 3,5-fache öfter und die Inhaftierung von bis zu 15 Jahren um 1,5-fache öfter als den Mitgliedern der Bande verabreicht.

Eine besondere Rolle bei der Ernennung angemessener und gerechter Strafe spielt eine soziale Charakteristik des Schuldigen. Sozio-demografische Merkmale, soziale Rollen in der Gesellschaft und die moralischen und psychologischen Qualitäten erlauben die Klarstellung, in welchem Ausmaß das moralische

⁸ siehe zum Beispiel, Staatsverbrechen, herausgegeben von M.I. Yakubovich V.A. und Vladimirov, Moskau, 1961, S.136.

Wesen des Schuldigen ihre Handlungen widerspiegelt und womit sie bedingt ist. Unter Berücksichtigung dieser Merkmale findet es der Dissertant wichtig, eine der Vorstrafen zu berücksichtigen, unabhängig davon, ob sie beglichen ist oder nicht.

Das Begehen neuer Straftaten nach Verurteilung wirkt sich in jedem Fall auf den Grad der sozialen Gefahr der Person aus und ist einer der Indikatoren der antisozialen Persönlichkeitsorientierung und Beharrlichkeit. Diese Ansicht findet Unterstützung in der Rechtsprechung. So, unter der Berücksichtigung der gesetzlichen Rückfälle wurde die Todesstrafe 21 Organisatoren und 7 Mitgliedern und bei den tatsächlichen Rückfällen 24 und 12 Personen festgesetzt.

Bei der Analyse der mildernden und erschwerenden Umstände und ihrer Auswirkungen auf die Haftung, schließt sich der Autor diesen Wissenschaftlern ein (G.A. Krieger, A.P. Chugaev), die es für notwendig halten, bei der Verurteilung das Ausmaß der Merkmale zu berücksichtigen, die bereits durch den Gesetzgeber als wesentliche Merkmale eines Verbrechens vorgesehen sind, insbesondere Ausprägung der Merkmale der Bande, Bewaffnung, Art.

Bezugnehmend auf die Strafmaßnahmen für Bandenkriminalität, stellt der Autor die genügenden hohen Effizienzmaßnahmen fest, was auch die Tatsache bestätigt, dass der spezielle Rückfall der untersuchten Fälle weniger als 0,5% belegt. Auf der Grundlage der Analyse der Praxis der Bestrafung für Bandenkriminalität wird eine Schlussfolgerung gezogen, dass die Politik der Bestrafung für diese Verbrechen in der Regel der Entwicklungstendenz des sowjetischen Strafrechtes entspricht. Personen, deren Handlungen zu schweren Konsequenzen führten oder die als Teil einer Bande schwere Verbrechen ausübten, legt das Gericht eine schwere Strafe fest, bis zu der Todesstrafe. Im Gegensatz dazu haben die Personen, die keine wichtige Rolle in einer Bande spielten oder ihre Aktionen keine schwerwiegenden Folgen beinhalten, befand das Gericht es möglich, eine relativ geringe Haftzeit festzulegen.

Gemäß der Praxis wird die Todesstrafe für Bandenkriminalität derzeit nur in den Fällen festgesetzt, in denen die Aktionen der Banden mit der Todesverursachung von einer oder mehreren Personen verbunden. Mit Rücksicht auf diese Lage und unter Berücksichtigung

der Ausnahmecharakter der Todesstrafe hält der Dissertant es für möglich, die Sanktionen des Artikels 77 des Strafgesetzbuchs der RSFSR über Todesstrafe auszuschließen. Diese Strafe ist in der Sanktion des Artikels über Mord und Bandenkriminalität vorgesehen, verbunden mit Mord, soweit erforderlich, kann sie auf Personen angewendet werden, die für schuldig erklärt wurden.

Der letzte Abschnitt befasst sich mit der Prävention von Bandenkriminalität. Es wird darauf hingewiesen, dass eine wichtige Voraussetzung für die Bekämpfung von Bandenkriminalität die Beseitigung der negativen Erscheinungen wie Müßiggang, Alkoholismus, Parasitismus ist. Es wird die Bedeutung des Kampfes gegen den illegalen Besitz und Gebrauch von Waffen betont. Es werden konkrete Vorschläge zur Verbesserung der Aktivität der Einrichtungen, die die Prävention ausüben, angedeutet.

Zum Schluss werden die wichtigsten Schlussfolgerungen aus der Studie formuliert, insbesondere die spezifischen Vorschläge der bestehenden Rechtsvorschriften und Praxis sowie die Verbesserung der Arbeit der Strafbehörden.

Die wichtigsten Bestimmungen der Dissertation werden in vier veröffentlichten Arbeiten dargestellt:

1. Straffolgen eines Diebstahls des sozialistischen Eigentums, im Buch: XXVI. Kongress der KPdSU und die Fragen von Staat und Recht. Moskau 1982, S.130-136.

2. Zur Frage der sozialen Gefahr von Überfällen. — im Buch: Thesen der Vorträge an der theoretischen Konferenz der Aspiranten des Instituts für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften und der Fakultät für Rechtswissenschaften der Staatlichen Moskauer Universität. Moskau 1982, S.148-149.

3. Der Platz einer kriminellen Organisation im System der Komplizenschaft. im Buch: Thesen der Vorträge an der theoretischen Konferenz von Aspiranten des Instituts für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften und der Fakultät für Rechtswissenschaften der Staatlichen Moskauer Universität. Moskau, 1983, S.127-128.

4. Zur Frage der Bandenkriminalität. — im Buch: Verbesserung der strafrechtlichen Bekämpfung von Verbrechen. Vilnius, 1983, S.18-19.

ABSTRACTS

MOSCOW LENIN'S AWARD, WORKING RED FLAG'S AWARD AND OCTOBER REVOLUTION
AWARD STATE UNIVERSITY by M.V. LOMONOSOV

LAW DEPARTMENT

CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR BANDITISM

КОМИССАРОВ Vladimir Sergeevich

UDC 343.341 (47+57)

Specialized in 12.00.08 — Criminal Law and Criminology;
Correctional Working Law

Abstract
to the Candidate of Law Thesis

Moscow — 1983

The work was done at the Law Department of Moscow Lenin's Award, Working Red Flag's Award and October Revolution's Award of State University by M.V. Lomonosov.

Scientific guide —
Doctor of Law, Professor G. A. Krieger.

Official opponents:
Doctor of Law, Professor L.D. Laukhman,
Candidate of Law V.V. Eraksin.

Leading organization —
BecoroStState Scientific Research Institute of the Soviet Legislation.

The defense is to take place on the “___” of _____ 198__, in _____
at the Session of the Specialized Criminal Legal Council (K-053.05.33) at Moscow State University by
V.M. Lomonosov (117234, 1st Building of Humanitarian Department, Law Department, Moscow State
University, Linin's Mountains, B-234, Moscow).

The thesis paper is available at the Library of the Law Department of Moscow State University.

The abstract is sent on the “___” of _____ 198__ .

Scientific Secretary
of the Specialized Council
Candidate of Law, Associate Professor

D.P. Potashnik

The vitality of the research: Under the conditions of the formidable tasks of building a Communist society in this country, the role of legal regulations of social relations, full strengthening of Social legality and law enforcement essentially increases. The necessary essential part of bringing-up and educating a person of the Communist society is a liquidation of still existing in the life of our society different forms of negative phenomena, including delinquencies. The questions of the counteraction to delinquencies are constantly monitored by the Soviet Party and State organs¹. In the summary report of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union (CC of the CPSU) to the XXVI Session of the CPSU it was deliberately pointed out, that the work of law enforcement organs should be absolutely effective, so that every crime is to be adequately investigated and the guilty are to undergo the adequate penalty². The Plenum of the CC of the CPSU, which took place in 1983, was devoted to the questions of the ideological and mass political working; thus, it was pointed out, that “The up-bringing of a new person could not be separated from the most vital counteraction to public drunkenness, hooliganism and parasitism, abroachment and theft of the Socialistic property, bribery and money-grubbing”³.

The causes of many negative social phenomena, including criminality, are rooted not only in the vestiges of the past in the consciousness and the conduct of people, but also in the objective difficulties of the development of the Socialistic society, in the inad-

equate up-bringing and organizational activities of the party and state organs. The successful effective work on the elimination of the circumstances, determining criminality, is possible only under the conditions of a complex application of economical, organizational and legal measures⁴. Among the legal measures, the most essential role belongs to the development and application of the preventive measures of the criminal legislation and practice of its application by the law enforcement organs.

The nominated by the XXVI Session of the CPSU wide program of social economical and cultural development of our society is directed to the increase of the level of prosperity and well being of the Soviet people. Under these conditions, the acts, which threaten the most precious in the Socialist society — a human life — become especially unacceptable. Moreover, even more dangerous for the Soviet state become violent encroachments, committed by armed stable and consolidated groups. Within the process of armed assault to the state and public organizations and institutions and individual persons, there is a threat of damaging or a systematic damage to an expansive group of Socialistic public organization. Plentitude and ability of free realization of constitutional rights and freedoms of citizens, personal immunity and inviolability of ownership, adequate activity of the state and public organs are sufficiently depend on the effectiveness of the counteraction to the mentioned dangerous phenomena, early recognition and prevention of the activity of stable groups, gaining criminal aims.

The analysis of the contents of banditism and practice of counteraction to this dangerous crime is paid undeservedly less attention in the modern ju-

1 Refer to: Decree by the CC of the CPSU on the 2nd of August, 1979, “On the Perfection of the Law Enforcement and Strengthening the Counteraction to Delinquencies”. *Communist*, №14, 1979, p.3-6.

2 Materials of the XXVI Session of the CPSU, Politizdat, 1981, p.65.

3 Vital questions of the ideological, *Актуальные вопросы идеологической, массово-политической, массово-политической* political activities of the Party. Materials of the Plenum of the Committee of the CPSU. — Moscow: Politizdat, 1983, p.38.

4 Refer to: *Vital questions of the ideological* , p. 36.

ridical literature. This could be explained only by the fact, that in practical activity of the law enforcement organs, banditism is very rare. But the danger is so high, that it is necessary to maintain a resolute and consistent struggle against such an activity. The conducted analysis shows, that judicial and investigatory organs face some difficulties, caused both by the complexity of the contents of banditism, and also the necessity to make a clear distinction between the similar contents. Those rare works, which describe the juridical analysis of the contents of banditism, were mostly published at the beginning of 1960-es. The last research in the field was conducted in the form of a candidate thesis, which was defended in 1972 by L. G. Khulapova and was devoted to the history of a criminal legal counteraction to banditism in the Turkmen Soviet Socialistic Republic. Later, there were no analyses of banditism, conducted in other sources, except for several course books. In the meantime, the analysis of the judicial practice shows, that multiple questions of qualifications of this crime still do not have a unique solution. For example, the conducted interview of 47 judicial officials showed, that more than a half of them identify a gang with an organized group. Sufficient difficulties in the theory and practice arouse because of the problems of defining of such features as stability of links and solidarity participants, if the members of a gang are armed or not, etc. Practically, the subject of banditism was not analyzed, which is very important for the uncovering of causes and conditions of brigandish aggression and development of preventive measures against it. Of course, all these circumstances do not contribute to an effective counteraction to this phenomenon of the judicial practice, which is a dangerous crime. the complex of the pointed out aspects, from the point of view of the competitor, determines the vitality of the chosen topic of discussion.

Aim and targets of the research: The main aim of the thesis paper is to find a way of strengthen the effectiveness of counteraction to banditism on the basis of a complex analysis of the criminal legal and criminological aspects of the problem. According to it, the following targets are to be solved: 1) Study the acting legislation and practice of its application by the law enforcement organs; 2) Conduct not only a juridical analysis of banditism, but also to determine its social political essence in its historical aspect and within modern conditions; 3) To conceive definite propositions in order to perfect the activity

of judicial investigatory organs, and the development of measures against banditism.

Methodological and methodical basis of the research is made by the theses of the dialectical and historical materialism, works by classics of Marxism and Leninism, which illustrate the questions of criminality counteraction, program papers and Solutions by the Sessions of the CPSU and the Plenums of the CC, theses of the Constitution of the USSR, referring to this field of study. When conducting the research, the author applied both traditional methods of logical juridical and criminological character and also private methods of approach: historical, systematic structural, comparative legal and concrete socialistic approaches. The topic was developed on the basis of the acting all-Union and republic legislation, guide-line instructions by the Supreme Court of the USSR and RSFSR.

The scientific theoretical base of the research was made by the Soviet Socialistic doctrine of the criminal law and criminology. When substantiating the conclusions and recommendations in the work, the author referred to the works by M.I. Blum, R.R. Galiakbarov, L. D. Gaukhman, МюЛю Glistin, P.F. Grishanin, P.I. Grishaev, P.S. DageL, U.S. Jekebaev, M.P. Karpushin, G.A. Krieger, V.N. Kudryavtsev, B.A. Kurinov, N.F. Kuznetsova, V.D. Menshagin, A.V. Naumov, A.A. Piontkovsky, E.A. Smirnova, A.N. Trainin, P.I. Tel'nov, D.O. Khan-Magomedov, etc. In his work, the author also used the editions on social psychology and sociology and not published theses papers.

The practical basis of the research was made by the studying of the materials on 210 persons, committed banditism according to 41 criminal case on banditism, and also 60 criminal cases on assault related to robbery, committed within the territories of Armenian, Georgian and Kyrgyz SSR, Dagestan, North-Osetia and the Chechen-Ingush ASSR, Krasnodar and Stavropol Territories, Rostov Oblast in the period of up to and including 1960-1982. In order to analyze the point of view of judicial officials, a special inquiry test was elaborated and more than 47 judges of the regional and republic courts were interviewed. The informational basis was made by the published judicial practice of the Supreme Courts of the USSR and RSFSR within the period of 1920-1960, Decrees by the Plenums of the Supreme Courts of the USSR and RSFSR on criminal cases of other category.

The scientific novelty of the research was proven by the fact, that this research became the first one in

the Soviet criminal legal literature, which tried to find a complex view of the problem of responsibility for banditism. In the thesis paper, the author analyzes a number of complex disputable questions of the acting legislation, qualification of banditism, which arouse certain difficulties and mistakes in the judicial practice. At the basis of studying the theoretical questions and judicial practice, it is possible to point out the following aspect in the work, which prove its novelty and theses to be defended by the author: 1. The generic object of banditism is to be understood as the bases of social safety, defined as a complex of social relations, maintaining safe conditions of functioning of the Soviet society and maintenance of the targets of Communist construction. By its contents, the sphere of public safety represents a system of social relations, protected by the state, referring to the maintenance of public order and safety, necessary labor and rest conditions to the citizens, personal immunity, inviolability of Socialistic and private property, adequate and stable activity of state and public institutions and organizations. 2. Taking into account the diversity of relations of bases of public safety and relations, making state and social system of the USSR, which are the objects of especially dangerous crimes, the author substantiates the conclusion about the necessity of defining the place of banditism in the system of the Special Part of the Criminal Code. 3. A gang is regarded as a variety of a criminal society, which specifying feature is a stability of criminal links and solidarity of its members. The author analyses the contents of the feature of stability of criminal links and ways of its representation in a gang, defines the contents of other main features of banditism: armed members, ways of crime commitment, its aims. 4. According to the principle of personal responsibility for criminal conduct, the author determines the limits and the extend of responsibility of the gang members for the crimes committed by the gang group, studies psychological and juridical contents of guilt of the members of the gang. 5. Regarding the conducted analysis, the author for the first time in the literature, formulates the criminal legal and criminological characteristics of persons, committed an analyzed crime, and points out a stable anti-social tendency of a personality of a gang member. 6. Referring to the comparative analysis of the acting legislation, the author substantiates his proposal to qualify an intentional homicide with aggravating circumstances, state and public property fraud in a major scale and aggravated rape, commit-

ted by a gang, per totality with banditism. 7. In the research, the author analyzes in detail the questions of imposition of penalty to persons, guilty in banditism and the effectiveness of the applied measures. Taking into account the exclusive character of the death penalty as a type of penalty and the existing practice of its application for banditism, the author substantiates the inexpediency of retention of the death penalty in the sanction of the Art. 77 of the Criminal Code of the RSFSR. 8. Much attention is paid to the problems of banditism prevention. 9. Taking into account the analysis of regulatory norms and practice of activity of judiciary organs, the author formulates definite proposals both on the perfection of the acting legislation and on the perfection of the activity of law enforcement organs.

Practical meaning of the conducted research: The data and conclusions as a result of the research could be used for perfection of the acting legislation on the responsibility for banditism. Some recommendations and suppositions in the thesis paper could be applied within the activity of law enforcement organs in counteraction to criminality, realized in preparing the Decrees by the Plenums of the Supreme Courts of the USSR and RSFSR. The received criminological material has not only an important practical meaning for penalty imposition, but also for elaboration and maintenance of preventive measures for banditism by state and public organizations. Moreover, some materials of the thesis could be used in elaboration and maintenance of educational courses of the criminal law and special courses.

Application of the results of the research: The research was conducted at the Criminal Law Chair off the Law Department of Moscow State University by M.V. Lomonosov. The research was twice discussed by the Chair and reviewed. Basic theoretic theses were twice reported by the author at the joint theoretical conferences of the post-graduate students of Law Department of MSU by M.V. Lomonosov and Institute of State and Law of the Academy of Science of the USSR, held in 1982 and 1983, and were used in the educatory process at Law Department. The results of the conducted research are reflected in four works, published by the author.

Volume and the structure of the thesis paper. The volume of the work makes 184 pages of a typescript text with the Appendix of 15 tables, representing data, received in the research, referred to in the text, the bibliography. The structure of the thesis paper is de-

fined by the character of its aim and the targets of the research. The thesis paper includes Introduction, three Chapters, Conclusion, Appendix and Bibliography.

The Contents of the Research

In Introduction, the author substantiates the vitality and importance of the chosen topic, defines the targets of the research, methodological and methodic bases of the research, points out the novelty of the research and formulates the theses to be defended, and presents the practical importance of the achieved results.

C h a p t e r O n e is devoted to the history of the criminal legal counteraction to banditism in the USSR in 1917-1960. In §1 “General social characteristics and dynamics of banditism within 1917-1960”, the author analyses the state of counteraction to banditism within the mentioned period, presents its social characteristics and uncovers its sources, points out measures, applied by the Soviet State in order to exterminate banditism. The author mentions, that the destruction of an old society as a result of the victory of the October Revolution, under the conditions of the strict class struggle, led to the increase of a criminal activity of class enemies and de-classed elements. One of the most dangerous crimes of this period was banditism. The aggravated danger of banditism was caused by a number of circumstances: a) it was often of anti-revolutionary character, making one of the form of an open class struggle; b) banditism represented a serious threat to the basis of a young Soviet State, because it violated the activity of state and public organs, disorganized the society and often associated with violence onto personality; c) was widely spread in the whole country. Especial dangerousity of banditism stimulated the Soviet state to apply strict and severe measures to counteract it within the first five years, including establishment of subjection to a special jurisdiction for this category and special character of repressions⁵. In the work, the author points out a special feature of banditism as a tendency to strengthen in the period, which were the most harsh for the Soviet State. Later, this situation happened again in the period of industrialization and collectivization, during the war and after it.

5 Refer to: Decree by the Public Commissar Council of the RSFSR on February 19, 1920, on the topic “On the transferring of persons, condemned in banditism to the Court of the Military Revolutionary judgment-seat”. Investigatory Department of the RSFSR, 1920, 311, Art. 31; Decree of the Supreme Central Electoral Committee on June 20, 1919 “On the disapplication from general jurisdiction in territories under martial law”. Investigatory Department of the RSFSR, 1919, №27, art. 301.

To conclude the Paragraph, the author mentions that the social changes and resolute actions, taken by the Soviet State finally led to the fact, that at the beginning of 1960, banditism was rarely found in the judicial practice. Sufficient changes were underwent by the social issue of banditism: it took the character of an offence under ordinary law, because the largest part of gang were created with merciful aims.

In §2 “Analysis of legislation, theory and practice” the author studies the previously existed legislation, practice of its application and the state of scientific elaborations. The author mentions, that mostly the definition of the contents of banditism was finished by the adoption of the Theses on State Crimes of 1927. Thus, the Criminal Code of the RSFSR of 1922, 1926 and the Theses of 1927, reflecting the special social dangerousity of banditism, defined its place in the system of state crimes. The definition of banditism, given in Art.17 of the Theses, all in all corresponded to the targets of counteraction to this dangerous crime and thus did not undergo any legislative changes up to 1958, when the Law on Criminal Responsibility for State Crimes was adopted.

Along with it, the imperfect character of the acting legislation of the 1920s and application of similarities in some cases caused lateral commentary of the features of banditism, including the notions of a gang and its armed members⁶. Some difficulties aroused in definition of the main features of a gang, reflecting its essence. Most authors and the judicial practice thought stability of criminal links to be the specific feature of a gang, which was understood as a criminal activity, representing itself in multiple repeated crimes.

Not very strict definition of the contents of the features of stability in the post-war period led to the fact, that sometimes some theoretical scientists and judicial practice refused to take into account this necessary for the qualification according to the Art. 59³ of the Criminal Code of the RSFSR feature⁷. At the end of 1950s, the judicial practice became more precise in understanding of a feature of stability. In order to qualify according to the Art. 59³ of the Criminal Code of the RSFSR, the court had to determine the presence of a criminal group, characterized by a stable criminal

6 Selection of acting Decrees and directive letters by the Supreme Court of the USSR in 1924-1944. Moscow, 1946, p.69.

7 Refer to: i.e. P.F. Grishanin. The notion of a criminal organization and responsibility of its participants according to the Soviet Criminal Law, Candidate of Law thesis, Moscow, 1951, p.4; Selected Decrees by the Supreme Court of the USSR, Moscow, 1952, №6, p.3.

link between its participants and specific methods of its activity, not regarding the number of the planned or committed crimes.

Chapter Two is devoted to the juridical analysis of banditism and the questions of qualification. When defining the object of banditism, the author takes into account the generally accepted in the Soviet criminal law point of view, that the object of crime is socialistic public relations, protected and maintained by the state. In the research, the author defends his idea, that the generic object of banditism is the bases of social safety, which represent a complex of social relations, maintaining safe conditions of functioning of the soviet society and fulfilling the aims of Communist construction. In its structure, public safety is a system of relations, aimed at the maintenance of public order and safety, personal immunity, and inviolability of property, maintenance of normal labor and rest conditions for citizens, adequate activity of state and public institutions and organizations. The direct object is a definite relation or a group of interrelated links. Juridical essence of banditism, according to the author, manifest itself in the fact, that it unites actions, having different direct objects of encroaching and tendencies, which as a result, form an absolutely new crime in its issue. Thus, banditism possesses a principally new, complex in its contents object, which could not be reduced not to a single of its components.

When studying the structure of the object of banditism, the competitor supports the point of view of the authors (N.A. Belyaev, V. K. Glistin), who think, that the object represents a whole system of interdependent elements: subjects, matter of relations and link between the subjects because of a concrete matter. The matter of banditism is safe conditions of life of the society as a definite structured system of inter-relations, existing in the society, regulated by the norms of law and maintaining its successful functioning. The essence of a socially useful link, on to which banditism encroaches, contains in such a way of conduct of definite persons and functioning of legal persons, which do not violate the existing system of inter-relations and do not violate the realization of rights and obligations by the subjects. Analyzing public relations, the authors shares the point of view, presented in the literature (N.I. Zagorodnikov, L. G. Khulapova), according to which relations on life, because of its special character and specific features of protection by the criminal law) are not included by the

object of banditism. In his work, the author analyses the mechanism of violation of social safety and the character of consequences of banditism.

In the conclusion of the paragraph, the author substantiates his point of view on the necessity of the definition of the place of norm on banditism in the system of the Special Part of the Criminal Code. More precise and adequate to the social political essence of banditism would be to put this norm to the chapter, uniting crimes according to the feature of a unique generic object — the social safety.

Thus, the author claims the following: a) attitudes of social safety has another character and assignment, than those, making state and social regime, which are the object of specially dangerous state crimes; b) in the present, banditism is a crime of general jurisdiction, and is quite different in its quality and quantity from the banditism of 1920-1930ss; c) according to the criminal procedural legislation, investigation of state crimes, which are dangerous for state regime, is conducted by a special organ — State Safety Committee. Preliminary investigation of cases on banditism is of prosecution competence; d) it is necessary to take into account and practice of legislation the experience of other socialistic countries. In the legislation of some other countries (Art.276 of the Criminal Code of the Pole P.R., Art.321 of the Criminal Code of the Vietnam P.R., §216 of the Criminal Code of the German Democratic Republic) there is a regulation on the similar banditism crime. This norm is provided in the Chapter on crimes against social order and safety.

In §2 the author analyses the features of the objective side of banditism. He points out, that the basic features of this crime, sufficiently influencing the level of its social dangerousity, is a gang and the armed members. The author denotes a gang as a stable consolidated group of two or more persons, united for a cooperative criminal activity, aimed at commitment of one or several crimes. The qualitative feature of a gang, differentiating it from the less dangerous forms of cooperation, is a stability of criminal links and consolidation of its members. Pointing out in the norms of the Special Part, some cases of commitment of socially dangerous acts by a criminal group, the legislator, taking into account its direction and character, points out the specific features of these crimes. In banditism, except of a gang, specific features also make presence of its armed members and a special target. It is substantiated by the textual analysis of the law. At the same time, the author thinks, that the

criminal group could be founded in order to achieve some other, not provided by the Articles of the Special Part of the Criminal Code, crimes. Such cases take place in the judicial practice in cases of theft, fraud and speculation. Thus, the competitor supports the point of view of the Criminal Code of the RSFSR of 1926, which provided aggravated circumstances if a crime was committed by a group or a gang, which was treated as a criminal group. Taking into account an analysis of the judicial practice, the author points out stability as a specific feature of a criminal society, representing in the presence of stable forms of links between its members and specific methods of activity on preparation and commitment of one or several crimes. Consolidation is a socially psychological characteristics of a unity of members of a gang in their activity, aimed at the achievement of a planned criminal targets.

Armory, possessed by the members of a gang, in its character, should correspond to that, provided by the Art.218 of the Criminal Code of the RSFSR, i.e. armory in its narrow sense, and also slug guns. In the work, the author points out, that some other understanding of the feature of the existence of arms, could bring to the groundlessly wide understanding of the term of banditism. This point of view is proved by the judiciary practice. More than 92 % of gangs, according to the analyzed materials, had arms according to the Art. 218 of the Criminal Code, including 72% — grooved automatic weapon, and 8% — cold weapon. It is noted, that the contents of Art. 77 do not require to use weapon in the assault.

Analyzing the form of banditism, provided by the law, the author shares the point of view of those soviet authors, which think that banditism would be ended from the moment of creation of a gang. The other decision, first of all, contradicts to the results of a comparative analysis of Art. 72 and 77 of the Criminal Code; and second, it could lead to the withdrawal of the feature of armory from the contents of banditism. The primary target of gang organizers could be not a seizure of weapon, but the maintenance of other organizational acts: finding accessories, choosing an object of assault, etc. But such acts could not be treated as a finished crime, because it would mean the unnecessary character of weapon, which directly contradicts to the law. Activity, aimed at a foundation of a gang, even without weapon, is interpreted as an encroachment for banditism, because the final result is a foundation of an armed gang is not fulfilled.

Foundation of an armed gang as a form of banditism does not exist in the judiciary practice. As a rule, the activity of gangs is stopped at the stage of committing assault. The basic form of banditism is a participation in a gang. Analyzing this form, the author points out that only an accept of a person to commit the tasks of a gang is not enough to condemn banditism a committed crime. It is necessary for a person to admit his accept by a practical participation in the gang's activity.

In judicial practice such form of banditism as participation in the activity of a gang, not being its member, making only 1%.

When defining the notion of the term assault, used in disposition of the Art. 77 of the Criminal Code, the author claims, that it could not be identified with violence. Violence is a sufficient part of an assault, but it is not the same to its contents. Assault is a creation of a dangerous state in a place and time, where there is a threat of application of force to a number of persons. In banditism, assault represents a kind of a socially dangerous way, provided by the legislator as a necessary feature of the contents of this type of crime.

Analyzing the subjective side of banditism, the author supposes, that the intellectual and volitional spheres of psychology of members of a gang have more wide limits, than that of individually active criminals. Such a state is caused by the fact, that the consciousness and the will of members of a gang include not only some personal circumstances, but refer also to the conduct of other members of a gang. otherwise, there could not exist any implication and a gang. For the qualifying according to the Art.77, it is necessary to include objective and subjective features, provided by the norm about banditism, into the consciousness and the will of the guilty. Taking into account the provided by law special aim of a crime, the author thinks, that there is not a base to doubt in the acknowledged in theory and practice point of view on the commitment of banditism with a direct intent. It is pointed out in the work, that according to the special dangerousness of the analyzed crime, the legislator admits banditism to be a committed crime from the moment of creation of a stable armed group, aimed at commitment an assault. Practical aims, which could be gained by the members of a gang, are withdrawn from the contents of banditism. At present, gangs are created with merciful aims (95% of gangs), or merciful aims are main for them. When detecting the limits and volume of the responsibility of members of a

gang for the committed crimes, the author thinks, that the united character of an aim does not abolish the necessity to take into account different states and different activities of its members.

A member of a gang should be condemned only in those episodes or crimes, in which he took participation as an accessory.

According to the criminal legal characteristics of the subject, it is necessary to judge from Art. 10 and 17 of the Criminal Code of the RSFSR, issuing from which the responsibility for banditism is possible only in case the two subjects correspond to the requirements, provided by these Articles: to be criminally sane and to be no younger than 16 years old. An attempt to organize a gang by persons, not corresponding to the requirements of the law, could be treated as an encroachment to banditism. Thus, the concept, available in the literature and judicial practice, according to which a group as a form of complicity — a qualifying feature — could consist of two persons, one of which do not correspond to the requirements to the subjects of the crime, is criticized. As far as in a criminal society both co-commitment and role separation is possible, and the criminal law does not provide any other restrictions, the author of the work is not of the same point of view with the authors, who think that the organization of two people could be treated as a gang, if between them there is a preliminary agreement on direct participation of the both in an assault⁸.

At present, gangs represent a small stable groups, making 60-70%, including 2-6 people. The gang is mostly organized (60% of gangs) by one person, who also often organized criminal attacks. Taking into account the analysis of the previous conduct of the guilty and the circumstances of the committed crimes, the author concludes that person, who committed banditism, have a strong anti-social personality orientation. The following data confirms this conclusion: 36,7% of the condemned for banditism never worked before they committed crime; 38,1% — led an anti-social way of life, including the commitment of other crimes; 49,1% — had outstanding and unexpunged convictions. According to the character of the previous convictions they make: 29,6% were condemned for the encroachment for the private property; 20,5% — for property and personality; 12,5% — for Socialistic property; 11,4% — for the social securi-

ty; 9,3% — for the Socialistic and private property; 6,8% — at personality and 9,1% — for other relations.

The most criminogenic age of the gang organizers is 30-33 year old (which makes 25,2% of the total), and the age of gang members is 22-25 year old. An average age of the gang organizers is 32 years, which is 4 year more than that of its members. More than 43% of the convicts were married.

In the last paragraph of this chapter, the author analyses the questions of qualification of banditism, and including that when a gang commits crimes, provided by the Art.102, 93¹, Part.4 Art.117 of the Criminal Code of the RSFSR. According to the comparative analysis of the features of contents of the mentioned crimes and he provided sanctions, it is advisable to qualify these crimes, committed by an armed gang, per their totality according to the Art. 77 and corresponding articles of the criminal law.

The Chapter Three is devoted to the analysis of the questions of counteraction to banditism. In §1 «Imposition of penalty» the author analyses the practice of imposition of penalty for banditism, and studies the questions of the effectiveness of measures of penalty, provided by sanctions of Art. 77 of the Criminal Code and those, applied by the court. According to the general principles of penalty imposition, when defining a definite measure, the courts should take into account the character and level of social dangerousity of an act, personality of a criminal, aggravating and mitigating circumstances. The importance and value of an object of banditism, dangerousity of potential circumstances and the way of causation, preconditions the fact, that the legislator points out an especial dangerousity of banditism in the three different ways: first, admit it to be a grave offence (Art. 7¹ of the Principles); second, refer it to the state crimes (art. 14 of the Law on Criminal Responsibility for State Crimes); and third, treat it to be finished from the moment of foundation of an armed gang. Defining the level of the social dangerousity of banditism, the courts take into consideration the gravity of the consequences, way, motives, character and the level of participation of a person, other circumstances. For example, the death penalty was imposed to the organizers in 3,5 times and freedom deprivation up to 15 years — 1,5 times more often than that to the members of a gang.

Special role in imposition of an adequate and just measure of penalty is given to the social characteristics of the guilty. Social demographic features, social

⁸ Refer to, i.e. State Crimes, Edited by M.I. Yakubovich and V.A. Vladimirov, Moscow, 1961, p. 136.

roles in the society and moral psychological qualities influence the measure according to which the criminal act reflects the moral essence of the guilty and its causes. Analyzing these features, the author thinks it necessary to take into account the previous conviction of a person, regardless whether it is canceled or not. Commitment a new crime after the conviction in any case influence the level of the social dangerousness of a person and is one of the features of anti-social personality orientation and its stability. This point of view is proved by the judicial practice. Thus, taking into account the legal repeated crime, the death penalty was imposed to 21 organizers and 7 members of a gang, and in case of factual repeated crime — to 24 and 12 person correspondingly.

Analyzing aggravating and mitigating circumstances and their influence to the responsibility, the author shares the point of view of the authors (G.A. Krieger, A. P. Chugaev), who think it is necessary to take into account the level of evidence of those features, which are provided by the legislator as the necessary of the contents of a crime, including the evidence of a gang, its armed members, way of crime commitment, when imposing a penalty.

Referring to the measures of penalty, provided for banditism, the author points out a rather high level of effectiveness of the applied measures, which is proved by the fact, that the special repeated crime makes less that 0,5%. Taking into account the analysis of penalty for banditism, the author concludes that he punitive politics for commitment of these crimes all in all corresponds to the tendencies of development of the Soviet criminal law. Person, whose acts caused grave consequences or who committed grave crimes, being a member of a gang, the courts impose a severe penalty, including the death penalty. Conversely, persons, who did not play a serious role in a gang or whose acts are not linked with grave consequences, the courts consider it possible to impose less durable terms of freedom deprivation.

According to the results of the studying of the practice, the death penalty for banditism is imposed specifically when the acts by the gang are linked with the death causing to one or several people. Taking into

account that circumstance along with the exclusive character of the death penalty, the author thinks it possible to exclude the death penalty from sanctions of the Art. 77 by the Criminal Code of the RSFSR. This measure of penalty is provided by the sanction of the article on the homicide and in banditism, connected with homicide. If necessary, it could be applied to persons, guilty in the mentioned crimes.

At the final paragraph, the author analyzes the question of prevention of banditism. It is pointed out, that the important precondition of counteraction against banditism is a liquidation of such negative phenomena as parasitism, alcoholism and drunkenness. The author also points out the importance of the struggle against illegal seizure and use of weapon. He gives definite propositions on perfection of the activity of organs, executing the preventive measures in the field.

In the conclusion, the author formulated basic theses, achieved as a result of the research, including definite propositions to perfect the acting legislation and practice of its application, improving the effectiveness of law enforcement organs.

Basic theses of the research were presented within the four published works by the author:

1. Criminal consequences within the Socialistic property fraud, in the book: the XXVI Meeting of the CPSU and the Questions of State and Law. Moscow, 1982, p. 130-136.

2. On the question of the social dangerousness of banditism. — In the book: Theses of the reports, made at the theoretical conference of the post-graduate students of the Institute of State and Law of the Academy of Science of the USSR and the Law Department of Moscow State University. Moscow, 1982, p.148-149.

3. The place of a criminal organization in the system of complicity. In the book: Theses of the reports, made at the theoretical conference of the post-graduate students of Institute of State and Law of the Academy of Science of the USSR and Law Department of Moscow State University. Moscow, 1983, p.127-128.

4. On the question of the object of banditism. — In the book: Perfection of the criminal legal counteraction to criminality. Vilnius, 1983, p.18-19.

Signed for publication on 19.11.83

1,5 p.s., Conclusion 1269-100

Printed at Moscow State Teacher's Training Institute of Foreign Languages

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

ОСОБЕННОСТИ ДОСУДЕБНОЙ ПОДГОТОВКИ МАТЕРИАЛОВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА К СУДЕБНОМУ ДОКАЗЫВАНИЮ

А. В. Михеев

(Региональная общественная организация «Союз криминалистов и криминологов», член)

Главный тезис, который подлежит доказыванию — неэффективность существующей формы и необходимость перехода к свободному досудебному доказыванию обеими сторонами, результаты которого будут иметь для суда равную — предварительную ценность и нуждаться в подтверждении во время судебного следствия. Досудебное производство — это предварительное, подготовительное производство в буквальном смысле этого слова. Его результаты, в первую очередь, доказательства, а еще точнее — материальные источники доказательств, являются исходным материалом для судебного следствия. Потому этот фактический материал, собранный в ходе предварительного расследования, надо, во-первых, сохранить, а во-вторых — подготовить к представлению в суде, с тем чтобы избежать или минимизировать потери, объективно неизбежные под воздействием времени, но также и от противодействия процессуального противника, других обстоятельств (времени).

Мы придерживаемся той позиции, согласно которой доказательства мало собрать и закрепить в материалах уголовного дела, надо еще и позаботиться о том, чтобы они были эффективно представлены через прокурора суду и там произвели на судью надлежащее впечатление, убедили его в обоснованности обвинения. Одновременно с этим мы будем говорить о тех, возможных ин-

ститутах, которые помогают решать задачу сохранения силы досудебных доказательств.

Начнем с констатации доктринального положения, закрепленного в законе и более того, лежащего в основе внутренней организации (структуре) российского уголовного судопроизводства. Оно состоит в том, что досудебное производство является частью уголовного судопроизводства, равноценной с судебной процессуальной деятельностью «уполномоченных», «компетентных» государственных органов. Из этого проистекает вывод о том, что и досудебное доказывание равнозначно судебному, а потому результаты досудебного доказывания имеют доказательственную силу для суда. Таким образом следователь (дознатель) получает доказательство, допустимое для того, чтобы суд мог положить его в основание приговора, иного процессуального решения.

Разумеется, процессуалистами всегда делались оговорки насчет того, что судебное следствие не является механическим повторением предварительного следствия, что суд свободен в оценке доказательств и активен в доказывании. Но положение от этого не менялось, по крайней мере, до последнего времени — суд был и остается зависимым в познавательном плане от предварительного расследования, его доказательств и его выводов. Хотя бы доктринально он активен и не зависит от позиций сторон.

Мы также являемся приверженцами позиции, согласно которой досудебное доказательство и доказательство, сформированное на предварительном расследовании — это разные явления, разные состояния осмысления и одновременно с этим, общественного признания информационной значимости сведения, содержащегося в том или ином источнике. По этому поводу А. А. Кухта писал, что понятие «факта» применимо для характеристики отнюдь не всех состояний доказательства, которые оно претерпевает в ходе своего «формирования» при переходе из одной стадии уголовного процесса в другую¹.

Соответственно, для нас наиболее приемлемым будет мнение о том, что досудебное доказывание (розыск, раскрытие преступления, осуществляемые полицией) и судебное доказывание, проводимое сторонами с участием суда (спор и аргументация) различны по содержанию², хотя объединены единой целью. Наиболее ярко различие между досудебными и судебными доказательствами выясняется через понятие «средство доказывания». Данное понятие позволяет сконцентрировать внимание на том, кто доказывает, кому доказывает, чем доказывает. Если сравнить по этим критериям досудебные и судебные доказательства сущности, то различие между ними станет видным.

Если ограничиться только досудебным этапом доказательственной деятельности, то и в его рамках мы можем выявить несколько этапов формирования доказательства. Они примерно таковы:

во-первых, «первичные фактические данные», «исходная доказательственная информация», которые стали доступными правоохранительной системе³, т. е. сигнал, а в процессуальной терминологии — «повод», которые позволяют проводить последовательную проверку;

во-вторых, это результаты доследственной проверки, которые по объему и доказательственной силе пересекаются с понятием «результаты оперативно-розыскной деятельности»;

в-третьих, основание возбуждения уголовного дела;

в-четвертых, доказательства (сведения), полученные в результате проведения следственных и иных процессуальных действий;

в-пятых, фактические основания (проинтерпретированные следователем фактические данные, содержащиеся в материалах дела) для процессуальных решений предварительного расследования.

Отдельно стоят результаты адвокатского расследования, которые мы не будем учитывать в нашем анализе, поскольку это тема отдельного разговора.

Особое значение имеют досудебные доказательства, которые: а) прошли судебную проверку в рамках процедур судебного контроля (превентивного или последующего⁴); б) исследовались с участием защиты (например, показания, полученные на очной ставке). Понятно, что доказательственная сила первых больше, поскольку предполагает участие суда в их проверке и оценке, а это и есть решающий фактор в созревании «фактического данного» или «любого сведения» досудебного факта. Именно прямое участие суда в процесс формирования доказательства придает ему завершенность.

Мы вполне разделяем взгляды тех ученых⁵, которые утверждают, что содержание доказательства есть не только объективная, информационная, но и оценочная, интерпретационная составляющая. Поэтому любое доказательство является относительной величиной, ценность которой обуславливается правовым статусом субъекта доказывания, а также условиями, в которых происходит работа со следами преступления, носителем информации, пониманием сведения и его

1 См.: Кухта А. А. Доказывание истины в уголовном процессе: монография. Нижний Новгород: НА МВД РФ, 2009. С. 79–80.

2 См., напр.: Кулаков С. Тактика допроса подсудимого государственным обвинителем // Законность. 2011. № 6. С. 33–35; Хмельницкая Т. В., Алаев И. Т. Диалектика формирования доказательств в смешанном уголовном процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 20. С. 47–50; Конева С. И. Допросы в уголовном суде: монография. Н. Новгород, 2013. С. 149–154.

3 См.: Балакшин В. С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания: монография. Екатеринбург, 2004. С. 98, 99; Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). М.: Юридическая литература, 1969. С. 10, 178–181; Печников Г. А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 7–9, 33, 72–75.

4 Имеются в виду судебно-контрольные процедуры по определению оснований для наложения ареста на имущество, применение мер пресечения и пр., в рамках которых объективно встает вопрос о проверке обоснованности обвинения и проверке ряда доказательств.

5 См., напр.: Стуликов А. Н. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты представления доказательств // дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород: НА МВД РФ, 2002. С. 43–56; Карякин Е. А. К вопросу о судебных доказательствах в состязательном уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2006. № 4. С. 31, 32.

включением в разрешение юридически значимого вопроса или дела по существу.

Итак, досудебное доказывание предварительно, оно незавершено и потому несовершенно; доказательству, полученному стороной, не хватает оценки со стороны суда, который уполномочен законом и государством удостоверить истину в окончательной инстанции. Если доказательство не было оценено судом (положительно) — еще не доказательственный факт. Фактические данные, полученные одной из сторон в деле еще не доказательства, не факты для суда. Значит задача каждой стороны сводится к тому, чтобы убедить суд в достоверности, допустимости своих доказательств; не только получить, но и сохранить, подготовить свои доказательства к судебной презентации — одна из задач субъекта доказывания.

Полагаем, что в досудебных и судебных стадиях, завершающихся принятием юридически значимого решения по делу, доказательства проходят свои циклы формирования. Предварительный характер досудебного производства позволяет говорить о наличии единого *цикла формирования досудебного доказательства*, причем общего для обеих стадий: возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Кроме того, мы склонны распространить рамки досудебного доказывания вплоть до стадии подготовки к судебному разбирательству. Этапы досудебного доказывания, по-нашему мнению, таковы:

(1) получение, проверка, оценка доказательств;
(2) формирование на них оснований для процессуальных решений по делу, которыми подтверждается виновность обвиняемого и необходимость привлечения его к уголовной ответственности;

(3) подготовка к судебному доказыванию.

На наш взгляд, в ходе досудебного производства любые сведения, получаемые официальным органом уголовного преследования в результате проведения предусмотренных законом действий, будь это следственные, уголовно-процессуальные, проверочные действия (о которых идет речь в ст. 144 УПК РФ) или оперативно-розыскные мероприятия, могут быть использованы для решения задач досудебного, предварительного производства. Прежде всего, выявить, предварительно раскрыть преступление, опять же предварительно изобличить обвиняемого в совершении преступления, получить материал для выдвижения и формулирования официального обвинения, пресечь преступление и предотвратить новые преступления.

Поскольку только судебная процедура вполне обеспечивает решение задач уголовного судопроизводства, указанных в ст. 6 УПК РФ, постольку не только предварительное собирание доказательств и их предварительная обработка в плане интерпретации и объяснения их смысла, но и подготовка к решающему судебному фазису доказывания имеет важное значение для достижения цели доказывания.

МОСКОВСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА ЗА НАЛОГОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В. А. Герасимова

(Негосударственное образовательное учреждение среднего профессионального образования «Налоговый колледж», заместитель директора по учебно-методической работе)

Личность преступника представляет собой основное и важнейшее звено механизма преступного поведения, поскольку в каждом конкретном случае сама личность принимает решение о совершении преступления. Объектом предупредительного воздействия всегда должны быть те особенности личности, которые порождают преступное поведение или же способствуют ему, что даёт основание относить личность преступника к одной из ведущих и сложных проблем криминологии.

В настоящее время в российской криминологии формируется направление, занимающееся изучением экономической преступности, — криминоиндустриология (криминология производства). Ранее отмечалось, что специфическим признаком налоговой преступности является наличие специального субъекта. Особый субъектный состав налоговых правоотношений включает в себя налоговые органы, налоговых агентов и налогоплательщиков.

Учитывая достаточное разнообразие подходов криминологов в вопросе выделения социально значимых особенностей личности, для проведения анализа оной целесообразнее всего использовать социально-демографические, социально-ролевые и социально-психологические характеристики личности преступника.

Также для выявления совокупности типологических черт современного российского налогового преступника следует провести сопоставление с типологическими чертами общеуголовных преступников.

Социально-демографическая характеристика

Пол. В последние годы отмечается тенденция снижения доли «мужской» преступности на общеуголовном уровне. Увеличение доли женщин в совершении преступлений наблюдается в тех случаях, когда объективная сторона преступле-

ния не требует от субъекта применения каких-либо особых физических навыков и умений.

Типологические черты личности налогового преступника незначительно, но всё же контрастируют с приведёнными общекриминальными показателями. Так, в настоящее время около 76% лиц, чьи действия квалифицированы как совершение налогового преступления, — мужского пола¹. Однако прослеживается стойкая тенденция увеличения доли женщин в совершении данного вида преступлений. Из всех видов экономической преступной деятельности женщины наиболее активны именно в налоговой сфере.

Возраст. Общеуголовные преступники, как правило, принадлежат к возрастной группе до 29 лет, далее следует группа 30–39 лет, после — криминальная активность значительно спадает.

Средний возраст налогового преступника составляет около 40 лет, что говорит о социальной зрелости, наличии определённого социального статуса, опыта работы, высоком уровне знаний в экономико-правовой сфере.

Место жительства. Доля городских жителей среди общеуголовных преступников составляет около 85%. Среди налоговых преступников количество городских жителей выше — порядка 91%.

Это обстоятельство обусловлено более высоким уровнем экономического развития городов и уровнем предпринимательской активности в них.

Наличие постоянной работы. Безработными являются 10% лиц, совершивших общеуголовные преступления. А доля лиц, не имеющих на момент совершения преступления постоянного источника дохода составила 59,6%. Среди нало-

¹ См.: Нудель С. Л., Нудель Е. Л. Криминологическая характеристика личности налогового преступника // Научные ведомости БелГУ. 2008. № 4 (44). С. 103.

говых преступников официально 6,5% являлись безработными².

Наличие судимости. По данным МВД в 2010 году 37,1% преступников совершили преступления уже не в первый раз.

Среди налоговых преступников число лиц, совершивших налоговое преступление, имея уже одну или несколько судимостей, составляет лишь 9% от общего числа налоговых преступников. Столь низкий процент судимостей среди налоговых преступников можно объяснить наличием высокого социального статуса данной категории преступников (наличие судимости, как правило, не позволяет его достичь).

Социально-ролевая характеристика

Гражданство. Число граждан иностранных государств, осуществляющих любой вид преступной деятельности на территории РФ, достаточно незначительно..

Образование. Уровень образованности общеуголовного преступника значительно ниже среднего уровня образования населения России, соответствуя, как правило, незаконченному среднему образованию. Высшее образование имеют не более 5%.

Образовательный уровень налоговых преступников довольно высок и является наивысшим среди лиц, совершающих налоговые преступления. Характер большинства преступлений в сфере налогообложения требует определённого уровня развития, образования, знания законодательства, бухгалтерии и других специальных познаний.

Профессия. Массу общекриминальных преступников составляют представители совершенно разных социальных слоёв, однако среди прочих преобладающее положение занимают те, чей социально-экономический уровень ниже среднего по России.

Среди налоговых преступников напротив, отмечается социально-экономический уровень выше среднего по России. Таким преступникам свойственны профессии, связанные с интеллектуальной деятельностью.

Должность. Налоговые преступления, как правило, совершаются бизнесменами, собственниками или руководителями предприятий, управляющими компаниями, менеджерами, банкирами, брокерами, то есть теми, кто на практике организует экономический процесс и стремится любыми как законными, так и незаконными путями сделать его для себя безубыточным. Зачастую в преступные схемы ока-

зываются вовлечёнными бухгалтеры (более 90% которых женщины) и служащие организаций.

Создание преступных групп. Преступлений, совершаемых преступными группами в Российской Федерации порядка 17%.

Среди налоговых преступлений доля групповых составляет менее 10%. Соучастниками, как правило, являются заместители руководителя организации, бухгалтеры, кассиры, кладовщики, водители и др. Характерна немногочисленность организованной группы, совершившей налоговое преступление. Количество лиц, состоящих в такой группе, обычно не превышает трёх человек.

Социальный статус. Официально не состоят в браке примерно половина общеуголовных преступников. Неблагоприятные семейные отношения и тяжёлое материальное состояние всегда несут в себе криминальную нагрузку и при стечении определенных условий способствуют совершению преступлений.

Совсем иначе выглядит социальный статус налоговых преступников, характеризуясь стабильным семейным положением: по результатам исследования МВД среди преступников, совершивших преступления в сфере налогообложения, доля женатых (замужних) составляет 77,3% от общего числа лиц, совершивших данные деяния. В значительной мере такое положение обусловлено зрелым возрастом подавляющей части этих лиц, а также самим характером антиобщественного поведения. Количество замужних женщин несколько ниже количества женатых мужчин, поскольку успеха в бизнесе, как правило, достигают женщины не связанные семейными отношениями.

Социально-психологическая характеристика

В отдельных работах отечественных криминологов сделан важный вывод о том, что по своим социально-психологическим характеристикам лица, совершающие экономические (в том числе и налоговые) преступления, в меньшей степени, чем другие категории преступников, отличаются от законопослушных граждан³.

Отношение к действующему законодательству и желание соблюдать его нормы. Уровень правовой грамотности населения расценивается как низкий. Однако для налогового преступника характерно хорошее знание законодательства и, как следствие, использование «пробелов» в нём во избежание ответственности за противоправное посягательство.

2 См.: Там же. С. 104.

3 См.: Рогов И. И. Проблемы борьбы с экономической преступностью (уголовно-правовое и криминологическое исследование): автореф. дис. ... д-р. юрид. наук. Алма-Ата, 1991.

Зачастую налоговым преступникам свойственен правовой нигилизм, отсутствие уважения к органам власти и, как следствие, отсутствие уважения к издаваемым государственными органами нормативно-правовым актам. Уклонение от уплаты налогов не рассматривается большинством налоговых преступников как преступление.

Подобно многим мошенникам, действующим в интеллектуальных сферах финансово-хозяйственной деятельности, налоговый преступник формируется под воздействием определённых представлений и иллюзий. «Эти иллюзии касаются, прежде всего, неверного представления о том, что умный человек способен пройти по грани, отделяющей закон и преступление, удовлетворив при этом определённые личные потребности. Человек, который попытался реализовать эту иллюзию, рассматривается как герой, достойный уважения и почитания пример»⁴.

В отношении преступника к своей жертве наблюдается устойчивый феномен обезличивания — эффект «нематериальной жертвы», которой является государство. В виду специфики посягательства, его объект размывается: жертвы в сознании преступника утрачивают свой человеческий статус, что способствует отсутствию осознания нарушителем своего деяния как противоправного. Правонарушители расценивают свои действия как незначительные, не преступные в современных условиях.

Данное явление объясняет теория аномии (с фр. «anomie» — отсутствие закона), т. е. достижения цели недопустимыми, незаконными средствами. Аномия является одним из основных понятий современной уголовной социологии постиндустриальных стран. Термин введен французским социологом Эмилем Дюркгеймом, который считал, что во времена социальных переворотов ослабевает чувство ответственности перед коллективом и обществом. Лица, которые не могут законным путём достичь благосостояния и реализовать свои ценностные ориентации, вынуждены стремиться к ним путём противозаконных способов.

Заинтересованность в совершении противоправного действия. В последние годы ярко выражено стремление большинства населения к материальному насыщению. Согласно теории С. Л. Рубинштейна любая деятельность — это

порождение потребности⁵. Цель, в свою очередь, обуславливает выбор эффективных форм деятельности. Показательно, что большинство экономических преступников имеет завышенные стандарты потребления. Однако мотивом совершения налоговых преступлений может быть не только личная корысть, но и другие побуждения, такие как использование сокрытых от налогообложения средств для модернизации производства, выдачи зарплаты работникам и т. п.

Субъективно предполагаемая преступником степень риска быть разоблачённым. Для большинства налоговых преступников совершение налоговых преступлений является нормальным видом деятельности, порой даже частью бизнес-плана, пусть и сопряжённой с некоторой долей риска быть обнаруженным. «В данном случае под риском может подразумеваться действие (поступок), выполняемое в условиях выбора, когда существует опасность в случае неудачи оказаться в худшем положении, чем до выбора»⁶.

Риск быть привлечённым к уголовной ответственности в случае его наступления для прагматичных налоговых преступников незначителен в сравнении с возможной выгодой.

Отношение к понесённому наказанию. Виновные в совершении материально выраженных посягательств, которые связаны с наступлением необратимых последствий (как, например, убийство, причинение вреда здоровью, уничтожение имущества и т. п.), как правило, признают справедливость и заслуженность наказания.

В ситуации с налоговыми преступлениями, когда посягательство не имеет необратимых последствий, а нанесённый ущерб может быть возмещён, признание лицом справедливости и заслуженности наказания происходит гораздо реже.

Таким образом, наиболее распространённым типом налогового преступника является мужчина в возрасте 40 лет, имеющий высшее образование, проживающий в городе, ранее не судимый, занимающий должность руководителя общества с ограниченной ответственностью, женатый, имеющий детей. При этом для него также характерен правовой нигилизм, завышенные стандарты потребления, ориентация на успех прагматизм.

4 Подольный Н. А. Криминалистическая характеристика личности мошенника, совершающего преступную деятельность на рынке ценных бумаг // Следователь. 2002. № 5. С.31.

5 См.: Рубинштейн Л. С. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976.

6 Лиховидов К. Риск как условие дифференциации объема и мер юридической ответственности // Законность. 2001. № 12. С. 33–38.

ПИСАТЕЛЬ—КРИМИНАЛИСТ—КРИМИНОЛОГ

МЕДВЕДИК (ИЗ ТЕТКИНЫХ БАЕК)

С. А. Данилюк

кандидат юридических наук, член Союза писателей

Август шестьдесят восьмого года. Киев накрыло летней истомой. Недвижный, каленый воздух сгоняет все живое с улиц. Кажется, город впал в дрему. Разве что верхушкам каштанов перед распахнутым теткинским окном на Владимирской досталось немного ветра. Он мягко теребит листья, отчего по навощенному паркету гуляют теплые блики.

Вот уж вторую неделю после поступления на филфак я гощу у тети Оли. И вторую неделю гонористый семнадцатилетний пацан по всякому поводу схлестывается в спорах с упертой шестидесятичетырехлетней старухой. Впрочем в семнадцать лет стариком кажется всякий, дотянувший до сорока. На самом деле тетка ни тогда, ни после в старуху так и не обратилась. До самой смерти сохранила она пронзительные, незамутненные возрастом голубящие глазички, заставлявшие мужчин обмирать. Но и огневой характерец тоже не угас в ней до последнего часа. В тот первый свой приезд в Киев я от него слегка отхлебнул.

В молодости тетка была отчаянной авантюристкой. По скудным сведениям, в пятнадцать вступила в отряды ЧОНа. В неполные восемнадцать с первым мужем сражалась сначала у Котовского, потом против Врангеля. По сведениям матери, среди военно-административной верхушки тридцатых тетка чувствовала себя своей. Во всяком случае из пяти ее мужей ниже комкора не было. Да и в литературном мире Бабель, Эренбург, Фадеев для меня фамилии из хрестоматии, для нее люди, с которыми сводила судьба. А со знаменитым Михаилом Кольцовым она и вовсе близко прятельствовала.

Должно быть, отсюда привычка к безапелляционности. Возражений не терпела. Я же в сем-

надцать собирался покорить этот мир и во всяком споре стремился настоять на своем.

Мозги абитуриента густо нафаршированы свежими знаниями. И я то и дело уличаю тетку в неточностях, а то и в передергиваниях. Но всякий раз, когда я загоняю ее в угол, тетка беззастенчиво использует убойный аргумент.

«Если на то пошло, Маяковский сам признавал это», — заявляет она. — «Маяковский этого не говорил». — «Тебе не говорил, мне говорил», — победно усмехается тетка. Я надуваюсь, — проверить сказанное невозможно.

Накануне мы в очередной раз повздорили. Я принялся декламировать Есенина, которым зачитывался.

И вдруг тетка отчеканила:

— Вот уж кого не уважала, так этого «кулачка»!

Оказывается, в двадцатых, вместе с мужем тетка с месяц жила в одной из московских гостиниц. В соседнем номере останавливался Есенин. Изредка общались. Однажды, со слов тетки, Есенин забежал в их номер с новыми сапогами. «Спрячьте на время. Отец из деревни нагрязнул. Увидит — заберет». Отцу пожалел! Какой там поэт? Сельский жлоб.

Обычно в таких случаях я терялся. Но не в этот раз. Спустить, когда любимого поэта *походя объявляют «кулачком»*, я не мог.

— А слышала, — «суди не выше сапога?» — схамил я в запальчивости. — Думаешь, если по соседству спала, так и судить право получила? А судить гения надо по творчеству его. Нет, прав Есенин — большое видится на расстоянии!

Тетка подалась вперед, тяжело задышала. Голубизна в глазах погрозовела.

По счастью, как раз прибежала Верочка. Тридцатипятилетняя Верочка, приемная дочь тети

Оли, удивительное существо. Легкая, уступчивая, с веселой ямочкой на подбородке, она безропотно принимает на себя приступы теткой раздражительности. Лишь за два года до моего появления наконец вышла замуж, — всех прежних кандидатов тетка отшивала. Не одобрила она и нынешнего. Но тут уж Верочка настояла на своем. Теперь живет у мужа. Но каждый день непременно забегает навестить «мамочку», принести продуктов. Забегает одна. Мужа ее непримиримая тетя Оля видеть не желает.

Верочка разрядила накалившуюся атмосферу.

Тем не менее спать мы с теткой легли, не пожелав друг другу спокойной ночи.

Наутро оба ищем пути к примирению.

Тетя Оля, сидя за письменным столом, перебирает старые бумаги. Обтянутый бильярдным сукном стол как раз возле окна. И все на нем: карандаши в пластмассовом стаканчике, стопка двухкопеечных тетрадей, зачитанные томики Ленина вперемежку со стихами, — все в таком привычном порядке, что, когда тетка возлагает на стол свои руки, понимаешь: это именно те единственные в мире руки, которых не хватало на этом столе для полной гармонии. Гладкие, маникюренные. Разве что крохотные пигментные пятнышки выдают почтенный возраст.

Да и вся эта солнечная прибранная комнатка, с салфеточками на этажерках, со взбитыми подушками на никелированной кровати, с фикусом у платяного шкафа, настолько полна теткой, что всякий другой кажется здесь лишним.

Будто случайно тетка выуживает из объемистого пакета ссохшуюся, пожелтевшую фотографию. Протягивает мне. На фото трепетная белокурая девчушка в балетной «пачке», поставив ножку на табурет, зашнуровывает вокруг лодыжки ремешок.

— Хороша была? — требовательно уточняет тетка.

Я показываю большой палец. Еще бы не хороша. Пытаюсь понять, где это снималось: в школе или уже в институте.

— Наверное, на выпускном вечере?

— На вечере, — подтвердила тетка. В лице ее проступило торжество.

— На кремлевском любительском концерте, перед Первомаям. За два месяца до ареста.

— Как за два месяца?! — пораженный, я вновь впиваюсь в фотографию.

Тетку арестовали в тридцать восьмом. Родилась она, по непроверенным данным, в третьем году. Значит, на фотографии ей должно быть не меньше тридцати четырех. К тому времени переменила трех мужей. Сын уже заканчивал школу. Но поверить в это, видя изящную миниатюрную фигурку, лукавый из-под челки взгляд, было решительно невозможно.

Зато в другое, что много раз слышал от матери, поверил враз и безоговорочно, — всю жизнь мужчины влюблялись в тетку без памяти и по капризу ее совершали немыслимые сумасбродства.

— Ох, и крутила она ими! Глазиком скосит, на ножке крутнется. И — готов! — произнося это, мать завистливо зажмурилась.

Впрочем сама мама сведения о похождениях тети Оли черпала из рассказов родственников. Разница меж сводными сестрами составляла 27 лет. Жили в разных городах. Общаться начали только после теткинго освобождения.

Но и прочие родственники, как я убедился, знали немногим больше. Жизнь тети Оли была окутана легендами. И легенды эти тетка создавала сама. Она никогда при мне не рассказывала о своей жизни связно. Лишь изредка бросала вскользь что-нибудь вроде: «Берия, признаюсь, поразил. Редкостный, конечно, стервец. Но, в чем не откажешь, умел обольщать». И тут же, будто сказанное не заслуживало внимания, переводила разговор на другое.

Искоса, впрочем, упиваясь произведенным впечатлением. Как хошь, так и понимай: то ли ее обольщал, то ли кто-то из подруг поделился.

Но в этот раз тетю Олю что-то крепко зацепило. Она впала в задумчивость, заерзала, задвигала губами. Вдруг вытряхнула на стол содержимое пакета и с обеспокоенным видом принялась разгребать его. Нашла то, что искала.

— Значит, считаешь, хороша была?

— Что значит была? Да ты из редчайшей категории женщин, — до восьмидесяти доживешь, и все хороша будешь! — подольстился я.

— Да? А как тебе эта бабенка нравится? — тетка протянула еще одну фотографию, совсем скукоженную.

Что тут могло понравиться? Сгорбившаяся старуха, в телогрейке. Кисти рук зябко укутаны в засаленные рукава. Мохнатый платок, по-бабы подвязанный под самый лоб.

Я непонимающе вглядываюсь в унылое, отечное лицо, — зачем мне его показывают? Посмотрел на тетку, та выжидательно улыбалась. Начиная догадываться, всмотрелся. И лишь тогда разглядел теткинны глаза. Только очень печальные и будто наледью покрытые. В паутине морщин.

— Это через восемь лет, после освобождения. Стало быть, на все про все мне здесь сорок два годочка. А ты говоришь, — тетка положила два фото рядышком. Подмигнула. — Что губки подраспустил, племянш? Жалко стало? Еще спасибо, что жива осталась.

В комнате установилось молчание. Тетка, кажется, ждала наводящего вопроса. Я же затаился, боясь спугнуть редкое в ней исповедальное состояние.

— Шалая у меня все-таки судьба выдалась, — усмехнулась тетя Оля. — Будто кто на куски нарубил: вначале жизни — филейчику, потом грудинки, — тетка отпихивает бальное фото, отчего-то с неприязнью, — а оставшиеся кости да ливер на студень ушли. В Карлаге этого студня со стужей вдосталь хлебнуть довелось.

Следом за бальным фото на край стола отлетает и «старуха в телогрейке».

— А теперь, похоже, хвосты подъедаю. И уж сама не знаю, жила я той жизнью, какую вспоминаю, или — почудилось. Ведь сколько люда вокруг меня вертелось. Сотнями, тысячами исчисляла. А какие глыбы меж ними попадались. Какие страсти кипели, споры до драки о смысле бытия. И — вдруг сгнули, как не бывало. Никого из прежних. Не то чтоб рядом, но хотя бы на виду. Ни-ко-го! — выдохнула она тоскливо. — И следов никаких: писем, метрик, фотографий. Кроме этих двух, по случайности сохранившихся. Была Атлантида и — потопило.

Тетка откинула головку на спинку стула, зажмурилась под солнцем, так что пушистые ресницы принялись будто сами собой подрагивать. Все-таки истинная женщина остается ею до конца. Видно ведь, что разволновалась не притворно. А все-таки не забыла принять позу повыигрышной.

(Я в волнении ждал).

— Арестовали меня через два месяца после мужа, — не размежая глаз, отчеканила тетя Оля. — Он тогда был в Харькове секретарем... Впрочем, неважна тебе должность. Главное —

был он настоящим коммунистом. Не люблю высоких фраз, но если уж говорю, что настоящим, значит, того стоил. За то и взяли. Тогда каждый настоящий большевик был потенциальным врагом народа. Проходил по одному делу с Варейкисом. Вместе расстреляли. Это я уж после узнала. А тогда, как мужа забрали, бросилась спасать. Бабенка-то в общем бойцовая была. Кинулась к друзьям мужа, да и своим — общие они у нас были — отогреться. А от них вдруг таким морозцем...Бр-р! Вот тут-то бабоньку и заколотило. До этого носилась по инстанциям, словно у Котовского, — все искала, где тот вражина затаившийся, чью башку поскорей снести надо, чтоб честных коммунистов не порочил. А тут чую, — нет какого-то одного. Гниль по всей датской державе пошла. Я-то еще в гражданскую привыкла: друг — это который прикроет. А тут — большевик, отчаянный парень, а говорит со мной о муже моем, дружке своем закадычном, шепотком, словно о заразной девочке. Страшно мне стало, тем паче, что бояться-то в общем не привыкла.

И вот возвращаюсь как-то домой, а сын Алька (шестнадцать, школу заканчивал) сообщает: «Похоже, тебя разоблачили». И протягивает повестку из милиции. — «Я всегда подозревал, что от алиментов укрываешься». Любил, стервец, над матерью подшутить.

О дурном не подумала. Пришла, протянула повестку: «Здрасьте, мол. Чего желаете?»

«Здрасьте», — отвечают. — «Только вам не к нам, а к смежникам. Мы просто послали от себя, чтоб без лишних волнений. Так что потрудитесь улицу перейти».

Вот тут и дошло, — пришел мой черед. Вылетела я от них и — бегом домой. Меж машин, по лужам, по грязюке. Сын рисовал что-то. В Строгановское готовился поступать. Схватила его за плечи, развернула.

— Ты, — шепчу, — сынуха, если со мной что случится и обо мне дурно говорить станут, не верь. И про отца не верь. Чисты мы перед тобой и перед партией, понимаешь?

Глаза у него мои были, огромные, голубюющие. Как слезы в них поплыли, будто дамбу прорвало, и озеро растеклось.

Приласкала, как умела. И — пошла себе, солнцем палима.

Нашла кабинет. Следователь молодой, но уже такой — осанистый. Весь из себя в значе-

нии. Посадил на стул, воды налил. Сразу видно, жесты заученные. Папиросочку, правда, не предложил.

Сию, жду, когда он про мужа заговорит. Голову опустила, чтоб страха не выказать. Во рту жжет, в висках колотит. Руки, чувствую, дрожат, а унять не могу.

Долго так сидели. Вдруг слышу тяжелое мужское сопение, глаза поднимаю, а у него даже кончик языка вылез, только что слюна не течет. Засмотрелся, стервец!

Сразу очухалась. До чего ж запугали бабенку, что салажонка-сопляка чуть не за Каменного гостя приняла. Волнения как не бывало. И во рту сделалось свежо, и вены на висках исчезли. Смотрю на него с прищуром, но так чтоб не обидеть (видишь, тетка-то у тебя, хоть из гусаров, но дипломатию превзошла).

— Может, начнем? — предлагаю.

Тут и он опаматовал.

— Что можете сказать о таких-то? — и протягивает коротенький список.

— А что могу сказать? Чудные ребята, большевики.

А сама жду, когда он про мужа заговорит.

— Да вы не спешите, подумайте. Вызвали-то вас сюда не случайно. Нам известно, что вы всех троих хорошо знаете.

— Еще бы не знать, — отвечаю. — Все дружки мои закадычные. С Пашкой Печерскую лавру закрывали, с Серегой у Котовского воевали, а с Вадькой росла вместе. Настоящие наши советские ребята.

Смотрю, а он пальчиками по столу постукивать начал — с эдакой нарождающейся злобочкой.

— Вот что, девушка, — другим, чугунным голосом отчеканил он. — Что вы можете о них хорошего сказать, нас не интересует. Говорите о плохом. Ясно теперь?

Тут меня понесло.

— Во-первых, я вам давно не девушка. Трех мужей поменяла. А за этих ребят могу поручиться как за себя.

Выпала последнюю фразу и осеклась. Репутация-то моя для них, как пеленка у грудняшки, — мокренькая.

Но, видно, и правда умела я парней на привязи держать. Смолчал.

Потом вытянул неохотно из стола чистые листы, положил передо мной:

— Раз так, пишите поручительство.

Протянул ручку. Тут же назад отдернул.

— Только советую сперва крепенько подумать.

И смотрит в упор — особенно. Будто свою, потайную мысль в меня вкладывает.

Да я и сама догадалась, что голову в петлю сую.

Только думать уже не могла. Головка-то хоть и уменькая была, при том, что хорошенькая, но вот если мысли с чувствами расходились, тут она мне отказывала.

У других, счастливых, при таком раскладе совесть съезживалась, а у меня в голове замыкало.

Выхватила ручку. Да и сунула голову в петлю.

Тетка промокнула повлажневшие губы, провела салфеткой по лбу.

— Через неделю за мной приехали. Теперь это как картинку в учебник истории рисовать можно: двое в кожанках и один с винтовкой. Месяца три в подследствии держали. Вот когда по-настоящему поняла, что такое жуть. Это когда коммунист измывался над коммунистом. С одной стороны, ты, верящий в Ленина, в коммунизм. А с другой, следователь. Тоже, вроде, на том же воспитан. Но вот изгаляется он над тобой как над врагом, мужа твоего ни за что уничтожает. А ты не веришь, не хочешь верить, что он тебе и впрямь враг. И что не ошибка все, что происходит, не заблуждение, а продуманное массовое уничтожение лучших и надежнейших кадров. Хотя, поверь в это, наверное, чуть полегче бы стало. И мечешься ты по камере, не в силах понять, почему мальчишка следователь на допросах с обслонявленным ртом выкрикивает дико: «Признавайся, вражина, что была в одной шпионской группе с этим своим Сережкой!»

А ты только зубами хрустишь.

— Били? — не удержался я.

Тетка на секунду запнулась. Хотела, видно, для остроты приврать. Но — честь ей и хвала — удержалась:

— Нет. Меня — нет. Не того масштаба я для них фигура была. Мне и без того стресса хватило. И что по сравнению с этим привычные страхи?

В детстве мышей боялась до одури. А тут проснусь ночью в камере, смахну жирную крысу и дальше сплю. Спали, кстати, обязательно лицом к двери.

— А это зачем?

— Чтоб надзиратель мог в «глазок» разглядеть: а вдруг ты с собой что сделала. Там и впрямь умереть порой за немислимое благо казалось. Вот они и следили, чтоб тебе это счастье без их санкции не перепало.

Через три месяца объявили приговор: «Пять лет лагерей за недоносительство». Ты понял: за не-до-но-си-тель-ство!

В шестьдесят первом встретила я с одним из тех ребят и только тогда узнала с изумлением, что никого из них в те страшные годы не тронули. Даже не знали, за что отсидела. Думали, за мужа. Какова хохмочка?

Тетка натужно засмеялась.

— Тот год для меня вообще мерзопакостным выдался. Я ведь еще и сына потеряла. Пока оставалась на свободе, успела связаться с троюродной сестрой в Крыму. После моего ареста Нюся увезла его к себе. Там же пошел мой хлопчик в десятый класс. Так прознали-таки. Нашлась гримза-учительница, объявила перед классом, что у них теперь учится сын закоренелых врагов народа. А семнадцать лет — самый поганый возраст. Ушел в горы и — не вернулся. Через три недели нашли повесившимся с рисунком в кулаке. Мне Нюся рассказала, что на нем было. Он, муж и я подходим к воротам вроде рая, но с надписью «Коммунизм», а сверху бог с лицом Ленина руки протягивает. Да, поганый это возраст — семнадцать лет.

Тетка пытается говорить спокойно. Она и впрямь внешне спокойна. Если ты сумел пережить боль от потери близких, то время потихоньку рубцует ее, будто замораживая в леднике. Но порой лед подтаивает, и замороженная боль начинает ныть заново.

Мне кажется, что теткин голос прервался. Видимо, так и было. Потому что она сердито прокашлялась, испытующе скосилась на меня, — заметил ли. Делаю вид, что нет, — только бы не оборвались воспоминания.

— Отправили меня в Карлаг. Все там было: и грязь, и нечисть, и мысли дикие, и звезд ночной полет. Довелось и с уголовниками поякшаться, и вены резать пыталась... Это когда до меня о смерти хлопчика моего весть дошла. Думала, после такого не живут. А вот ведь перетерпела. В сороковом, когда два года оставалось, завела себе что-то вроде дембельского альбома.

Про этот альбом я от тетки мельком слышал. И даже видел несколько сохранившихся листи-

ков. На каждом — рисованный человечек — из тех, что «ручки, ножки, огуречек», и — четверостишие. Стихи мне тогда не показались, а вот щемяще беззащитный человечек поразил. Вот он, отвернув голову, несет на вытянутой руке парашу. И ручка-прутик подрагивает: то ли от тяжести, то ли от брезгливости. А вот он стоит, съезжившись, меж сторожевых вышек с головкой, тоскливо задранной к звездному небу. Знаю, со слов тетки, что блокнотик этот заветный она в пятидесятые отвезла Фадееву. И он даже будто бы загорелся напечатать. Но после его гибели блокнотик канул. Может быть, опечатали среди прочих бумаг.

Тетка шумно вздохнула:

— О дембеле размечталась, дуреха. Не поняла еще до конца, с кем дело имею. В сорок первом, как война началась, вызвали нас к куму и предъявили документик: до конца войны заключенные автоматически остаются в лагерях. Ничего больше не помню. Рухнула, говорят, на пол. Сейчас уж и не скажу, с чего так. Ведь уверена была, что война больше, чем на год не затянется. Очухалась в госпитале в палате для умирающих с открывшейся язвой. Простыни липкие, холод. Мозг говорит: умри наконец. А тело отбрыкивается.

Провалялась три месяца, вышла из больницы. Но больше дней до освобождения не считала — чтоб с ума не сбрендить. Да и не рассчитывала дотянуть. Потому что осталось от меня на все про все сорок шесть килограммов костей, — будто луна обгрызанная. Вся прозрачная. Можно уроки анатомии проводить, не вскрывая. В общем собралась бабонька подышать. Но тут начальник лагеря сменился. И надо же — подвезло, — в двадцатых под одним из моих мужей служил. Понятно, ни полсловом не дал знать. Но только перевели меня вдруг на метеостанцию — Метка, по-нашему. Это по тем местам удача неслыханная. Сродни хлебоборезке. Наверное, помочь решил. А может, просто, чтоб умерла доходяга в стороне, по-тихому.

И началась моя новая жизнь. Метеостанция в семи километрах от лагеря. Заборчик, вышка, домик. Голая степь. Ветер пронизывающий в калитку ломится. По ночам волки ему подвывают. И ты среди этого одна, что былинка в поле. Любой походя затопчет. А кому затоптать было. Степь вся в лагерях. То и дело бегут. В основном блатники, беспредельщики. А метка — она посреди степи как маяк. Кого еще на огонек вынесет?

Правда, собак молодых дали, кавказцев. Вот они меня и спасли. Не от людей. Тут Бог миловал. От смерти. Меня-то, зэчку, на баланде держали, а для собак моих рацион другой. Даже мясо отпускали. Так я из их пайка потихоньку приворовывала. Ну, правда, молодчаги псы оказались. Ни разу не пожаловались.

Через год вымахали так, что ко мне охрана ездить перестала — песики не подпускают. А пристрелить жалко — сами дали. Потом это же не зэчка. Госимущество как-никак. На балансе.

Выделили мне клячу Алку, и стала я на ней сама в лагерь с отчетами да за продуктами ездить. А Метку так на меня и переложили. Даже проverkaми не досаждали.

И понимаешь, племяш, какая штука. Чем больше меня жизнь бьет, тем, чувствую, крепче во мне человек. Не то чтоб человечество. А просто человек. Чистюля, помыться любит, одеться старается поопрятней, поесть, пусть не сытно, но вовремя, волосы по утрам расчесать. В лагере пока была, ты хоть не хощь — казенная единица. Все наперед размерено. Разве что ногами сама перебираешь. А как на Метку отправили, зажила тетка! Со временем даже парой платьиц цветастых разбогатела. На люди в них, понятно, не показывалась, но наедине с собой форсила! Представляешь?

Очень даже представляю. Только вчера прогуливал тетку до аптеки. В маленькой шляпке, в шифоновом платьице в талию, рукав «фонариком», в туфельках с бантиками, она несла себя по Большой Подвальной. И встречные огоршенно обмирали при виде этого изящного осколка тридцатых годов.

Тетка самодовольно прищурилась:

— С платьями этими знатная история связана. Мне их врачиха одна подарила. Не из зоны. Из Караганды. У нас в лагере хирург-глазник знаменитый сидел, так она дочурку свою к нему привезла. Девчонке стружка в глаз попала, слепота грозила. Связи у врачихи, похоже, в Карлаге серьезные были, раз операции на зоне добилась, да еще и аппаратуру выбила. А вот из лагеря велели уехать. Представляешь? Ребенка на операцию оставляют, а мать, у которой судьба дочери решается, гонят от нее за сотни километров.

Ошалела, видно, бабонька. Кинулась к заключенным: спрячьте, отблагодарю. А где в лагере чужого спрячешь? Вот и посоветовали на Метку.

Знали, стервецы, что ко мне охранники лишний раз не сунутся.

Начальство наверняка прознало. Но смолчало. С неделю у меня прожила.

Операция удачно прошла. Спасли девке зрение. Только ее еще надо было наблюдать, лечить. Что делать? Но — пробивная! Опять по связям рванула. Договорилась, чтоб дочка, пока лечат, у меня на Метке жила. А я, хоть меня никто не спрашивает, как раз не против. Так у меня десятилетняя пацанка поселилась. Ничего, сжились, — привязчивая, стервочка, оказалась. Даже с песиками моими сдружилась. Через два месяца мать за ней вернулась. Когда прощались, протянула адресок. Мол, как освободят, сразу ко мне, в Караганду. Устрою на работу. Жить, пока комнату не подберем, у меня будешь. По тем временам слова эти дорогого стоили. В Киев-то я при всех раскладах вернуться бы не смогла — поражение в правах.

Обнялись мы, разнюнились. А дочка стоит рядом и тоже, смотрю, слезки потекли. Она ведь в первый раз увидела, как я плачу. Врачиха мне и туфли с бантиками хотела оставить, но там два лишних размера оказалось.

Уехали они. И — так мне худо стало. Будто заново осиротела. Опять осталась со степью один на один. Ночью волки воют, собаки в ответ заходятся, степь холодом веет, а маленький человечек, который и весит-то меньше хорошей собаки, сидит себе в домике, подложил ручонки под подбородок и тоже подпискивает: мол, отпустила бы ты меня степь в стольный Киев, к каштанчикам моим любимым, ведь ни в чем я перед тобой не виновата.

И вот сижу я, травлю себя по ночи. Вдруг слышу среди степных звуков новый вкрапился. И не звук даже, а так — будто дыхание.

Я ведь, как меломан в оркестре, любой шорох в степи различала. Вскинула голову, напряглась. И впрямь посторонний звук. Усиливается. Уже жужжит тихонько, пофыркивает. Меня аж ошпарило: «Машина! Значит, по мою душу».

Время тогда, племяш, такое было: для вольных настоящего закона не существовало. А уж для зэков... Поступит команда, приедут, заберут, да и пристрелят по дороге при попытке. А потом сактируют.

После трех месяцев предварилки ничего так не страшилась. Я ведь опять надеждой на осво-

бождение жить начала. Сорок пятый шел. И вот на тебе — едут. Настал, стало быть, мой час.

Тоскушка-потаскушка моя хиленькая вмиг испарилась.

Одна мысль: «Неужели все?!» Не знаю, на что решиться: разве, собак с цепи спустить? Так в этом случае и с ними церемониться не станут — перестреляют.

А гул то затихнет, то вновь приблизится. Значит, не по прямой едут, петляют. Начинаю соображать: раз прямой дороги не знают, может, не охрана, а кто залетный. Кинулась огонь в доме тушить — если и впрямь чужие, не заметят да мимо проскочат.

Только поздно сообразила. Минут через пятнадцать подъехали. Стучат в ворота. Чему быть, тому не миновать — открыла. Собак так и не спустила, — их-то за что понапрасну губить?

Вижу, *газик* тусклыми фарами на забор светит. И низенький паренек лет двадцати пяти в кожаных куртке и кепке перед калиткой сапогами на морозе притопывает. Да еще пустым ведром себя по спине околачивает. И такой вид разухабистый — чистый опер. Шарю глазами по кожанке, ищу, где оружие запрятано.

— Что, мамаша, спрашивает, не подкинешь водички в радиатор залить? Заблудился на охоте.

Значит, все-таки не по мою душу. Пронесло на сей раз. Господи, Боже мой, слава тебе, Всевышний! И не соображаю, что вслух молюсь. В первый раз в жизни. Я ведь и до того, и после того — атеистка прожженная. А тут, видать, уверовала ненадолго.

Опомнилась только, когда у него щека задергалась:

— Ты чего блажишь-то, старая?

«Блажишь» это я бы ему спустила. А вот за старуху обиделась. Хотя в сущности ею и была, — тетка ткнула в сторону фото. — Отобрала ведро, калитку перед носом на щеколду затворила — он-то хотел следом втиснуться, — налила воды, заново открываю калитку, и — ведро из рук!

Позади разбитного паренька стоит медведь и мерно раскачивается. Ну не то чтоб совсем медведь, но ростом и осанкой — один в один. К тому же весь в меху, от волчьей шапки до собачьих унт.

Должно быть, остолбенела я. Потому что паренек этот, язва, заухмылялся. На ведро пролитое поглядел с сожалением, головой с ехидцей пока-

чал: плоховато-де с нервишками, хозяйка. Потом скоился на медведя и говорит:

— Пусти-ка ты нас погреться. Подмерзли малек. Да не бойся, мы не кусаемся.

Не догадывался он, что кусачих я куда меньше боюсь.

Я б, может, и прогнала. Тем более по инструкции любой контакт заключенных с вольными запрещен. Надо б сказать, что зэчка я. Сами пулей развернутся. А что если наоборот решат: раз бесправная, все дозволено? Да и видно, что намерзлись. Впустила, конечно.

Входят в дом. Медведь при свете, как шапку стянул, в человека превратился. Только рост остался медвежий — за два метра. Лицо крепкое, каменноскулое. А глаза — махонькие, но до чего живые и теплые. Как в них заглянула, отлегло, — с этой стороны беды не будет.

Не понравилось, правда, что повел себя больно по-хозяйски. Прошелся вразвалочку, оглядел небогатую обстановку да хилую утварь, второму кивнул, и тот — тотчас из дома. Я было обеспокоилась, — никак что удумал. Но напрасно — опустился на табурет и будто врос. Сидит, молчит да меня в упор разглядывает, — из-под платка вылушивает. А унты-то в снегу. И снег, вижу, подтаивать начал. Ну, какая у тебя тетка чистюля, сам знаешь. Сказать ничего не сказала, но зыркнула от души. Думала, взовьется. А он вместо этого затылок лапичей почесал и так обескураженно улыбнулся, — если и появилась во мне злость, исчезла тут же. Ну как на такого Медведика сердиться!

При этом прозвище какая-то неясная догадка всколыхнулась во мне. Что-то смутно знакомое, где-то слышанное. Возбуждение мое тетка подметила, но то ли не обратила внимание, то ли не сочла нужным отвлекаться.

— Так вот, сидим. И все это время во мне свербит: надо наконец признаться, кто я. То, что Медведик этот — большое начальство, поняла сразу. В зону пропуск на охоту кому попало не дадут. Только контакт с политической зэчкой — это вам не сайгачья охота. Коснись чего, не поглядят, что начальство. Медведей, их ведь тоже собаками травят.

Только собралась с духом, второй возвращается, из машины корзину с продуктами тащит. И чего там только не было, мама дорогая! Колбаса, сыры, икра даже черная. Ну и водка, конечно.

Вот ведь интересно. Когда меня арестовали, следователь — стервишко недели через две пытку удумал: на допросе вытащил колбасу, мясо и дай кусманами наяривать.

Я тогда в него пепельницей запустила — так боялась колбасу схватить.

А тут шесть лет отсидела, стол от продуктов ломится, каких с тридцать восьмого не видела. Сами предлагают. А я креплюсь. И глаза отвожу, чтоб не выдать, насколько голодна. Гордость отчего-то обуюла.

Медведик меж тем молча посапывает, чесночную колбасу ломтями в рот запускает да водку лупит стаканами.

Один Володька — он представился — разговор поддерживает:

— Не страшно одной в степи? И чем же это люди так досадили, что от всех подальше в вольноопределяющиеся подалась?

Больше скрывать было нельзя.

— Не я выбирала, — отвечаю. — Заключение куда пошлют, туда идет.

Выпала. И поднялась, чтоб проводить.

Володька и впрямь осекся, принялся рукой по лавке шарить, — кепку искал. А кепка на голове оставалась — снять забыл. А вот Медведик странно себя повел. Отставил стакан, осмотрел меня поновому, потом протянул колбасу и увесисто так, будто землю бульдозером разрывает, потребовал:

— Ешьте.

И знаешь, начала я есть. Может, от того, что впервые голос его услышала. Ем и молчу. И они оба молчат. То на меня зыркнут, то меж собой переглянутся.

Наконец поднялись. Володька замельтешил: спасибо за уют-ласку, а нам пора.

И слава Богу, что пора. Проводила. Заперла за ними калитку. Возвращаюсь, а корзина с оставшимися продуктами в сенях стоит. Забыли. Значит, повезло мне, — еще месячишко-другой на подсобных харчах протяну.

Уверена была — больше не увижу. Только месяца не прошло, опять гул в степи. И снова двое — впереди Володька с корзиной шествует, а Медведик следом топает.

Пронесят корзину в дом, я Володьке пустую отдаю. Минут тридцать посидели, помолчали и — поднялись.

Так и повадились. Приедут, посидят, Володька потреплется ни о чем, Медведик помолчит, по-

сопит, корзины обменяют и — дальше, фарами степь выстригать.

Вдвоем всегда приезжали. Видно, никому, кроме Володьки, Медведик не доверял.

Кто я, откуда — ни ползвучка. Медведик вообще за все время, дай Бог, десятка два слов обронил. Только глазенки жадные — куда я, туда и они следом. Будто каждый раз на месяц вперед мною пропитывался. Тут и слов не надо. А вот Володька, у того язык не на привязи. То там, то здесь проболтается. От него я и выведала, кто такой Медведик.

И тут наконец меня озарило: ведь Медведиком, со слов мамы, тетка называла последнего из своих мужей. После него замуж уже не пошла, хотя домогались даже в шестьдесят.

— Кажется, он был директором какого-то комбината! — выкрикнул я.

— Угольного, племяш, угольного, — улыбаясь глазами, подтвердила тетя Оля. — И не какого-то, а в Караганде. То есть бог и царь. Хотя нет — только царь. И тоже под богом ходил. И если б прознали, что под видом охоты зэчку политическую навещает, сам понимаешь, — тетка полоснула себя ребром ладони по горлу. — Но ездил ведь, стервец! А мне в конце концов что? Хочет — ездит, шуганут — вмиг остынет. А пока — какое-никакое развлечение. Да и — что душой кривить? — он же меня, доходягу, на ноги поставил.

Полгода так продолжалось. А потом вдруг очередной месяц прошел — их нет. День, другой — все нет. Во мне отчего-то раздражение забурило, — шутки они со мной шутить вздумали, — хотим заедем, хотим нет. Появитесь, думаю, голубчики, хрен я вас на порог пушу. Через пару дней подобрела — черт с вами, пушу. Но так встречу, что сами пулей усвистаете. Корзину отдам, а новую назло не возьму. То-то морда сытая медвежья вытянется! С мыслью о сладкой мести заснула. Еще неделя прокатила! Слух мой хваленый изменил мне окончательно: чуть не каждый час гул машины чудится, — бегу к калитке. И когда в очередной раз так впустую сбегала, — будто вспышка: бабонька, да ты ж его ждешь! Поняла — и сама себе поразилась. Так не бывает! Ведь восемь лет скорбного существования, казалось, давно во мне женщину спалили. И вдруг откуда что берется? Будто травинка сквозь асфальт проралась. Что же это за сила у жизни

такая? И следом запоздалая догадка — но раз не приехал, значит, беда с ним? Как стояла меж моих песиков, так меж них и осела. Людям бы такими чуткими быть, как собакам, — вылизывать принялись, утешать.

Меж тем второй месяц на излет пошел. Начала я сама с собой психотерапию: выбрось, мол, из головы. Тем более будущего здесь изначально не было. Что ж пустые слезы лить? Наоборот, радуйся, что ни разу не застигли. А то бы новый срок схлопотала. И вообще все, что свершается, к лучшему: из ниоткуда пришло, в никуда уйдет. Здорово я себя укрепила. Прямо якорем!

К вечеру гудение. Сердце захолонуло, якорь сорвало, как не бывало, — ноги сами к калитке понесли. Вся терапия, само собой, разом с меня слетела. Даже в голову не пришло, что это могут оказаться лагерные — по мою душу.

И точно — знакомый газик подъехал. И в нем всего один человек — Медведик. Оказалось, Володька ногу сломал. Так Медведик, чтоб ко мне приехать, научился сам машину водить.

Это он мне после сказал. А в тот момент хотела для порядка отсобачить. Только он как шел, так, не останавливаясь, подхватил меня вытянутыми руками и понес перед собой. А в доме даже на пол не поставил. Приблизил глаза в глаза и...

Дыхание тети Оли сделалось прерывистым, взор замутился. Вялые щеки зарумянились, по лицу забродила томная улыбка. И это в шестьдесят четыре! Каким же сладким призом становилась она для мужчин, которых любила в молодости.

— Что дальше-то? — некстати поторопил я.

Тетка вздрогнула, смутилась.

— Что могло быть дальше? Пропала тетка.

Я ему в ту ночь впервые о себе рассказала, чтоб понимал, какой чумной заразы коснулся, и — бежал, пока не поздно.

Глазищи ее потеплели:

— Не убежал, конечно. Не того калибра мужик. Медведи, говорит, к чуме невосприимчивы.

Тетя Оля хмыкнула растроганно.

— С тем и простились на две недели. То есть это я думала, что на две недели. Забыла влюбленная баба, что нельзя жить надеждами. На другой день поехала на своей Алке в лагерь — сдуру верхом. А та — даром что кляча — с чего-то понесла. Мне после в больнице объяснили, что чудом жива осталась.

И бывают же подарки судьбы, — после больницы освободили. Приехала в Караганду к врачихе своей. И что думаешь? В самом деле приняла. И дочка ее меня не забыла, — на шею кинулась. Еще и в больницу к себе нянечкой пристроила. Она же мне и жилье подыскала. Нет, что ни говори, а если человек настоящий, — он во все времена настоящим остается. А кисель — всегда кисель.

— А как же?!.. — в нетерпении перебил я.

— О чем ты? — тетка усмехнулась. — Я ж пораженная в правах. И ты хотел, чтоб я к директору комбината заявила: мол, вот она, ваша нечаянная радость. Одно дело Метка, где никто не видит, и совсем иное среди злых глаз. Правда, Медведик клялся, что вдовец и что будет ждать. Так ночью в чем не поклянешься! Нет уж, не в моих правилах других подставлять.

Тетка глянула на ходики, — вот-вот должна была забежать на обед Верочка, — и принялась сгребать рассыпанные бумаги обратно в конверт.

Должно быть, вид у меня был совершенно разочарованный. Тетя Оля смилостивилась.

— Он меня сам разыскал, — небрежно сообщила она. — Прямо в больнице на глазах у всех подлетел и тряхнул так, что косынка с головы свалилась. — Где ж ты пропадала, стерва? — Думала, прибьет прилюдно. Лицо пунцовое, губы дрожат, глазки навывкате. После выяснилось, что он к моему освобождению руку приложил и, когда не появилась, чуть ли не в розыск объявил. В общем огреб в охапку и поволок к себе в берлогу, то бишь в квартиру.

Тетя Оля отчего-то вновь углубилась в обе свои фотографии. А я с нетерпением жду: если о самом Медведике среди родственников смутные разговоры ходили, то почему и как тетка с ним рассталась, никто толком не знал.

В тетке умерла актриса, — усиливая эффект, затягивает и затягивает паузу. И, только когда от тишины начинает звенеть в ушах, выдавливает:

— Вот и от него у меня даже фотографии не осталось. Так внезапно все произошло. Три года прожили вместе. Я уж в судьбу была готова уверовать, — будто человеку за несчастья обязательно должно воздасться. И — считала, воздалось. Наивная! Как-то вечером возвращаюсь с работы, вижу у подъезда газик, а в нем Володька за рулем. Сразу недоброе почуяла. Он тоже меня увидел, выскочил:

— Ольга Михайловна, поторопитесь, вещи уже в машине.

— Какие еще вещи?

Метнулась вверх, в квартиру. Медведик на диване сидит.

Открыла было рот, чтоб закричать: что, мол, за дела за моей спиной. Но по тому, как он поднялся, поняла: нет времени на бабьи истерики.

Протянул мне листок.

— Здесь адрес моего друга. В Киеве все может. Он тебе уже комнату выделил и с работой все организует так, что никто вопросов задавать не станет. Билеты на поезд у Володьки. Он и посадит.

Обхватил меня, приподнял как когда-то — глаза в глаза. И такую я там тоску разглядела, что можно и не спрашивать. Все-таки пролепетала:

— Неужели и до тебя добрались, сволочи?

Медведик насупился:

— Только не вздумай написать. Когда все уладится, сам приеду.

— Так и не приехал! — тоскливо выдохнула тетка. — Я потом рискнула — врачихе своей черкнула. От нее узнала, что арестовали их с Володькой чуть ли не на другой день после моего бегства — за вредительство. Какой-то безумный план не выполнил. А еще через два года звонок в квартиру. Открываю, а там врачихина дочка подросток стоит. Мать от перитонита умерла, так эта стервочка ко мне сиганула. Так и приросла на всю жизнь.

Тетка намекающе ждет. Я уже давно догадался. Но, чтоб доставить ей удовольствие, делаю изумленные глаза:

— Неужто Верочка?!

Тетя Оля, довольная удавшимся розыгрышем, кивает.

— А о Медведике так больше ничего? — со слабой надеждой напоминаю я. — Может, все-таки?..

— Сгинул, — тетка пасмурнела. — Это у птичек-невеличек вроде меня шанец какой-никакой оставался, а как медведю на лагерной баланде выжить? Да с его-то шатунным норовом!

Она угрюмо скрежещет зубками.

— Какое племя под корень вывели, сволочи! Зато теперь сплошное быдло свинячье жирует. Вот они, племяш, зигзаги истории.

С привычной ностальгией оглаживает томик Ленина.

— Всего-то трех-четырёх лет ему не хватило. Совсем в другой стране жили бы!

На этот раз я не спорю. В шестьдесят восьмом сам был в том же уверен.

— А еще я им Мишку Кольцова никогда не прощу! — внезапно выпаливает тетя Оля.

У тетки серьезный счет к советской власти. Нынешних властителей она считает сталинскими последышами, извратившими ленинские идеи, и ведет с ними непримиримую борьбу. На ее счастье, советская власть об этом не догадывается и не мешает ей тихонько стариться в чистенькой комнатенке на Владимирской, под любимыми киевскими каштанчиками.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ¹

1. Бабичев Арсений Георгиевич, докторант ФГАУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», к.ю.н. *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18; 2) телефон: 8 (843) 233-71-97; 3) e-mail: public.mail@kpfu.ru; 4) официальный сайт: <http://kpfu.ru>;

2. Бернер Рене, доктор права (Dr. iur.), адвокат-специалист по уголовному праву, главный научный сотрудник кафедры уголовного и уголовно-процессуального права Потсдамского университета (Германия). *Контактная информация:* 1) телефон: +49 (0)331 9770; 2) факс: +49 (0)331 977-1130; 3) e-mail: presse@uni-potsdam.de; 4) официальный сайт: <http://www.uni-potsdam.de/>;

3. Бодров Николай Филиппович, аспирант кафедры судебных экспертиз ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)». *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: МГЮУ имени О.Е. Кутафина, 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, дом № 9; 2) телефон: 8 (499) 244-85-24; 3) e-mail: msal@msal.ru, ksudex@msal.ru, bodrovnf@gmail.com; 4) официальный сайт: <http://www.msal.ru>;

4. Газетдинов Наиль Исламович, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики ФГАУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», к.ю.н., доцент, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18; 2) телефон: 8 (843) 233-71-97; 3) e-mail: Nail.Gazetdinov@kpfu.ru; 4) официальный сайт: <http://kpfu.ru>;

5. Герасимова Виктория Анатольевна, заместитель директора по учебно-методической работе Негосударственного образовательного учрежде-

ния среднего профессионального образования «Налоговый колледж». *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: 123308, г. Москва, ул. 3-я Хорошевская, д. 2, стр. 1; 2) телефон: 8 (499) 191-00-69; 3) официальный сайт: <http://налоговый-колледж.рф/>;

6. Данилюк Семен Александрович, член Союза писателей, к.ю.н. *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: 105064, г. Москва, ул. Старая Басманная, 12, строение 5; 2) телефон: 8 (495) 730-97-80;

7. Жиро Аликс, научный сотрудник кафедры уголовного права, ювенального уголовного права и криминологии юридического факультета Потсдамского университета. *Контактная информация:* 1) телефон: +49 (0)331 9770; 2) факс: +49 (0)331 977-1130; 3) e-mail: presse@uni-potsdam.de; 4) официальный сайт: <http://www.uni-potsdam.de/>;

8. Клюкова Марина Евгеньевна, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГАУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», к.ю.н., доцент, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18; 2) телефон: 8 (843) 233-71-97; 3) e-mail: dkme@mail.ru; 4) официальный сайт: <http://kpfu.ru>;

9. Комиссаров Владимир Сергеевич, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, д.ю.н., профессор. *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, д. 1, строение 13 (4-й учебный корпус), ауд. 429 А, 430 А; 2) телефон: 8 (495) 938-24-94; 3) e-mail: mgu.ug.pravo@gmail.com ; 4) официальный сайт: <http://www.law.msu.ru/>;

¹ Информация об авторах уточнена и подготовлена В. Н. Орловым.

10. Кюппер Георг, доктор права (Dr. iur. habil.), профессор, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-процессуального права Потсдамского университета, (Германия). *Контактная информация*: 1) телефон: +49 (0)331 9770; 2) факс: +49 (0)331 977-1130; 3) e-mail: presse@uni-potsdam.de; 4) официальный сайт: <http://www.uni-potsdam.de/>;

11. Мацкевич Игорь Михайлович, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ. *Контактная информация о месте работы*: 1) адрес: МГЮУ имени О.Е. Кутафина, 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, дом 9; 2) телефон: 8 (499) 244-85-62; 3) e-mail: msal@msal.ru, kcrim@msal.ru; 4) официальный сайт: <http://www.msal.ru>;

12. Митч Вальфганг, доктор права (Dr. iur. habil.), профессор, заведующий кафедрой уголовного права, ювенального уголовного права и криминологии юридического факультета Потсдамского университета. *Контактная информация*: 1) телефон: +49 (0)331 9770; 2) факс: +49 (0)331 977-1130; 3) e-mail: presse@uni-potsdam.de; 4) официальный сайт: <http://www.uni-potsdam.de/>;

13. Михеев Алексей Валерьевич, член региональной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов». *Контактная информация*: 1) адрес: 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, дом № 9; 2) телефон: 8 (499) 244-86-46; 3) e-mail: crimescience@crimescience.ru; 4) официальный сайт: <http://crimescience.ru>;

14. Муратов Константин Дмитриевич, ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГАУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», к.ю.н.. *Контактная информация о месте работы*: 1) адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18; 2) телефон: 8 (843) 233-71-97; 3) e-mail: KDMuratov@kpfu.ru; 4) официальный сайт: <http://kpfu.ru>;

15. Муратова Надежда Георгиевна, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГАУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», д.ю.н., профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан. *Контактная информация о месте работы*: 1) адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18; 2) телефон: 8 (843) 231-51-97; 3) e-mail: muratowan@mail.ru; 4) официальный сайт: <http://kpfu.ru>;

16. Орлов Владислав Николаевич, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного

права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», к.ю.н., доцент. *Контактная информация о месте работы*: 1) адрес: МГЮУ имени О.Е. Кутафина, 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, дом № 9; 2) телефон: 8 (499) 244-86-46; 8-915-051-16-15; 3) e-mail: msal@msal.ru, kcrim@msal.ru, vlad-orlov@mail.ru; 4) официальный сайт: <http://www.msal.ru>;

17. Райнер Бирке, доктор права (Dr. iur.), адвокат, адвокат-специалист по уголовному праву, Дюссельдорф (Германия). *Контактная информация*: 1) телефон: +49 (0)331 9770; 2) факс: +49 (0)331 977-1130; 3) e-mail: presse@uni-potsdam.de; 4) официальный сайт: <http://www.uni-potsdam.de/>;

18. Рахматуллин Рамиль Рашитович, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГАУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», к.ю.н., доцент. *Контактная информация о месте работы*: 1) адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18; 2) телефон: 8 (843) 233-71-97; 3) e-mail: RamRRahmatullin@kpfu.ru; 4) официальный сайт: <http://kpfu.ru>;

19. Романов Валерий Иванович, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГАУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», к.ю.н., доцент. *Контактная информация о месте работы*: 1) адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18; 2) телефон: 8 (843) 233-71-97; 3) e-mail: RamRRahmatullin@kpfu.ru; 4) официальный сайт: <http://kpfu.ru>;

20. Сидоров Борис Васильевич, профессор кафедры уголовного права ФГАУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», д.ю.н., профессор. *Контактная информация о месте работы*: 1) адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18; 2) телефон: 8 (843) 233-71-09, 292-44-48; 3) e-mail: public.mail@kpfu.ru; 4) официальный сайт: <http://kpfu.ru>;

21. Тарханов Ильдар Абдулхакович, декан юридического факультета ФГАУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», д.ю.н., профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан, заслуженный юрист РФ. *Контактная информация о месте работы*: 1) адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18; 2) телефон: 8 (843) 233-71-09, 292-44-48; 3) e-mail: public.mail@kpfu.ru; 4) официальный сайт: <http://kpfu.ru>;

22. Якушин Станислав Юрьевич, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГАУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», к.ю.н., доцент, Почетный

работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный юрист Республики Татарстан. *Контактная информация о месте работы:* 1) адрес: 420008, г. Казань,

ул. Кремлевская, 18; 2) телефон: 8 (843) 231-51-97; 3) e-mail: Stanislav.Yukushin@ksu.ru; 4) официальный сайт: <http://kpfu.ru>.

AUTORENINFORMATIONEN¹

1. Babichev Arseniy Georgievich, Doktorand der föderalen autonomen Staatsbildungseinrichtung der beruflichen Hochschulbildung «Kasaner Föderale Universität», Kandidat der Rechtswissenschaften. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: 420008, Kasan, Kremlevskaya Straße, 18; 2) Telefon: 8 (843) 233-71-97; 3) E-mail: public.mail@kpfu.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://kpfu.ru>;

2. Börner Rene, Dr. iur., Fachanwalt für Strafrecht, führender wissenschaftlicher Mitarbeiter des Lehrstuhls für Straf- und Strafprozessrecht der Potsdamer Universität (Deutschland). *Kontaktinformationen:* 1) Telefon: +49 (0)331 9770; 2) Fax: +49 (0)331 977-1130; 3) E-mail: presse@uni-potsdam.de; 4) offizielle Internetseite: <http://www.uni-potsdam.de/>;

3. Bodrov Nikolay Filippovich, Aspirant am Lehrstuhl für Gerichtsgutachten der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E.Kutafin-Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie)». *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: Moskauer staatliche juristische O.E.Kutafin-Universität, 123995, Moskau, Sadovaja-Kudrinskaja Straße, 9; 2) Telefon: 8 (499) 244-85-24; 3) E-mail: msal@msal.ru, ksudex@msal.ru, bodrovnf@gmail.com; 4) offizielle Internetseite: <http://www.msal.ru>;

4. Gazetdinov Nail Islamovich, Leiter der Lehrstuhls für Strafprozess und Kriminalistik der föderalen autonomen Staatsbildungseinrichtung der beruflichen Hochschulbildung «Kasaner Föderale Universität», Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Verdienter Jurist der beruflichen Hochschulbildung der Russischen Föderation. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: 420008, Kasan, Kremlevskaya Straße, 18; 2) Telefon: 8 (843) 233-71-97; 3) E-mail: Nail.Gazetdinov@kpfu.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://kpfu.ru>;

5. Gerasimova Voktoriya Anatolievna, Stekkvertreterin des Direktors für bildungsmethodische Arbeit der

nichtstaatlichen Bildungseinrichtung der mittleren Berufsbildung «Steuer-College». *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: 123308, Moskau, Dritte Choroschewskaja Straße, 2, Bildung 1; 2) Telefon: 8 (499) 191-00-69; 3) offizielle Internetseite: <http://налоговый-колледж.рф/>;

6. Danilyuk Semen Aleksandrovich, Mitglied des Schriftstellerverbandes, Kandidat der Rechtswissenschaften. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: 105064, Moskau, Staraya Basmannaya Straße, 12, Bildung 5; 2) Telefon: 8 (495) 730-97-80;

7. Zhiro Alix, wissenschaftlicher Mitarbeiter am Lehrstuhl für Strafrecht, Jugendstrafrecht und Kriminalistik der Fakultät für Jura der Potsdamer Universität. *Kontaktinformationen:* 1) Telefon: +49 (0)331 9770; 2) Fax: +49 (0)331 977-1130; 3) E-mail: presse@uni-potsdam.de; 4) offizielle Internetseite: <http://www.uni-potsdam.de/>;

8. Klyukova Marina Evgenievna, Dozentin am Lehrstuhl für Strafprozess und Kriminalistik der föderalen autonomen Staatsbildungseinrichtung der beruflichen Hochschulbildung «Kasaner Föderale Universität», Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin, Verehrte Mitarbeiterin der beruflichen Hochschulbildung der Russischen Föderation. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: 420008, Kasan, Kremlevskaya Straße, 18; 2) Telefon: 8 (843) 233-71-97; 3) E-mail: dkme@mail.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://kpfu.ru>;

9. Komissarov Vladimir Sergeevich, Leiter am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der föderalen staatlichen haushaltsplangebundenen Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung der Moskauer Lomonossov-Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:* 1) Adresse: 119991, Municipale Dienstpost-1, Moskau, Leninskie gory, 1, Bildung 13 (4. Lehrgebäude), Auditorium 429 A, 430 A; 2) Telefon: 8 (495) 938-24-94; 3) E-mail: mgu.ug.pravo@gmail.com; 4) offizielle Internetseite: <http://www.law.msu.ru/>;

¹ Die Autoreninformationen sind von V.N. Orlov richtiggestellt und vorbereitet.

10. Küpper Georg, Dr. iur. habil., Professor, Leiter des Lehrstuhls für Straf- und Strafprozessrecht der Potsdamer Universität (Deutschland). *Kontaktinformationen*: 1) Telefon: +49 (0)331 9770; 2) Fax: +49 (0)331 977-1130; 3) E-mail: presse@uni-potsdam.de; 4) offizielle Internetseite: <http://www.uni-potsdam.de/>;

11. Matskevich Igor Mikhailovich, Professor am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E.Kutafin-Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie)», Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz*: 1) Adresse: Moskauer staatliche juristische O.E.Kutafin-Universität, 123995, Moskau, Sadovaja-Kudrinskaja Straße, 9; 2) Telefon: 8 (499) 244-85-62; 3) E-mail: msal@msal.ru, kcrim@msal.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://www.msal.ru/>;

12. Mitsch Wolfgang, Dr. iur. habil., Professor, Leiter am Lehrstuhl für für Strafrecht, Jugendstrafrecht und Kriminalistik der Fakultät für Jura der Potsdamer Universität. *Kontaktinformationen*: 1) Telefon: +49 (0)331 9770; 2) Fax: +49 (0)331 977-1130; 3) E-mail: presse@uni-potsdam.de; 4) offizielle Internetseite: <http://www.uni-potsdam.de/>;

13. Mikheev Aleksey Valerievich, Mitglied der regionalen gesellschaftlichen Organisation «Kriminalisten- und Kriminologenverband». *Kontaktinformationen*: 1) Adresse: 123995, Moskau, Sadovaja-Kudrinskaja Straße, 9; 2) Telefon: 8 (499) 244-86-46; 3) E-mail: crimescience@crimescience.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://crimescience.ru/>;

14. Muratov Konstantin Dmitrievich, Assistent am Lehrstuhl für Strafprozess und Kriminalistik der föderalen autonomen Staatsbildungseinrichtung der beruflichen Hochschulbildung «Kasaner Föderale Universität», Kandidat der Rechtswissenschaften. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz*: 1) Adresse: 420008, Kasan, Kremlevskaya Straße, 18; 2) Telefon: 8 (843) 233-71-97; 3) E-mail: KDMuratov@kpfu.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://kpfu.ru/>;

15. Muratova Nadezhda Georgievna, Professor am Lehrstuhl für Strafprozess und Kriminalistik der föderalen autonomen Staatsbildungseinrichtung der beruflichen Hochschulbildung «Kasaner Föderale Universität», Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verehrte Juristin der Republik Tatarstan. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz*: 1) Adresse: 420008, Kasan, Kremlevskaya Straße, 18; 2) Telefon: 8 (843) 231-51-97; 3) E-mail: muratowan@mail.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://kpfu.ru/>;

16. Orlov Vladislav Nikolaevich, Dozent am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E.Kutafin-Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie)», Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz*: 1) Adresse: Moskauer staatliche juristische O.E.Kutafin-Universität, 123995, Moskau, Sadovaja-Kudrinskaja Straße, 9; 2) Telefon: 8 (499) 244-86-46; 8-915-051-16-15; 3) E-mail: msal@msal.ru, kcrim@msal.ru, vlad-orlov@mail.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://www.msal.ru/>;

17. Reiner Birke, Dr. iur., Anwalt, Fachanwalt für Strafrecht, Düsseldorf (Deutschland). *Kontaktinformationen*: 1) Telefon: +49 (0)331 9770; 2) Fax: +49 (0)331 977-1130; 3) E-mail: presse@uni-potsdam.de; 4) offizielle Internetseite: <http://www.uni-potsdam.de/>;

18. Rakhmatullin Ramil Rashitovich, Dozent am Lehrstuhl für Strafprozess und Kriminalistik der föderalen autonomen Staatsbildungseinrichtung der beruflichen Hochschulbildung «Kasaner Föderale Universität», Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz*: 1) Adresse: 420008, Kasan, Kremlevskaya Straße, 18; 2) Telefon: 8 (843) 233-71-97; 3) E-mail: RamRRahmatullin@kpfu.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://kpfu.ru/>;

19. Romanov Valery Ivanovich, Dozent am Lehrstuhl für Strafprozess und Kriminalistik der föderalen autonomen Staatsbildungseinrichtung der beruflichen Hochschulbildung «Kasaner Föderale Universität», Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz*: 1) Adresse: 420008, Kasan, Kremlevskaya Straße, 18; 2) Telefon: 8 (843) 233-71-97; 3) E-mail: RamRRahmatullin@kpfu.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://kpfu.ru/>;

20. Sidorov Boris Vasilievich, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht der föderalen autonomen Staatsbildungseinrichtung der beruflichen Hochschulbildung «Kasaner Föderale Universität», Doktor der Rechtswissenschaften, Professor. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz*: 1) Adresse: 420008, Kasan, Kremlevskaya Straße, 18; 2) Telefon: 8 (843) 233-71-09, 292-44-48; 3) E-mail: public.mail@kpfu.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://kpfu.ru/>;

21. Tarkhanov Ildar Abdulkhakovich, Dekan der Fakultät für Jura der föderalen autonomen Staatsbildungseinrichtung der beruflichen Hochschulbildung «Kasaner Föderale Universität», Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verehrter Jurist der Republik Tatarstan, Verehrter Jurist der Russischen Föderation. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz*:

1) Adresse: 420008, Kasan, Kremlevskaya Straße, 18; 2) Telefon: 8 (843) 233-71-09, 292-44-48; 3) E-mail: public.mail@kpfu.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://kpfu.ru>;

22. Yakushin Stanislav Yurievich, Dozent am Lehrstuhl für Strafprozess und Kriminalistik der föderalen autonomen Staatsbildungseinrichtung der beruflichen Hochschulbildung «Kasaner Föderale Universität»,

Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Verehrter Mitarbeiter der beruflichen Hochschulbildung der Russischen Föderation, Verehrter Jurist der Republik Tatarstan. *Kontaktinformationen über den Arbeitsplatz:*

1) Adresse: 420008, Kasan, Kremlevskaya Straße, 18; 2) Telefon: 8 (843) 231-51-97; 3) E-mail: Stanislav.Yukushin@ksu.ru; 4) offizielle Internetseite: <http://kpfu.ru>.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS¹

1. Babichev Arsenij Georgievich, post-doctorant student of the Federal State Autonomous Institution of the Higher Professional Education “Kazan (Privolzhski) Federal University”, Candidate of Law. *Contact information on the place of work:* 1) address: 18, Kremlevskaya St., Kazan, 420008; 2) Tel: 8 (843) 233-71-97; 3) e-mail: public.mail@kpfu.ru; 4) web-site: <http://kpfu.ru>;

2. Berner Rene, Doctor of Law (Dr. iur.), pleader in the criminal law, senior scientific worker of the Criminal and criminal Procedural Chair of Potsdam University, Germany *Contact information:* 1) Tel: +49 (0)331 9770; 2) факс: +49 (0)331 977-1130; 3) e-mail: presse@uni-potsdam.de; 4) web-site: <http://www.uni-potsdam.de/>;

3. Bodrov Nikolay Filippovich, post-graduate student of Forensic Investigation Chair of the Federal State Budget Educational Institution of the Higher Professional Education „Moscow State Juridical University by O.E. Kutafin (MSJA)“. *Contact information on the place of work:* 1) address: 9, Sadovaya_Kudrinskaya St., Moscow, MSJU by O.E. Kutafin, 123995; 2) Tel: 8 (499) 244-85-24; 3) e-mail: msal@msal.ru, ksudex@msal.ru, bodrovnf@gmail.com; 4) web-site: <http://www.msal.ru>;

4. Gazetdinov Nail' Islamovich, Head of the Criminal Legal Procedure and Criminal Science Chair of the Federal State Autonomous University of the Higher Professional Education “Kazan (Privolzhski) Federal University”, Candidate of Law, Associate Professor, honored scientific worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation. *Contact information on the place of work:* 1) address: 1) address: 18, Kremlevskaya St., Kazan, 420008; 2) Tel: 8 (843) 233-71-97; 3) e-mail: Nail.Gazetdinov@kpfu.ru; 4) web-site: <http://kpfu.ru>;

5. Gerasimova Viktoriya Anatolievna, Deputy Director for Educational Methodology of the Non-State Educational Institution of Vocational Secondary Education “Tax College”. *Contact information on the place of work:* 1) address: 1/2, 3rd Khoroshevsky St., Moscow, 123308; 2) Tel: 8 (499) 191-00-69; 3) web-site: <http://налоговый-колледж.рф/>;

6. Danilyuk Semen Aleksandrovich, member of the Union of Writers, Candidate of Law. *Contact information on the place of work:* 1) address: 5/12, Staraya Basmannaya St., Moscow, 105064; 2) Tel: 8 (495) 730-97-80;

7. Alex Jiro, scientific worker of the Criminal Law, Juvenile Criminal Law and Criminal Science Chair of the Law Department of Potsdam University. *Contact information:* 1) Tel:+49 (0)331 9770; 2) fax: +49 (0)331 977-1130; 3) e-mail: presse@uni-potsdam.de; 4) web-site: <http://www.uni-potsdam.de/>;

8. Klyukova Marina Evgenuevna, Associate Professor of the Criminal Legal Procedure and Criminal Science Chair of the Federal State Autonomous University of the Higher Professional Education “Kazan (Privolzhski) Federal University”, Candidate of Law, Associate Professor, honored scientific worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation. *Contact information on the place of work:* 1) address: 1) address: 18, Kremlevskaya St., Kazan, 420008; 2) Tel: 8 (843) 233-71-97; 3) e-mail: dkme@mail.ru; 4) web-site: <http://kpfu.ru>;

9. Komissarov Vladimir Sergeevich, Head of the Criminal Law and Criminology Chair of the Federal State Budget Educational Institution of the Higher Professional Education “Moscow State University by M.V. Lomonosov”, Doctor of Law, Professor. *Contact information on the place of work:* 1) address: Office 429A, 430A, Building 13 (Academic Building 4), 1, Lenin's Mountains, Moscow, GSP (ГСП) -1; 2) Tel: 8 (495) 938-24-94; 3) e-mail: mgu.ug.pravo@gmail.com; 4) web-site: <http://www.law.msu.ru/>;

10. Cupper Georg, Doctor of Law (Dr. iur. habil.), Professor, Head of the Criminal and Criminal Procedural Law Chair of Potsdam University, Germany. *Contact information:* 1) Tel: +49 (0)331 9770; 2) fax: +49 (0)331 977-1130; 3) e-mail: presse@uni-potsdam.de; 4) web-site: <http://www.uni-potsdam.de/>;

11. Matskevich Igor Mikhailovich, Professor of Criminology and Criminal Executive Law Chair of the FSBEI HPE “Moscow State Juridical University by O.E. Kutafin (MSJA)”, Doctor of Law, Professor,

¹ Information about the authors is checked out and compiled by V.N. Orlov.

Honored scientific worker of RF. *Contact information on the place of work:* 1) address: 9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, Russia, 123995; 2) Tel: 8 (499) 244-86-46; 3) e-mail: kcrim@msal.ru; 4) web-site: <http://www.msal.ru>;

12. Mitch Wolfgang, Doctor of Law (Dr. iur. habil.), Professor, Head of the Criminal Law, Juvenile Criminal Law and the Criminal Science Chair of the Law Department of Potsdam University. *Contact information:* 1) Tel: +49 (0)331 9770; 2) fax: +49 (0)331 977-1130; 3) e-mail: presse@uni-potsdam.de; 4) web-site: <http://www.uni-potsdam.de/>;

13. Mikheev Aleksey Valerievich, member of the regional public organization „The Union of Criminalists and Criminologists“. *Contact information:* 1) address: 9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 123995; 2) Tel: 8 (499) 244-86-46; 3) e-mail: crimescience@crimescience.ru; 4) web-site: <http://crimescience.ru>;

14. Muratov Konstantin Dmitrievich, post-graduate student of the Criminal Legal Procedure and Criminal Science Chair of the Federal State Autonomous Institution of the Higher Professional Education “Kazan (Privolzhski) Federal University”, Candidate of Law. *Contact information on the place of work:* 1) address: 18, Kremlevskaya St., Kazan, 420008; 2) Tel: 8 (843) 233-71-97; 3) e-mail: KDMuratov@kpfu.ru; 4) web-site: <http://kpfu.ru>;

15. Muratova Nadezhda Georgievna, Professor of the Criminal Legal Procedure and Criminal Science Chair of the Federal State Autonomous Institution of the Higher Professional Education “Kazan (Privolzhski) Federal University”, Doctor of Law, Professor, honored scientific worker of the Republic of Tatarstan. *Contact information on the place of work:* 1) address: 18, Kremlevskaya St., Kazan, 420008; 2) Tel: 8 (843) 231-51-97; 3) e-mail: muratowan@mail.ru; 4) web-site: <http://kpfu.ru>;

16. Orlov Vladislav Nikolaevich, Associate Professor of Criminology and Criminal Executive Law Chair of the FSBEI HPE “Moscow State Juridical University by O.E. Kutafin (MSJA)”, Candidate of Law, Associate Professor. *Contact information on the place of work:* 1) address: MSJA by O.E. Kutafin, 9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 123995; 2) Tel: 8 (499) 244-86-46; 8-915-051-16-15; 3) e-mail: msal@msal.ru, kcrim@msal.ru, vlad-orlov@mail.ru; 4) web-site: <http://www.msal.ru>;

17. Rainer Birche, Doctor of Law (Dr. iur.), pleader in the criminal law, senior scientific worker of the Criminal and criminal Procedural Chair of Potsdam University, Germany *Contact information:* 1) Tel: +49 (0)331

9770; 2) fax: +49 (0)331 977-1130; 3) e-mail: presse@uni-potsdam.de; 4) web-site: <http://www.uni-potsdam.de/>;

18. Rakhmatulin Ramil' Rashitovich, Associate Professor of the Criminal Legal Procedure and Criminal Science Chair of the Federal State Autonomous Institution of the Higher Professional Education “Kazan (Privolzhski) Federal University”, Candidate of Law, Associate Professor. *Contact information on the place of work:* 1) address: 18, Kremlevskaya St., Kazan, 420008; 2) Tel: 8 (843) 233-71-97; 3) e-mail: RamRRahmatullin@kpfu.ru; 4) web-site: <http://kpfu.ru>;

19. Romanov Valery Ivanovich, Associate Professor of the Criminal Legal Procedure and Criminal Science Chair of the Federal State Autonomous Institution of the Higher Professional Education “Kazan (Privolzhski) Federal University”, Candidate of Law, Associate Professor. *Contact information on the place of work:* 1) address: 18, Kremlevskaya St., Kazan, 420008; 2) Tel: 8 (843) 233-71-97; 3) e-mail: RamRRahmatullin@kpfu.ru; 4) web-site: <http://kpfu.ru>;

20. Sidorov Boris Vasilievich, Professor of the Criminal Legal Procedure and Criminal Science Chair of the Federal State Autonomous Institution of the Higher Professional Education “Kazan (Privolzhski) Federal University”, Doctor of Law, Professor. *Contact information on the place of work:* 1) address: 18, Kremlevskaya St., Kazan, 420008; 2) Tel: 8 (843) 233-71-09, 292-44-48; 3) e-mail: public.mail@kpfu.ru; 4) web-site: <http://kpfu.ru>;

21. Tarkhanov Il'dar Abdulkhakovich, Dean of Law Department of the Federal State Autonomous Institution of the Higher Professional Education “Kazan (Privolzhski) Federal University”, Doctor of Law, Professor, honored scientific worker of the Republic of Tatarstan, honored jurist of the Russian Federation. *Contact information on the place of work:* 1) address: 18, Kremlevskaya St., Kazan, 420008; 2) Tel: 8 (843) 233-71-09, 292-44-48; 3) e-mail: public.mail@kpfu.ru; 4) web-site: <http://kpfu.ru>;

22. Yakushin Stanislav Yurievich, Associate Professor of the Criminal Legal Procedure and Criminal Science Chair of the Federal State Autonomous Institution of the Higher Professional Education “Kazan (Privolzhski) Federal University”, Candidate of Law, Associate Professor, honored worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, honored jurist of the Republic of Tatarstan. *Contact information on the place of work:* 1) address: 18, Kremlevskaya St., Kazan, 420008; 2) Tel: 8 (843) 231-51-97; 3) e-mail: Stanislav.Yukushin@ksu.ru; 4) web-site: <http://kpfu.ru>.

АННОТАЦИИ, КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА, ТИПЫ ПУБЛИКАЦИЙ И ПРИСТАТЕЙНЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ¹

ЮБИЛЕИ

Мацкевич И. М., Орлов В. Н. Профессору, криминалисту-криминологу Владимиру Евгеньевичу Эминову — 80 лет!

Аннотация: Коллеги и ученики поздравляют Владимира Евгеньевича с 80-летием! Желаем ему крепкого здоровья, оставаться таким же энергичным, жизнерадостным, сохранять управленческие свойства, высокий профессионализм, преданность криминологии и криминалистике, радовать своим общением близких и коллег!!

Ключевые слова: Владимир Евгеньевич Эминов; криминалист; криминолог; юбилей; 80 лет.

Тип публикации: заметка.

ТРИБУНА ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА КАЗАНСКОГО (ПРИВОЛЖСКОГО) ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Тарханов И. А. Приветствие

Аннотация: начальной точкой отсчета можно считать тесное сотрудничество с учрежденным в 2013 г. научно-практическим журналом «Союз криминалистов и криминологов», рассчитывая, что он станет информационным «рупором» Союза. В этом есть твердая уверенность, поскольку одним из соучредителей журнала является выдающийся ученый-криминолог и организатор юридического образования, имя которого известно далеко за пределами России, наш друг, профессор Игорь Михайлович Мацкевич. Творческих Вам

успехов, самой квалифицированной научной аудитории и высокой цитируемости.

Ключевые слова: юридический факультет; Казанский университет; Союз криминалистов и криминологов; трибуна юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета.

Тип публикации: заметка.

Газетдинов Н. И. Кафедра уголовного процесса и криминалистики: история и современность

Аннотация: около тридцати лет на кафедре трудится доцент, Заслуженный юрист Республики Татарстан Наиль Исламович Газетдинов, с ноября 2013 г. он является заведующим кафедрой уголовного процесса и криминалистики. Кафедральная тема НИР — «Процессуальные, криминалистические, прокурорско-надзорные средства обеспечения прав и свобод личности, эффективности уголовного судопроизводства» (№ гос.регистрации 01200404366).

Ключевые слова: кафедра уголовного процесса и криминалистики; Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Тип публикации: заметка.

Газетдинов Н. И. Понятие и виды правоохранительной деятельности

Аннотация: рассматриваются понятия правоохранительной деятельности и правоохрани-

¹ Аннотации, ключевые слова, типы публикаций и пристатейные библиографические списки уточнены и подготовлены И. М. Мацкевичем и В. Н. Орловым.

тельных органов. Автор анализируя действующее законодательство делает вывод о необходимости законодательного закрепления понятия «Правоохранительные органы» и «Правоохранительная деятельность». В работе отмечено, что понятия правоохранительные органы и правоохранительная деятельность не совпадают, хотя между ними имеется тесная связь.

Ключевые слова: правоохранительные органы; правоохранительная деятельность; судебная власть; правосудие; предварительное расследование; прокурорский надзор.

Тип публикации: научная статья.

Библиография

1. Авдонкин, В. С. Правоохранительные органы: учебное пособие / В. С. Авдонкин. М., 2010.
2. Бурдина, Е. В. Судебная власть в Российской Федерации / Е. В. Бурдина. — Саранск, 2006.
3. Воскобитова, Л. А. Сущностные характеристики судебной власти / Л. А. Воскобитова. — Ставрополь, 2003.
4. Газетдинов, Н. И. Правоохранительные органы: учебник для юридических высших учебных заведений / Н. И. Газетдинов. Казань: Издательство Казанского университета, 2012.
5. Лазарева, В. А. Судебная защита в уголовном процессе Российской Федерации: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. А. Лазарева. — М., 2000.
6. Михайловская И. Б. Судебная власть в системе разделения властей / И. Б. Михайловская // Судебная власть / под ред. И. Л. Петрухина. — М., 2003.
7. Правоохранительные органы: учебник для высших учебных заведений под ред. В. П. Божьева. — М.: Юрайт, 2012.
8. Судебная власть / под. ред. И. Л. Петрухина. — М., 2003.
9. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства: учебник / И. Я. Фойницкий. — СПб., 1996.
10. Шамардин, А. А. Правоохранительные органы: учебное пособие / А. А. Шамардин, А. П. Гуськова. — Оренбург, 2012.

Клюкова М. Е. Модели международных процедур экстрадиции при осуществлении уголовного преследования

Аннотация: анализируются отдельные проблемы регламентации в международном и отечественном уголовно-процессуальном законодательстве института выдачи лица для уголовного преследования, и в частности, вопросы реализации механизма уголовного преследования при экстрадиции, обусловленные несовершенством или отсутствием соответствующего национального законодательства.

Ключевые слова: экстрадиция; уголовное преследование; правило специализации; запрос о выдаче лица.

Тип публикации: научная статья.

Библиография

1. Клюкова, М. Е. Проблемы процессуального механизма уголовного преследования при экстрадиции / М. Е. Клюкова // Доклад на Международной научно-практической конференции «Международный правопорядок в современном мире и роль России в его укреплении» посвященной 90-летию со дня рождения и памяти Д. И. Фельдмана (Казань, 11–12 октября 2012 года). — М.: Статут, 2014.
2. Кубов, Р. Х. Проблемы экстрадиции в государствах-участниках СНГ / Р. Х. Кубов // Российский следователь. — 2008. — № 20.
3. Лукашук, И. И. Выдача обвиняемых и осужденных в международном уголовном праве: учебно-практическое пособие / И. И. Лукашук, А. В. Наумов. — М.: Рос. Юрид. изд. дом, 1998.

Муратов К. Д. Особенности правового регулирования выемки и формирования вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве (сравнительно-правовой аспект)

Аннотация: механизм формирования вещественных доказательств связан особенностями появления данных источников доказательств, особенностями производства выемки предметов и документов. В статье представлен сравнительно-правовой анализ процедур выемки и признание вещественными доказательствами. Выявлены общие тенденции и особенности в правовом регулировании производства выемки по уголовно-процессуальному законодательству государств-участников СНГ и ряда зарубежных стран.

Ключевые слова: выемка, вещественные доказательства, изъятие и хранение предметов

и документов, процедуры производства изъятия, участники выемки, законодательные источники.

Тип публикации: научная статья.

Библиография

1. Вернер Бойльке. Уголовно-процессуальное право ФРГ: учебник / Бойльке Вернер. 6-е изд. / под ред. Л. В. Майоровой. — Красноярск: РУМЦ ЮО, 2004.

2. Головки, Л. В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции / Л. В. Головки. — М.: СПАРК, 1995.

3. Калиновский, К. Б. Уголовный процесс современных зарубежных государств / К. Б. Калиновский. — М.: 2000.

4. Муратов, К. Д. Международная правовая помощь при передаче предметов и документов по уголовным делам / К. Д. Муратов // Сборник аспирантских работ / под ред. А. И. Абдуллина. — Казань: Казан. ун-т, 2011.

5. Муратов, К. Д. Международно-правовые аспекты производства выемки предметов и документов по уголовным делам: лекция / К. Д. Муратов. — Казань: ООО «АМНЕЮС», 2011.

6. Муратов, К. Д. Модель международной выемки по уголовным делам / К. Д. Муратов, Н. Г. Муратова // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, имена (к 90-летию проф. Р. С. Белкина): материалы 53-х Криминалистических чтений (22–23 ноября 2012 г.). — Ч. III. — М.: Академия управления МВД России, 2012.

7. Муратов, К. Д. Основы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства при проведении следственных действий / К. Д. Муратов // Сборник аспирантских работ / под ред. Р. М. Валеева. — Казань: Казан. гос. ун-т, 2010.

8. Нуралиева, А. С. Обеспечение гражданского иска / А. С. Нуралиева, Т. К. Биятов // Уголовно-процессуальное право Республики Казахстан. Часть Общая: Академический курс / под ред. д. ю. н., проф. Б. Х. Толеубековой. Кн. 2. — Алматы: ТОО Издательская компания «НАС», 2004.

9. Филимонов, Б. А. Уголовный процесс ФРГ / Б. А. Филимонов. — М.: 1974.

Муратова Н. Г. Исторические и современные традиции института реабилитации в уголовном судопроизводстве

Аннотация: заявленная тематика данной публикации продолжает существующие исследования авторов значение института реабилитации в уголовном судопроизводстве. Восстановление доброго имени, вознаграждение имеют глубокие исторические традиции как в России, так и за рубежом. Возмещение вреда реабилитированному должно происходить в тех формах, которые предусматривает уголовно-процессуальное и гражданско-процессуальное право. Автор анализируется ряд проблем законодательного плана и правоприменительной практики. Так, например, необходимы четкие аргументы для формулирования конкретной суммы денежного вознаграждения. Особое внимание автор обращает на значение для реабилитированного публичного извинения, восстановление доброго имени и деловой репутации.

Ключевые слова: реабилитация, процессуальные механизмы, возмещение вреда, исторические традиции, извинения, восстановление доброго имени, деловая репутация.

Тип публикации: научная статья.

Библиография

1. Буцковский, Н. А. Очерки судебных порядков по Уставам 20 ноября 1864 г. Сочинения Сенатора Н. Буцковского / Н. А. Буцковский. — СПб., 1874.

2. Даль, В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия / В. И. Даль. — М.: ЗАО изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002.

3. Корнеев, О. А. Институт реабилитации в уголовно-процессуальном праве России / О. А. Корнеев. — Челябинск: Из-во ЮУрГУ, 2005.

4. Муратова, Н. Г. Взгляды И. Я. Фойницкого на реабилитацию в уголовном судопроизводстве / Н. Г. Муратова // материалы научной конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Правоотношения и юридическая ответственность» (17–20 мая 2006 г.) Ч. 1. — Тольятти: Волжский университет им. В. Н. Татищева, 2006.

5. Муратова, Н. Г. Механизма реабилитации в досудебном производстве по уголовному делу / Н. Г. Муратова, Э. А. Хайруллина // Судебная власть и правосудие в сфере уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы: материалы Международной научно-практической конферен-

ции (Екатеринбург, 30–31 марта 2011 г.). Ч. 2. — Екатеринбург, 2012.

6. Муратова, Н. Г. Правовые ошибки в уголовной юстиции / Н. Г. Муратова // Федеральный журнал Судейского сообщества — «Судья». — М., 2007. — №7 (31).

7. Муратова, Н. Г. Правовые ошибки в уголовной юстиции: продолжение дискуссии / Н. Г. Муратова // Диалектика современных инновационных механизмов по разрешению правовых конфликтов: материалы международной научно-практической конференции / под ред. А. П. Гуськовой. — Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011.

8. Муратова, Н. Г. Проблемы возмещения вреда в порядке института реабилитации / Н. Г. Муратова // Право как основа современного общества: материалы международной научно-практической конференции (20–21 апреля 2012 г.) / под ред. проф. И. Ш. Мухаметзинова, Р. Р. Салимзяновой, Л. Л. Сабировой. — Казань: Оста, 2012.

9. Муратова, Н. Г. Проблемы судебной реабилитации жертв уголовной юстиции / Н. Г. Муратова // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы, законодательства, практики применения (к 5-летию УПК РФ): материалы международной научно-практической конференции. — М.: МГЮА, 2007.

10. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / С. И. Ожегов; под ред. гл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. — 20-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 1986.

11. Раменская, В. С. Институт реабилитации в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Раменская В. С. — Екатеринбург, 2004.

12. Татьянанин, Д. В. Понятие вреда от привлечения к суду и наказаниях невинных в работах И. Я. Фойницкого / Д. В. Татьянанин // Судебная власть в России: закон, теория, практика: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции (19–20 ноября 2004 г.). — М.: Издательская группа «Юрист», 2005.

13. Татьянанин, Д. В. Реабилитация в уголовном процессе России (понятие, виды, основания, процессуальный порядок): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. В. Татьянанин. — Челябинск, 2005.

14. Фойницкий, И. Я. О вознаграждении невинно к суду уголовному привлекаемых /

И. Я. Фойницкий. — СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1884.

15. Хачатуров, Р. Л. Юридическая энциклопедия. Правовая жизнь / Р. Л. Хачатуров; под ред. В. А. Якушина. Т. IV. — Тольятти: Волжский университет им. В. Н. Татищева, 2005.

Рахматуллин Р. Р. Реализация концепции ситуационного подхода в практике правоохранительных органов

Аннотация: рассмотрены вопросы, связанные с развитием концепции ситуационного подхода. Это связано с тем обстоятельством, что проблемы конфликтов, конфликтных ситуаций, их умелое выявление, разумное и законное разрешение играют на современном этапе огромное значение в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

Ключевые слова: криминалистика; концепция; ситуация; конфликт; противодействие; прогнозирование; следственная ошибка.

Тип публикации: научная статья.

Библиография

1. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. Т. 3. — СПб.; М., 1981.

2. Драпкин, Л. Я. Конфликтные ситуации и методы их разрешения в процессе преодоления противодействия расследованию / Л. Я. Драпкин // Преодоление конфликтных ситуаций в процессе раскрытия и расследования преступлений: сборник научных трудов. — Екатеринбург: Изд-во Уральского юридического института МВД России, 2006.

3. Драпкин, Л. Я. Основы теории следственных ситуаций / Л. Я. Драпкин. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1987.

4. Драпкин, Л. Я. Понятие и классификация следственных ситуаций / Л. Я. Драпкин // Следственные ситуации и раскрытие преступлений. — Свердловск, 1975.

5. Лузгин, И. М. Развитие методики расследования отдельных видов преступлений / И. М. Лузгин // Правоведение. — 1977. — № 2.

6. Ратинов, А. Р. Судебная психология для следователей / А. Р. Ратинов. — М., 1967.

7. Рахунов, Р. Д. Признание обвиняемым своей вины / Р. Д. Рахунов. — М., 1975.

8. Строгович, М. С. Проблемы судебной этики / М. С. Строгович. — М., 1974.

Романов В. И. К вопросу о применении научно-технических средств в ходе освидетельствования

Аннотация: рассмотрены вопросы, связанные с применением научно-технических средств криминалистики в ходе освидетельствования, предлагаются меры по более эффективному их использованию. Рассматриваются специализированные научно-технические комплексы, тактические и этические вопросы применения научно-технических средств криминалистики.

Ключевые слова: криминалистика; следственные действия; освидетельствование; научно-технические средства.

Тип публикации: научная статья.

Библиография

1. Романов, В. И. Применение научно-технических средств при расследовании преступлений / В. И. Романов. — Казань: Центр инновационных технологий, 2001.

2. Скорченко, П. П. Криминалистика. Технокриминалистическое обеспечение расследования преступлений: учеб. пособие / П. П. Скорченко. — М., 1999.

3. Торбин, Ю. Г. Освидетельствование, как способ собирания доказательств на стадии предварительного расследования: научно-практическое пособие / Ю. Г. Торбин. — М.: Юрлитформ, 2005.

4. Шурухнов Н. Г. Криминалистика: учебник / Н. Г. Шурухнов. — М.: МПСИ; Воронеж: МО-ДЭК, 2011.

Сидоров Б. В., Бабичев А. Г. Хулиганский мотив в составе квалифицированного убийства

Аннотация: статья посвящена уголовно-правовой и нравственно-психологической характеристике хулиганских побуждений как квалифицирующего признака субъективной стороны убийства, вопросам отграничения этого мотива от других мотивов убийства. В ней анализируется судебная практика по делам о преступлениях, предусмотренных п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Ключевые слова: убийство; хулиганский мотив; грубое нарушение; общественный порядок; квалифицирующий признак; квалификация; суд; наказание; вина; явное неуважение к обществу; мотив преступления.

Тип публикации: научная статья.

Библиография

1. Борзенков, Г. Н. Преступления против жизни и здоровья / Г. Н. Борзенков. — М., 2008.

2. Волков, Б. С. Мотивы преступлений / Б. С. Волков. — Казань, 1982.

3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М., 1997.

4. Побегайло, Э. Ф. Избранные труды / Э. Ф. Побегайло. — СПб., 2009.

5. Семерикова, А. А. Предупреждение убийств из хулиганских побуждений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Семерикова А. А. — М., 2011.

Якушин С. Ю. Криминалистическая тактика: современные тенденции развития

Аннотация: изложены представления о современных тенденциях развития криминалистической тактики, дается современная интерпретация её понятия, структуры, сущности и видов тактических средств; определяется понятие тактики судебного следствия, обосновываются выводы о сущности, задачах и средствах тактико-криминалистического обеспечения исследования доказательств в суде.

Ключевые слова: криминалистическая тактика; тактико-криминалистическое обеспечение предварительного и судебного следствия; тактика судебного следствия; тактическая задача; тактическое решение; тактическое средство исследования доказательств в суде.

Тип публикации: научная статья.

Библиография

1. Аверьянова, Т. В. О криминалистической тактике и тактике защиты / Т. В. Аверьянова // Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики. — М., 2004. — Ч. 2.

2. Зашляпин, Л. А. Основы теории эффективной адвокатской деятельности / Л. А. Зашляпин. — Екатеринбург, 2006.

3. Коновалова, В. Е. Криминалистическая тактика: принципы и функции / В. Е. Коновалова // Криминалистика и судебная экспертиза. — Киев, 1981. — Вып. 22. — С.40;

4. Специализированный курс криминалистики: учебник / авт. кол.: В. П. Бахин, Р. С. Белкин, П. Д. Биленчук и др.; отв. ред. М. В. Салтевский. — Киев, 1987.

5. Шепитько, В. Ю. Криминалистика: курс лекций / В. Ю. Шепитько. — 3-е изд. — Х.: ООО «Одиссей», 2009.

6. Якушин, С. Ю. Актуальные проблемы тактико-криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства в современных условиях / С. Ю. Якушин // Криміналістика XXI століття: матеріали міжнар. наук.-практ. конф. (25–26 листоп. 2010 р.). — Харків: Право, 2010.

ГЕРМАНСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СКК

Мацкевич И. М., Орлов В. Н. Зарубежное представительство «Союза криминалистов и криминологов» в Федеративной Республике Германии

Аннотация: настоящее Положение разработано в соответствии с Уставом Региональной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов», утвержденным на учредительном собрании 29 июня 2010 г. (Протокол №1), нормативными правовыми актами Российской Федерации, общепризнанными принципами, нормами международного права и регулирует деятельность Зарубежного представительства «Союза криминалистов и криминологов» в Федеративной Республике Германия, сокращённое наименование — «Германское представительство СКК».

Ключевые слова: Союз криминалистов и криминологов; представительство; Германия.

Тип публикации: заметка.

Бирке Райнер. Уголовная ответственность предприятий и объединений: новый международный стандарт?

Аннотация: статья состоит из частей: 1. Введение; 2. Общий обзор составов преступления; 3. Санкции; 4. Возможные мотивы; 5. Взгляд за границу; 6. Проект закона Следственного комитета Российской Федерации; 7. Появится ли уголовная ответственность предприятий?

Ключевые слова: уголовная ответственность; предприятие; юридическое лицо.

Тип публикации: научная статья.

Бёрнер Рене. Подход к эффективности уголовного судопроизводства

Аннотация: очевидно, что скорости процесса препятствует обстоятельность и беспристрастность суда. Когда правосудие устанавливает

в качестве правового аргумента защиту достоверности, тогда критика этой достоверности не будет иметь место в качестве самостоятельного фактора. «Быстрый процесс» даже в общих чертах не определяет того, что необходимо в правовом государстве для достижения желаемого доверия в сфере уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; правосудие; суд.

Тип публикации: научная статья.

Кюпфер Георг. Организованная преступность в основном и дополнительном уголовном праве

Аннотация: статья состоит из частей: 1. Общие положения; 2. Определение преступной организации; 3. Требование содействия; 4. Вывод.

Ключевые слова: уголовное право; преступные организации; организованная преступность.

Тип публикации: научная статья.

Митч Вольфганг, Жиро Аликс. Преступления против жизни в немецком, российском и французском уголовном праве

Аннотация: статья состоит из частей: 1. Основные черты преступлений против жизни в немецком праве; 2. Основные черты преступлений против жизни в российском праве; 3. Основные черты преступлений против жизни по французскому праву; 4. Правовое сравнение; 5. Итог.

Ключевые слова: преступления против жизни; уголовное право.

Тип публикации: научная статья.

СТЕНОГРАММА

Мацкевич И. М. Стенограмма IX заседания «Союза криминалистов и криминологов» по теме: «Качество уголовно-исполнительного закона» (24 января 2013 г., НОУ ВПО «Московская академия экономики и права» (г. Москва)).

Аннотация: 24 января 2013 г. в НОУ ВПО «Московская академия экономики и права» (г. Москва) состоялось IX заседание «Союза криминалистов и криминологов» по теме: «Качество уголовно-исполнительного закона».

Ключевые слова: стенограмма; Союз криминалистов и криминологов; уголовно-исполнительный закон.

Тип публикации: стенограмма.

АВТОРЕФЕРАТЫ

Комиссаров В. С. Уголовная ответственность за бандитизм: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.08 — уголовное право и криминология; исправительно-трудовое право. — М., 1983

Аннотация: работа выполнена на юридическом факультете Московского ордена Ленина, ордена Трудового Красного Знамени и ордена Октябрьской Революции государственного университета имени М. В. Ломоносова. Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор Г. А. Кригер. Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор Л. Д. Лаухман, кандидат юридических наук В. В. Ераксин. Ведущая организация — Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства. Рассматриваются основные положения введения и трёх глав диссертации. Указывается список четырёх опубликованных работ автора.

Ключевые слова: уголовная ответственность; бандитизм; автореферат; уголовное право.

Тип публикации: автореферат.

Библиография

1. Комиссаров, В. С. Уголовная ответственность за бандитизм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Комиссаров В. С. — М., 1983.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Михеев А. В. Особенности досудебной подготовки материалов уголовного дела к судебному доказыванию

Аннотация: рассматриваются особенности досудебной подготовки материалов уголовного дела к судебному доказыванию, проводится соотношение предварительного расследования и судебного следствия, выделяются этапы формирования досудебных доказательств по уголовному делу.

Ключевые слова: досудебная подготовка материалов; доказательства; судебное доказывание.

Тип публикации: научная статья.

Библиография

1. Балакшин, В. С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания: монография / В. С. Балакшин. — Екатеринбург, 2004.

2. Белкин, Р. С. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы) / Р. С. Белкин, А. И. Винберг. — М.: Юридическая литература, 1969.

3. Карякин, Е. А. К вопросу о судебных доказательствах в состязательном уголовном судопроизводстве / Е. А. Карякин // Российская юстиция. — 2006. — № 4.

4. Конева, С. И. Допросы в уголовном суде: монография / С. И. Конева. — Н. Новгород, 2013.

5. Кулаков, С. Тактика допроса подсудимого государственным обвинителем / С. Кулаков // Законность. — 2011. — № 6.

6. Кухта, А. А. Доказывание истины в уголовном процессе: монография / А. А. Кухта. — Нижний Новгород: НА МВД РФ, 2009.

7. Печников, Г. А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе: монография / Г. А. Печников. — М.: Юрлитинформ, 2010.

8. Стуликов, А. Н. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты представления доказательств: дис. ... канд. юрид. наук / А. Н. Стуликов. — Н. Новгород: НА МВД РФ, 2002.

9. Хмельницкая, Т. В. Диалектика формирования доказательств в смешанном уголовном процессе / Т. В. Хмельницкая, И. Т. Алаев // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2012. — № 20.

МОСКОВСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

Герасимова В. А. Личность преступника за налоговые преступления

Аннотация: наиболее распространённым типом налогового преступника является мужчина в возрасте 40 лет, имеющий высшее образование, проживающий в городе, ранее не судимый, занимающий должность руководителя общества с ограниченной ответственностью, женатый, имеющий детей. При этом для него также характерен правовой нигилизм, завышенные стандарты потребления, ориентация на успех прагматизм.

Ключевые слова: налоговый преступник; налоговые преступления; личность преступника.

Тип публикации: научная статья.

Библиография

1. Лиховидов, К. Риск как условие дифференциации объема и мер юридической ответственности / К. Лиховидов // Законность. — 2001. — № 12.

2. Нудель, С. Л. Криминологическая характеристика личности налогового преступника / С. Л. Нудель, Е. Л. Нудель // Научные ведомости БелГУ. — 2008. — № 4 (44).

3. Подольный, Н. А. Криминалистическая характеристика личности мошенника, совершающего преступную деятельность на рынке ценных бумаг / Н. А. Подольный // Следователь. — 2002. — № 5.

4. Рогов, И. И. Проблемы борьбы с экономической преступностью (уголовно-правовое и криминологическое исследование): автореф. дис. ... докт. юрид. наук / И. И. Рогов. — Алма-Ата, 1991.

5. Рубнштейн, Л. С. Проблемы общей психологии / Л. С. Рубнштейн. — М.: Педагогика, 1976.

ПИСАТЕЛЬ-КРИМИНАЛИСТ-КРИМИНОЛОГ

Данилюк С. А. Медведик (из теткиных баек)

Аннотация: публикуется очередной рассказ «Медведик (из теткиных баек)» кандидата юридических наук член Союза писателей Семена Александровича Данилюка.

Ключевые слова: Семен Александрович Данилюк; медведик.

Тип публикации: рассказ.

ANNOTATION, SCHLÜSSELWÖRTER, PUBLIKATIONSTYPEN UND VERSTECKTE BIBLIOGRAPHIEN¹

JUBILÄEN

Matskevich I.M., Orlov V.N. Professor, Kriminalist-Kriminologe Vladimir Evgenievich Eminov ist 80 geworden!

Annotation: Kollegen und Studenten gratulieren Vladimir Evgenievich zum 80. Geburtstag! Wir wünschen ihm gute Gesundheit, Energie, Lebensfreude, Verwaltungsbeziehungen, hohe Professionalität, treu der Kriminologie und Kriminalistik zu bleiben, Familie und Kollegen Freude zu bereiten!

Schlüsselwörter: Vladimir Evgenievich Eminov; Kriminalist; Kriminologe; Jubiläum; 80 Jahre.

Publikationstyp: Anmerkung.

TRIBÜNE DER FAKULTÄT FÜR JURA DER KASANER FÖDERALEN UNIVERSITÄT

Tarkhanov I.A., Begrüßung

Annotation: als Anfangsbezugspunkt kann man eine enge Zusammenarbeit mit in 2013 gegründeter wissenschaftspraktischen Zeitschrift „Kriminalisten- und Kriminologenverband“ annehmen, in der Hoffnung, dass sie zu einem Informations- „Sprachrohr“ des Verbandes wird. Daran kann man fest glauben, weil einer der Gründer der Zeitschrift ein hervorragender Wissenschaftler-Kriminologe und Organisator der juristischen Ausbildung ist, dessen Name weit über die Grenzen von Russland bekannt ist, unser Freund, Professor Igor Mikhailovich Matskevich. Wir wünschen Ihnen viel Erfolg, ein hoch qualifiziertes Fachpublikum und hohe Zitierbarkeit.

Schlüsselwörter: Fakultät für Jura; Kasaner Universität; Kriminalisten- und Kriminologenverband; Tribüne der Fakultät für Jura der Kasaner Föderalen Universität.

Publikationstyp: Anmerkung.

Gazetdinov N.I. Lehrstuhl für Strafprozess und Kriminalistik: Geschichte und Gegenwart

Annotation: seit ungefähr 30 Jahren arbeitet am Lehrstuhl Dozent, Verdienter Jurist der Republik Tatarstan Nail Islamowitsch Gazetdinov, seit November 2013 ist er der Leiter des Lehrstuhls für Strafprozess und Kriminalistik. Das Thema der wissenschaftlichen Forschungsarbeit am Lehrstuhl heißt „Prozessuale, kriminalistische, staatsanwaltschaftliche und Aufsichts-Mittel der Aufrechterhaltung von Rechten und Freiheiten der Personen, Effektivität der Strafrechtspflege“ (№ staatliche Registrierung 01200404366).

Schlüsselwörter: Lehrstuhl für Strafprozess und Kriminalistik; Kasaner Föderale Universität.

Publikationstyp: Anmerkung.

Gazetdinov N.I. Konzept und Arten von Strafverfolgung

Annotation: es werden Konzepte Rechtsschutzaktivität und Rechtsschutzorgane untersucht. Bei der Analyse der aktuellen Gesetzgebung kommt der Autor zum Ergebnis über die Notwendigkeit der Festigung der Begriffe „Rechtsschutzorgane“ und „Rechtsschutzaktivität“. In der Arbeit wurde festgestellt, dass die Begriffe der Strafverfolgungsbehörden und

¹ Die Annotation, Schlüsselwörter, Publikationstypen und Versteckte Bibliographien sind von Matskevich I.M. und V.N. Orlov richtiggestellt und vorbereitet.

Strafverfolgungsbehörden nicht gleich sind, obwohl es zwischen ihnen eine enge Verbindung gibt.

Schlüsselwörter: Rechtsschutzorgane; Rechtschutzaktivität; Gerichtsgewalt; Rechtswesen; Voruntersuchung; staatsanwaltschaftliche Aufsicht.

Publikationstyp: wissenschaftlicher Artikel.

Bibliographie

1. Avdonkin, V. S. Rechtsschutzorgane: Lehrwerk / V. S. Avdonkin. — M., 2010.

2. Burdina, E. V. Gerichtsgewalt in der Russischen Föderation / E. V. Burdina. — Saransk, 2006.

3. Voskobitova, L. A. Wesenhafte Charakteristiken der Gerichtsgewalt / L. A. Voskobitova. — Stavropol, 2003.

4. Gazetdinov, N. I. Rechtsschutzorgane: Lehrbuch für juristische Hochschulen / N. I. Gazetdinov. Kasan: Verlag der Kasaner Universität, 2012.

5. Lazareva, V. A. Verteidigung vor Gericht im Strafprozess der Russischen Föderation: Probleme der Theorie und Praxis: Autoreferat einer Dissertation des Doktors der Rechtswissenschaften / V. A. Lazareva. — M., 2000.

6. Mikhailovskaya I. B. Gerichtsgewalt im System der Gewaltenteilung / I. B. Mikhailovskaya // Gerichtsgewalt / herausgegeben von I. L. Petrukhin. — M., 2003.

7. Rechtsschutzorgane: Lehrbuch für Hochschulen, herausgegeben von V. P. Bozhieva. — M.: Yurajt, 2012.

8. Gerichtsgewalt / herausgegeben von I. L. Petrukhin. — M., 2003.

9. Foinitskiy, I. Ya. Kurs des Strafverfahrens: Lehrbuch / I. Ya. Foinitskiy. — SPb., 1996.

10. Shamardin, A. A. Rechtsschutzorgane: Lehrwerk / A. A. Shamardin, A. P. Guskova. — Orenburg, 2012.

Klyukova M. E. Modelle der internationaler Auslieferungsverfahren bei der Umsetzung der Strafverfolgung

Annotation: es werden bestimmte Probleme bei der Regulierung vom internationalen und inländischen Strafprozessrecht des Instituts der Auslieferung einer Person zur Strafverfolgung analysiert, und insbesondere, Fragen der Umsetzung des Mechanismus der Verfolgung, die durch Unvollkommenheit oder Fehlen von einschlägigen nationalen Rechtsvorschriften bedingt sind.

Schlüsselwörter: Auslieferung; Strafverfolgung; Spezialisierungsregel; Antrag auf die Auslieferung einer Person.

Publikationstyp: wissenschaftlicher Artikel.

Bibliographie

1. Klyukova, M. E. Probleme eines prozessualen Mechanismus der Strafverfolgung bei der Auslieferung / M. E. Klyukova // Vortrag auf der Internationalen wissenschaftlich-praktischen Konferenz „Die internationale Rechtsordnung in der modernen Welt und die Rolle Russlands bei ihrer Stärkung“, dem 90. Jahrestag und der Erinnerung an D. I. Feldman gewidmet (Kasan, 11.-12. Oktober, 2012). — M.: Statut, 2014.

2. Kubov, R. Kh. Probleme der Auslieferung in den GUS-Mitgliedstaaten / R. Kh. Kubov // Russischer Untersuchungsbeamter. — 2008. — Nr. 20.

3. Lukashuk, I. I. Auslieferung von Angeklagten und Verurteilten im internationalen Strarecht: Lehrwerk / I. I. Lukashuk, A. V. Naumov. — M.: Russlands juristisches Verlagshaus, 1998.

Muratov K. D. Merkmale der rechtlichen Regulierung der Beschlagnahme und Bildung von Beweisgegenständen im Strafverfahren (rechtsvergleichende Aspekte)

Annotation: Mechanismus der Bildung von Beweisgegenständen ist mit Besonderheiten des Auftretens dieser Nachweisquellen, Besonderheiten der Vornahme einer Beschlagnahme und Dokumenten verbunden. Der Artikel stellt eine vergleichende Analyse der Beschlagnahme-Prozedur und Anerkennung von Beweisgegenständen fest. Es werden die allgemeinen Tendenzen und Besonderheiten in der rechtlichen Regulierung der Vornahme einer Beschlagnahme im Strafverfahrensrecht der GUS-Mitgliedstaaten und einigen anderen Ländern offenbart.

Schlüsselwörter: Beschlagnahme, Beweisgegenstände, Ausnahme und Aufbewahrung von Gegenständen und Dokumenten, Ausnahmeprozedur, Teilnehmer einer Beschlagnahme, gesetzgebende Quellen.

Publikationstyp: wissenschaftlicher Artikel.

Bibliographie

1. Werner Beulke. Strafprozessrecht der BRD: Lehrbuch / Beulke Werner. 6. Auflage / herausgegeben von L. V. Mayorova. — Krasnoyarsk: RUMC YUO, 2004.

2. Golovko, L. V. Vorverfahren und Voruntersuchungen im Strafverfahren Frankreichs / L. V. Golovko. — M.: SPARK, 1995.

3. Kalinovsky, K. B. Strafverfahren im modernen Ausland / K. B. Kalinovsky. — M.: 2000.

4. Muratov, K. D. Internationale Rechtshilfe bei der Übertragung von Waren und Dokumenten in Straffällen / K. D. Muratov // Sammlung von Aspirantenarbeiten / herausgegeben von A. I. Abdullina. — Kasan: Kasaner Universität, 2011.

5. Muratov, K. D. Internationale rechtliche Aspekte der Beschlagnahme von Gegenständen und Dokumenten in Straffällen: Lektion / K. D. Muratov. — Kasan: «AMNEYUS» GmbH, 2011.

6. Muratov, K. D. Modell einer internationalen Beschlagnahme in Straffällen / K. D. Muratov, N. G. Muratova // Moderne Kriminalistik: Probleme, Tendenzen, Namen (zum 90. Jahrestag von Professor R. S. Belkin): Materialien der 53. kriminalistischen Lesungen (22.–23. November, 2012). — Teil III. — M.: Akademie der Verwaltung des Innenministeriums der Russischen Föderation, 2012.

7. Muratov, K. D. Grundsätze für die internationale Zusammenarbeit in Straffällen bei den Untersuchungshandlungen / K. D. Muratov // Sammlung von Aspirantenarbeiten / herausgegeben von R. M. Valeev. — Kasan: Kasaner Universität, 2010.

8. Nuralieva, A. S. Sicherheitsleistung für die Prozeßkosten / A. S. Nuralieva, T. K. Biyatov // Strafprozessrecht der Republik Kasachstan. Allgemeiner Teil: Akademischer Kurs / herausgegeben von Doktor der Rechtswissenschaften, Professorin B. Kh. Toleubekova. Buch 2. — Almaty: Verlag «HAS» GmbH, 2004.

9. Filimonov, B. A. Strafprozess der BRD / B. A. Filimonov. — M.: 1974.

Muratova N. G. Historische und zeitgenössische Traditionen des Rehabilitationsinstituts im Strafverfahren

Annotation: die angekündigte Thematik dieser Publikation übernimmt die bestehenden Forschungen der Autoren über die Bedeutung des Institut der Rehabilitation im Strafverfahren. Wiederherstellung des guten Namens, Belohnung haben tiefe historische Traditionen sowohl in Russland, als auch im Ausland. Ersatz des Schadens dem Rehabilitierten sollte in den Formen sein, die vom Strafprozess- und Zivilprozessrecht vorgesehen sind. Die Autorin analysiert eine Reihe von Fragen des gesetzgebenden Plans und Rechtsanwendungspraxis. So, zum Beispiel sind klare Argumente für die Formulierung einer bestimmten Summe an Geldentschädigung nötig. Besondere Aufmerksamkeit schenkt die Autorin der Bedeutung für

den Rehabilitierten an öffentlicher Entschuldigung, Wiederherstellung des guten Namens und geschäftlichen Rufes.

Schlüsselwörter: Rehabilitierung, prozessuale Mechanismen, Schadenersatz, historische Traditionen, Entschuldigungen, Wiederherstellung des guten Namens, geschäftlicher Ruf.

Publikationstyp: wissenschaftlicher Artikel.

Bibliographie

1. Butskovsky, N. A. Grundrisse von Gerichtsbeschlüssen laut Vorschriften vom 20. November 1864 Aufsätze des Senators N. Butskovsky / N. A. Butskovsky. — SPb, 1874.

2. Dal, V. I. Bedeutungswörterbuch der russischen Sprache. Moderne Version / V. I. Dal. — M.: geschlossene Aktiengesellschaft Verlag EKSMO-Press, 2002.

3. Korneev, O. A. Rehabilitationsinstitut im Strafrecht der Russischen Föderation / O. A. Korneev. — Tscheljabinsk: Verlag Staatliche Universität Südural, 2005.

4. Muratova, N. G. Ansichten von I. Ya. Foinitsky auf die Rehabilitation im Strafverfahren / N. G. Muratova // Materialien der wissenschaftlichen Konferenz «Tatischev Lesungen: aktuelle Probleme der Wissenschaft und Praxis. Rechtsbeziehung und rechtliche Verantwortung» (17.–20. Mai 2006) Teil 1. — Toljatti: Volzhsky Tatischev-Universität, 2006.

5. Muratova, N. G. Mechanismus der Rehabilitation im Vorverfahren in einem Straffall / N. G. Muratova, E. A. Khayrullina // Gerichtsgewalt und Recht im Bereich des Strafverfahrens: Probleme und Perspektiven: Materialien einer wissenschaftlich-praktischen Konferenz (Ekaterinburg, 30.–31. März, 2011). Teil 2. — Ekaterinburg, 2012.

6. Muratova, N. G. Rechtsfehler in der Strafrechtspflege / N. G. Muratova // Föderale Zeitschrift der richterlichen Gemeinschaft — « Sudiya ». — M., 2007. — Nr. 7 (31).

7. Muratova, N. G. Rechtsfehler in der Strafjustiz: Fortsetzung einer Diskussion / N.G. Muratova // Dialektik der modernen innovativen Mechanismen nach Auflösung von rechtlichen Konflikten: Materialien der internationalen wissenschaftlich-praktischen Konferenz / herausgegeben von A. P. Guskova. — Orenburg: Verlagshaus der Staatlichen Agraruniversität Orenburg, 2011.

8. Muratova, N. G. Probleme des Schadenersatzes im Wege eines Rehabilitationsinstituts / N.G. Muratova // Recht als Grundlage der modernen Gesellschaft:

Materialien der internationalen wissenschaftlich-praktischen Konferenz (20.–21. April, 2012) / herausgegeben von Professor I. Sh. Mukhametzinov, R. R. Salimzyanova, L. L. Sabirova. — Kasan: Osta, 2012.

9. Muratova, N. G. Probleme der gerichtlichen Rehabilitation der Opfer von Strafjustiz / N.G. Muratova // Aktuelle Probleme der Strafjustiz: Fragen, Gesetzgebung, Anwendungspraxis (zum 5. Jahrestag der Strafprozessordnung der Russischen Föderation): Materialien der internationalen wissenschaftlich-praktischen Konferenz. — M.: Moskauer staatliche juristische Akademie, 2007.

10. Ozhegov, S. I. Wörterbuch der russischen Sprache: ungefähr 57000 Wörter / S. I. Ozhegov; herausgegeben von Chefkorrespondentin der Akademie der Wissenschaften der UdSSR N. Yu. Shvedova. — 20. Auflage, stereotyp — M.: Russische Sprache, 1986.

11. Ramenskaya, V. S. Rehabilitationsinstitut im Strafprozess: Autoreferat der Dissertation der Kandidatin der Rechtswissenschaften: 12.00.09 / Ramenskaya V. S. — Ekaterinburg, 2004.

12. Tatianin, D. V. Konzept des Schadens durch Zitierung vor Gericht und Bestrafung der Unschuldigen in den Werken von I. Ya. Foinitskiy / D.V. Tatianin // Gerichtsgewalt in Russland: Gesetz, Theorie, Praxis: Sammlung von Artikeln nach Ergebnissen der internationalen wissenschaftlich-praktischen Konferenz (19.–20. November, 2004). — M.: Verlagsgruppe «Yurist», 2005.

13. Tatianin, D. V. Rehabilitation im Strafprozess Russlands (Konzept, Arten, Grundlagen, Verfahrensordnung): Autoreferat der Dissertation des Kandidaten der Rechtswissenschaften / D. V. Tatianin. — Tscheljabinsk, 2005.

14. Foinitskiy, I. Ya. Von Belohnung der zum Gericht verurteilten Unschuldigen / I. Ya. Foinitskiy. — SPb.: Druckerei des dirigierenden Senats, 1884.

15. Khachaturov, R. L. Juristische Enzyklopädie. Rechtsleben / R. L. Khachaturov; herausgegeben von V. A. Yakushin. Band IV. — Toljatti: Volzhsky Tatischev-Universität, 2005.

Rakhmatullin R. R. Realisierung des Konzepts des Situationsansatzes in der Praxis der Strafverfolgungsbehörden

Annotation: es werden Fragen behandelt, die mit Entwicklung des Konzepts des Situationsansatzes zusammenhängen. Dies ist auf die Tatsache zurückzuführen, dass die Probleme von Konflikten, Konflikt-

situationen, ihre geschickte Erkennung, angemessene und rechtliche Auflösung in der gegenwärtigen Phase große Rolle in der Arbeit der Aufklärung von Straftaten spielen.

Schlüsselwörter: Kriminalistik; Konzept; Situation; Konflikt; Gegenmaßnahme; Voraussehbarkeit; Ermittlungsfehler.

Publikationstyp: wissenschaftlicher Artikel.

Bibliographie

1. Dal, V. Bedeutungswörterbuch der lebendigen großrussischen Sprache / V. Dal. Band 3. — SPb.; M., 1981.

2. Drapkin, L. Ya. Konfliktsituationen und Methoden deren Auflösungen im Prozess der Überwindung des Kampfes gegen die Untersuchung / L. Ya. Drapkin // Überwindung von Konflikten im Prozess der Verbrechensaufklärung und Untersuchung der Verbrechen: eine Sammlung von wissenschaftlichen Arbeiten. — Ekaterinburg: Verlag des Juristischen Instituts des Innenministeriums Russlands des Uralgebiets, 2006.

3. Drapkin, L. Ya. Grundlagen der Theorie von Untersuchungssituationen / L. Ya. Drapkin. — Sverdlovsk: Verlag der Staatlichen A.-M.-Gorki-Universität des Uralgebiets, 1987.

4. Drapkin, L. Ya. Definition und Klassifikation von Untersuchungssituationen / L. Ya. Drapkin // Untersuchung der Situation und die Aufdeckung von Straftaten. — Sverdlovsk, 1975.

5. Luzgin, I. M. Entwicklung der Technik der Untersuchung von bestimmten Arten von Verbrechen / I. M. Luzgin // Rechtswissenschaft. — 1977. — Nr. 2.

6. Ratinov, A. R. Gerichtspsychologie für Ermittler / A. R. Ratinov. — M., 1967.

7. Rakhunov, R. D. Schuldbekennnis / R. D. Rakhunov. — M., 1975.

8. Strogovich, M. S. Probleme der gerichtlichen Ethik / M. S. Strogovich. — M., 1974.

Romanov V. I. Zur Frage der Anwendung von wissenschaftlichen und technischen Mitteln während der Begutachtung

Annotation: es werden Fragen behandelt, die mit der Anwendung der wissenschaftlichen und technischen Mittel der Kriminologie während der Untersuchung verbunden sind, es werden Maßnahmen zur effizienteren Nutzung vorgeschlagen. Spezialisierte wissenschaftliche und technische Komplexe, taktische und ethische Fragen der Anwendung der

wissenschaftlichen und technologischen Mittel der Kriminologie werden behandelt.

Schlüsselwörter: Kriminalistik; Ermittlungshandlungen; Besichtigung; wissenschaftliche und technische Mittel.

Publikationstyp: wissenschaftlicher Artikel.

Bibliographie

1. Romanov, V. I. Anwendung von wissenschaftlichen und technischen Mitteln zur Untersuchung von Verbrechen / V. I. Romanov. — Kasan: Zentrum für Innovationstechnologien, 2001.

2. Skorchenko, P. P. Kriminalistik. Technische und kriminologische Sicherung der Verbrechensermittlungen: Lehrwerk / P. P. Skorchenko. — M., 1999.

3. Torbin, Yu. G. Begutachtung als Verfahren der Beweissammlung während der Voruntersuchung: wissenschaftliche und praktische Anleitung / Yu. G. Torbin. — M.: Yurlitform, 2005.

4. Shurukhnov, N. G. Kriminalistik: Lehrbuch / N. G. Shurukhnov. — M.: Moskauer Institut für Psychologie und Soziologie; Voronezh: MODEK, 2011.

Sidorov B. V., Babichev A. G. Rawdyhaftes Motiv im Rahmen eines qualifizierten Mordes

Annotation: der Artikel ist dem Strafrecht und moralisch-psychologischen Eigenschaften des rawdyhaften Motives als Qualifikationsmerkmal der subjektiven Seite des Mordes, Abgrenzung dieses Motivs von anderen Motiven des Mordes gewidmet. Im Artikel wird Gerichtspraxis in Fällen von Straftaten analysiert, die vom Punkt „i“ Teil 2 des Artikels 105 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation vorgesehen sind.

Schlüsselwörter: Mord; rawdyhaftes Motiv; grobe Verletzung; Gesellschaftsordnung; Qualifikationsmerkmal; Qualifikation; Gericht; Bestrafung; Schuld; reine Missachtung der Gesellschaft; Motiv des Verbrechens.

Publikationstyp: wissenschaftlicher Artikel.

Bibliographie

1. Borzenkov, G. N. Verbrechen gegen Leben und Gesundheit / G. N. Borzenkov. — M., 2008.

2. Volkov, B. S. Motive für Verbrechen / B. S. Volkov. — Kasan, 1982.

3. Ozhegov, S. I. Bedeutungswörterbuch der russischen Sprache / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. — M., 1997.

4. Pobegaylo, E. F. Ausgewählte Werke / E. F. Pobegaylo. — SPb., 2009.

5. Semerikova, A. A. Vorbeugung der Verbrechen aus rawdyhafter Anreizung: Autoreferat der Dissertation des Kandidaten der Rechtswissenschaften / Semerikova A. A. — M., 2011.

Jakushin S. Yu. Kriminalistische Taktik: moderne Tendenzen der Entwicklung

Annotation: es werden Ideen über aktuelle Tendenzen der Entwicklung der kriminalistischen Taktik behandelt, moderne Interpretation ihres Konzepts, ihrer Struktur, Natur und Arten von taktischen Mitteln gegeben; Begriff der Taktik der gerichtlichen Untersuchung bestimmt, Ergebnisse des Hauptinhalts, der Aufgaben und Mittel der taktischen und kriminologischen Studien der Beweise im Gericht festgesetzt.

Schlüsselwörter: kriminalistische Taktik; taktische und kriminalistische Sicherung der Vor- und Beweis-Aufnahme; Taktik der gerichtlichen Ermittlung; taktische Aufgabe; taktische Lösung; taktisches Mittel der Beweisaufnahme im Gericht.

Publikationstyp: wissenschaftlicher Artikel.

Bibliographie

1. Averyanova, T. V. Von kriminalistischer Taktik und Verteidigungstaktik / T. V. Averyanova // Aktuelle Probleme der Theorie und Praxis der Strafjustiz und Kriminalistik. — M., 2004. — Teil 2.

2. Zashlyapin, L. A. Grundlagen der Theorie der effektiven Anwaltstätigkeit / L. A. Zashlyapin. — Ekaterinburg, 2006.

3. Konovalova, V. E. Kriminalistische Taktik: Prinzipien und Funktionen / V. E. Konovalova // Kriminalistik und Gerichtsgutachten. — Kiev, 1981. — Ausgabe 22. — S. 40;

4. Spezialisierungslehrgang für Kriminologie: Lehrbuch / Autorenkollektiv: V. P. Bakhin, R. S. Belkin, P. D. Bilenchuk u.a.; verantwortlicher Redakteur M. V. Saltevsky. — Kiev, 1987.

5. Shepitko, V. Yu. Kriminalistik: Lektionskurs / V. Yu. Shepitko. — 3. Auflage — Kharkov.: «Odissey» GmbH, 2009.

6. Yakushin, S. Yu. Aktuelle Probleme der taktischen und kriminalistischen Besicherung der Strafjustiz in modernen Bedingungen / S. Ya. Jakushin // Kriminalistik des XXI. Jahrhunderts: Materialien der wissenschaftlich-praktischen Konferenz (25–26 November, 2010). — Kharkov: Pravo, 2010.

DEUTSCHE VERTRETUNG DES KRIMINALISTEN- UND KRIMINOLOGENVERBANDES

Matskevich I. M., Orlov V. N. Ausländische Vertretung des „Kriminalisten- und Kriminologenverbandes“ in der Bundesrepublik Deutschland

Annotation: diese Verordnung wurde laut Verfassung der regionalen gesellschaftlichen Organisation „Kriminalisten- und Kriminologenverband“ entwickelt, die an der Gründungsversammlung am 29. Juni 2010 (Protokol Nr. 1) von normativen Rechtsakten der Russischen Föderation, allgemeinen anerkannten Prinzipien und Normen des Völkerrechts genehmigt wurde und die Aktivitäten der Auslandsvertretung des „Kriminalisten- und Kriminologenverbandes“ in der Bundesrepublik Deutschland regelt.

Schlüsselwörter: Kriminalisten- und Kriminologenverband; Vertretung; Deutschland.

Publikationstyp: Anmerkung.

Birke Reiner. Strafrechtliche Verantwortlichkeit der Unternehmen und Verbände: der neue internationale Standard?

Annotation: der Artikel besteht aus den Teilen: 1. Einleitung; 2. Gesamtüberblick der Tatbestände; 3. Sanktionen; 4. Mögliche Motive; 5. Blick auf das Ausland; 6. Gesetzentwurf des Untersuchungsausschusses der Russischen Föderation; 7. Wird es strafrechtliche Verantwortlichkeit der Unternehmen geben?

Schlüsselwörter: strafrechtliche Verantwortlichkeit; Unternehmen; juristische Person.

Publikationstyp: wissenschaftlicher Artikel.

Börner Rene. Verfahrensweise der Wirksamkeit der Strafjustiz

Annotation: es ist offensichtlich, dass die Ausführlichkeit und Unparteilichkeit des Gerichts die Geschwindigkeit des Prozesses verhindern. Wenn Gerechtigkeit als Rechtsargument den Glaubwürdigkeitsschutz feststellt, dann wird die Kritik dieser Zuverlässigkeit nicht als eigenständiger Faktor in Erscheinung treten. „Schnell-Prozess“ kann auch in allgemeiner Form nicht bestimmen, was in einem Rechtsstaat zur Erreichung des gewünschten Vertrauens im Strafverfahren notwendig ist.

Schlüsselwörter: Strafverfahren; Gerechtigkeit; Gericht.

Publikationstyp: wissenschaftlicher Artikel.

Küpper Georg. Organisiertes Verbrechen im primären und sekundären Strafrecht

Annotation: der Artikel besteht aus folgenden Teilen: 1. Allgemeines; 2. Definition einer kriminellen Vereinigung; 3. Forderung zur Mitwirkung; 4. Fazit.

Schlüsselwörter: Strafrecht; kriminelle Organisationen; organisiertes Verbrechen.

Publikationstyp: wissenschaftlicher Artikel.

Mitsch Wolfgang, Zhiro Alix. Verbrechen gegen das Leben im deutschen, französischen und russischen Strafrecht

Annotation: der Artikel besteht aus folgenden Teilen: 1. Hauptmerkmale der Verbrechen gegen das Leben im deutschen Recht; 2. Hauptmerkmale der Verbrechen gegen das Leben im russischen Recht; 3. Hauptmerkmale der Verbrechen gegen das Leben im französischen Recht; 4. Rechtsvergleich; 5. Zusammenfassung.

Schlüsselwörter: Verbrechen gegen das Leben; Strafrecht.

Publikationstyp: wissenschaftlicher Artikel.

STENOGRAMM

Matskevich I. M. Stenogramm der IX. Sitzung des „Kriminalisten- und Kriminologenverbandes“ zum Thema: „Qualität des Strafvollzugsrechts“ (24. Januar 2013, nichtstaatliche Bildungseinrichtung der beruflichen Hochschulbildung „Moskauer Akademie für Wirtschaft und Recht“ (Moskau)).

Annotation: am 24. Januar 2013 an der nichtstaatlichen Bildungseinrichtung der beruflichen Hochschulbildung „Moskauer Akademie für Wirtschaft und Recht“ (Moskau) hat die IX. Sitzung des „Kriminalisten- und Kriminologenverbandes“ zum Thema: „Qualität des Strafvollzugsgesetzes“ stattgefunden.

Schlüsselwörter: Stenogramm; Kriminalisten- und Kriminologenverband; Strafvollzugsgesetz.

Publikationstyp: Stenogramm.

AUTORREFERATE

Komissarov V. S. Strafrechtliche Verantwortlichkeit gegen Banditismus: Autorreferat einer Dissertation zur Erlangung eines akademischen Grades des Kandidaten der Rechtswissenschaften: 12.00.08 — Strafrecht und Kriminologie; Zwangsarbeitsrecht. — Moskau, 1983

Annotation: die Arbeit wurde an der Fakultät für Jura des Moskauer Leninordens, Ordens des Roten Banners der Arbeit und Ordens der Oktoberrevolution der Staatlichen Lomonossow-Universität ausgeführt. Wissenschaftlicher Betreuer — Doktor der Rechts-

wissenschaften, Professor G. A. Krieger. Offizielle Gegner: Doktor der Rechtswissenschaften, Professor L. D. Lauchman, Kandidat der Rechtswissenschaften V. V. Eraksin. Führendes Unternehmen — Unions-Forschungsinstitut für Sowjetgesetzgebung. Die wichtigsten Bestimmungen der Einführung und drei Kapitel der Dissertation werden behandelt. Eine Liste von vier veröffentlichten Arbeiten des Autors wird angegeben.

Schlüsselwörter: strafrechtliche Verantwortung; Banditismus; Autorreferat; Strafrecht.

Publikationstyp: Autorreferat.

Bibliographie

1. Komissarov, V. S. Strafrechtliche Verantwortung gegen Banditismus: Autorreferat einer Dissertation des Kandidaten der Rechtswissenschaften / Komissarov V. S. — M., 1983.

STRAFPROZESS

Mikheev A. V. Merkmale der vorgerichtlichen Vorbereitung der Materialien des Straffalls zur gerichtlichen Beweisführung

Annotation: es werden Merkmale der vorgerichtlichen Vorbereitung der Materialien des Straffalls zur gerichtlichen Beweisführung behandelt, Verhältnis der Voruntersuchung und Beweisaufnahme durchgeführt, Stufen der Bildung der vorgerichtlichen Beweisen im Strafverfahren ausgesondert.

Schlüsselwörter: vorgerichtliche Vorbereitung der Materialien; Beweise; gerichtliche Beweisführung.

Publikationstyp: wissenschaftlicher Artikel.

Bibliographie

1. Balakshin, V. S. Beweise in der Theorie und Praxis des Strafverfahrens: Monographie / V. S. Balakshin. — Ekaterinburg, 2004.

2. Belkin, R. S. Kriminalistik und Beweisführung (methodologische Probleme) / R. S. Belkin, A. I. Winberg. — M.: Juristische Literatur, 1969.

3. Karyakin, E. A. Zur Frage der gerichtlichen Beweise im kontradiktorischen Strafverfahren / E. A. Karyakin // Russische Justiz. — 2006. — Nr. 4.

4. Koneva, S. I. Verhöre im Strafgericht: Monographie / S. I. Koneva. — Nischni Nowgorod, 2013.

5. Kulakov, S. Taktik der Vernehmung des Angeklagten von der Staatsanwaltschaft / S. Kulakov // Zakonnost. — 2011. — Nr. 6.

6. Kukhta, A. A. Beweisführung im Strafverfahren: Monographie / A. A. Kuchta. — Nischni Nowgorod: Akademie Nischni Nowgorod des Innenministeriums der Russischen Föderation, 2009.

7. Pechnikov, G. A. Dialektische Probleme der Wahrheit im Strafprozess: Monographie / G. A. Pechnikov. — M.: Yurlitinform, 2010.

8. Stulikov, A. N. Strafverfahren und kriminalistische Aspekte der Vorlage von Beweisen: Dissertation des Kandidaten der Rechtswissenschaften / A. N. Stulikov. — Nischni Nowgorod: Akademie Nischni Nowgorod des Innenministeriums der Russischen Föderation, 2002.

9. Khmel'nitskaya, T. V. Dialektik der Bildung der Beweise im gemischten Strafverfahren / T. V. Khmel'nitskaya, I. T. Alaev // Juristische Wissenschaft und Praxis: Informationsblatt der Akademie Nischni Nowgorod des Innenministeriums der Russischen Föderation. — 2012. — Nr. 20.

MOSKAUER KRIMINOLOGISCHES KABINETT

Gerasimova V. A. Persönlichkeit des Täters wegen Steuerstraftaten

Annotation: der häufigste Täter wegen Steuerstraftaten ist ein Mann im Alter von 40 Jahren, der eine Hochschulbildung hat, in der Stadt lebt, unvorbestraft ist, einen Posten als Leiter einer Gesellschaft mit beschränkter Haftung besitzt, verheiratet ist, Kinder hat. Dabei sind für ihn rechtlicher Nihilismus, übermäßige Konsum-Standards, Fokus auf den Erfolg, Pragmatismus charakteristisch.

Schlüsselwörter: Steuerstraftäter; Steuerstraftaten; Persönlichkeit des Täters.

Publikationstyp: wissenschaftlicher Artikel.

Bibliographie

1. Likhovidov, K. Risiko als Bedingung für die Differenzierung und Volumenmessung der gesetzlichen Haftpflicht / K. Likhovidov // Zakonnost. — 2001. — Nr. 12.

2. Nudel, S. L. Kriminologische Eigenschaften der Persönlichkeit des Steuerstraftäters / S. L. Nudel, E. L. Nudel // Wissenschaftliche Übersichten der Staatlichen Universität Belgorod. — 2008. — Nr. 4 (44).

3. Podolny, N. A. Kriminalistische Charakterisierung der Persönlichkeit des Täters, der kriminelle Aktivitäten auf dem Wertpapiermarkt begeht / N. A. Podolny // Sledovatel. — 2002. — Nr. 5.

4. Rogov, I. I. Probleme der Bekämpfung der Wirtschaftskriminalität (Strafrechtliche und kriminologische Forschung): Autorreferat einer Dissertation des Doktors der Rechtswissenschaften / I. I. Rogov. — Almaty, 1991.

5. Rubinschtein, L. S. Probleme der Allgemeinen Psychologie / L. S. Rubinschtein. M.: Pedagogika, 1976.

SCHRIFTSTELLER-KRIMINALIST-KRIMINOLOGE

Danyluk S. A. Medvedik (Fabel der Tante)

Annotation: es wird nächste Erzählung „Medvedik (Fabel der Tante)“ vom Kandidaten der Rechtswissenschaften, Mitglied des Kriminalisten- und Kriminologenverbandes Semen Aleksandrovich Danilyuk veröffentlicht.

Schlüsselwörter: Semen Aleksandrovich Danilyuk; Medvedik.

Publikationstyp: Erzählung.

ANNOTATIONS, KEY WORDS, TYPES OF PUBLICATIONS AND CLAUSE-BY-CLAUSE BIBLIOGRAPHY¹

JUBILEES

Matskevich I.M., Orlov V.N. On the 80th Anniversary of Vladimir Evgenievich Eminov, Professor, Criminalist and Criminologist

Annotation: Colleagues and followers of Vladimir Evgenievich congratulate him on his 80th Anniversary. Wish him good health, stay active, gaysome, keep managerial abilities, high professionalism, devotion to criminology and the criminal science, brighten the close and colleagues.

Key words: Vladimir Evgenievich Eminov; criminalist; criminologist; jubilee, the 80th Anniversary

Type of publication: note

TRIBUNE OF THE LAW DEPARTMENT OF KAZAN (PRIVOLZHSKI) FEDERAL UNIVERSITY

Tarkhanov I.A. Greeting

Annotation: the starting point is a close cooperation with the scientific practical bulletin “The Union of Criminalists and Criminologists”, founded in 2013, regarding that it would take place of a bullhorn of the Union. Moreover, it really did, I think so, because one of the co-founders of the bulletin is an outstanding scientist criminologist and founder of the juridical education, whose name is known far above the borders of Russia, our friend, Professor Igor Mikhailovich Matskevich.

Wish you success at work, the most qualified scientific auditory and high rating of Citedness.

Key words: Law Department; Kazan University; the Union of Criminalists and Criminologists; Tribune of the Law Department of Kazan (Privolzhski) Federal University.

Type of publication: note

Gazetdinov N.I. The Criminal Legal Procedure and Criminal Science Chair: the History and Modern State

Annotation: Nail’ Islamovich Gazetdinov, Associate Professor, Honored jurist of the Republic of Tatarstan, has been working at the Chair for about thirty years. Since November 2003, he is the Head of the Criminal Legal Procedure and Criminal Science Chair. The Chair’s field of scientific interests in scientific research includes “Procedural, Criminalistical and Legal Control of Prosecution Means of Maintaining of Personal Rights and Freedoms, Effectiveness of Criminal Legal Proceedings” (State Registration No. 01200404366).

Key words: the Criminal Legal Procedure and Science of Criminology Chair; Kazan (Privolzhski) Federal University

Type of publication: note

Gazetdinov N.I. Notion and Types of Law Enforcement Activity

Annotation: the author analyzes the notions of law enforcement and law enforcement bodies. Studying the legislation in action, the author concludes about the necessity of legislative consolidation of the notions of “Law Enforcement Bodies” and “Law Enforcement Activity”. It is pointed out in the work, that the notions of law enforcement activity and of law enforcement bodies do not coincide, though they are closely interacted.

Key words: law enforcement bodies; law enforcement activity, judicial power, justice; preliminary investigation; legal control of prosecution.

¹ Annotations, key words, types of publications and clause-by-clause bibliography elaborated and compiled by I.M. Matskevich and V.N. Orlov.

Type of publication: scientific article

Bibliography

1. Avdonkin V.S. Law Enforcement Bodies: Manual. — Moscow, 2010.
2. Burdina E.C.V. Judicial Power in the Russian Federation. — Saransk, 2006.
3. Voskobitova L.A. Ontological Characteristics of the Judicial Power. — Stavropol, 2003.
4. Gazetdinov N.I. Law Enforcement Bodies: Course book for Juridical High Schools. — Kazan: Kazan University Press, 2012.
5. Lazareva V.A. Judicial Protection in the Legal Procedure in the Russian Federation: Theoretical and Practical Aspects: Abstract to the Doctoral Thesis. — Moscow, 2000.
6. Mikhailovskaya I.B. Judicial Power within the System of Power Distribution // Judicial Power / Edited by I.L. Petrukhina. — Moscow, 2003.
7. Law Enforcement Bodies: Course book for High Schools / Edited by V.P. Bozhiev. — Moscow: Juright (YouWright), 2012.
8. Judicial Power / Edited by I.L. Petrukhina. — Moscow, 2003.
9. Foynitsky I.Y. Course of the Criminal Legal Proceedings. — Saint Petersburg, 1996.
10. Shamardin A.A. Law Enforcement Bodies: Manual / A.A. Shamardin, A.P. Guskova. — Orenburg, 2012.

Klyukova M.E. Models of International Procedures of Extradition within Criminal Prosecution

Annotation: the author analyses main problems of regulations on the concept extradition of a person for criminal prosecution within the international and domestic criminal procedural legislation and, in particular, the aspects of realization of the mechanism of criminal prosecution within extradition, caused by the imperfectness or the absence of corresponding national legislation.

Key words: extradition; criminal prosecution; rule of specialization; request for criminal extradition.

Type of publication: scientific article

Bibliography

1. Klyukova M.E. Aspects of Procedural Mechanisms of Criminal Prosecution within Extradition // Report at the International Scientific Practical Conference "International Law and Order in the Modern World and the Role of Russia in its Enforcement", devoted to the 90th Anniversary of Birthday and

Memory of D.I. Feldman (October 11–12, 2012; Kazan). — Moscow: Statute, 2014.

2. Kubov R.Kh. Aspects of Extradition in the States Members of the CIS // Russian Investigator. — 2008. — № 20.

3. Lukashuk I.I. Criminal Extradition of the Accused according to the International Criminal Law: Manual / I.I. Lukashuk, A.V. Naumov. — Moscow: Russian Juridical Press, 1998.

Muratov K.D. Specific Features of Legal Regulations of Seizure and Gathering of Evidence within the Criminal Legal Proceedings (Comparative Legal Aspect)

Annotation: the mechanism of gathering of evidence is connected with specific features of appearance of the sources of this evidence, special features of seizure of things and documents. In the article, the author presents the comparative legal analysis of the procedures of seizure of evidence and admission of proof. The author detects the main tendencies and specific properties in the legal regulations of seizure of evidence within the criminal procedural legislation in the States Members of the CIS and a number of foreign countries.

Key words: seizure, evidence, seizure and storage of items and documents, procedures of seizure, participants of the seizure, legislative sources

Type of publication: scientific article

Bibliography

1. Verner Bolke. The Criminal procedural Law of the Federative Republic of Germany: Course Book. 6th edition / Edited by L.V. Majorova. — Krasnoyarsk: RUMC Juridical Society, 2004.
2. Golovko L.V. Inquest and Preliminary Investigation in the Criminal Legal Procedure of France. — Moscow: SPARK, 1995.
3. Kalinovsky K.B. The Criminal Legal Procedure of the Modern Foreign Countries. — Moscow, 2000.
4. Muratov K.d. International Legal Help in the Delivery of Items and Documentation for Criminal Courses // Selected Post-Graduate Works / Edited by A.I. Abdullin. — Kazan: Kazan University, 2011.
5. Muratov K.D. International Legal Aspects of Seizure of Items and Documents for the Criminal Cases: Lecture. — Kazan: the LLC "AMNEUS", 2011.
6. Muratov K.D. Model of the International Seizure on Criminal Cases / K.D. Muratov, N.G. Mu-

rator // Modern Science of Criminology: Problems, Tendencies, Names (On the 90th Anniversary of Professor R.S. Belkin): Materials of the 53rd Criminalist Readings (November 22-23, 2012). — Part 3.- Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012.

7. Muratov K.D. Bases of the International Cooperation in the Sphere of Criminal Legal Procedure within Investigation // Selected Post-Graduate Works / Edited by R.M. Valeev. — Kazan: Kazan University Press, 2010.

8. Nuralieva A.S. Provisional Remedy in Civil Action / A.S. Nurgalieva, T.K. Bijatov // The Criminal Procedural Law of the Republic of Kazakhstan. General Part: Academic Course / Edited by Professor B.Kh. Toleubekova. Book 2. — Almaty: the LLC "HAS" Press, 2004.

9. Filimonov B.A. The Criminal Procedure in the Federative Republic of Germany. — Moscow, 1974.

Muratova N.G. Historical and Modern Traditions of the Concept of Rehabilitation within the Criminal Legal Proceedings

Annotation: the topic of this article continues the existing studies of authors on the concept of rehabilitation within the criminal legal procedure. Rehabilitation, reward and gratification have long roots in the traditions of both Russia and foreign countries. Indemnification for the rehabilitated should be done within the forms, provided by the criminal procedural and civil procedural laws. The author analyses a number of problems of legislative and law applicatory character. Thus, it is necessary to provide clear arguments for the formation of a definite sum for financial reward. Special attention is paid to the public apology, rehabilitation and business name.

Key words: rehabilitation, procedural mechanisms, indemnification, historical traditions, apology, rehabilitation, restoration of a business name.

Type of publication: scientific article

Bibliography

1. Butskovsky N.A. Essay on the Legal Process according the Codes of November 20, 1864. Works by Senator N. Butskovsky. — Saint Petersburg, 1874.

2. Dal' V.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language. Modern Edition. — Moscow: ZAO EKSMO-Press, 2002.

3. Korneev O.A. Concept of Rehabilitation within the Criminal Procedural Law of Russia. — Chelyabinsk: Juridical Urals State University Press, 2005.

4. Muratova N.G., Views of I.Y. Foyntsky for Rehabilitation within the Criminal Legal Procedure // Materials of the Scientific Conference "Tatischev's Readings: Vital Problems of Science and Practice. Legal Relations and Juridical Responsibility" (May 17-20, 2006). Part 1. — Togliatti: Volzhsky University by V.N. Tatischev, 2006.

5. Muratova N.G. Mechanisms of Rehabilitation in Pre-Trial Proceedings on the Criminal Case / N.G. Muratova, E.A. Khairulina // Judicial Powers and Jurisprudence within Criminal Legal Procedure: Problems and Perspectives: Materials of Scientific Practical Conference (March 30-31, 2011, Yekaterinburg). Part 2. — Yekaterinburg, 2012.

6. Muratova N.G. Errors in Law in the Criminal Justice // Federal Bulletin of Judicial Society. — "Judge". — Moscow, 2007. — №7 (31).

7. Muratova N.G. Errors in Law in the Criminal Justice // Dialectics of Modern Innovation Mechanisms of Solvation of Legal Conflicts: Materials of the International Scientific Practical Conference / Edited by A.P. Guskova. — Orenburg: Orenburg State Agricultural University Press, 2011.

8. Muratova N.G. Problems of Indemnification within the Concept of Rehabilitation // Law as a Foundation of a Modern Society: Materials of the Scientific Practical Conference (April 20-21, 2012) / Edited by Professor I.Sh. Mukhametzinova, R.R. Salimzyanova, L.L. Sabirova. — Kazan: Osta, 2012.

9. Muratova N.G. Problems of Judicial Rehabilitation of Victims of Criminal Justice // Vital Problems of the Criminal Legal Proceedings: Questions of Legislations and Practice of Application (On the 5th Anniversary of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation): Materials of the International Scientific Practical Conference. — Moscow: Moscow State Juridical Academy, 2007.

10. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian Language: About 57 000 words / Edited by N.Y. Shvedova, Chief Proof Reader of the Academy of Science of the USSR. — 20th edition, stereotyped. — Moscow: Russian Language, 1986.

11. Ramenskaya V.S. Concept of Rehabilitation in the Criminal Legal Procedure: Abstract to the Candidate of Law Thesis: 12.00.09. — Yekaterinburg, 2004.

12. Tatyani D.V. Notion of Damage from Arraignment and Sentencing of the Innocent to Correctional Working according to I.Y. Foynitsky // *Judicial Power in Russia: Law, Theory, Practice: selected Articles of the International Scientific Practical Conference (November 19-20, 2004)*. — Moscow: "Jurist" Press, 2005.

13. Tatyani D.V. Rehabilitation within the Criminal Legal Procedure in Russia (Notion, Types, Foundation, Procedural Order): Abstract to the Candidate of Law Thesis. — Chelyabinsk, 2005.

14. Foynitsky I.Y. On the Reward of the Innocently Arraigned. — Saint Petersburg: Directing Senate Press, 1884.

15. Khachaturov R.L. *Juridical Encyclopedia. Legal Life / Edited by V.A. Yakushin. Volume 4.* — Togliatti: Volzhsky University by V.N. Tatischev, 2005.

Rakhmatulin R.R. Realization of the Concept of the Situational Approach within the Practice of Law Enforcement Bodies

Annotation: the author studies questions connected with the development of the concept of the situational approach. It is connected with the fact that the problems of conflicts and conflict situations, their detection, reasonable and legal solvation play nowadays an important role in crime detection.

Key words: the science of criminology; concept; situation; conflict; counteraction; forecasting; investigatory error

Type of publication: scientific article

Bibliography

1. Dal' V. *Explanatory Dictionary of the Modern Great Russian Language. Book 3.* — Saint Petersburg, Moscow, 1981.

2. Drapkin L.Y. *Conflict Situations and Methods of Their Solvation within Overcoming Counteraction to Investigation // Overcoming Conflict Situations within the Process of Detection and Investigation of Crimes: Selected Scientific Works.* — Yekaterinburg: Urals Juridical Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Press, 2006.

3. Drapkin L.Y. *Fundamental Theories of Investigative Situations.* — Sverdlovsk: Urals State University Press, 1987.

4. Drapkin L.Y. *Notion and Classification of Investigative Situations // Investigative Situations and Crime Detection.* — Sverdlovsk, 1975.

5. Luzgin I.M. *Development of Methodology of Investigation of Definite Types of Crimes // Jurisprudence.* — 1977. — № 2.

6. Ratinov A.P. *Forensic Psychology for Investigators.* — Moscow, 1967.

7. Rakhunov R.D. *Confession of Guilt by the Accused.* — Moscow, 1975.

8. Strogovich M.S. *Problems of Judicial Ethics.* — Moscow, 1974.

Romanov V.I. On the Question on Application of Scientific Technical Means in Certification

Annotation: the author studies questions connected with the application of scientific technical means of criminological science in certification. The author suggests measures for their more effective application. The author analyses specialized scientific technical systems of criminological science.

Key words: criminological science; investigating actions; certification; scientific technical means.

Type of publication: scientific article

Bibliography

1. Romanov V.I. *Application of Scientific Technical Means in Crime Investigation.* — Kazan: Innovation Technologies Center, 2001.

2. Skorchenko P.P. *Criminal Science. Technical Criminalistical Maintenance of Investigation: Manual.* — Moscow, 1999.

3. Torbin Y.G. *Certification as a Means of Evidence Gathering at the Stage of Preliminary Investigation: Scientific Practical Manual.* — Moscow: Jurlitinform, 2005.

4. Shurukhnov N.G. *Science of Criminology: Course book.* — Moscow: Moscow Social Psychological University; Voronezh: MODEK, 2011.

Sodorov B.V., BabCuдopoв B. B., Babichev A.G. Hooligan Motive within Classified Homicide

Annotation: the article is devoted to the criminal legal and moral psychological characteristics of hooligan motive as a classifying feature of a subjective side of homicide, and to the questions of distinction of this motive from the others motives of homicide. The author analyses judicial practice on criminal cases, provided by the Paragraph „н“ Part 2 Art. 105 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: homicide; hooligan motive; fragrant violation; social order; homicide; classifying feature;

classification; court; penalty; guilt; flat violation; motive of the crime.

Type of publication: scientific article

Bibliography

1. BorBorzenkov G.N. Crimes against Life and Health. — Moscow, 2008.
2. Volkov B.S. Motives of Crimes. — Kazan, 1982.
3. Pobegailo E.F. Selected Works. — Saint Petersburg, 2009.
4. Semerikova A.A. Prevention of Homicide for Hooligan Motive: Abstract to the Candidate of Law Thesis. — Moscow, 2011.

Yakushin S.Y. Criminalistical Tactics: Modern Tendencies of Development

Annotation: the author presents his overview of the modern tendencies of the development of criminalistical tactics, gives a modern interpretation of its notion, structure, contents, substantiates his conclusions about the contents, aims and means of tactics criminalistical maintenance of evidence in the court.

Key words: criminalistical tactics; tactics criminalistical maintenance of preliminary and judicial investigation; tactics of judicial investigation; tactical task; tactical decision; tactical means of studying of evidence in the court

Type of publication: scientific article

Bibliography

1. Averianova T.V. On Criminalistical Tactics and Tactics of Defence // Vital Questions of Theory and Practice of Criminal Legal Procedure and Criminological Science. — Moscow, 2004. — Part 2.
2. Zashlyapin L.A. Fundamental Theory of Effective Advocacy. — Yekaterinburg, 2006.
3. Konovalova V.E. Criminalistical Tactics: Principles and Functions // Criminalistics and Forensic Inquiry. — Kiev, 1981. — Edition 22. — P. 40.
4. Specialized Course of Criminalistics: Course Book / Authorship by V.P. Bakhin, R.S. Belkin, P.D. Bilnechuk, other; Responsible edition by M.V. Saltovsky. — Kiev, 1987.
5. Shepit'ko V.Y. Criminalistics: Course of Lectures. — 3rd edition. — Kharkov: the LLC "Odyssey", 2009.
6. Yakushin S.Y. Vital Problems of Tactic Criminalistical Maintenance of Criminal Legal Procedure in Modern Conditions // Criminalistics of the XXI Century: Materials of the International Scientific

Practical Conference (August 25–26, 2010). — Kharkov: Law, 2010.

GERMAN REPRESENTATIVE MISSION IN THE STAVROPOL TERRITORY

Matskevich I.M., Orlov V.N. Representative Office of "the Union of Criminalists and Criminologists" Abroad in the Federative Republic of Germany

Annotation: this Thesis was elaborated according to the Code of the Regional Public Organization "the Union of Criminalists and Criminologists", admitted in June 29, 2010 (Protocol No.1), Regulatory Legal Acts of the Russian Federation, generally recognized principles, norms of the international law. It regulates the activity of the Representative Office of "the Union of Criminalists and Criminologists" Abroad in the Federative Republic of Germany; its abbreviated name is "German Representative Office of the UCC".

Key words: the Union of Criminalists and Criminologists; representative office; Germany

Type of publication: note

Birke Rainer. Criminal Responsibility of Enterprises and Legal Entities according to a New International Standard?

Annotation: the article includes the following parts: 1. Introduction; 2. Overview of Crime Components; 3. Sanctions; 4. Possible motives; 5. Looking Abroad; 6. Project for the Law by the Investigatory Committee of the Russian Federation; 7. Would criminal responsibility of legal entity arouse?

Key words: criminal responsibility; enterprise; legal entity

Type of publication: scientific article

Berner Rene. Approach to the Effectiveness of the Criminal Legal Proceedings

Annotation: it is obvious, that the circumstantiality and disaffection of the court have an influence onto its progress speed. When the justice claims the protection of credibility to be the juristic argument, then the criticism of this credibility is out of the question as an independent factor. "Quick Procedure" even in its forthright terms does not define what is necessary in the legal state in order to achieve wanted level of credibility within the criminal legal proceedings.

Key words: the criminal legal procedure; justice; court

Type of publication: scientific article

Cupper Georg. Organized Criminality in Main and Additional Criminal Law

Annotation: the article contains the following: 1. General Theses; 2. Definition of Organized Criminality; 3. Claim for Cooperation; 4. Conclusion.

Key words: the criminal law; criminal organizations; organized criminality.

Type of publication: scientific article

Mitch Wolfgang, Jiro Alex. Crimes against Life according to German, Russian and French Criminal Law

Annotation: the article includes the following parts: 1. Main features of crimes against life in the German Law; 2. Main features of crimes against life according to the Russian Law; 3. Main features of crimes against life in the French Law; 4. Legal comparative analysis; 5. Conclusion.

Key words: crimes against life; the criminal law

Type of publication: scientific article

VERBATIM TRANSCRIPT

Matskevich I.M. Verbatim Transcript of the 9th Meeting of "the Union of Criminalists and Criminologists" on the topic, "Quality of the Criminal Executive Legislation" (January 24, 2013, HSEI HPE "Moscow Academy of Economics and Law", Moscow

Annotation: on January 24, 2013 at the NSEI HPE "Moscow Academy of Economic and Law", the 9th meeting of "the Union of Criminalists and Criminologists" was held. The topic was "The Quality of the Criminal Executive Law".

Key words: verbatim transcript; the Union of Criminalists and Criminologists; the criminal executive law

Type of publication: verbatim transcript

ABSTRACTS

Komissarov V.S. Criminal Responsibility for Banditry: Abstract to the Candidate of Law Thesis: 12.00.08 — the Criminal Law and Criminology; Correctional Working Law. — Moscow, 1983.

Annotation: the work was performed at Law Department of Moscow Lenin Award, Working Red Standard Award and October Revolution Award State University by M.V. Lomonosov. The scientific guide of the work is G.A. Kriger, Doctor of Law, Professor. Official opponents: Doctor of Law, Professor L.D. Laukhamn, Candidate of Law V.V. Eraksin. Lead-

ing organization — All-Soviet Scientific Research Institute for Soviet Legislation. The main theses of Introduction and three chapters of the thesis paper are analyzed. The list of four published works by the author is presented.

Key words: criminal responsibility; banditry; abstract; the criminal law

Type of publication: abstract

Bibliography

1. Komissarov V.S. Criminal Responsibility for Banditry: Abstract to the Candidate of Law Thesis. — Moscow, 1983.

THE CRIMINAL LEGAL PROCEDURE

Mikheev A.V. Specific Features of Pre-Judicial Preparation of Materials of the Criminal Case for Establishment in the Court

Annotation: the author analyses special features of pre-judicial preparation of materials of the criminal case to the establishment in the court. The author relates preliminary and judicial investigation, detect the stages of formation of pre-judicial evidence on the criminal case.

Key words: pre-judicial preparation of the materials, evidence, establishment in the court

Type of publication: scientific article

Bibliography

1. Balakshin V.S. Evidence in Theory and Practice of the Criminal Procedural Proof: Monograph. — Yekaterinburg, 2004.

2. Belkin R.S. Criminalistics and Proof (Methodological aspects) / R.S. Belkin, A.I. Vinberg. — Moscow: juridical Literature, 1969.

3. Karyakin E.A. To the Question of Establishment in the Court in the Competitive Criminal Legal proceedings // Russian Justice. — 2006. — № 4.

4. Koneva S.I. Inquiry in the Criminal Court: Monograph. — N. Novgorod, 2013.

5. Kulakov S. Tactics of Inquiry of the Person on Trial by the Public Prosecutor // Legality. — 2011. — № 6.

6. Kukhta A.A. Proof of Verity in the Criminal Legal Procedure: Monograph. — N. Novgorod: Public Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2009.

7. Pechnikov G.A. Dialectical Problems of Verity in the Legal Procedure: Monograph. — Moscow: Jurlitinform, 2010.

8. Stulikov A.N. Criminal Procedural and Criminalistical Aspects of Establishment of Evidence: Candidate of Law Thesis. — N. Novgorod: Public Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2002.

9. Khmel'nitskaya T.V. Dialectics of Gathering of Evidence in the Complicated Legal Procedure / T.V. Khmel'nitskaya, I.T. Alaev // Juridical Science and Practice: Bulletin of the Nizhegorodsky Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2012. — № 20.

MOSCOW CRIMINOLOGICAL STUDY

Gerasimova V.A. Personality of a Tax Criminal

Annotation: the most common type of tax criminals is a man, aged 40, has higher education, lives in a city or town, previously unconvicted, takes a position of a director of some LLC, married, has children. Thus, among his properties is legal nihilism, excessive standards of consumption, orientation for success and pragmatism.

Key words: tax criminal; tax crimes; a personality of a criminal

Type of publication: scientific article

Bibliography

1. Likhovidov K. Risk as a Condition of Differentiation of Volume and Measures of Juridical Responsibility // Legality. — 2001. — № 12.

2. Nudel S.L. Criminological Characteristics of Personality of a tax Criminal / S.L. Nudel, E.L. Nudel // Scientific Bulletin of Belgorod State University. — 2008. — № 4 (44).

3. Podolny N.A. Criminalistical Characteristics of a Personality of a Fraudster, Committing Crimes at the Equity Market // Investigator. — 2002. — № 5.

4. Rogov I.I. Problems of Counteraction to Economic Criminality (Criminal Legal and Criminological Studies): Abstract to the Doctoral Thesis. — Alma-Ata, 1991.

5. Rubinstein L.C. Problems of General Psychology. — Moscow: Pedagogics, 1976.

WRITER — CRIMINALIST — CRIMINOLOGIST

Danilyuk S.A. Little Bear (Auntie's Stories)

Annotation: a fresh story "Little Bear" (Auntie's Stories) is published. The author of the story is Semen Aleksandrovich Danilyuk, Candidate of Law, member of the Union of Writers.

Key words: Semen Aleksandrovich Danilyuk, Little Bear

Type of publication: story

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ В ЖУРНАЛЕ «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ»

Уважаемые авторы!

Редакция журнала установила следующий порядок рецензирования статей

1. Материалы, направленные в инициативном порядке

1.1. Материалы лиц, не имеющих ученой степени (аспирантов, соискателей, адъюнктов и иных лиц), а также кандидатов и докторов наук, поступающие в редакцию в инициативном порядке, принимаются к опубликованию по итогам рецензирования (осуществляется руководителями отделов редколлегии по соответствующей отрасли наук).

1.2. Материалы лиц, не имеющих ученой степени (аспирантов, соискателей, адъюнктов и иных лиц), без соавторства с кандидатами и докторами наук, направивших свои рукописи в инициативном порядке, принимаются для рецензирования руководителями отделов на основании: 1) решения (рекомендации) редакционного совета вуза либо ученого совета (совета) юридического факультета вуза, либо кафедры по месту их обучения; 2) письменного отзыва (рецензии) доктора или кандидата наук, работающего с автором в одном регионе (или

вузе) и не являющегося его научным руководителем (консультантом).

1.3. Материалы кандидатов наук (в том числе в соавторстве с аспирантами, соискателями, адъюнктами и иными лицами, не имеющими ученой степени) принимаются для рецензирования, как правило, на основании письменного отзыва (рецензии) доктора или кандидата наук, работающего с автором в одном регионе (или вузе) либо по решению кафедры соответствующего вуза. Материалы докторов наук (в том числе в соавторстве с аспирантами, соискателями, адъюнктами, иными лицами, не имеющими ученой степени, и кандидатами наук) принимаются для рецензирования руководителями отделов редколлегии по соответствующей отрасли наук без каких-либо решений (рекомендаций) и отзывов (рецензий).

2. Материалы, направленные в порядке, установленном договором

2.1. Материалы аспирантов, соискателей, адъюнктов и иных лиц, не имеющих ученой степени, от вузов (без соавторства с кандидатами и докторами наук), с которыми у редакции журнала имеются договорные отношения, проходят рецензирование (осуществляется руководителями отделов редколлегии по соответствующей отрасли наук) на основании: 1) решения (рекомендации) редакционного совета вуза либо ученого совета (совета) юридического факультета вуза; 2) письменного отзыва (рецензии), подготовленного доктором или кандидатом

наук, работающим с автором в одном регионе (или вузе) и не являющимся его научным руководителем (консультантом).

2.2. Материалы кандидатов, докторов наук (в том числе в соавторстве с аспирантами, соискателями, адъюнктами и иными лицами, не имеющими ученой степени) от вузов, с которыми у редакции журнала имеются договорные отношения, поступают только на основании решения (рекомендации) редакционного совета вуза либо ученого совета (совета) юридического факультета вуза.

3. Порядок рецензирования материалов

3.1. Материалы авторов, поступившие в редакцию для рецензирования, проходят обсуждение на заседании редколлегии журнала, на которое выносятся рецензии не менее 2-х членов редколлегии (1 письменная и 1 устная), являющихся специалистами в данной области. Непосредственную ответственность за своевременное рецензирование материалов несут руководители отделов редколлегии по соответствующей отрасли наук или области исследования. В составе редколлегии в настоящее время функционируют следующие отделы (рубрики) (их состав может меняться):

- 1) поздравляем;
- 2) международный круглый стол;
- 3) стенограмма;
- 4) безопасность личности, общества, государства и международного сообщества;
- 5) криминология;
- 6) уголовное право;
- 7) уголовно-исполнительное право;
- 8) уголовный процесс;
- 9) криминалистика;
- 10) судебно-экспертная деятельность;
- 11) оперативно-розыскная деятельность;
- 12) московский криминологический кабинет;
- 13) писатель-криминалист-криминолог;
- 14) наука и практика за рубежом;

- 15) скорбим;
- 16) информация об авторах;
- 17) аннотации, ключевые слова, типы публикаций и при-статейные библиографические списки;
- 18) к сведению авторов.

3.2. Материал считается принятым к публикации не только при наличии положительных рецензий, но и отрицательных в том случае, если ее поддержало большинство членов редколлегии, работающих в той же области наук или сфере исследования, что и автор статьи. Редакция имеет право пригласить автора на свое заседание для уточнения актуальности, научной новизны представленного для опубликования материала, а также для определения позиции автора, аргументации его выводов по указанной в статье проблеме. Порядок и очередность публикации статьи определяется в зависимости от объема публикуемых материалов и перечня рубрик в каждом конкретном выпуске.

3.3. Рецензии на рукописи материалов, подготовленные членами редколлегии, направляются далее для ознакомления представителям вузов и авторам по их запросу. В случае отклонения материала от публикации в журнале представителю вуза и автору по их запросу направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку материала, повторное обращение в редакцию с откорректированным материалом или его замену другим материалом.

Редакция журнала,

Н. Ф. Бодров, ассистент журнала «Союз криминалистов и криминологов»

ДИЕ ВОГРЕХЕНСВЕИЕ ДЕР МАТЕРИАЛИЕНРЕЗЕНСИОН ИН ДЕР ЗЕЙТСХРИФТ „КРИМИНАЛИСТЕН- УНД КРИМИНОЛОГЕНВЕРБАНД“

Шер геерте Ауторе!

Диe Редактион хат фолgende Вогрехенсвеие дер Артикелрезензион фестгеlegt

1. Материалиен, диe ауп Иниатиwврднунг абгешчикт синд

1.1. Материалиен дер Ауторе, диe кеинен акадeмисчен Град хабен (Форшунгсстудентен, Бewerbеr еинес wиссenschaftlichen Grades, Адjunктен унд андере) sowie дер Докторанден унд Доктoртителинхабер, диe ин диe Редактион ауп Иниатиwврднунг еинкоммен, wеrден zur Публикатион nach дер Резензион (von Аbteilungсleitern дер Редактионсleitung им еntsprechenden Wиссenschaftszweig) аугеноmmеn.

1.2. Материалиен дер Ауторе ohne акадeмисчен Град (Форшунгсстудентен, Бewerbеr еинес wиссenschaftlichen Grades, Адjunктен унд андере), ohne Mitаutorenschaft mit Докторанден унд Доктoртителинхаберn, диe ihre Манускриптен ауп Иниатиwврднунг гешчикт хабен, wеrден von den Аbteilungсleitern für диe Резензион аупgrund дер фолgenden Regeln аугеноmmеn: 1) аупgrund дер Еntсcheidung (Еmpfehlung) дес Редактионсbeiratес дер Униwеrsитät bzw. wиссenschaftlichen Rates (Rates) дер Факултät für Jura bzw. дес Lehrstuhls дер еntsprechenden Униwеrsитät; 2) аупgrund дер schriftlichen Beurteilung (Rezension) дес Докторанден oder Доктoртителинхаберs, дер mit dem Аутор ин дер glei-

chen Region (bzw. Униwеrsитät) аrbeitет и nicht sein wиссenschaftlicher Betreuer (Berater) ist.

1.3. Материалиен дер Докторанден (u.a. Mitаutorenschaft mit Форшунгсстудентен, Бewerbеr еинес wиссenschaftlichen Grades, Адjunктен унд denjenigen, диe кеинен акадeмисчен Град хабен) wеrден ин дер Regel аупgrund дер schriftlichen Beurteilung (Bewertung) дес Доктoртителинхаберs bzw. Докторанден, дер mit dem Аутор ин дер gleichen Region (bzw. Униwеrsитät) аrbeitет, oder durch Lehrstuhlbeschluss дер еntsprechenden Униwеrsитät резензиert. Материалиен дер Доктoртителинхабер (u.a. Mitаutorenschaft mit Форшунгсстудентен, Бewerbеr еинес wиссenschaftlichen Grades, Адjunктен унд denjenigen, диe кеинен акадeмисчен Град хабен sowie Докторанден) wеrден für диe Резензион von den Аbteilungсleitern дер Редактионсabteilung ин den еntsprechenden Wиссenschaftszweigen ohne иргendwelche Beschlüsse (Еmpfehlungen) и Beurteilungen (Rezensionen) аугеноmmеn.

2. Материалиен, диe еntsprechенд den Vertragsregeln абгешчикт wеrден

2.1. Материалиен дер Форшунгсстудентен, Бewerbеr еинес wиссenschaftlichen Grades, Адjunктен и denjenigen, диe кеинен акадeмисчен Град хабен, wеrден von den Униwеrsитäten (ohne Mitаutorenschaft mit Докторанден и Доктoртителинхаберn), mit denen диe Zeitschriftredaktion Vertragsbeziehungen hat, аупgrund дер фолgenden Regeln (von Аbteilungсleitern дер Редактионсleitung им еntsprechenden Wиссenschaftszweig) резензиert: 1) аупgrund дер Еntсcheidung (Еmpfehlung) дес Редактионсbeiratес дер Униwеrsитät bzw. wиссenschaftlichen Rates (Rates) дер Факултät für Jura; 2) аупgrund дер schriftlichen Beurteilung (Rezension), wобereitет von еинем Доктoртителинхабер oder Докторанден, дер mit dem Аутор ин дер

gleichen Region (bzw. Униwеrsитät) аrbeitет и nicht sein wиссenschaftlicher Betreuer (Berater) ist.

2.2. Материалиен дер Докторанден, Доктoртителинхабер (u.a. Mitаutorenschaft mit Форшунгсстудентен, Бewerbеr еинес wиссenschaftlichen Grades, Адjunктен и denjenigen, диe кеинен акадeмисчен Град хабен) wеrден von den Униwеrsитäten, mit denen диe Zeitschriftredaktion Vertragsbeziehungen hat, nur аупgrund дер Еntсcheidung (Еmpfehlung) дес Редактионсbeiratес дер Униwеrsитät bzw. wиссenschaftlichen Rates (Rates) дер Факултät für Jura аугеноmmеn.

3. Диe Вогрехенсвеие дер Материалиенрезензион

3.1. Материалиен дер Ауторе, диe ин диe Редактион zur Резензион еинтreffen, wеrден ин еiner Sitzung дер Zeitschriftredaktionsabteilung бeспрочен. Mindestens 2 Mitglieder дер Редактионсleitung, диe Experten ауп dem Gebiet синд, stellen ihre Резензионен (еine schriftliche и еine mündliche) über диe Материалиен vor. Еine unmittelbare Verantwortung für диe rechtzeitige Резензион дер Материалиен tragen диe Аbteilungсleiter дер Редактионсleitung им еntsprechenden Wиссenschaftszweig oder Форшунгсgebiet. Ин дер Редактион funktionieren momentan фолgende Аbteilungen (Rubriken) (ihre Zusammensetzung kann verändert wеrден):

- 1) Herzlichen Glückwunsch;
- 2) Internationales Rundgespräch;
- 3) Stenogramm;
- 4) Sicherheit дер Пeрсönlichkeit, дер Gesellschaft, дес Staates и дер internationalen Gemeinschaft;
- 5) Kriminologie;
- 6) Strafrecht;
- 7) Strafvollzugsrecht;
- 8) Strafverfahren;
- 9) Kriminalistik;
- 10) Gerichts- и Prüfungstätigkeit;
- 11) Ermittlungs- и Fahndungstätigkeit;
- 12) Moskauer kriminologisches Büro;
- 13) Schriftsteller-Kriminalist-Kriminologe;
- 14) Wиссenschaft и Praxis им Ausland;

15) Wir trauern mit;

16) Autoreninformationen;

17) Kurzbeschreibung, Schlüsselwörter, Arten von Publikationen и Literaturverzeichnis zum Artikel;

18) An alle Autoren.

3.2. Материалиен wеrден nicht nur bei positiven, sondern auch bei negativen Резензионен ин dem Fall publiziert, wenn es von der Mehrheit дер Redaktionsleitungsmitglieder unterstützt wurdе, диe им gleichen Bereich дер Wиссenschaft oder дес Untersuchungsgebietes, wie дер Аутор, аrbeiten. Диe Редактион ist berechtigt, den Аутор zu еiner Sitzung einzuladen, für диe Konkretisierung дер Aktualität дес Materials, дер wиссenschaftlichen Novität дес vorgestellten Materials sowie für диe Position дес Ауторs, диe Argumentation seiner Schlussfolgerungen zur Problematik дес Artikels. Диe Вогрехенсвеие и диe Publikationsreihenfolge дес Artikels wеrден je nach dem Volumen дер veröffentlichten Материалиен и dem Rubrikverzeichnis ин jeder konkreten Ausgabe bestimmt.

3.3. Резензионен zu den Материалиен, wобereitет von den Mitglieдern дер Редактионсleitung, wеrден zur Kenntnisnahme аn диe Vertreterе дер Униwеrsитäten и диe Ауторе ауп ihre Anfrage weitergeleitet. Им Falle еiner Publikationsablehnung ин дер Zeitschrift wurdе аn den Vertreterе дер Униwеrsитät и den Аутор ауп ihre Anfrage еine Begründung дер Ablehnung ин schriftlicher (elektronischer) Form zugeschiedt. Диe Ауторе хабен das Recht ауп диe Nachbearbeitung дес Materials, диe erneute Vorstellung дес korrigierten Materials ин дер Редактион oder den Ersatz дес Materials.

*Диe Zeitschriftredaktion,
N.F. Bodrov, Zeitschriftassistent „Kriminalisten- и Kriminologenverband“*

THE ORDER OF REVIEWING THE MATERIALS IN THE BULLETIN "THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS"

Dear authors,
the Editorial Board of the bulletin accepted the following order of reviewing articles:

1. Materials, sent *intuiti personae*

1.1. Material, by persons, possessing no scientific degree (post-graduates, competitors, military post-graduate students and others), as well as that of candidates and doctors of science, sent to the Editorial Board *intuiti personae*, are accepted to the publication according to the results of the reviewing (which is held by the heads of the editorial board departments on the corresponding field of science).

1.2. Materials, by the persons, having no scientific degree (post-graduates, competitors and military post-graduates), written with no co-authorship with candidates and doctors of science and sent to the Editorial Board *intuiti personae*, are accepted to reviewing on conditions, that: 1) there is a decision (recommendation) of the editorial council of the institution or the Scientific Council of a Law Department of the Institution or its Law Chair; 2) there is a written review (comment) by a doctor of law or a

candidate of law, who works in the same region or institution with the author and who does not anyhow does scientific guidance or consulting to the author.

1.3. Materials, sent by the candidates of science (including these with the co-authorship with post-graduates, competitors, military post-graduates and others) are accepted to reviewing, as a rule, in case there is a written review (comment) by a doctor or a candidate of law, who works in the same region or institution with the author or there is a decision by the Chair of the corresponding institution. Materials by doctors of science (including these in co-authorship with candidates of science, post-graduates, competitors, military post-graduates and others) are accepted to reviewing by the heads of the departments of the Editorial Board on the corresponding field of science without any recommendations, comments, reviews or decisions.

2. Materials, sent according to the contract.

2.1. Materials by post-graduates, competitors, military post-graduates and others, having no scientific degree, (not written in co-authorship with candidates and doctors of science), but which have contracts with the Editorial Board of the bulletin, could apply for reviewing (which is held by the heads of the departments of the Editorial Board, corresponding to a definite field of science), in case: 1) there are decisions (reviews) by the Council of the institution or that of the Scientific Council of the Law Department of the institution; 2) there is a written review (comment) by a doctor or candidate of

science, who works in the same region or institution with the author, but does not provide any scientific guidance to him/her.

2.2. Materials by candidates, doctors of science (including these in co-authorship with post-graduates, competitors, military post-graduates and others, having no scientific degree) from institutions, which possess contracts with the Editorial Board of the bulletin, could be sent only in case there is a decision (comments) by the Editorial Council of the institution or the Scientific Council of the Law Department of the institution.

3. The order of reviewing the materials.

3.1. Materials by the authors, which were accepted by the Editorial Board of the bulletin, undergo the discussion at the meeting of the Editorial Board of the bulletin, where at least two members of the Editorial Board give their comments and reviews (1 written and 1 oral), being specialists in the corresponding field of science. The Heads of the departments of the Editorial Board are responsible for timely and adequate reviewing of the materials, regarding the definite field of knowledge or research. The Editorial Board nowadays include the following departments (rubrics) (their structure could differ):

- 1) congratulations;
- 2) international round-table discussion;
- 3) verbatim;
- 4) safety of personality, society, state and international community;
- 5) criminology;
- 6) criminal law;
- 7) criminal executive law;
- 8) criminal legal procedure;
- 9) criminal investigation;
- 10) forensic examination;
- 11) special investigative activity;
- 12) Moscow criminological study;
- 13) Criminalist-criminologist –writer;
- 14) Science and practice abroad;

- 15) Sympathies;
- 16) Information about the authors;
- 17) Annotations, key words, types of publications and clause-by-clause bibliography
- 18) Ad notam to the authors.

3.2. Materials considered to be accepted for publication in case it is supported by the majority of the Editorial Board, working in the same sphere of science as the author of the article, even if there are not only positive, but also negative reviews. The Editorial Board has right to invite the author to the meeting to specify the vitality and scientific novelty of the materials, presented for publication, and to define the author's point of view, argumentation of his/her conclusion about the problem, discussed in the article. The order and precedence of the publication of the article is defined regarding the corpus of the article and the list of rubrics in a definite edition.

3.3. Reviews to the manuscripts by the members of the Editorial Board are sent to be analyzed by the representatives of the institutions and authors according to their request. In case of denial to publish the material in the bulletin, the author and representatives of the institution could be sent a substantiated response in a written (electronic) form according to their request. Authors could finalize the article and appeal repeatedly to the Editorial Board for publication of the re-edited material.

*The Editorial Board of the Bulletin,
N.F. Bodrov, Assistant of the bulletin "The Union of Criminalists and Criminologists"*

УСЛОВИЯ И ТРЕБОВАНИЯ К ОПУБЛИКОВАНИЮ МАТЕРИАЛОВ В ЖУРНАЛЕ «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ»

Данные условия и требования сохраняются ко всем поступающим к нам работам, а именно:

1) представляемые работы аспирантов, адъюнктов, соискателей, как правило, должны быть в пределах 0,24 п.л.; докторантов — 0,48 п.л.;

2) объем статьи доктора наук, как правило, не должен быть более 1 п.л. Авторам, преимущественно докторам наук, которым статьи редакцией журнала были заказаны, гонорар начисляется в случае, если автор сообщает номер своего паспорта, год, месяц, число рождения, адрес регистрации (прописки) с почтовым индексом, ИНН;

3) публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения редакции;

4) авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, список цитат, криминологических, социологических, психологических и иных данных, имен собственных и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати;

5) представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на размещение ее в Интернете на тех сайтах, с которыми у редакции имеется соответствующее соглашение (договор);

6) решение о включении статей и других материалов в журнал принимает редакционная коллегия, которая не гарантирует публикацию всех предоставленных материалов. Размещение материалов для публикации членов «Союза криминалистов и криминологов» является приоритетным. Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов;

7) статья, представленная редакции журнала, не будет принята к рассмотрению, если: а) она опубликована или направлена в другие издания; б) ее автор не указал свои анкетные данные: фамилию, имя, отчество (полностью, а не инициалы), должность, ученую степень, звание, почетное звание, членство в общероссийских организациях, телефон, e-mail; в) ее текст, аннотация к статье, библиография и сноски не оформлены в соответствии со следующими стандартами: ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления», введенный в действие непосредственно в качестве государственного стандарта Российской Федерации с 1 июля 2004 г. постановлением Государственного

комитета Российской Федерации по стандартизации и метрологии от 25 ноября 2003 г. № 332-ст; ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», утвержденный и введенный в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 апреля 2008 г. № 95-ст; г) не соблюдены следующие параметры: размер бумаги — А4 (210×297 мм); поля: верхнее, нижнее — 20 мм, левое — 30 мм, правое — 10 мм; шрифт — Times New Roman; размер шрифта — 14; межстрочное расстояние — полуторное; абзацный отступ — 1,25; формулы выравниваются по центру, их номера в круглых скобках по правому краю; таблицы нумеруются сверху (Таблица 1 — Название), рисунки нумеруются снизу (Рисунок 1 — Название) и выполняются в графическом редакторе; ссылки на источники и литературу выполняются внизу страницы, нумерация автоматическая продолженная;

8) редакция журнала примет любые пожелания, предложения и замечания по совершенствованию ее деятельности. Возникающие вопросы можно разрешать путем электронной переписки по адресу: skk_vk@mail.ru;

9) материалы, предлагаемые к опубликованию следует направлять: в электронном виде согласно приведенной форме на сайте <http://criminology.ru> в разделе «Отправить статью в журнал «Союз криминалистов и криминологов (СКК)»;

10) плата за публикацию рукописей не взимается. Публикации материалов авторов-членов «Союза криминалистов и криминологов», а также лиц, которые приобрели номер журнала «Союз криминалистов и криминологов» на сайте <http://criminology.ru> в разделе «Купить издание» является приоритетным;

11) редакция журнала напоминает, что работает на общественных началах, и не имеет постоянного пожертвователя денежных средств, поэтому типографские расходы частично возмещаются за счет добровольной спонсорской помощи авторов или их доверенных лиц, общественных объединений, а также иных физических и юридических лиц;

12) о том, будет ли опубликована его статья, автор может узнать на официальном сайте «Союза криминалистов и криминологов» — <http://crimescience.ru>, а также на сайте <http://criminology.ru> в разделе «Отследить статью в журнал «Союз криминалистов и криминологов (СКК)».

Редакция журнала

BEDINGUNGEN UND ANFORDERUNGEN ZUR PUBLIKATION DER MATERIALIEN IN DER ZEITSCHRIFT «KRIMINALISTEN- UND KRIMINOLOGENVERBAND»

Diese Bedingungen und Anforderungen gelten für alle Arbeiten, die bei uns einkommen, und zwar:

1) die vorgestellten Arbeiten der Forschungsstudenten, Adjunkten, Bewerber eines wissenschaftlichen Grades sollten normalerweise im Bereich 0,24 Druckliste sein; die Arbeiten der Doktoranden dagegen 0,48 Druckliste;

2) das Artikelvolumen eines Dokortitelinhabers sollte in der Regel nicht mehr als 1 Druckliste sein. Den Autoren, hauptsächlich den Dokortitelinhabern, bei denen die Zeitschriften die Artikel bestellt hat, wird die Gebühr in dem Fall zugerechnet, wenn der Autor seine Passnummer, Geburtsjahr, Monat, Geburtstag, Meldeadresse (Anmeldungsadresse) mit der Postleitzahl, Identifikationsnummer des Steuerzahlers mitteilt;

3) die in der Zeitschrift veröffentlichten Materialien können die Meinung der Redaktion nicht widerspiegeln;

4) die Autoren tragen die volle Verantwortung für die Auswahl und die Richtigkeit der angeführten Fakten, die Zitatensliste, die kriminologischen, soziologischen, psychologischen und andere Daten, die Eigennamen und andere Informationen, sowie die Verwendung der Daten, die nicht für die Presse bestimmt sind;

5) wenn der Autor den Artikel zur Veröffentlichung gibt, ist er damit einverstanden, dass der Artikel im Internet auf den Internetseiten gestellt wird, mit denen die Redaktion die entsprechende Vereinbarung (entsprechenden Vertrag) hat;

6) die Entscheidung zur Aufnahme der Artikel und anderer Materialien in die Zeitschrift trifft die Redaktion, die keinerlei Gewähr für die Veröffentlichung aller eingereichten Materialien übernimmt. Die Publikationsmaterialien der Mitglieder des „Kriminalisten- und Kriminologenverbandes“ sind vorrangig. Die Redaktion ist berechtigt, Änderungen im Text zu machen, die die Bedeutungen der Autorenmaterialien nicht verdrehen;

7) Artikel, der in die Zeitschriftredaktion eingereicht ist, wird nicht geprüft, wenn: a) er veröffentlicht oder an andere Verlage eingereicht wurde; b) der Autor seine persönlichen Daten nicht angegeben hat: Name, Vorname, Vatersname (vollständig, keine Initialen), Berufsbezeichnung, akademischer Grad, akademischer Titel, Ehrentitel, Mitgliedschaft in den gesamtrossischen Organisationen, Telefon, E-Mail; c) der Text, Kurzzinhalt zum Artikel, Bibliographie und Fußnoten gemäß den folgenden Normen nicht ausgestellt sind: staatlicher Standard 7.1-2003 „Bibliographische Aufnahme. Bibliographische Beschreibung. Allgemeine Anforderungen und Zusammenstellungsregeln“, die als staatlicher Standard der Russischen Föderation ab 1. Juli 2004 laut Beschluss des Staatskomit-

tees der Russischen Föderation für Standardisierung und Meßwesen vom 25. November 2003 Artikelnummer 332, staatlicher Standard 7.0.5-2008 „Literaturangabe“ in Kraft gesetzt sind.

Allgemeine Anforderungen und Zusammenstellungsregeln“, genehmigt und in Kraft gesetzt durch Beschluss der Föderalagentur für technische Regelung und Meßwesen vom 28. April 2008 Artikelnummer 95; d) folgende Angaben nicht beachtet sind: Papierformat — A 4 (210 × 297 mm); Ränder: oben, unten — 20 mm, links — 30 mm, rechts — 10 mm; Schriftart — Times New Roman; Schriftgröße — 14, Zeilenabstand — 1,5; Absatz — 1,25; Formeln werden in der Mitte platziert, ihre Nummern werden in Klammern auf der rechten Seite geschrieben; Tabellen werden von oben nummeriert (Tabelle 1 — Bezeichnung), Bilder und Figuren werden von unten nummeriert (Abbildung 1 — Bezeichnung), und in Bildbearbeitungssoftware bearbeitet; Fußnoten auf Quellenverzeichnis und Literatur werden unten auf der Seite platziert, die Seitenzählung wird automatisch weiterdurchgeführt;

8) die Zeitschriftredaktion freut sich über Anregungen, Kommentare und Vorschläge zur Verbesserung ihrer Tätigkeit. Wenn Sie irgendwelche Fragen haben, können Sie uns per E-Mail kontaktieren: skk_vkk@mail.ru;

9) die zu veröffentlichten Materialien sollten folgendermaßen abgeschickt werden: in elektronischer Form, gemäß der Form auf der Internetseite <http://criminology.ru> im Abschnitt „den Artikel in die Zeitschrift „Kriminalisten- und Kriminologenverband senden“;

10) die Gebühr für die Veröffentlichung der Manuskripten wird nicht zugerechnet. Die Veröffentlichungen der Materialien der Autoren-Mitglieder des „Kriminalisten- und Kriminologenverbandes“ sowie der Personen, die die Ausgabe der Zeitschrift „Kriminalisten- und Kriminologenverband“ auf der Internetseite <http://criminology.ru> im Abschnitt „die Ausgabe kaufen“ gekauft haben, sind vorrangig;

11) die Redaktion teilt Ihnen gerne mit, dass sie auf freiwilliger Basis arbeitet, und keine dauerhaften Geldspender hat, deshalb werden Druckkosten teilweise durch die freiwillige Sponorschaft von den Autoren oder ihren Vertretern, den Verbänden und anderen Personen und Einrichtungen erstattet;

12) der Autor kann auf der Internetseite des „Kriminalisten- und Kriminologenverbandes“ <http://crimescience.ru> sowie auf der Internetseite <http://criminology.ru> im Abschnitt „den Artikel in der Zeitschrift „Kriminalisten- und Kriminologenverband prüfen“ nachschauen, ob sein Artikel veröffentlicht wird.

Die Zeitschriftredaktion

CONDITIONS AND REQUIREMENTS TO PUBLICATION OF THE MATERIALS IN THE BULLETIN “THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS”

The following conditions and requirements are adequate to all the materials, which are sent to our Editorial Board, including these:

1) the presented works by the post-graduates, military post-graduates? Competitors as a rule, should not be more than 0,24 p.s.; doctoral students could send 0,48 p.s.;

2) the corpus of articles by a doctor of science, as a rule, should be no more than 1 p.s. The authors, doctors of science mostly, whose articles were written on the contract, the fees are paid in case, the author provides the following data: number of passport, year, month and date of birth, registration address with postal code, TIN;

3) the materials, published in the bulletin are not necessarily reflect the outlook of the Editorial Board;

4) the authors are absolutely responsible for selection and authenticity of the presented facts, the list of quotations, criminological, sociological, psychological and other data, proper names and other information, not meant public media;

5) sending an article to be published, the author, thus, agrees to post it on the Internet on the sites, which are competent of it;

6) the decision about the acceptance or denial of the publication is taken by the Editorial Board, which do not guarantee all the articles to be published. The members of “The Union of Criminalists and Criminologists” have priority in publication of their materials. The Editorial Board has right to subedit, do not bring any changes to the author’s main idea;

7) the article, presented to the Editorial Board of the bulletin, is not accepted if: a) it was published or sent to other edition; its author does not provide his personal data: last name, name, patronymic (full), position, scientific degree, title, honoraries, membership in all-Russian organizations; phone number, e-mail; c) the text, annotation to the article and bibliography and references are not properly done, according to the following standards: ГОСТ 7.1-2003 “Bibliographic record. Bibliographic description. General requirements and rules of composing”, accepted and introduced as a state standard of the Russian Federation since the 1st of July, 2004, by the Decree by The State Committee

of the Russian Federation on Technical Regulation and Metrology on November 25, 2003 № 332-ст; ГОСТ Р 7.0.5-2008 “Bibliographic Reference. General Requirements and Rules of Composing”, accepted and introduced by the Decree by the Federal Agency on Technical Regulation and Metrology on April 28, 2008 № 95-ст. The parameters of the text should correspond to the following requirements: paper format — A4 (210×297 mm); margins: upper, lower — 20 mm, left — 30 mm, right — 10 mm; font — Times New Roman; font size — 14; line distance — sesquialter; paragraph indentation — 1,25; formules are aligned to the center, its numbers are in parentheses, aligned to the right; tables and diagrams are enumerated from the top (Table — 1 Title), pictures are enumerated from the bottom (Picture 1 — Title) and are made in a graphic editor; reference to the sources and literature are done at the bottom of the page, pages are enumerated automatically continually;

8) the Editorial Board of the bulletin is ready to accept any remarks, regards and comments about the perfection of its work. All the arising questions could be discussed by e-mailing to the address: skk_vkk@mail.ru;

9) materials for publication should be sent to: the item “Send an article to the bulletin “The Union of Criminalists and Criminologists” on the <http://criminology.ru>;

10) the publication of the manuscripts is free of any charges. The publication of the materials by the authors — members of “The Union of Criminalists and Criminologists” and persons, who bought the editions of the bulletin in the item “Buy an edition” on the site: <http://criminology.ru>, are of priority;

11) the Editorial Board of the bulletin points out, that it works as a public service and does not possess any permanent sponsor, so the typographic expenses are often compensated by a voluntary financial aid by the authors or their agents, public organizations or other natural or legal persons;

12) the author could get information if his/her article is accepted for publication or denied, in the item “Monitor an article in the Bulletin “The Union of Criminalists and Criminologists” on the official site of “The Union of Criminalists and Criminologists” — <http://criminology.ru>.

The Editorial Board of the Bulletin

«Союз криминалистов и криминологов»: периодическое печатное издание, журнал. – 2013. – №1. – М.: МГЮА им. О. Е. Кутафина, 2013. – 200 с.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-53307 от 29 марта 2013 г.

Издаётся с 2013 г. на русском, английском и немецком языках.

Публикуются работы в сфере наук криминального цикла и уголовной политики.

Редакция: И.М. Мацкевич (главный редактор); В.С. Овчинский, В.Е. Эминов (заместители главного редактора); Е.А. Антонян, Л.А. Воскобитова, Е.П. Ищенко, В.В. Лунеев, В.А. Номоконов, В.Н. Орлов, А.И. Рарог, Е.Р. Россинская, У. Хелльманн (редакционная коллегия), А.Н. Ильяшенко (представитель), А.В. Ковальчук, Н.Ф. Бодров (ассистенты журнала).

Рубрики: обращение к читателю; юбилеи; международный круглый стол; стенограмма; криминология; криминалистика; московский криминологический кабинет; писатель-криминалист-криминолог; информация об авторах; аннотации, ключевые слова, типы публикаций и пристатейные библиографические списки; к сведению авторов.

Территория распространения: Российская Федерация; зарубежные страны.

Подписано в печать 21.09.2013 г. Тираж 1050.

Сайт: <http://crimescience.ru>; <http://criminology.ru>.

РОССИЙСКИЙ
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЗГЛЯД

Наши домены:
<http://criminology.ru/>
<http://criminology.pro/>
<http://криминология.рф/>

ГЛАВНАЯ О ЖУРНАЛЕ АВТОРАМ ОБ АВТОРАХ ЖУРНАЛЫ ПОДПИСКА ССЫЛКИ БИБЛИОТЕКА РЕКЛАМА СКК БЛОГИ О САЙТЕ

СКК

- Общая информация
- Свидетельство о регистрации
- Устав
- Реквизиты
- Контакты
- Журнал СКК

Читательский билет

E-mail:

Пароль:

[Регистрация](#)

Поиск по сайту

Заметили ошибку в тексте?
Выделите ее мышью и нажмите Ctrl + Enter

Союз криминалистов и криминологов

Общая информация

15 февраля 1995 г. впервые был создан «Союз криминалистов и криминологов» (далее – СКК 1995 г.). В то время учредителями выступали: 1) Эминов Владимир Евгеньевич, 2) Пономарев Павел Георгиевич, 3) Овчинский Владимир Семенович, 4) Горлинов Константин Константинович, 5) Дашков Геннадий Владимирович, 6) Зубков Игорь Николаевич, 7) Лозбяков Виктор Павлович, 8) Мацкевич Игорь Михайлович, 9) Селиверстов Вячеслав Иванович, 10) Чернышский Валентин Семенович, 11) Эмилия Рафаэль Алексеевич. На учредительном собрании СКК 1995 г. единогласно были избраны Президентом – Эминов Владимир Евгеньевич, д. ю. н., профессор, вице-президентами – Владимир Семенович Овчинский, д. ю. н., Павел Георгиевич Пономарев, д. ю. н., профессор, научным секретарем – Игорь Михайлович Мацкевич, к. ю. н., доцент. В Президиум СКК 1995 г. вошли видные ученые криминалисты, криминологи, а также практики в сфере борьбы с преступностью.

Союз криминалистов и криминологов 1995 г. продолжил и руководствовался традициями Русской группы Международного союза криминалистов (1897 – 1914 гг.), объединявший видных русских ученых и практиков, разрабатывавших уголовно-правовые, криминалистические и криминологические проблемы под руководством профессора И. Я. Фойницкого, а также достижениями отечественных наук уголовно-правового цикла последующих десятилетий. Союз взаимодействовал с государственными органами и негосударственными организациями, ведущими борьбу с преступностью, государственными и иными научно-исследовательскими и учебными заведениями и организациями, разрабатывающими проблемы борьбы с преступностью.

По инициативе и под эгидой СКК 1995 г. были проведены десятки международных, российских научно-практических конференций, семинаров и круглых столов, организованы многочисленные презентации учебников, пособий и монографий.

В частности, 3-7 июня 1996 г. по инициативе СКК и Министерства юстиции США, а также при участии Российской академии наук, Верховного Суда РФ, Министерства юстиции РФ, Генеральной прокуратуры РФ, Министерства внутренних дел РФ, Федеральной службы безопасности РФ, Федеральной службы налоговой полиции РФ, Государственного таможенного комитета РФ была организована и проведена по

Периодическое печатное издание, журнал
«Союз криминалистов и криминологов».
Публикуются работы в сфере наук
криминального цикла
и уголовной политики.

СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

Региональная общественная организация «Союз криминалистов и криминологов» объединяет на основе общности профессиональных интересов учёных и практиков, разрабатывающих основы социально-правовой политики, методологические, правовые, организационные, методические, технические проблемы борьбы с преступностью и иными правонарушениями.

Союз продолжает традиции Русской группы Международного союза криминалистов (1897-1914 гг.) под руководством И.Я. Фойницкого, а также «Союза криминалистов и криминологов» (1995-2002 гг.) под руководством проф. В.Е. Эминова и, руководствуясь их принципами, объединяет учёных и практиков, разрабатывающих проблемы криминологии, уголовного права и уголовного судопроизводства, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности, судебной экспертизы.

Целью Союза является объединение криминалистов и криминологов для содействия укреплению правопорядка и усилению борьбы с преступностью и иными правонарушениями, профессиональной консолидации специалистов, работающих в различных сферах науки и правоохранительной практики, подготовке кадрового потенциала в области наук уголовно-правового цикла, координации фундаментальных и прикладных исследований в пределах полномочий, предусмотренных Уставом.